

ПРЯТКИ

Вы держите в руках книгу, которая во многом была открытием для меня самого. Нет, я не претендую на открытие чего-то нового, безусловно, многое из того, о чем я писал, давно известные вещи. Так как читатели и писатели пока живут в одном мире, всегда будет что-то, что очевидно и понятно. Но мир у всех разный, и все мы смотрим на него через разные стекла: прозрачные и мутные, ровные и кривые, разбитые и цветные. Книга — как путь, как способ познания, которое априори всегда является и самопознанием. Открывая мир перед собой, прочитывая чье-то видение, всегда одновременно открываем мир в самом себе. Странно, но книга одновременно является и собеседником, и прекрасным способом побыть наедине со своими мыслями. Мне бы очень хотелось, чтобы моя книга, увлекая вас в путешествие по залитому юным солнцем Риму или заснеженному, застывшему в ожидании Мадриду, одновременно помогла приоткрыть дверь в собственный внутренний мир. Я надеюсь, что что-то, описанное в моей книге, откликнется в вашей душе и мы, уже вместе, создадим новый мир в вашем воображении. Читайте медленно, наслаждаясь деталями, прорисовывая образы в голове. В книге есть несколько загадок и ключей к ним, а все случайное не случайно, как и в обычной жизни. Много скрыто глубоко, что-то прячется совсем на поверхности. Мы часто играем в прятки не только с другими людьми, но и сами с собой! Дети, зажимая лицо ладонями, повторяют: «Раз, два, три, четыре, пять — я иду тебя искать». Я не спеша считая до пяти и отправляю вас на поиски самих себя.

Посвящаю любимой жене.

Эдуард Захрабеков

Содержание

Часть I. Жизнь

Глава первая	6
Глава вторая	24
Глава третья	51
Глава четвертая	86

Часть II. Борьба

Глава пятая	108
Глава шестая	133
Глава седьмая	140
Глава восьмая	167

Часть III. Спокойствие

Глава девятая	220
Глава десятая	244
Глава одиннадцатая	255
Глава двенадцатая	266

Часть IV. Истина

Глава тринадцатая	278
Глава четырнадцатая	289
Глава пятнадцатая	310

Часть V. Любовь

Глава шестнадцатая	328
Глава семнадцатая	347
Глава восемнадцатая	366
Глава девятнадцатая	386
PS:	395

Часть I

ЖИЗНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начиналась весна. И хотя листьев на деревьях еще не было, небо часто хмурилось и шли затяжные дожди — я ее чувствовал. Она была рядом. Весна.

Когда я был ребенком, мне часто говорили взрослые: «Весна! Весна — совершенно особенное время года! Когда вырастешь — поймешь...» И я мучился, очень стараясь понять, что же такого особенного в весне. Она никогда не казалась мне чем-то особенным — все так же надо в школу, и только чуть теплее, чем зимой, а потом плавный переход к лету: переменчивая погода, холодные дожди, и вдруг — жаркое солнце, тает снег во дворе дома, везде на улицах уже чисто, а в саду — грязь, и ты месишь грязь сапогами, а потом тебя за это ругает мама. Надрываются птицы, бегают друг за другом коты и кошки, наклеиваются почки — это весна? И это пробуждение природы влияет на людей так же сильно? Значит, когда я вырасту, я смогу ощутить весну всем сердцем, всем существом? Я решительно не понимал весны. И осени не понимал. Я понимал зиму, особенно когда мы катались с родителями на лыжах или играли с друзьями в снежки, и понимал лето, особенно когда мы уезжали на дедушкину ферму, или на море, во Флориду.

Я сидел на улице, у памятника Джордано Бруно (тому самому, которого сожгли на костре). Надо же было сжечь такого человека на Кампо ди Фьоре, Площади Цветов! Какой цинизм! Точнее — какое невежество! Впрочем, это все, что я успел подумать о Джордано, и то потому, что сидел у его памятника и мои пальцы обжигал бумажный стаканчик с кофе. Весеннее солнце

особенное — воздух прозрачнее и как будто острее, и свет падает на стены домов, четко очерчивая все углы, рамы окон, трещинки на краске. Солнце отражается в старинных мостовых, в огромных витринах и маленьких окошках, по всему городу распускаются сотни и тысячи первых цветов, которые еще с зимы горожане выращивают дома, в горшках, или покупают у цветочников. Это солнце разбудило меня сегодня, оказавшись рано утром на моей подушке, рядом с Франческой, или Федерикой — точно не помню, помню, что начиналось ее имя на «Ф», помню, как познакомились вчера на безумной вечеринке в кампусе, а потом долго-долго гуляли по ночному городу — я успел замерзнуть (по ночам тут еще холодно). Мы пили вино и целовались, а потом мы дошли до ее дома и крались тихо по лестнице, чтобы не разбудить то ли ее строгую тетку, то ли соседку, то ли маму — так и не понял, я еще недостаточно хорошо знаю итальянский. Ведь она так тараторила, а я был так пьян!

Да, я не запомнил ее имя, но хорошо запомнил, как после она открыла окно и в комнату ворвался пронзительно холодный и свежий ночной римский воздух, как колыхались легкие занавеси, как блестели ее огромные карие глаза, а я смотрел на нее и смотрел.

Я сидел у памятника, кофе в стаканчике заканчивался, руки начинали снова замерзать. Вот-вот должен был появиться Джонни, и он появился. Джонни подбежал ко мне, в куртке нараспашку, с растрепанными волосами и безумно довольным видом:

— Привет, дружище! — он хлопнул меня по плечу. — Если бы ты только знал, как и откуда я сюда добирался!

Я выжидающе посмотрел на него. Он начал судорожно вспоминать название улицы, но махнул рукой:

— Хотя, что тебе с того, что я вспомню? Ты же тут тоже ни черта не знаешь!!! — и рассмеялся. — Давай быстро к университету, а то опоздаем!

Джонни был не человеком, а явлением! Он взялся из ниоткуда и часто надолго куда-то исчезал, но тем не менее сам оплатил свое обучение в Йеле, у него не было ни машины, ни жилья, о родителях он тоже никогда не говорил. У него было невероятное чутье на все новое — он чувствовал изменения, когда они еще только витали в воздухе: изменения в настроениях и вкусах людей, малейшие колебания настроений — за это умение многие бы продали душу дьяволу, Джонни просто жил с этим. Он был невероятно уверен в себе, и все у него получалось — он как-то сразу располагал к себе самых разных людей, к каждому знал подход. Когда ему не было еще и шестнадцати, он просто шел по улице, с утра, после дикой вечеринки, а его увидели и предложили ему работу в модельном бизнесе. Поэтому, когда я с ним познакомился, его лицо показалось мне знакомым. К двадцати с небольшим он уже продавал все — от мятной жвачки до туалетной воды. Другому ничего кроме этого и не надо было бы, но Джонни заработал кучу бабок (новичкам везет!), внезапно завершил все контракты и поступил в Йель.

— Ну и как ты провел остаток ночи? — с любопытством спросил Джонни.

— Думаю, так же, как и ты, ты тоже был не один вчера, ведь так?

— О, да, но не так же, как и ты, это точно! — рассмеялся он.

— С чего вдруг ты считаешь себя лучше других? — подколот его я.

— А с того, что голову даю на отсечение, дальше вина, Франчески и ее милой комнатки в цветочек не зашло! — он самоуверенно хмыкнул и приготовился выдержать паузу, перед тем как начать рассказ о своих похождениях.

— Во-первых, у нее комната не в цветочек...

— Я же говорил, не зайдет! Мелко плаваешь, брат! Хотя, соглашусь, Франческа — хороша!

— И что же успел неординарного отколоть наш герой? — делая вид, что мне неинтересно, спросил я.

— Я гулял вчера по городу с Ли, и мы набрали на группу пьяных русских студентов, вперемешку с немцами, шведами и индусами. В общем, мы завалились в чью-то огромную квартиру и устроили там snow party — кидались перьями из подушек, пили ром, текилу и еще какую-то местную дрянь, а потом пошли к Колизею и долго искали, как туда пробраться, пока не получилось, но у меня есть кое-какие соображения на этот счет... И ты мне в этом поможешь!

Да, следовало признать, у Джонни был талант к нестандартному времяпрепровождению, как я уже говорил, Джонни — это явление. Только ему может прийти в голову вломиться в Колизей, который итальянцы охраняют как зеницу ока — символ все-таки. Хотя брать там вроде бы нечего.

В университет мы опоздали, несмотря на еще одно уникальное свойство Джонни почти всегда приходиться вовремя, однако мы были уже старшекурсниками, и нам можно было незаметно появляться и исчезать на задних рядах аудиторий. Хотя в любом случае наше отсутствие — это наши проблемы — здесь царил атмосфера свободы, свободы во всем — и это было потрясающе! Можно было слушать лекции по современному искусству, журналистике, праву, антропологии и даже по физиологии — все это было безумно интересно!!!

Собственно, для этого мы и пересекли океан!

Наш преподаватель по журналистике, синьор Бьянчи, был похож на настоящего professore, и это внушало к нему одновременно доверие, некоторый трепет и страшное уважение. Он не вел себя панибратски, как это делали многие, чтобы завоевать любовь студентов, не отпускал разных шуточек, чтобы прослыть весельчаком и душкой, но и не вел себя нарочито строго, никогда не повышал

голоса. Он был настоящим, все его жесты (а итальянцы любят жестикулировать!) были изысканны и продуманны, он говорил неспешно и негромко, но и не тихо — так, чтобы слышали все. От него веяло чем-то истинно европейским, я пока не мог понять, чем именно, но это было — во взгляде, в интонациях, в том, как держал себя. Самое удивительное — это никогда не было маской, это было его естеством, я четко чувствовал это. Одевался он тоже изысканно: на нем всегда был дорогой костюм — он любил носить из верблюжьей шерсти, хорошие ботинки и непременно, непременно — бордовый шелковый шейный платок. Он совершенно не был похож на папарацци, что рыщут по улицам в поисках заспанных знаменитостей, не был похож и на репортера с телевидения и даже не был похож на ведущего вечерних новостей. Он был похож на professore, как ему и было положено. И еще немного на средневекового короля, особенно когда поглаживал свою академическую бородку.

— Пожалуй, самое главное, что вы должны запомнить, и, думаю, первую часть моего высказывания вам нередко повторяют другие преподаватели, однако, дослушайте меня до конца — это важно. Я специально сказал это, чтобы вы проснулись и обратили внимание на то, что я сейчас скажу, — он пригладил бородку, мельком посмотрел в окно и продолжал:

— Вы творите для людей. Вы работаете, чтобы кто-то прочитал за чашечкой капучино газету, которую вы сделали, чтобы кто-то узнал вовремя последние новости, чтобы ваша фотография на главной странице привлекла кого-то, сообщила о чем-то. В мире совершается огромное количество событий — каждую секунду! Только вдумайтесь! Каждую секунду! Но именно вашим трудом часть этой информации поступает к людям, и информации этой по-прежнему чудовищно много. Я работаю в университете большую часть своей жизни и никогда не устану повторять все новым и

новым поколениям — и я все еще надеюсь на отклик: будьте выше бульварных статей и слухов! Прекратите, наконец, информационный шум! Это естественно, на каждый товар, и на грязное белье звезды-однодневки, найдется свой покупатель — но не будьте продавцами этого! Вы работаете для людей, так не засоряйте им мысли, пишите предельно чисто и только о важном. Пусть это будет вашим кредо. В связи с вышесказанным я попрошу вас к следующей неделе написать мне статью о Риме. Задание не такое простое, каким оно может показаться — мне не нужны отрывки из путеводителей, мне нужна душа Рима, — он особенно подчеркнул слова «душа Рима». — Лучшая работа будет опубликована в моем журнале. На этом наше время подошло к концу, сегодняшняя лекция заканчивается, и я удаляюсь, — профессор развел руками, как бы извиняясь, неторопливо взял свою трость с ручкой из слоновой кости, откланялся и не спеша вышел из аудитории.

Некоторые студенты стали деловито собираться, многие радостно вскакивали со своих мест и неслись к выходу, перепрыгивая через ступени, кто-то продолжал сидеть на своих местах, мы с Джонни, Ли, Мартой и Ричи не спеша вышли из аудитории, обсуждая задание.

— Ну и что писать будем? — озадаченно спрашивала Марта с легким шведским акцентом.

— Что-нибудь придумаем! — улыбаясь, сказал Джонни. — Не впервой!

— Кажется, просто нам не отделаться, да, Ричи? — чувствовалось, что синьор Бьянчи ждет от нас не простой статьи.

Ричи ответил с серьезным выражением лица:

— Синьору Бьянчи все равно, вы можете писать, как и что хотите, но он прочитает все работы, а те, кто напишут их хорошо — напишут их хорошо в первую очередь для себя и сами же получат лучшую оценку лауреата Пулитцеровской премии не помню какого

года. А это ведь не пустой звук? Ммм, ребята? А публикация в одном из лучших изданий Европы?

— Я сейчас засну! — Джонни сделал вид, что шумно зевает. — «Душааа Риима...» — передразнил он Бьянчи.

— Ты не прав, Джонни, ты ведь и сам это знаешь, перед нами только выделяешься, небось, первым побежишь по улицам с диктофоном! — улыбнулась Ли, возразив ему.

— По-моему, очень милая возможность самим узнать больше о Риме, — заметила Марта. Ричи кивнул, Джонни вознес глаза к небу, а я просто решил сделать это так, чтобы Бьянчи похлопал меня по плечу и сказал, что лучше ничего в жизни не читал. И что «этот американский мальчишка невероятно крут!». Воображение рисовало, как я буду стоять рядом с ним, он будет вслух зачитывать мою работу, а все будут аплодировать. Хотя, возможно, я и провалюсь, ведь воображение вечно рисует мне картины триумфа, и далеко не всегда я его достигаю, но это неважно! Рим ждет нас!

И мы буквально выбежали из университета навстречу вечернему солнцу, правда, писать статью и опрашивать прохожих мы совсем не собирались — собирались гулять, любоваться на Тибр, сидеть в кафешках, есть пасту с морепродуктами, снова бежать куда-то, мимо причудливых памятников, узких улочек, перепрыгивая через люки S. P. Q. R, глазеть на витрины, проходить мимо кофеен и вдыхать дивный аромат свежесмолотых зерен, вырвавшийся на улицу, потом кутаться в пальто, потому что воздух становится зябким, и снова идти куда глаза глядят, мимо туристов и горожан, мимо проезжающих машин, слушать итальянскую речь, с такими богатыми и разнообразными интонациями, что всегда кажется, что они то ли бранятся насмерть, то ли признаются в вечной любви, любоваться на проходящих мимо итальянок — они очень красивые, говорят, красивее только русские, идти, рассказывать друг другу разные смешные истории, смеяться над шутками и над

тем, что кто-то их не понял или понял не сразу. А когда наступит ночь — танцевать!

Эта ночь играла и переливалась невероятными красками, мы смешивались с толпой, растворялись в ритмах ночи, разноцветные огни светили в лицо, меняя все вокруг ровно на несколько секунд — от ярко-малинового до темно-синего, от лимонно-желтого до кислотно-зеленого и оранжевого. Сердце билось сильно-сильно, так что даже болело в груди, но останавливаться не хотелось, тело наполнялось радостью, невообразимой, сильной, счастье пульсировало внутри меня, вырывалось наружу, билось через край — счастье без явной причины, счастье само по себе, просто потому, что наступает весна, рядом друзья, ночь, огни, музыка и безумства. Неосознанное. Невыразимое. Наивное. Настоящее.

Мы бесились с Джонни, Мартой и Ли — выплескивали всю бушующую энергию в танец, но энергия не иссякала, хотелось разорваться и разлететься, и, казалось, взрыв произойдет сразу после следующего биения сердца, но взрыв не происходил — терялось ощущение реальности, земля уходила из-под ног, образы смешивались, перед глазами были только крупные световые мазки, части чьих-то тел и лиц, вспышки, черно-белые фотоснимки, хаотичные движения — элементы, осколки, случайные кадры, еле различимые слова незнакомки, головокружение, изгибы ее тела рядом, аромат волос... Реальность замедляется, аромат ее волос, изгибы ее тела рядом, ее губы так близко, глаза смотрят прямо на меня, так пристально, она целует меня... Сердце замирает в груди, бабочки в животе. Реальность замирает вместе с сердцем. Мимо проносятся люди в диком танце, бешено мелькают огни диско, музыка набирает обороты, и снова разгоняемся и танцуем. Танцуем так, как если бы завтра никогда не настало.

Марта сидела у стойки и потягивала какой-то коктейль, Ричи обнимал ее за талию и довольно улыбался — итальянцам нравятся

блондинки. Джонни целовался с Ли, я заказал виски с кока-колой, очень хотелось пить и напиться. Вот чтобы до потери памяти! Просто потому, что хорошо, а станет еще лучше! Я смотрел на пузырьки, на то, как они оседают на краях запотевшего высокого стакана, как отрываются от стенок и поднимаются вверх, как сталкиваются кубики льда. Вспомнилось, как я в детстве стоял на берегу реки и мимо плыли большие льдины — они терлись друг о друга и получался такой ровный звук, шипение, но не как от газировки, а более насыщенное и глубокое, более громкое и низкое, и они плыли мимо меня — огромные и поменьше, иногда натыкались на препятствие, и было видно, как они крошатся. Я вспомнил это так явственно, что даже, казалось, почувствовал холодный ветерок от воды, и как замерзли кончики пальцев, и эту непередаваемую свежесть. Все ощущения того дня вдруг очень отчетливо проявились во мне, я будто бы выпал из реальности на какое-то время, и будто бы не было ни шума вокруг (только ровное шипение проплывавших мимо льдин и робкое чириканье птиц), ни духоты и запаха разгоряченных, потных тел и алкоголя (а только свежий мартовский воздух), ни моих друзей рядом (только где-то неподалеку бегают мой пес).

— Эй, Алекс, ты с нами? — доносился откуда-то знакомый голос. Вдруг стало теплее, заметно теплее и даже душно, снег стал переливаться всеми цветами радуги, а река и лед потемнели. Джонни потряс меня за плечо.

— Прости, дружище, я что-то задумался! — я вдруг вздрогнул всем телом.

— Ты не задумался, ты напился!!! — рассмеялся Джонни. Я рассмеялся ему в ответ, все равно он не поймет, даже если я подробно расскажу ему, о чем я думал. Да и, собственно, о чем я думал? Я просто вспомнил цепочку образов, которая хранилась у меня в голове, как фотографии, короткие видеоролики и целые фильмы.

Тем временем ночь была в самом разгаре, на танцполе с каждой минутой становилось все жарче и веселее, после часа ночи стали появляться все новые и новые люди.

Девушки — очень красивые, просто красивые и совсем не красивые, юные, молодые и зрелые, блондинки, рыжие, брюнетки и шатенки — девушки, как рыбки Большого Барьерного рифа — яркие, неповторимые, завораживающие — медленные и быстрые, простые и царственные, хищницы и жертвы. Все они, а еще сотни молодых людей, все мы, все мы — молодые и полные жизни — поднимаем руки вверх — и пусть веселье продолжается!!!

— Риим, я люблю тебя!!! — крикнул диджей. Эти слова разлетелись по огромному морю людей, и оно ответило сотнями улыбок, громкими вскриками, и, наконец, вся толпа в едином порыве повторила его слова и, повинувшись ускорившимся ритмам, как будто за пультом был не обычный человек, а заклинатель или волшебник, пустилась в пляс. Снова все смешалось перед глазами. Черный воздух пронзали острые лучи ярких огней, к потолку поднимался дым, и в нем растворялись люди, сотни людей, а свет рассеивался, превращая дым в разноцветный туман, постоянно меняющий цвет.

Чуть позже мы вышли на улицу, и нас окружила пронзительная тишина спящего города. Контраст был настолько потрясающ, что мы не решались ее нарушить и шли, не разговаривая, по утренним улочкам. Больше всего хотелось, конечно же, спать. Я шел, и моя засыпающая фантазия играла со мной: оживали каменные химеры старинных домов, подмигивали аристократичные львы, проплывали нежные мраморные нимфы, но это все объяснимо. Необъяснимо на фоне всей этой красоты перед глазами то и дело всплывало одно неприличное слово, написанное на небесно-голубом фоне ярко-горчичными буквами — я совершенно не хотел его сказать, более того, оно мне совсем не нравилось, но я его видел каждый раз, когда моргал, или намеренно щурил глаза, или просто закрывал их. Оно

донимало меня, я не хотел его больше видеть, и я не знал, как же от него избавиться, а оно все повторяется и повторяется, и вот уже я боюсь закрывать глаза, но, конечно, без этого никак, и оно возникает каждый раз... Вот, теперь можно даже не закрывать глаза, просто смотреть перед собой — везде оно!!! В моей голове professore Бьянчи, разодетый в обтягивающие кожаные рокерские штаны и шелковую рубашку, увешанный золотыми цепями, как заправский мафиози, твердил мне: «Напиши его на стене! Напиши это слово на стене, и оно исчезнет! Напиши его! Напиши его! Напиши его!» Некоторое время я боролся с этим дьявольским искушением, все мое существо было, в общем-то, против этого, но рука искала в кармане маркер. Однако я его не нашел — да и откуда? Конечно, у меня ничего не было, чтобы написать это слово на стене. И, слава Богу, я совершенно не хотел этого делать, но как же оно меня бесило!!! И мы шли и шли. Хотелось уже скорее дойти до кампуса и завалиться спать, но мы вдруг встретили несколько парней на улице, у них была краска... И я написал. Слово тут же исчезло из моей головы.

Утро я провел вместе с друзьями в полицейском участке. Но я ни о чем не жалел!

Вечером того же дня я вооружился диктофоном и пошел «в поле» собирать материал для статьи о Риме. Нужно было составить в голове какой-то образ, понять, что о нем думают другие люди, не только я и мои друзья. Я гулял по улочкам, мимо проходили туристы, мне всегда казалось, что ранней весной, когда деревья еще не зеленые, часто идут дожди и, что там говорить, достаточно прохладно — их должно быть не так уж и много, но их были сотни, тысячи, наверное, даже сотни тысяч. Правда, Ричи говорил, что я так считаю только потому, что еще не застал лета. Мимо проходили немцы, англичане, французы, русские, поляки, венгры какие-то, а может быть, вовсе не венгры, а румыны, или украинцы — кто их знает? Они ходили медленно, слушали гидов,

кто-то забегал в сувенирную лавку, кто-то покупал минералку, русские ели мороженое на холоде, у них было спрашивать бесполезно, я не знал русского, они, как показала практика, не знали английского, или мне просто не повезло.

Я зашел в кондитерскую, за прилавком был очень милый старичок. Такое впечатление, что он проработал там всю жизнь: так отточены были его движения, так ловко он со всем обращался, но при этом двигался медленно и степенно. Наверное, когда он был юношей и помогал своему отцу или деду, он сновал между столиков, подносил кофе, мчался к прилавку, рассчитывал покупателей так же, как это делает вон тот высокий курчавый юноша в длинном черном переднике. Однако сейчас он двигался медленно, но все же он обслуживал покупателей, и они кланялись ему, он сдержанно улыбался. Я подошел к прилавку, заказал капучино и тирамису и сел за столик. Старичок принес кофе, аккуратно расставил все на моем столике и уже собирался удалиться, но я остановил его на ломаном итальянском:

— Прошу вас, синьор, я — журналист, меня зовут Алекс, вы можете ответить на один мой вопрос?

— *Si, giovanotto*¹, — ответил тот и тут же, к моему удивлению, заговорил по-английски. — Вы ведь американец?

— Да, синьор! — не скрывая восторга, отвечал я. — Вы превосходно говорите по-английски, синьор!

— Спасибо, молодой человек. Однако я не представился, мое имя Джованни, моя фамилия Мончини, как вы могли заметить, прочитав вывеску. Какой вы хотели задать вопрос?

— Синьор Мончини, в чем заключается душа Рима, по-вашему? — задал я свой вопрос. Джованни кивнул, дав понять, что ему надо подумать над ответом.

---

¹ *Да, молодой человек (итал.)*

— Душа Рима для меня, Алекс? Хм, оглянись, посмотри на всех этих людей и на меня. Я каждый день, без единого выходного, вот уже шестьдесят восемь лет прихожу сюда и работаю здесь, и каждый день я вижу много разных людей, и я рад каждому из них, рад быть здесь, чувствовать запах кофе. Следить за тем, как на кухне мой сын, Джузеппе, и дочери Луиза и Роза, внучки Филиппе, Пенелопа и Мария, а еще пять моих племянниц — Паола, Алессандра, Лучия, Кьяра и Хелена готовят все эти удивительные десерты, пирожные и торты, пекут булочки, батоны и печенье... К чему это я? — он на секунду задумался, потом быстро вспомнил: — Ах, да, так вот для меня весь Рим — здесь. Это люди, которым я угождаю, их радость вместе с моей, моя работа и мой дом, я ведь здесь же и родился, только этажом выше, — почтенный сеньор глубоко вздохнул. — Но мне пора уходить, меня ждут вон те дамы, надеюсь, я ответил на ваш вопрос, — Джованни улыбнулся. Я сердечно поблагодарил его и пожал его морщинистую, теплую и сильную руку. Он улыбнулся еще раз и, вставая со стула, сказал:

— А лучше отведайте тирамису и сразу все поймете, Алекс!

Вечером следующего дня я снова встретил Франческу.

— Ciao, Alex! — она мне лучезарно улыбнулась.

— Ciao! Как твои дела? Пойдем гулять? — спросил ее я. — Сегодня чудная погода, так тепло!

— Пойдем со мной, я тебе кое-что покажу! — она схватила меня за руку и потащила за собой. — Там очень хорошо!!!

Она вела меня за собой по узким улочкам, через секретные проходы, какие-то дворы, в которых точно не был ни один турист, мимо старинных домов, по пути все рассказывала мне что-то: то об истории Рима, то о своих делах, то о том, как куда-то пошла с друзьями, то еще что-то. Я слушал ее невнимательно, все больше просто смотрел по сторонам и на нее. Мы зашли в очередной двор, где дома стояли очень близко друг от друга, она вела меня по узкой

винтовой лестнице наверх, пахло сыростью и старостью, а еще было очень любопытно, куда она меня ведет. Мы подошли к небольшой двери, она достала из кармана джинсов ключ и открыла ее. Шаг вперед — и мы оказались на крыше дома!

Шум города отсюда слышался совсем иначе, все было другим. Сначала я сидел и смотрел, как желтые огни тонут в синем вечернем воздухе, как загораются новые окна напротив, как хозяйка готовит что-то на кухне, а рядом ходят ее дети, норовя стащить что-нибудь со стола, пока мама отвернется, в соседнем окне мелькает телевизор, в следующем окне горит зеленая настольная лампа, двумя окнами выше отмечают какой-то праздник: слышен смех, громкие поздравления, звуки музыки, а под самой крышей, напротив, у кого-то медовый месяц.

— Представляешь, сегодня иду по улице, за спиной какой-то мужик начинает громко и сильно чихать, потом слышится голос его жены, она так заботливо: «Будь здоров, Марчелло!», а он продолжает чихать, и чихает, наверное, еще раз десять так громко-громко, я думала, у него голова оторвется, и тут слышу отчаянный голос его сына, а сыну, наверное, года три, не больше: «Папа, папа, не умираай!!!».

Мы сидели на крыше и смеялись, я обнимал Франческу и мучительно пытался вспомнить какую-нибудь забавную историю, чтобы тоже ее рассмешить. Ничего так и не вспомнилось, и я просто показал ей окно с молодоженами. Мы довольно долго наблюдали за ними: как они занимались любовью прямо у окна, как пили вино, смеялись и целовались, как лежали и, наверное, говорили о чем-то очень-очень хорошем, мечтали о будущем или радовались настоящему, а быть может, вспоминали что-то приятное.

Потом мы пили кампари и тоже целовались, смотрели, как на Рим опускается ночь, как сгущается прозрачный воздух, как ярче горят фонари. Вдали виднелся Колиссео, как его называла

Франческа, холмы разгорались тысячами пульсирующих огней, по дорогам спешили машины, и огни от многочисленных стоп-огней и фар сливались в одну красно-белую линию, если прищурить глаза. В отдалении были слышны сигналы недовольных водителей, застрявших в пробке, где-то проезжала скорая помощь, вдруг, недалеко от нас, пролетел полицейский вертолет, загорались первые звезды, почти такие же, как дома. Отсюда Рим уже казался не таким камерным, домашним городком, каким он мне виделся по сравнению с Нью-Йорком, где я вырос, он раскинулся на десятки километров во все стороны, куда ни взгляни, и везде кипела жизнь.

— Вот это Рим! — сказала, вздохнув Франческа. — Здесь так явственно можно почувствовать, как бьется его сердце...

Я прижал ее к себе покрепче, потому что стало уже совсем холодно, поцеловал в губы и сказал:

— Пойдем, ты совсем замерзла! — у меня возникла идея, куда можно сходить согреться и поесть.

— Куда ты меня поведешь? — улыбаясь, спросила она.

— Segreto! — ответил я хитро.

Через два дня наступили выходные, и Ричи пригласил нас всех к себе в гости на ужин. Выдался очень теплый день, светило солнце, можно было ходить вообще без куртки, только в футболке, солнце уже грело всю, громко надрывались птицы, по двору носились младшие брат с сестрой, мать и тетушка хлопотали на кухне, отец попивал вино и читал газету, бабушка наглаживала клетчатую скатерть. Все было очень просто и по-домашнему, как в детстве, когда наша семья тоже еще была большой и все соби- рались за столом — несколько поколений, и все за душевными разговорами, всегда было очень интересно слушать взрослых, не то что сейчас. Я некоторое время слонялся по дому Ричи, раз- глядывая старинные фотографии, развешанные на стенах, вдруг ко мне подошла его бабушка, синьора Лусия. Я держал в руках

фотографию мальчика, которому было, наверное, года четыре или пять, он был одет в смешной матросский костюмчик, стоял на стуле и напряженно смотрел в камеру.

— Это, наверное, синьор Матео? Так и не скажешь! — улыбаясь, сказал я, припоминая грузного и усатого отца Ричи.

— О, нет! — мягко возразила синьора Лусия, улыбаясь. — Это Марко, мой первый сын, он умер от дифтерии, — все также улыбаясь, ответила она, и только в глазах не плясали веселые огоньки, глаза были очень печальные.

— О, простите меня ради Бога, синьора Лусия, я не хотел сделать вам больно! — я стоял с фотографией в руках и не знал, куда себя деть.

— Что ты, Алекс, все в порядке! Это было давно!!! С тех пор уже много воды утекло, а сколько народу умерло! Вот мама моя, царство ей небесное, и отец, и мой первый муж, и второй, пусть земля ему будет пухом, Марко там совсем не одиноко, а скоро и я к нему приду, уже скоро, я каждый день к ним на кладбище хожу, и сегодня пойду, он увидит, что я рядом. А там, глядишь, и меня Господь к себе заберет... — она говорила обо всем этом с нескрываемой радостью, было видно, насколько легко у нее на душе, мне это показалось ужасно странным — как можно так спокойно размышлять о смерти?

— Это ведь совсем не страшно, — продолжала она как будто в ответ на мои мысли, — я уже свою жизнь прожила, прожила всю до дня, всю испила. Посмотри вот на это фото, — она протянула мне фотографию, на которой была очень красивая девушка лет шестнадцати, одетая по последней моде довоенных лет, счастливая и улыбающаяся.

— Да вы просто красавица! Даже не верится...

— Да, это я. В это сложно поверить, Алекс. Когда ты молод, кажется, что никогда не станешь стариком, а когда ты старик, то

с удивлением смотришь на себя в молодости и думаешь: «Неужели это когда-то было?», но ведь я не всегда была седой и сморщенной.

— Что вы, Лусия, вы и сейчас прекрасны! — отвечал я. И я совершенно ей не льстил, она это чувствовала и улыбалась мне в ответ. У нее были удивительно добрые глаза, огромные, черные, испещренные морщинками, чуть грустные и очень-очень лучистые, такие бывают только у очень мудрых и счастливых людей.

— Скажите, Лусия, а вы всю жизнь прожили в Риме?

— Да, с самого рождения, а родилась я очень давно, я тебе не скажу когда! — она кокетливо улыбнулась, я улыбнулся ей в ответ. — В школу здесь ходила, в двух кварталах, и потом в швейной мастерской работала, ее, конечно, уже давно нет, и в оккупацию сорок третьего года здесь была, здесь же и замуж выходила, и всех детей и внуков вырастила. Я настоящая римлянка! — гордо отвечала она. Я пригляделся к ней — и вправду она была настоящей римлянкой: у нее был ровный, прямой нос, как у древних статуй, античные черты лица, густые, когда-то черные, волосы, огромные, выразительные глаза. Во всем ее облике была какая-то сила и мягкость одновременно, у нее были плавные, текучие движения, но при этом — удивительно ровная для ее возраста осанка и легкая походка. Я смотрел на нее, потом на ее фото в молодости и думал, что если бы встретил ее тогда, то наверняка бы влюбился в нее — такой прелестной она была. И хотя я уже почти закончил писать статью для синьора Бьянчи, я решил спросить и ее, чтобы понять максимально полно для себя, что же такое Рим?

— Синьора Лусия, я вижу, вы очень мудрая женщина, скажите мне, в чем, по-вашему, суть Рима? — спросил я старушку, глядя ей прямо в глаза. Она, ни секунды не раздумывая, просияла и ответила:

— Amore!!!

Я думал над ее словами весь обед, пока мои друзья деловито орудовали ножами и вилками, поглощая домашнюю пасту, прошутто, моцареллу, спаржу с козьим сыром и настоящую, удивительно вкусную кьянину (коронное блюдо синьоры Полетты!), я все думал и думал, и мне теперь было ясно, как следует закончить статью для Бьянчи, а еще мне было ясно, что, несмотря на свои полные двадцать лет и то, что я уже много раз мимолетно влюблялся, я совершенно не знал, что же такое Любовь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я лежал на траве, недалеко от Tour Eiffel, нещадно палило августовское солнце. Когда закрываешь глаза, а потом смотришь сквозь закрытые веки на солнце — видно только теплое красное свечение. Глаза открывать совершенно не хотелось, впрочем, не хотелось совершенно ничего: ни шевелить ногами или руками, даже самыми кончиками пальцев, ни говорить, ни даже думать. Хотелось просто лежать на траве с закрытыми глазами. Звуки города причудливо смешивались в какую-то неведомую симфонию — голоса проходящих мимо туристов, звук их шагов, шуршание гравия под их уставшими ногами, щелчки фотоаппаратов, монотонные рассказы гидов. Слышно, как кто-то слишком сильно сжал пластиковую бутылку, когда пил, а потом она звучно хлопнула, восстановив свою форму, слышно, как неподалеку кто-то тоже устраивается полежать, как мимо пробегают дети, не знающие, куда скрыться от этой невыносимой жары. Слышно, как недалеко, в тенистой аллее, хлопают крыльями голуби. Слышно, как еще дальше проезжают мимо сотни машин и экскурсионных автобусов. Слышно гудки и как кто-то ударил вдруг по тормозам, слышен весь этот гул, гул перегретого на солнце города, похожего на огромный улей, но совершенно иначе слышен, не так, как если бы я сейчас шел по аллее или по улице, и не так, как если бы просто стоял или сидел на лавочке — иначе. Все эти звуки: голоса, шаги, щелчки, смех, звук моторов и велосипедные звоночки — все смешивается и парит где-то чуть выше, чем я лежу, а там, где я лежу, намного тише и иначе.

Город в другой плоскости. И я смотрю на траву, она такая же, как дома — зеленая, коротко подстриженная, и внутри ползают те же маленькие букашки, и там царит своя жизнь: вот муравьи облепили потерянный кем-то леденец, вот какой-то жук просто проходит мимо, и божья коровка прилетела, села мне на руку — и вдруг снова улетела. Там ведь тоже какой-нибудь жук или червяк так вот лежит на спине и думает о жизни и о звуках вокруг. Он не может пошевелить лапками и думает, как муравьи шумно грызут леденец, как громко хлопает крыльями божья коровка и как какие-то долгоносики мешали ему спать сегодня утром. И вдруг — бац, его хватает воробей. Я лежал и улыбался. Глупая получилась история, а может быть, наоборот, поучительная, но мне по-прежнему не хотелось шевелить лапками, то есть, я хотел сказать, мне совсем не хотелось шевелиться. Хотя что-то мне подсказывало, что вот-вот должен...

— Алекс, дружище!!! Твое мороженое, как и просил, ванильное! — Джонни завалился рядом и с аппетитом стал доедать свое фисташковое мороженое. — Там тьма народу стояла в очереди, все уже плавилось просто, а этот мороженщик сам отошел купить себе воды, а рядом, представь, как назло, ни одного ларька! Как ты тут не расплавился? Хотя нет, тут все же хорошо, хоть и жарко... Еще немного — так загорю, что меня будут принимать за афроамериканца!

Джонни растормошил меня, он принялся что-то еще более энергично рассказывать про мороженое, девушек в очереди, смешных китайских туристов, про планы на сегодняшний вечер. Я слушал, слушал и слушал, ел свое мороженое и медленно возвращался к действительности.

— Пойдем все-таки в тень, по-моему, я уже просто запекся, как хот-дог! Еще немного и высуну язык!!! — и мы встали и направились к ближайшей тенистой аллее.

Мороженое быстро таяло, вот уже кончики пальцев стали липкими, пришлось есть его быстрее, от этого даже чуточку ныли зубы, но зато я окончательно взбодрился.

— Вообще никаких идей по поводу завтрашнего интервью с Полин Бертран... Ничего не смыслю ни в современном искусстве, ни в галеристках... — рассеянно заметил я.

— Говорят, она редкостная стерва! — засмеялся Джонни. В хорошем смысле этого слова!

— В хорошем смысле этого слова? — переспросил я. — У этого слова есть хороший смысл?

— Ну, я имел в виду, что тетка не промах, своего не упустит — вечно публикуется во всяких журналах, выступает на телевидении, по радио, в общем, ведет публичную жизнь, — пояснял Джонни. — И конечно, с характером. Мне говорили, что она может легко закатить скандал из-за холодного кофе или из-за того, что у какой-нибудь помощницы туфли не подходят к шейному платку, или очки дурацкой формы, или телефон зазвонил, когда не надо.

— Что-то мне совсем не легче от того, что ты сказал! — я вздохнул. У меня не было ни малейшей идеи, как к ней подступиться, учитывая задание, ее характер и мой опыт. Мысли роились в голове. Надо было, очень надо было сделать большую, красивую статью о ней, о том, что она делает, в чем заключается это самое искусство, о котором я не имею представления, и все оригинально и свежо, так, как раньше никто о ней не писал. Мозг сейчас вскипит и взорвется! Что делать? Что делать? Уже завтра... Я был в отчаянии.

— Во-первых, чего ты напрягаешься? Расслабься, после того как тебя опубликовал сам Бьянчи, тебе должно быть спокойно и хорошо! — он похлопал меня по плечу. — А во-вторых, ты вечером сядь и накатай в блокнот самые стандартные вопросы, а потом — как повезет! Тебя же никто не повесит за плохое интервью

с мадам Бертран, разве что она сама тебя спалит взглядом и четвертует вилочкой для десерта,

— Джонни снова смеялся. Я расхохотался в ответ, представив злую Бертран, это был какой-то собирательный образ — я не очень хорошо помнил, как она выглядит, представил себе ее с всклокоченными волосами, красными щеками и ужасно злыми глазами, похожую на потрепанную ворону. Почему-то было очень смешно, наверное, потому, что знал, что по-настоящему злой она будет выглядеть совсем по-другому, и думать я об этом не хотел.

Я стоял на берегу. Теплые волны подкатывались к ногам и обнимали их, шурша пеной. Ноги утопали в песке, с каждым разом все глубже и глубже, впереди было море — потрясающе синее, очень спокойное — и девушки — я смотрел на их разноцветные купальники и солнечные улыбки, одна из них взяла зеркальце и пустила солнечного зайчика прямо мне в глаз, я зажмурился и проснулся.

Солнце из окна слепило в тот самый глаз. Рядом на тумбочке уже двадцать минут надрывался будильник. Как я мог его не слышать? Я мысленно выругался, подскочил как ошпаренный, быстро забрался в душ, потом оделся и так же стремительно выскочил из дома, на ходу проверяя, все ли я взял. Мысли роились в голове, больше всего я боялся банально опоздать в *Les Philosophes*, но пока я ехал в метро (на метро быстрее, чем стоять в парижской пробке), я понял, что успеваю, и как-то сразу успокоился, сосредоточился и начал думать о предстоящем интервью. Я шел по *Rue Vieille-du-Temple* очень быстрым шагом, а потом замедлился, чтобы она не догадалась, что я проспал, и медленно зашел, оглядываясь по сторонам. Посетителей было немного, а те, что были, спокойно попивали свой кофе за утренней газетой, или просто беседовали, или смотрели в окно и курили. Ее нигде не было, я нервно оглядывался по сторонам, потом глянул на часы — я пришел

раньше на десять минут, ее еще не было, не должно было быть. Я облегченно вздохнул и сел за условленный столик, заказал стакан воды и принялся ждать.

Она быстрым и легким шагом зашла в кафе, долетела до столика, швырнула сумочку на диван, заказала себе кофе, посмотрела мне прямо в глаза и просто сказала:

— Bonjour, Alex!

Некоторое время, несколько секунд, я просто смотрел на нее, наверное, как кролик на удава, и не знал, что сказать, а потом сдуру выпалил «Hi!», потом «Pardon...» и только затем

«Bonjour!». Она рассмеялась: «Сразу видно, что вы американец! Только не обижайтесь, пожалуйста!» — она снова рассмеялась. Это был полный провал. Было так неловко, что хотелось выскочить на улицу, и поскорее, но ничего не поделаешь, я неловко улыбнулся и снова сказал «pardon». Она мне улыбалась!

— Да не волнуйтесь вы так, можно подумать, первое интервью берете! Лучше сразу к делу переходите, у нас мало времени.

Я решил больше не ошибаться, включил приготовленный заранее диктофон, встряхнулся, улыбнулся ей и сказал:

— Что ж, тогда начнем сначала. Бонжур, мадам Бертран!

— Bonjour, Алекс! — она отхлебнула кофе из белоснежной чашки. Я посмотрел ей в глаза, она хитро смотрела на меня, казалось, что она изучает всего меня от кончиков волос до ногтей на пальцах — так пронзительно она на меня смотрела. И в то же время хитро, с прищуром. Я успел заметить, что глаза у нее были красивого болотно-зеленого оттенка.

— Разрешите мне сразу задать вам немного дерзкий вопрос: а что же такое современное искусство, как отличить инсталляцию от швабры, которую забыла уборщица у входа?

— О, Алекс, вот это я понимаю, сразу к делу! — она снова мне улыбнулась! — Вы задали вопрос, над которым сейчас

бьются несколько тысяч лучших критиков и экспертов. Я думаю, вы сами — разумный человек и понимаете, что я не дам вам на него ответа...

— Но поразмышлять же мы можем? — улыбнулся я, надеясь поддержать тот тон беседы, который, к моей удаче, уже начинал складываться.

— Конечно... — она снова отхлебнула кофе, и я заметил, какие красивые у нее руки. Я быстро отвел взгляд от ее тонких пальцев в надежде, что она не заметила моего взгляда.

Она смотрела на меня и хитро улыбалась.

— В первую очередь, что такое искусство? С одной стороны, это то, что заставляет задуматься. Заставляет задуматься человека абсолютно все, Ньютона, например, заставило обычное яблоко, если верить слухам. Но, конечно, не абсолютно все является искусством. С другой стороны, это то, что доставляет эстетическое удовольствие. Но в мире существует множество примеров, когда искусство не доставляет эстетического удовольствия. Тогда это то, что удивляет, но опять же, не все, что удивляет, является искусством. Современное искусство — это эксперимент, перепутье, поиск новых истин — через забвение, переосмысление, открытие старых.

— Иначе говоря, искусством может быть и забытая швабра, если она забыта в правильном месте в правильное время и при этом заставляет задуматься?

— В некотором роде, да. Но только если ее специально или как бы случайно забыли. Потому что современное искусство — это, в первую очередь, концепция.

— Расскажите, какие работы в вашей галерее вам особенно нравятся?

— Это сложный вопрос, Алекс. Я собираю экспозиции годами, и каждая вещь, картина, скульптура или целая

инсталляция — отражение меня, моя история, моя страсть и любовь. Если говорить о том, что мне нравится сейчас, то у меня есть пара новых картин от моего очень хорошего друга, Жюстина Дюваре, едва ли вы его знаете, так вот они — подлинное украшение моей последней экспозиции. Вы их увидите, когда зайдете в галерею, я вам покажу. Кстати, их же я бы хотела сфотографировать для иллюстрации этой статьи, — она начала говорить о других работах Жюстина, и о том, по какому принципу отбираются экспонаты, и что все это значит для мирового искусства, по ее мнению. Я внимательно слушал, боясь упустить хоть что-то, ведь это было важно для построения дальнейшей беседы, но параллельно я впадал в какой-то ступор. Я смотрел ей в глаза, как и положено внимательному слушателю, но она так хитро смотрела в ответ, что я одновременно не понимал ее и думал: «Стерва!», и было любопытно, что она видит такого, и радостно, что взгляд ее не колючий, хотя и пронизывающий. В ней было что-то такое необъяснимое, что я смотрел на нее и смотрел, хотя она была совершенно не в моем вкусе. Во-первых, она была значительно меня старше (надеюсь, она не читает мои мысли?), лет на десять точно, у нее были немного резкие черты лица, низкий голос, изогнутые брови, что-то хищное было во всем этом облике и очень холодное, строгое, и в то же время от нее изумительно и едва уловимо пахло ирисом, розой, мускусом и тонкой кожей...

— Не возражаете, если я закурю? — не дожидаясь ответа, она достала сигарету и закурила, продолжая разговор.

Я ненавидел табачный дым. Горький, противный запах — это и запахом сложно назвать, дышать не хочется. Я сдерживался, чтобы не закашлять, но потом дым потянулся вверх и уже не так сильно меня беспокоил. Но я терпел. Терпел и молчал. «Стерва!» — думалось все чаще. Я уже был страшно зол на нее, а она продолжала хитро смотреть на меня и курить. Я продолжал

слушать и злиться, смотрел на морщинку в уголке ее губ, потом на губы. Красивые губы, пухлые, чувственные. И эта чертова сигарета! «Стерва!» — снова подумал я, уже от бессилия и от изумления, потому что в этот момент я осознал, что смотрю на губы Полин Бертран, и они мне нравятся. И этот хитрый взгляд тоже ужасно сексуальный. И ее духи. Я вдруг понял, почему аромат показался мне сначала емного знакомым, и как-то странно улыбнулся.

— Что-то не так? — вдруг спросила она, достала зеркальце и посмотрела в него мельком, вероятно проверяя, нет ли на губах пенки от второго эспresso.

— Нет, простите, я вдруг понял, что вы носите Chanel Cuir De Russie, — мне было неловко признаваться в этом, но я с детства знал этот аромат, и он ей необыкновенно шел. — И он вам очень идет... — я улыбнулся и посмотрел ей в глаза. Снова эта неловкость... И зачем я ей это сказал!

— Алекс, да вы знаток! Спасибо, я польщена! — она улыбнулась и посмотрела на меня уже по-другому, хитрый прищур ненадолго исчез, и она просто пронзительно посмотрела мне в глаза. — К слову об искусстве, Эрнест Бо — настоящий художник... — она продолжала тему и испытывающе смотрела в мои глаза, больше всего я боялся, что она догадается, что мне понравились ее губы, и больше на них не смотрел. Смотреть надо было в глаза, но постоянно в глаза смотреть тоже не надо, и я метался с глаз на лоб, на волосы, на шею, на руки, на дурацкую сигарету, на губы, нет, на глаза, я слушаю, внимательно слушаю, записываю, взгляд скользит по шелковой блузе, застегнутой почти на все пуговицы, кроме верхних двух, а дальше — причудливый золотой кулон, но на него тоже нельзя долго смотреть, смотрю на запястья. Красивые тонкие запястья с голубоватыми прожилками вен на чуть смуглой коже. «Стерва!» — гуляет мысль в голове. «Она не в твоём вкусе, что ты пялишься!» — гуляет другая. Больше мыслей нет. Не знаю

почему, но я смотрел на нее, и она мне нравилась. Что-то в ней было неуловимое, интересно было на нее смотреть.

Мы договорились встретиться через два дня, в галерее, тоже с утра, пока мало посетителей, чтобы она мне рассказала о текущей экспозиции и чтобы можно было сделать несколько кадров для журнала. Я шел к метро и думал о том, как легко прошло сегодняшнее интервью, вопреки моим страхам, и что вовсе она не страшная, хотя, наверное, и стерва, но что-то в ней есть, но, конечно, мне об этом лучше не думать, потому что... Да потому что потому! Это Полин Бертран, черт возьми!

За выходные я уже почти полностью забыл, что в ней такого очаровательного, и сам себе удивлялся, расшифровывая запись, сделанную с диктофона. Конечно, она была очень интересной женщиной, но что мне тогда так дали ее губы, глаза и запястья, мне было уже не понять. Полин — не Мона Лиза, чтобы восхищаться ее улыбкой, мадам Бертран — это рисунок тушью: четкие строгие линии, никаких разноцветных огоньков, только косые полосы дождя и ее силуэт. И к чему весь этот поэтизм? Сам не знаю. Полин Бертран и Полин Бертран. Бертран. Полин.

Позвонил Джонни, договорились встретиться в Люксембургском саду, был чудесный вечер — жара спала, солнце осталось и залило Париж мягким апельсиновым светом. Через полчаса я был уже там, в саду было дивно хорошо — как ни странно, туристов было не так уж и много, воздух наполнился прохладой и ароматами цветов. Геометрия французской части парка нам быстро наскучила, и мы отправились в английский парк, расположенный чуть на востоке. Не знаю почему, но было куда приятнее смотреть на вольные, природные линии, возможно, просто было такое настроение — не знаю.

— Нет, не зря я притащил свою малышку! — Джонни с гордостью похлопал по своей камере. — Отличный свет! Марта, ну-ка

повернись, встань чуть левее, смотри вот так, ну как будто там кто-то за тобой подглядывает, а ты все поняла — смотри в камеру!

— Ты из нее звезду сделаешь! — я рассмеялся, Марта тоже, должны были выйти хорошие кадры. — Ну-ка, дай я! — я пофотографировал их немного у розового куста, получилось задорно и весело, они корчили забавные рожицы и целовались. Как я уже говорил, Джонни — это явление. И не потому, что в Риме он был с Ли, а в Париже с Мартой, а в промежутке, пока мы отрывались на Лазурном берегу в июле, еще с Тори и Эйми, а потому, что никто из них не держал на него зла. Не было такого, как обычно бывает с красавчиками, чтобы потоки слез и туши для глаз, упреки, «ты же обещал любить меня вечно», наверное, он умел им что-то такое сказать, что они оставались друзьями, я пока не успел у него этого выпытать. Он говорил только: «Да ничего такого!» — может, и вправду ничего не было, мне тоже было интересно, я не умел так: вечно переживал, как бы так порвать с девушкой, чтобы она не расстраивалась. По-моему, это невозможно, тут я самодовольно улыбнулся — да, да, невозможно, потому что я тоже хорош собой и очень нравлюсь девушкам, а это просто чудесное чувство!!! Хотя Франческа, например, была из тех, кто не сильно переживал, наверное, потому что я с самого начала ничего ей не обещал. С ней было легко, я даже в какой-то момент почти влюбился в нее. Хотя, вообще, я мог влюбляться по несколько раз в день и каждый раз ненадолго, вот как сейчас в ту девушку у фонтана: она сидела на краю фонтана в длинном белом сарафане, сняла босоножки и перебирала пальцами ног в траве, в руках у нее был букет ромашек, она обрывала лепестки, смеялась над шутками подруг, смех был такой задорный, удивительный смех, она запрокидывала голову, и заходящее солнце играло в ее волосах, длинных русых волосах — так бы и зарылся в них лицом... Она вдруг посмотрела на меня, меня как током ударило, я улыбнулся ей в ответ, но тут к ней

подошел парень и поцеловал ее в щеку, а Джонни меня снова попросил сфотографировать их с Мартой, и я пошел дальше. Да, вот так влюбляться я мог по несколько раз в день! Но еще ни разу не было, чтобы меня по-настоящему зацепило. Нет, я встречался с девушками, и иногда достаточно долго — иногда месяца два, в

школе даже один раз было — целых полгода, но не больше, нет. Чего-то не было, и, судя по всему, не было той самой пресловутой любви. Джонни однажды сказал, что человек по-настоящему любит всего раз в жизни, наверное. И это настолько сильное чувство, что когда оно умирает, умирает и что-то внутри тебя. Он так и сказал: «Я уже любил однажды, едва ли я снова смогу кого-то полюбить так сильно...». Мне даже стало его жалко: как это так — любил всего раз и больше не собирается. Правда, потом мне стало жальче себя, ведь я и вовсе не любил. Любопытно было испытать, что же это такое? Наверное, как влюбленность — когда хочется летать и очень легко на душе и когда не хочется расставаться ни на минуту и не хочется вылезать из постели по несколько суток — только еще сильнее, наверное, так. А если так, то очень хочется любви. Только ее не купить ни в одной парижской лавке, хоть Париж и город любви.

В понедельник я уже не проспал, спокойно поднялся с постели, потянулся — волнения практически не было, спокойно запустил кофемашину, открыл окно. Комнату заполнил утренний летний воздух — потрясающе свежий, прохладный и очень вкусный, еще и потому, что внизу находилась булочная и с утра всегда пахло сдобой, а от этого хотелось скорее проснуться, чтобы выпить кофе или горячего шоколада... Я быстро спустился вниз, купил пару свежайших круассанов, вернулся домой, налил себе чашку кофе и сел у окна.

Почти чувствую себя парижанином. За окном уже начинается суета, присущая будним дням, мимо торопливо пробегают

женщины, постукивая каблучками, проезжают забитые автобусы, подросток выгуливает сразу четырех собак, мужчины деловито поглядывают на часы, или забегают за газетой, или ловят такси — всем куда-то надо, все куда-то спешат, а мне не нужно: я сижу, наслаждаюсь своим кофе и круассанами и продумываю, что бы такого спросить у Бертран, и у меня еще целый час.

Ход мыслей вдруг остановился, я как будто бы застыл в настоящем моменте. Ни о чем не думалось! Я просто ощущал, как за глотком холодного утреннего воздуха следует глоток горячего ароматного кофе.

Я шел на встречу с Бертран, хорошо подготовив вопросы, через час после начала нашей беседы должен был подойти Джонни и сделать несколько фотографий для журнала, настроение было рабочее, казалось, меня больше не смутит ее странное очарование, но как я ошибался...

— Hi, Alex! — сказала она, улыбнувшись. И снова меня словно током ударило. И снова подумалось: «Стерва!», потому что она припомнила мне мою тогдашнюю неловкость, но при этом так обезоруживающе улыбалась, и я совершенно не знал, как на это реагировать, что ей правильно ответить?

— Hi, Pauline! — включился в игру я. Хочет по-американски, будет по-американски. Она протянула мне руку (может быть, для поцелуя, или во Франции это уже лет сто как не принято?), я ее пожал.

— Пойдемте в тот зал, там находятся те картины, которые я бы хотела показать в первую очередь. Я помню, вы спрашивали, что в моем понимании современное искусство? Добро пожаловать! — она снова улыбнулась и жестами попросила меня следовать за ней. Она подвела меня к одной из картин. На темно-синем фоне там были какие-то разноцветные мелкие мазки, различить ни одной фигуры я не смог, картина напоминала просто рисунок на офисном

ковролине или дешевых обоях. Я смотрел, смотрел и смотрел на эту картину, но никак не мог понять, что на ней и что в ней особенного. Меня не радовало ничего — композиции, казалось, не было вовсе, ведь на картине были только разрозненные мазки, только некоторые цвета были насыщенными и приятными для глаза, остальные — грязные, непонятные. Мазки тоже были какие-то странные, будто у художника постоянно тряслись руки. Полин наблюдала за мной, чуть наклонив голову и сложив руки в локтях.

— Ну что, Алекс? Что видите? Нравится? — выжидающе спросила она.

— Честно? Мне кажется, художник ехал в пикапе по неровной дороге, в зубах у него было несколько кисточек, и у него что-то вроде этого получилось. Я не понимаю, что в этой картине особенного! — откровенно признался я. Полин удивленно подняла одну бровь и сказала:

— Меня удивило вовсе не то, что вы не оценили картину, меня удивило, что вы открыто в этом признались. Что касается картины, придется мне вас кое-чему научить, — Полин вздохнула, отошла на пару шагов от картины, подозвала меня, поставила меня так, чтобы я оказался прямо напротив нее, и попросила прищурить глаза. — Не торопитесь, смотрите сквозь ресницы!

Сначала я ничего не видел, затем краски причудливо смешались перед моими глазами, слились в многоцветное пятно. Я долго всматривался в него, пытаюсь понять, что же я должен увидеть или почувствовать.

Вдруг я увидел! Увидел ночь. Почувствовал, как идет дождь, и я иду по городу и вдруг вижу лужу, и в ее пронзительной черноте отражается город, темно-желтые фонари, красные, ярко-зеленые и голубые огни неоновых вывесок, и вдруг кто-то наступил в лужу, или просто проехала машина, нарушив эту гладь, появилась рябь, линии причудливо изогнулись, заплясали — и вот они, на холсте.

— Что вы видите? — спросила меня Бертран. Я ей рассказал. Она снова улыбалась, но уже как-то очень мягко и тепло. — И ведь самое удивительное, что все видят ночь — такова задумка автора, но у каждого в памяти всплывают разные образы, связанные с ней. Вы становитесь соавтором картины, понимаете? — Я был потрясен. Для меня это было открытие. Я стоял, смотрел на картину, потом на Бертран и не мог ничего сказать.

— Мне всегда казалось, что современное искусство — это просто новая техника, отрицание всего, что было прежде, манифест и не более. Я имею в виду, что за яркими полосами, мазками и точками не должно было ничего стоять. Я думал так.

— Так многие считают, но ониЯ согласился. Мне действительно нужно было время, чтобы привести мысли в порядок, все оказалось куда глубже, чем я думал.

— Я и вправду ничего не смыслю в современном искусстве...

— Тогда вам повезло взять у меня целых два интервью, Алекс! — Полин Бертран снова улыбалась. Только глаза у нее не улыбались, но не как это бывает при неискренней улыбке, а по-другому. И это мне показалось не столько странным, сколько печальным. Она пила свой кофе некоторое время молча, и я успел заметить это, это был едва уловимый отблеск чего-то темного, что-то очень далеко скрытое в ней самой, настолько глубоко, что она это не осознает, живет с этим и поэтому не в силах скрыть, даже если будет смеяться от души. Сам не знаю, эта мысль вдруг пронзила меня, и мне стало не по себе, как будто я случайно увидел что-то очень личное, куда не стоит вмешиваться. Полин вдруг посмотрела мне в глаза, я смутился еще больше, она улыбнулась снова, наверное, чтобы снять неловкость.

— Пора продолжать, я хотела показать вам еще четыре картины! — сказала она, увидев, что я допил кофе.

Я смотрел на следующую картину и видел, как я лежу в своей детской комнате, и никак не могу заснуть, и смотрю в окно мансарды, а за окном темное-темное небо и идет снег — крупными белыми хлопьями, идет и идет, падает и падает — крупные такие снежинки кружатся, медленно приземляются на покатое стекло, скатываются, остаются, тают, замерзают... Со следующей картиной я оказался в огромном поле, полном разных цветов, почти услышал, как над ним летают пчелы и дует легкий ветерок, и все эти лютики, ромашки, колокольчики, васильки, репейник и высокая трава смешиваются, и уже не видно четких очертаний, зато чувствуется запах высокой сухой травы, разнотравья, чувствуется, как солнце греет, греет и греет, мимо пролетают ласточки, скоро будет гроза.

Полин наблюдала, как я стою у картин и прищуриваюсь, отхожу, подхожу ближе и снова отхожу, и довольно улыбалась.

— Судя по всему, мне повезло с учеником, у вас очень тонкое восприятие, такое редко бывает. Я уже вас боюсь! Вы начинаете на меня так же смотреть! — она снова как-то грустно засмеялась. Может быть, она даже почувствовала, что я увидел что-то в ее глазах, чего не надо было. Ведь мадам Полин Бертран успешна во всем. Было ужасно неловко, я, конечно, улыбался в ответ, но мы оба уже знали, что она была права, и я не знал, что сказать или сделать дальше. В эту минуту в зал зашел Джонни с аппаратурой:

— Бонжур, мадам Бертран! Привет, Алекс! Прекрасное сегодня утро!

— Замечательное! — Бертран снова улыбнулась своей хитрой улыбкой. — Вы, наверное, Джонни? Тогда пойдёмте, я вам покажу, какие картины необходимо снять. Алекс, выпейте еще кофе пока или прогуляйтесь дальше по галерее, пока я объясню Джонни, а потом продолжим наше интервью.

Я был ужасно благодарен Джонни, что он появился в ту самую минуту, он просто спас меня. Хотя от чего? Я ничего не натворил, и

мне не нужно было объясняться, но все равно было такое ощущение, что я подглядел за человеком, смотрящим в зеркало, и он это заметил, и от этого возникло какое-то странное чувство, будто нарушил какую-то незримую границу, подошел слишком близко. Полин Бертран не была очень уж публичной особой, то есть, я хочу сказать, ее не узнавали в магазинах и не просили автографа и тому подобное, было бы странно, если бы за ней ходили толпы почитателей: она не поп-звезда и не топ-модель. Но все же, когда она появлялась в эфире или когда можно было прочитать ее интервью с фотографией в светском журнале, там всегда можно было увидеть очень успешную, сильную деловую женщину, настоящего монстра, у которого нет ни одного слабого места — она была умна, очень умна, достаточно красива, всегда прекрасно одевалась, тонко шутила, у нее было свое любимое дело, а кроме того — почти такой же успешный, если только не более, муж, а еще двое детей шести и десяти лет от роду. И, конечно, всегда счастливые глаза и удивительная улыбка. А здесь я вдруг увидел, или мне все-таки показалось? Я вдруг увидел очень глубокую печаль в ее глазах... И мне было безумно интересно, что с ней. Но ужасно не хотелось, чтобы она догадалась о том, что я понял, а она, кажется, догадалась. И это было неудобно. А еще я очень хотел ей помочь. Зачем я хотел ей помочь? Почему я хотел ей помочь? Я и сам не знаю. Что-то в ней было. Необъяснимое.

Статья удалась! Редактору понравилось интервью, и в результате на обложке красовалась «Ночь» Жюстина Дюваре. В тот же день позвонила Бертран:

— Алекс, спасибо за чудную статью, я рада, что интервью брали у меня именно вы. И спасибо Джонни за прекрасные фотографии. Приходите на торжественное открытие выставки завтра, в семь вечера. Буду рада вас видеть.

На открытии собрались почти все интеллектуальные (и не очень) сливки Парижа. Кругом, конечно, полно репортеров,

гостям предлагают шампанское, в залах чувствуется едва уловимый аромат свежих цветов. Кто-то откровенно скучает, кто-то, наоборот, восторженно смотрит на картины, с которыми меня ранее познакомил Бертран. Кто-то оживленно объясняется по телефону, кто-то красуется перед камерами, выставляя на обозрение новые достижения пластической хирургии, кто-то, поправив галстук, нюхает нежные нерине, кто-то поздравляет Полин и с пафосом целует ее в обе щеки — в общем, все кругом совершенно разные, для кого-то это просто очередная тусовка, а для кого-то настоящее событие. Как для Полин. Вот она стоит, улыбается, принимает поздравления, для нее сегодня важный день — она открывает новый мир для сотен или тысяч таких, как я, ничего не смыслящих в современном искусстве. Она стоит, улыбается, рядом также очаровательно улыбаются ее дочери, рядом ходит ее муж, здоровается с гостями, тоже улыбается, периодически подходит к жене, говорит ей что-то на ухо, она сияет, или даже смеется, медленно пьет шампанское, смотрит на публику вокруг. Ей, конечно, не до нас с Джонни, да и не нужно это, я предпочел прятаться за другими людьми, ведь я никакого отношения не имел ни к сливкам парижского общества, ни к репортерам, в отличие от Джонни, который, как и всегда, чувствовал себя в своей тарелке. Или делал вид, что чувствует. Я украдкой смотрел на Полин. Я переводил взгляд то на ее дочерей, то на Жюстина, то на его картины, то на месье Бертрана, то на проходящих мимо людей, но я смотрел на Полин. Она улыбалась. Она стояла в своем элегантном бежевом платье, которое подчеркивало все ее достоинства, я смотрел на ее красивые формы и думал: как же она сексуальна, сексуальнее вот той молодой модели (сопровождавшей какого-то дипломата) в коротком, обтягивающем синем платье, сексуальнее грудастой блондинки с собачкой, сексуальнее любой другой девушки, которую я мог бы припомнить на данный момент. Меня сводили с ума

все ее изгибы, и обнаженные лопатки, и запястья. Я смотрел, как она, чуть покачивая, держит запотевший бокал тонкими пальцами. Смотрел, как она подносит его к губам, и тонкий браслет съезжает с запястья к локтю. Как делает маленький глоток, и иногда даже чуть, всего на долю секунды, прикрывает глаза. А потом на бокале, наверное (я был слишком далеко, чтобы знать наверняка), остается чуть заметный след от ее красивых губ. Я поймал себя на мысли, что хотел бы оказаться тем бокалом. От этого на душе стало как-то беспокойно, мысли закрутились в голове, и в этом вихре проносились странные образы — тот момент, когда я впервые увидел ее, и она стремительно вошла в кафе, и как она смотрела на меня с хитринкой, и как она пила кофе, а я на нее, сам еще не зная, любовался, и как она откидывала прядку волос, вдруг выбившуюся из прически, как говорила, и снова эта грусть в глазах, но тут следующий образ — как она допивает шампанское и подходит ко мне, и увлекает за собой, и я представил, как я целую ее спину и медленно расстегиваю бежевое платье, но все это за доли секунды, следующий образ мне не надо и представлять, ведь я хорошо вижу, как ее обнимает муж и как смеются ее дочери, вымазавшись в пирожных. Лучше не думать о ней, это становится опасно.

Через две недели мы пошли на молодежную выставку современной фотографии, там были призеры самых разных конкурсов. Джонни это было важно, потому что он и сам был фотографом, а я просто любил рассматривать красивые фото и пошел за компанию.

— Вон та хороша, где снят ночной город на большой выдержке. Хочу так же снять Париж вечером, но так, чтобы была видна Эйфелева башня. У меня уже есть Нью-Йорк с Эмпайр Стейт Билдинг, и Лондон с Тауэрским мостом, и Рим, кстати, тоже есть, помнишь, мы тогда на Колизей забрались, а потом нас поймали, отобрали аппаратуру и посадили до утра, а потом Марта внесла залог, и нас выпустили?

— Как такое можно забыть... Но ведь они все засветили — удивился я. — Или не все?

— Не все! Эту пленку мне удалось хорошенько спрятать! — Джонни самодовольно улыбнулся. — Надо будет забраться на башню...

— Э, нет, брат. Штука с ночевкой в полиции не пройдет, на Эйфелеву пускают поздним вечером, так что тебе и мне такие жертвы уже будут не нужны! — я рассмеялся и продолжил дальше рассматривать фотографии. Разные: черно-белые и цветные, пейзажи и портреты, фотографии улыбающихся и плачущих, новорожденных и стариков, лошадей, собак и птиц, фотографии звездного неба, еды и моря. Заглядываю в каждую, будто в окно, и оживают старые, детские воспоминания. О том, как вкусно пекла мама, и о том, как папа учил кататься на велосипеде, а за нами гнался мой пес, который тогда еще был щенком, как дедушка показывал звезды, как в первый раз оказался на море, как в первый раз поцеловался с девочкой, как в первый раз напился с друзьями, как однажды гуляли целый день в парке развлечений и как (тоже в первый раз) большой компанией поехали на несколько дней в охотничий домик. Я настолько углубился в воспоминания и размышления, что все происходящее оставалось для меня только фоном. Вот мы вышли на улицу, уже стемнело, и мы шли по городу, а я смотрел на огни и думал о «Ночи», точнее — вспоминал Полин. Джонни тоже молчал и просто шел рядом, курил и думал о чем-то.

Потом мы забрели в какой-то бар, кругом было много народа, звенели бокалы, слышался смех, играла музыка. Мы сели за стол и заказали пиво, потом виски и ром. Мы смеялись, шутили, вспоминали, как провели каникулы и как давно нас не было дома, обсуждали общих знакомых, новинки кинематографа, рабочие моменты и просто мысли. В общем, говорили ни о чем и обо всем одновременно, и я не особенно уделял этим разговорам внимание,

не было настроения, все было фоном, потому что думалось совершенно о другом. Вот уже две недели я почти постоянно думал о Полин. Мне то и дело казалось, что она идет мне навстречу или сидит за соседним столиком в кафе, а потом оказывалось, что это совершенно не похожая на нее девушка или женщина, просто у нее такие же каштановые волосы, или похожие черты лица, или она еще чем-то совершенно неуловимо похожа на Полин. Вот и сейчас, когда Джонни увлекся рыжеволосой девушкой за соседним столиком, я смотрел на фигуру у барной стойки, и мне казалось, что это Полин. Она пила мартини со льдом и курила одну за другой, она не смотрела по сторонам в поисках кого-то, не болтала с подругами, не ждала своего мужчину. Она просто сидела, пила мартини и курила. Сходство было просто поразительное, и вдруг, будто почувствовав мой взгляд, она обернулась, но, конечно, это была совсем не она. Да и не могла это быть Полин... Я отвел взгляд.

Мужские и женские голоса смешивались в причудливый гомон, и уже невозможно было отделить, кто жалуется на жизнь или празднует какую-то удачу. Кто-то смеялся, пару раз взвизгивали женщины, и было непонятно, то ли на них что-то пролили, то ли они сами разбили какой-то бокал, то ли их ущипнул подвыпивший мужчина, проходящий мимо столика. Были слышны раскатистые голоса двух толстяков, сидящих у окна, и их гомерический хохот, они что-то оживленно обсуждали, и лбы их покрывались испариной, а красные щеки лоснились и краснели еще больше, когда они хохотали, а глаза почти совсем исчезали, сузившись в щелочки, и блестели из глубины. Очень похоже, что они наслаждались жизнью. Рядом сидела молодежь и шумно отмечала чей-то день рождения, чуть подальше, за небольшим столиком в углу, сидели две подруги и что-то оживленно обсуждали, одна из них сильно жестикулировала и кого-то изображала, вторая внимательно слушала и порой смеялась, а потом тоже что-то рассказывала, и глаза у нее

ярко блестели. Обе были того же возраста, что и я, может быть, чуть младше или чуть старше, было непонятно, о чем они говорят, но когда я проходил мимо, я услышал, что обсуждали они каких-то беспозвоночных и ярко сыпали научными терминами. Честно говоря, меня это потрясло. Я ожидал услышать что-то типичное, разговоры о мужчинах или последние сплетни, а может быть, обсуждение каких-то косметических новинок или модных тенденций, в крайнем случае, тяготы жизни или, возможно, курортные истории, но никак не жизнь, бурно кипящую в прудах и садах Прованса. В этот момент я понял, что мои познания о женских характерах и разговорах были далеко не полными.

Я вышел на свежий воздух. Последняя ночь лета — густая, как темно-синяя гуашь, чуть прохладный воздух будто застывает вокруг, оплетая заснувшие здания, подкрадываясь к горящим окнам и фонарям. Внизу, на дорогах, тротуарах, у входов в бары и клубы кипит жизнь, но чуть выше, если поднять взгляд, город царственно спокоен и далек от суеты. Легкий ветер колышет листву каштанов и ясеней, воздух наполнен особенным летним запахом — сложно разобрать, что его составляет: то ли остывающий асфальт и деревья, их кора и листья, то ли ночные цветы, или, быть может, что-то доносится от Сены, одновременно открываются какие-то окна и двери, и оттуда доносятся самые разные запахи — поздний холостяцкий ужин, навязчивый и пряный запах восточной кухни, смрад потных тел, алкоголя и табака, доносящийся из раскрытых настежь дверей ночного клуба, откуда вышла большая группа разгоряченной молодежи в мокрой от пены одежде. Я скорее прошел мимо них, быстрым шагом дошел до набережной и с облегчением вдохнул свежий-свежий воздух от воды, я прошел еще, наверное, полкилометра по набережной, потом поймал такси и доехал до квартиры.

Я и не ждал, что встречу ее здесь. Ранним вечером я зашел еще пообедать, или уже поужинать, в Les Philosophes, заказал себе

салат — было очень любопытно попробовать, что французы находят в лягушачьих лапках. Лягушачьи лапки вели себя прекрасно, пока не достигали горла, на этом этапе я вдруг очень живо представлял себе квакающих в пруду лягушек, и дальше требовалось усилие, чтобы все-таки их проглотить.

— Знакомьтесь с французской кухней, Алекс? — чуть наклонив голову, спросила она. — Тогда рекомендую вам набраться мужества и попробовать улиток! — она снова хитро улыбалась, глядя на меня.

— Добрый вечер, Полин. Боюсь, лягушек на сегодня достаточно, улитки как надеялся, что она не видит моего волнения и радости от встречи с ней.

— Вы сегодня в одиночестве? Ваши друзья не разделяют ваше любопытство?

— Я просто хотел побыть один.

— О, тогда прошу прощения, я вовсе не хотела вам помешать!

— Нет, вы не помешали! — выпалил я, глядя ей прямо в глаза, и, осознав свою ошибку, начал что-то лепетать про интерес к современному искусству.

— А я как раз зашла поужинать и тоже в одиночестве! — она снова улыбнулась.

Мы сидели, и наш разговор становился все менее формальным. С ней было удивительно легко говорить, она рассказала мне столько интересного про Моне, и про Пикассо, и про Ван Гога, и про менее известных художников, казалось, ей нравится рассказывать это мне, потому что я очень внимательно ее слушал. Я ее слушал и смотрел на нее, не решаясь задать многих вопросов, чтобы не показаться совсем уж глупым, я очень боялся показаться глупым перед ней. Когда она увлеченно рассказывала мне что-то, она вся будто загоралась внутренним светом, как это бывает, когда человек говорит о любимом деле, о том, что знает как свои пять

пальцев, и о том, что любит. В эти моменты печальная искорка в ее взгляде куда-то почти исчезала, почти. Безумно хотелось разгадать эту ее загадку. Я смотрел на нее, на то, как она медленно и мало ест, наслаждаясь каждым кусочком, как отпивает воду из бокала, как смотрит на меня. И я вдруг почувствовал, что и она смотрит на меня по-особенному, не с хитринкой и не испытывающе, а с каким-то теплом и одновременно с грустью. Все-таки я решился задать свой вопрос:

— Ван Гог отрезал себе ухо, Дали называл себя великим сумасшедшим, Пикассо часто писал совершенно непонятные вещи и объяснял это своим видением. Что-то во всех этих ребятах было не так, все они были... очень сильно необычными. Сумасшествие — гарантия гениальности, так, получается?

— Не совсем так, Алекс, вы же и сами прекрасно понимаете, что не все сумасшедшие гениальны, и не все гении — сумасшедшие. Во-вторых, что значит «не так»? Что, в ваших глазах, понятие нормы? Кто эту норму определяет? Уверены ли вы, что ваше представление о норме верное?

— Я, вероятно, слишком просто выразил свои мысли, однако исходя из того, что норма для всех может несколько различаться, нельзя приходить к отрицанию нормы. Яблоки всегда были круглыми, — уточнил я.

— Это все правильно, но в искусстве даже яблоки не обязаны быть «круглыми», как вы выразились. Стоит заметить, что круглыми они могут быть названы только с натяжкой и при схематическом изображении, и даже природе свойственна некоторая «неправильность», которая куда правильнее эталонов, в этом и состоит великая гармония и великая загадка.

— Я молча согласился. — Так вот, возвращаясь к нашим великим сумасшедшим, я вспомню еще одну важную вещь, о которой говорили многие, но я почему-то запомнила слова именно

Кортасара, однако процитирую его косвенно. Он однажды сказал, что подлинное искусство невозможно без боли. Если человек не испытывает боль, он не может духовно переродиться, а без болезненного перерождения нет осознания, без осознания, в свою очередь, нечего выражать. А от очень большой душевной боли легко перейти к сумасшествию, поверьте.

— То есть человек или счастлив, или гениален?

— Алекс, вы опять порадовали меня своим вопросом, — Полин рассмеялась, но мне не было обидно, было любопытно.

— Сотни тысяч, миллионы, миллиарды людей веками ищут ответ, что же такое счастье, а вы меня спрашиваете! Мое мнение — нет, и это не так. Гениальность и способность быть счастливым — это непересекающиеся и не влияющие друг на друга черты характера и особенности мозга. Однако когда человека ничего не беспокоит, он редко что-то пытается осмыслить, он наслаждается моментом. Точно знаю, что я не гениальна, — рассмеялась Полин.

— А счастливы? — собравшись с духом, спросил я и посмотрел ей прямо в глаза. Она, смутившись, отвела взгляд, но потом пронзительно посмотрела мне в глаза и сказала:

— Алекс, такие вопросы просто так не задают... Вы меня пугаете своей пронзительностью. Нет, я не счастлива. Я признаюсь вам. Но это top secret. И с этого момента давай на

«ты». Раз уж сегодня вечер признаний, на «вы» общаться не имеет смысла. Я задам встречный вопрос: а счастлив ли ты?

— Да! Почти! — ответил я. — И раз уж сегодня вечер признаний, то и от того, что встретил сегодня вас, то есть тебя, — я решил сказать все как есть. Она чуть смутилась и улыбнулась, глядя мне в глаза. Опять своей грустной улыбкой.

— Какая картина твоя любимая? — вдруг спросил я.

— Хочешь увидеть? Я тебе покажу, — она стала искать сумочку, но я опередил ее и расплатился, а потом мы вышли на

воздух, а я все еще не верил, что рядом со мной — Полин. Галерея была совсем недалеко, и мы быстро дошли до нее, продолжая разговаривать о счастье. Мимо проходили десятки, сотни людей, и, слушая Полин, я часто вглядывался в их лица, чтобы понять, счастливы ли они? Полин порой говорила очень грустные вещи, и мне совершенно не хотелось думать, что это может быть правдой, да и как такое возможно, чтобы счастья вовсе не было?

— Мне кажется, счастья как такового не существует. Существует воспоминание о нем, когда человек осознает произошедшее с ним и считает это счастьем, или мечты о счастье. Но счастье настоящего момента? Оно редко бывает полным, всегда есть маленькое «почти»...

— Могу согласиться только со второй частью, но мне кажется, несмотря на это «почти», счастье случается часто — и моментами, и более длительно. Так что я не склонен думать, что счастья нет. Я ведь счастлив, почти на все сто, но эти девяносто девять заставляют меня улыбаться по утрам! — возразил я. Полин вздохнула и улыбнулась.

— Тогда тебе очень везет, Алекс! Ты все еще хочешь узнать, какая картина моя любимая?

— Конечно, может быть, она мне что-то поможет понять! — я снова посмотрел ей в глаза.

— И зачем это тебе нужно? — хитро улыбаясь, спросила она. — Ладно, спишу все на твое любопытство к моей персоне. А мне любопытно услышать, что ты скажешь.

Она улыбнулась и подошла к одной из картин.

— Вот эта, — коротко сказала она. Она больше не улыбалась, как будто та улыбка была последней попыткой что-то скрыть, улыбка-маска, улыбка-привычка. И не надо было больше ничего говорить, не нужно было прищуривать глаза, отходить или цокать языком, чтобы понять. На картине была ужасающая пустота,

точнее, бездна — не отсутствие чего-либо, а что-то разрушенное. Черные, серые, темно-синие мазки — ни одного просвета, ни единой надежды, только холод, страшный внутренний холод и очень сильная боль. Не картина, а зрачок Полин Бертран. Тот маленький, едва уловимый отблеск в ее хитрых глазах — умноженный во сто тысяч крат, точнее, просто увеличенный, чтобы можно было лучше разглядеть. В полной темноте картины, в этих сгущающихся сумерках мрачных красок можно было разглядеть девочку, сидящую у окна. Не было города вокруг, не было даже дома, как будто бы шел дождь, а стены дома покосились, были видны ясно-синие глаза ребенка и мертвенно-бледное лицо, искаженное слишком крупными, неровными мазками. Полин стояла чуть дальше и смотрела в пустоту, и я понял, что она надеялась, что хотя бы я, случайно оказавшийся на ее пути, вдруг пойму ее, и ей не придется больше хитро улыбаться с прищуром, хотя бы несколько десятков минут побыть настоящей. Она была абсолютно потеряна, я вдруг увидел, что она совсем как та маленькая девочка, и ей страшно, она стоит тут одна, смотрит в эту бездну, а точнее, в глубину себя, но не находит ответа, и от этого становится еще страшнее. Все внутри меня сжалось от пронзительного ощущения горечи, в голове закружились разные мысли, и более всего я не мог понять, что же такое творилось внутри у Полин, что она была погружена в такое отчаяние. Не могу сказать, что мне было ее жалко, она не вызывала жалости даже сейчас, когда дала волю своим чувствам и почему-то решила признаться мне в своей слабости. Хотя слабость ли это? Мне не было жалко ее, но я безумно хотел, чтобы ей перестало быть так больно, я хотел сделать так, чтобы она была счастлива, чтобы ей было легко, чтобы ей не приходилось фальшиво улыбаться. Я не знал, вправе ли я хотеть этого, и более того, вправе ли пытаться что-то изменить, и, честно говоря, не хотел этого знать. Я почему-то верил, что если она рассказала это мне,

сегодня, сейчас, вот так, то это не случайно, как и наша встреча с ней сегодня, и она тоже хотела встретить меня.

— Прости, Алекс, я не хотела, я не права была, что позвала тебя сюда, тебе не стоило... знать это и вообще...

Я уже не видел перед собой мадам Бертран, галеристку и искусствоведа, чью-то жену и мать, я видел Полин, потерянную, сомневающуюся и необыкновенно красивую. Я подошел, просто посмотрел в ее глаза и поцеловал ее. Сердце бешено колотилось в груди, я не хотел дышать воздухом, я хотел дышать ею, хотел вечно чувствовать на своих губах прикосновение ее мягких, влажных губ, чувствовать ее вкус, от которого я был готов потерять сознание, ее вкус, одновременно необыкновенно сладкий, но и терпкий, и даже горький. Она ответила на мой поцелуй робко, нерешительно, а затем страстно, она целовала меня и одновременно отталкивала ладонями, а потом смущенно отстранилась и сказала:

— Алекс, прости, мы совершили ошибку, тебе, правда, пора. Еще раз прости. И забудь, о чем мы здесь говорили... Я не должна была... — она отводила взгляд. Она была напугана. Я крепко сжал обе ее руки, посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Нет никакой ошибки. Все так, как должно быть.

Я вдруг почувствовал необыкновенную уверенность в своих словах и понял, что ей нужен именно я.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я снова поцеловал ее, я чувствовал, как на этот раз она полностью отдалась нахлынувшим чувствам и не пыталась оттолкнуть меня, я чувствовал, что она хотела этого поцелуя так же, как и я, и от этого все внутри клокотало, я чувствовал страсть так явно, как если бы внутри меня полыхал лесной пожар, сердце в груди безумно билось, руки мои дрожали, а Полин... Полин целовала меня так нежно, как будто боялась, что я растаю или исчезну, ее руки робко касались меня, она смотрела в мои глаза совсем по-другому, я не видел в них былой уверенности, я вообще видел перед собой совершенно другую Полин, похожую на Алису из Зазеркалья — юную, нежную, трепетную. Ее глаза все еще были полны грусти, как будто она вот-вот заплачет. Мне было странно видеть это в ней, в такой «железной леди», овершенно непробиваемой на первый взгляд. Но ведь с первого взгляда можно было посчитать ее счастливой, хотя это было совсем не так. Я целовал ее и чувствовал легкий аромат ее духов, ее кожи, ее волос. Я целовал ее, и все остальное переставало существовать — ничего больше не важно, только это ощущение, только это легкое головокружение, и руки чуть дрожат от волнения, как в первый раз, когда мне было тринадцать лет. Это ощущение пронзило меня, я осознал, что ни разу с тех пор так не волновался, не было такого трепета, такого потрясающего ощущения легкости, нежности, страсти — всего сразу. Она вдруг чуть отстранилась, посмотрела на меня, нежно поцеловала в губы, едва заметно улыбнулась, снова поцеловала меня, обняла и сказала тихо:

— Мне пора... — и было видно, как она не хочет уходить.

— Не уходи, не надо... — я прижал ее к себе сильнее.

Все же она ушла. Я слышал ее удаляющиеся шаги и ничего не мог поделать, конечно, ее ждали дома, конечно, она должна была идти. Полин... я все еще чувствовал в воздухе запах ее духов с нотками ириса, руки еще помнили первые нерешительные прикосновения к ее шелковой блузе, тепло ее тела и ее тонкую талию, на губах еще был ее вкус, и я все боялся, что он исчезнет, я шел домой и незаметно то и дело касался их рукой, чтобы напомнить себе касания ее губ, я так хотел бы остаться с ней там, снять скорее с нее одежду и целовать ее всю, всю целовать... Кажется, я влюбился сильнее обычного, серьезно влюбился. Я шел и думал только о наших поцелуях, о том, что она тоже, тоже влюблена в меня. А разве может быть иначе? Она целовала меня! Она прижималась ко мне всем телом! Она так не хотела уходить! Она прошептала «Завтра, Boulevard du Montparnasse, 108, в три часа» прямо мне в ухо своим нежным, чуть низким голосом... Завтра... Завтра я увижу ее! Завтра смогу целовать ее... уже только от одной этой мысли хотелось громко кричать от радости! Я шел и улыбался. Я не заметил, как дошел пешком до дома, хотя путь был неблизкий, как поднялся по лестнице на второй этаж, зашел в квартиру. Я действовал на автомате, потому что думал совсем о другом. Приближалась ночь, а спать совсем не хотелось, то есть, конечно, хотелось, но я все время представлял себе Полин: и как я расстегиваю замочек на ее платье, или как целую ее хитрые и одновременно грустные глаза, как она целует меня — и не мог заснуть. Хотя я и понимал, что если засну, время пробежит быстрее. Время тянулось ужасно медленно. За окном была вязкая, тягучая ночь, чуть прохладная. Изредка проезжали машины, слышались какие-то голоса, но все это было так безумно скучно и неинтересно: город продолжает жить своей жизнью, в то время как моя резко повернулась, и куда

она меня приведет — неизвестно. Знаю только, что завтра — к Полин.

Я шел к ней. Время вело себя странно, оно то сжималось вместе с сердцем у меня в груди, то несло вперед, как и я, если бы не часы, я бы вовсе потерял счет времени. Я снова боялся опоздать, хоть и вышел из дома сильно заранее, я быстро шел мимо кондитерских, кафешек, магазинов, газетных киосков, сувенирных лавок, баров. Вывески и витрины мелькали перед глазами, иногда я видел свое отражение. Я шел к ней. И остальное не имело смысла. Мимо проходили люди, их лица и фигуры смешивались, как причудливые мазки на холсте, и вдруг я увидел ее — она шла навстречу мне, но еще не видела меня, и лицо ее было серьезным и сосредоточенным, движения, как и обычно, быстрыми и стремительными, чуть резкими. Она увидела меня, взгляд ее моментально стал мягче, она просияла и немного ускорила шаг, я слышал, как стучат ее каблуки, все ближе и ближе, и вот она целует меня, мимолетно, в губы, как будто стесняется прохожих. Она говорит мне «Bonjour», и это тоже совсем иначе — не по-деловому сухо, как в первый раз, и не капельку задорно, как во второй, она просто говорит «Bonjour», не дежурное приветствие, а именно пожелание хорошего дня. Мне. Мурлычет. Чуть весело, чуть серьезно, чуть нежно, немного томно — «Bonjour». Я целую ее в ответ, и я не стесняюсь прохожих, я крепко обнимаю ее и целую ее в губы, долго целую, чтобы успеть насладиться запахом ее духов и кожи, и волос, и шелка ее платья, чтобы почувствовать, как бьется ее сердце, чтобы чувствовать как можно дольше тепло ее губ и их вкус. Мы торопливо поднимаемся по лестнице, она гремит ключами, доставая их из сумочки, мы целуемся прямо на лестничной площадке, безумно, взахлеб, потому что нет времени ждать, пока ключ повернется в замочной скважине, потом она все же отстраняется и успевает открыть дверь, мы вваливаемся в квартиру, сумочка

и ключи падают на пол, я чувствую, как мы оба задыхаемся от страсти. В этой квартирке нет воздуха, потому что мы целуемся и дышим друг другом, и мы задыхаемся. Она ведет меня в спальню, держа за руку и одновременно как бы убегая от меня. Я хочу медленно раздеть ее, но она останавливает меня. Почему?

— Подожди... — она загадочно улыбается. — Еще одно удовольствие — ожидание удовольствия.

Она подходит ко мне и медленно, очень медленно расстегивает пуговицу за пуговицей на моей рубашке. Я одновременно жалею, что не надел футболку вместо рубашки, и мечтаю, чтобы это длилось вечно, но в тот же момент думаю, что скорее бы кончились все эти чертовы пуговицы. Я чувствую ее горячее дыхание на своей коже, вижу, как она прикрывает глаза от удовольствия, как чуть робко касается моей кожи, а потом медленно снимает рубашку и целует меня в шею, плечи и торс. Умело расстегнув пряжку на моем кожаном ремне и медленно расстегивая молнию, ловко стягивает с меня джинсы. Она снова смотрит мне в глаза, и в ее глазах теперь легкая дымка. «Хитрая кошка», — думаю я, осознав, насколько она права. Я разворачиваю ее к себе спиной и откидываю ее волосы на левое плечо, медленно вдыхаю их аромат и щекочу дыханием ее правое ухо и затылок, расстегиваю молнию на платье, оно, едва слышно шурша, падает к ногам, соскользнув по ее нежной коже. Я останавливаюсь, чтобы перевести дух, потому что не просто задыхаюсь от страсти — захлебываюсь в ней. Она стоит, чуть опустив ресницы, и тоже часто дышит, ее губы полуоткрыты, и я больше не могу выносить этого ожидания. Я решительно обошел ее, одной рукой я ласкал ее шею и волосы, а другой старательно избавлялся от ее кружева. И вот уже я ласкаю ее нежную упругую грудь, которая показалась мне еще красивее без белья. Я чувствовал, как ее прекрасное тело прижимается ко мне, кожа к коже, чувствовал ее изгибы, не воображал их, не представлял

их, не пытался их предугадать под одеждой — чувствовал, своей кожей, своими ладонями и пальцами, губами и языком. В этот момент, кажется, я понял, что такое «сводить с ума». Она целовала меня страстно, безумно страстно, ее руки ласкали меня нежно и смело одновременно, больше нельзя было ждать...

— Ты потрясающий... — шептала мне на ухо Полин, когда стемнело.

— Тебе уже пора? — чуть испуганно спросил я. Я ужасно не хотел ее куда-либо отпускать. Я хотел ее снова и снова. И снова. И снова.

— Нет, мне никуда не пора... Оноре сегодня утром уехал с девочками на море, а у меня дела в Париже... И ты... — она поцеловала меня. — Знаешь, что нам не помешает?

— Что? — спросил я.

Мы пили белое вино из запотевших бокалов и снова целовались и ласкали друг друга, не в силах остановиться. Мы любили друг друга на полу, на кухне и снова в кровати, прерываясь только чтобы выпить вина и перевести дух. Около четырех утра мы, изможденные, уснули.

Я проснулся. Полин с необыкновенной нежностью и небольшой грустью смотрела на меня и медленно, размышляя о чем-то, гладила мои волосы рукой. Солнечный свет от окна играл в ее волосах и золотил ее кожу, казалось, что свет исходит именно от нее, кожа, ее кожа... Гладкая и необыкновенно нежная, тонкая, чувствительная. Я водил тыльной стороной ладони по ее предплечьям, скользил от плеч к шее, к груди, ласкал ее грудь, целовал ее и вдыхал ее аромат... Полин пахла цветущим лугом, или золотистой пшеницей, чуть сухой травой, полевыми цветами и капельку шоколадом. Ее запах, не запах ее духов, а именно ее запах, был необыкновенно легким, сладким и чуть цветочным. Я сходил с ума от этого аромата, сначала он чуть щекотал ноздри, а потом он сразу оказывался внутри меня,

и у меня чуть кружилась от него голова, и хотелось целовать ее всю. И я целовал. Целовал сгибы локтей, запястья и ладони, целовал шею, целовал ее необыкновенно сексуальные лопатки, целовал ее красивые бедра, чуть острые колени, тонкие лодыжки и пальцы на ее ногах... Я не мог остановиться, я хотел узнать на вкус каждый сантиметр ее тела. А Полин закрывала глаза и едва слышно стонала, искала мою руку и крепко сжимала ее в своей, а потом подносила к губам и целовала мои пальцы. Мы утопали друг в друге.

— Как хорошо... — тихо сказала она и улыбнулась.

Я оставил ее лежать и ушел варить кофе и готовить нехитрый завтрак. Мне не хотелось оставлять ее, но мне ужасно хотелось есть, потому что я ничего не ел с прошлого утра. Прошное утро — как давно это было! В другой жизни! В жизни без Полин, на другой планете. Она была невероятна... Как же я счастлив!!! Полин — моя, моя еще целых десять дней... А дальше я думать не хочу. Я взбил яйца вилкой и вылил их на сковородку.

Незаметно быстро наступил вечер, Полин стояла нагая у распахнутого окна и легкая занавесь то и дело ласкала ее тело, развеиваясь от легкого ветерка. В Париже царило индейское лето.

— Пойдем гулять! — сказал я, шлепнув ее. Она обернулась, улыбнулась и кивнула.

— Пойдем! Ты знаешь, сколько мне сегодня лет? — вдруг спросила она. Я оторопел от такого вопроса и совершенно не знал, что ответить. Через несколько минут она переделалась... и я едва узнал ее! Передо мной была девочка лет шестнадцати, наверное...

— Шестнадцать? — удивленно спросил я.

— Да!!! Берегись полиции нравов! — она рассмеялась. — Я храню в этом шкафу все, что мне дорого... В этом прикиде я ездила автостопом по всей Европе...

Я смотрел на Полин и не верил свои глазам: строгие линии исчезли, куда-то подевались идеальная прическа и макияж, жесты

стали иными, было совершенно непривычно видеть ее в старых джинсах и расшитой бисером блузе. Она была иной. Не менее прекрасной. Я подхватил ее на руки и закружил. Она смеялась.

Мы шли по залитому солнцем Парижу, по когда-то богомному Монпарнасу и дальше, дальше, дальше, мимо совершенно разных людей, ни один из которых не мог бы признать в ней Полин Бертран, а я... я чувствовал, как душа наполняется этим апельсиновым светом и огромной радостью. Я не мог оторвать глаз от Полин, я смотрел, как ветер от Сены треплет ее шелковистые волосы, как солнце освещает ее лицо, золотит ее ресницы, таится в ее глазах, как она смеется, легкомысленно и счастливо, но все же, но все же ее выдают глаза, все еще чуть грустные и задумчивые, совсем капельку. Но от этого она становилась еще красивее, красивее всех, кого я когда-либо знал, хоть она и была не в моем вкусе, у нее был чуть неправильный нос и болотно-зеленые глаза, а я любил голубые, у нее были потрясающие каштановые волосы чуть ниже плеч, а я любил светлые. Я любил высоких девушек, а она была ниже меня на полторы головы, я никогда не встречался с теми, кто старше меня хотя бы года на два, а она... Теперь я окончательно потерялся и не знал, сколько же ей лет, и кто она, и какая она — она была абсолютно разной. Пылкой и страстной, веселой и даже безумной, влюбленной и мечтательной девчонкой или сдержанной и горькой, в чем-то расчетливой, в чем-то разочаровавшейся женщиной. Уже само по себе это было потрясением для меня, две этих стороны Полин, необыкновенно сложной Полин. Я не думал, что это может сосуществовать в одном человеке. Мы гуляли по набережной и целовались каждые сотню шагов. Я оставил ее на несколько минут.

— Откуда ты знаешь, что я люблю ромашки? — Полин улыбалась и чуть трепала рукой пушистые белые лепестки.

— Не знаю, мне показалось, они на тебя сегодня похожи!

— Сотню лет не получала ромашек! — она счастливо вздохнула.

— Я думал, ты моложе! — я тут же получил от нее по носу и рассмеялся.

— Любит, не любит... — начала обрывать лепестки она. — «Если б мог по луне гадать я, как ромашку ее обрывая...» — Полин хитро посмотрела на меня.

— Зачем ты гадаешь, если я и так могу тебе сказать, что люблю тебя! — я снова поцеловал ее.

— Ромашки знают даже то, чего не знаешь ты... — таинственно улыбнулась Полин. — Любит, не любит...

— Я люблю тебя! — я пытался встретиться с ней взглядом.

— Любит, не любит...

— Я люблю тебя, Полин!!! — меня переполняли чувства к ней, и я кричал об этом на весь свет, и мне было не важно, что подумают люди, я не мог сделать иначе, потому что чувства переполняли меня так сильно, что я не мог их удержать, я понял, понял, что такое любовь! Это когда ты смотришь на человека и забываешь дышать, когда весь смысл твоего существования в том, чтобы смотреть в ее глаза, чувствовать тепло ее руки в твоей руке, любоваться ею, жадно хотеть ее, наслаждаться ее вкусом, кружить ее на руках. И все не просто так, а с всепоглощающим чувством внутри, чувством, как будто тебя накрывает стремительная теплая волна из света, нежности и такой сильной любви, которую как будто собрали со всей твоей прежней жизни, и теперь вся она изливается огромным потоком, бьет фонтаном, и не просто из груди, из всего меня — струится с кончиков пальцев, заставляет пританцовывать ноги, курсирует вверх-вниз по позвоночнику, светится из глаз, вырывается из меня и обнимает Полин. И мне вдруг очень захотелось узнать, чувствует ли она то же самое, любит ли она меня так же сильно, ведь не может не любить, ведь она так смеется и так рада мне, так нежно смотрит на меня...

— А ты меня любишь? — спросил я, глядя ей в глаза.

Она оторвала последний лепесток у ромашки и сказала: «Любит», — потом посмотрела мне в глаза и страстно поцеловала меня в губы. Мне понравился ее ответ.

Десять дней прошли безумно быстро, был вечер последнего дня, Полин лежала у меня на коленях, я гладил ее волосы, пропуская их между пальцами, я проводил указательным пальцем по ее бровям, по переносице и носу, по скулам, задерживался на губах, проводил по кругу, едва касаясь, так, что становилось чуть щекотно, она ловила мой палец губами и целовала его, я ласкал ее подбородок и спускался ниже, потом снова поднимался к носу или к губам... Я думал, что же будет дальше и когда я увижу ее теперь... Всего десять дней, а я уже так привык к ней рядом, что совершенно не хотелось уходить, я хотел постоянно касаться ее, говорить с ней, приносить ей кофе, раздевать ее, гулять вместе по Парижу, ужинать в уютных ресторанчиках, дарить цветы.

— Завтра семья возвращается... — она вздохнула. — Чувствую себя как-то странно.

— Почему? — спросил я, хотя я, конечно, догадывался.

— Он еще спрашивает «почему»! — Полин рассмеялась. — Отвечу кратко: из-за тебя!

— Ты переживаешь? Тебя что-то волнует?

— Не могу сказать точно, Алекс. Чувствую себя плохой. Семья возвращается, а я бы хотела просто побыть с тобой еще. Но я не могу. — Мне вдруг стало страшно, что я больше ее не увижу, что все, что было между нами, было в эти десять дней и все.

— Когда я увижу тебя снова?

— Как можно скорее, милый... — она привлекла меня к себе и поцеловала, нежно обняв за шею руками.

Я сидел на лекции и слушал какие-то однообразные размышления на тему истории журналистики. Джонни сидел рядом, что-то

записывал в блокнот своим немного странным почерком. Он писал слегка медленнее, чем обычно пишут студенты, буквы получались ровными, почти как в прописи, но в каждой было что-то не так, в чем-то они были слишком округлы, в чем-то, наоборот, слишком прямоугольны, где-то хвостики были недостаточно длинными или слишком загнутыми. Он любил писать «t» с чуть волнистой линией посередине, «а» писал как печатную, а «g» — как прописную. Я смотрел на то, как он пишет, потому что надо было чем-то занять голову, потому что я очень скучал по Полин. Я очень сильно скучал по ней, по моей Полин. То, что читал лектор, о чем болтал со мной в перерыве Джонни, на что жаловалась Марта, было неважно. Я вспоминал Полин, и мечтал о ней, и гадал, почему она не позвонила вчера, потому что я ей не мог позвонить, а она могла, но почему-то не позвонила. Больше всего меня терзала та мысль, что муж ее вернулся, и она вдруг поняла, как сильно его любит и какой была дурочкой, что изменила ему со мной. Я — эксперимент, игрушка. Ей невзначай стало грустно, стало чего-то не хватать с мужем, и вдруг появляюсь я, и муж так удачно уезжает... Нет, не может такого быть. Она вела себя иначе, она глубже и мудрее, и вообще она — настоящая, и все ее слова и ласки были настоящими. Но если так, почему она молчит? Где она? Я не знал, как ей дать о себе знать, чтобы не скомпрометировать ее, а рабочий телефон, который мне дали в редакции для встречи с ней, у нее уже несколько дней был отключен.

— И что мне делать? — растерянно спросил я Джонни.

— Напиши ей шифровку! — Джонни смеялся. — Она же еще помнит Вторую мировую, наверное!

— Ты сейчас у меня получишь! — я хорошенько двинул ему по спине. Джонни чуть закашлялся и перестал смеяться.

— Прости, я перестарался со Второй мировой. У нее нет электронной почты?

— У меня нет адреса, — огрызнулся я. — И запомни, еще хоть слово о ее возрасте, и я тебе серьезно двину, прямо по челюсти, чтоб ты язык прикусил.

— Да ладно тебе, ты же знаешь, что я несерьезно. Она еще очень даже ничего, я бы и сам... — Джонни осекся, увидев мой угрожающий взгляд. — Ну, хоть скажи, как она?

— Дурак ты... Я не буду тебе ничего говорить. Она великолепна! Вот и все. — Я дал ему понять, что тема закрыта. Джонни стал рисовать на полях непристойности, видимо, в отместку.

После лекций я бесцельно бродил по городу, потому что ничего не хотелось — особенно запирать себя в четырех стенах, как, впрочем, и гулять большой, веселой компанией, мне бы это только помешало думать, а мысли надо привести в порядок. Я думал о Полин, и эти мысли нельзя было упорядочить, я вспоминал ее тело, тут же думал о том, как давно не слышал ее голоса, вспоминал наши разговоры с ней, ее взгляд и прикосновения, потом думал о том, почему она не звонит, и, к своему ужасу, придумывал десятки причин, от которых на душе становилось гадко. Она не звонит, потому что она слишком занята работой, но ее рабочий телефон не отвечает на звонки — чем она там занимается? Она решила побыть дома, дома ее девочки, я даже не запомнил, как их зовут, они по ней соскучились, привезли ракушки или камешки и кучу фотографий, показывают ей, а потом к ней подходит ее муж, обнимает за плечи или просто садится рядом. Потом она идет готовить обед, а он хлопает ее по заднице, пока она стоит у плиты, или сразу уносит в спальню, потому что целых десять дней ее не видел. Меня передернуло. Нет, я все знал с самого начала, но почему-то мне было невыносимо думать о том, что она принадлежит ему. А принадлежала ли она мне? Может быть, я для нее не так уж важен... Хотя нет, нет, нет, это все неправильно. Пусть она там со своим Оноре, но смотрит с любовью она на меня, и ее тело дрожит под

моими руками, она больше моя, чем его. Как будто в подтверждение этой моей мысли зазвонил сотовый, и на экране я увидел ее номер, я скорее снял трубку и услышал ее голос:

— Через час у меня, буду ждать, Алекс... — она нежно прозвнесла мое имя, чуть нараспев, потом вдруг спешно добавила:

— Больше не могу говорить, пока!

О, мне было достаточно этого, ты можешь больше совсем ничего не говорить, Полин. Ведь через час мы будем у тебя, ты и я, я и ты, Полин, Полин, Полин. Я радостно шел по улицам, и все вокруг менялось, как если бы выглянуло из-за туч солнце, все мои подозрения показались глупыми и вылетали из головы, как если бы я выпустил их из клетки. Я шел скорее к ней, снова пешком, потому что на такси я приехал бы слишком быстро. Я шел и искал глазами цветочные лавки, я безумно хотел подарить ей цветы. Я смотрел на розы и думал, какие же ей подарить, ведь розами ее не удивишь, но я так хотел подарить ей именно розы! Я смотрел на ярко-красные, страстные, горящие, как ее губы, и думал, что я горю так же, как и они, и как я хочу страстно целовать ее в самый низ живота... И одновременно думал, что красные розы — ужасно банально. Я смотрел на белые розы и думал, как же они нежны, как ее взгляд или кожа, как ее шепот, как ее шелковая блуза, которую я так хотел с нее снять там, в галерее. Я смотрел на розовые розы и думал, что они еще красивее белых, и пахли они так сладко — Полин они понравятся! Я купил целую охапку и шел с ней дальше. И улыбался. На меня с завистью смотрели проходящие девушки, наверное, думали, как жаль, что этот букет не им, прохожие улыбались в ответ, одна старушка кивала головой и, мечтательно посмотрев на букет, вспоминала, по всей видимости, молодость, а может быть, мексиканский сериал. Целый выводок китайских туристов с единственно различимым возгласом «Париж!» принялась меня фотографировать, а я шел, ускоряя шаг.

Я дошел до дома, где была старая квартира Полин, взлетел по лестнице наверх и только потом, у двери, заметил, как заходится дыхание. Немного отдышался и позвонил в дверь, никто не отвечал. Я позвонил еще раз и вдруг услышал стук каблучков по лестнице. Сердце замерло в груди. Я слушал ее шаги. Она шла своим быстрым шагом, как обычно, никогда нельзя сказать — торопится она или нет. Я заглянул в пролет и увидел ее в темно-синем плаще, он чуть слышно шуршал все ближе и ближе, я уже чувствовал едва уловимый аромат ее духов, и вот она появилась передо мной и ахнула:

— Mon Dieu! Алекс!!! Какая красота!!! Какие розы!!! — она вся сияла. — Я их так люблю!!!

— Ты красивее! — я смотрел на нее и мечтал расстегнуть ее плащ, чтобы скорее узнать, что под ним, и скорее прижать ее к себе. Я даже пожалел, что подарил такой букет, потому что он мешал ее поцеловать.

Она зашла в квартиру, быстро сняла плащ и, оставшись в черном деловом костюме, поставила розы в огромную вазу.

— Я ушла на встречу с коллекционером, желающим произвести обмен культурными ценностями, как видишь, — она улыбалась.

— И что ты будешь делать, когда вы не придете к договоренности? — я, хитро улыбаясь, снимал с нее жакет.

— Скажу, что обмен был не равноценен, и найду другого продавца, — она быстро расстегнула мои брюки.

— А что, если не сойдется в цене? — я целовал ее шею и чувствовал, как нагрелась от ее тела тонкая золотая цепочка, чувствовал ее потрясающий, одновременно терпкий, сладкий и горький запах, расстегивал пуговица за пуговицей ту самую блузу, медленно, как меня учила Полин.

— Придется искать новые таланты... И все ради тебя... — Полин опустила на колени.

Через два часа она спешно поднялась с постели.

— Пора!

— Останься еще... — я поймал ее за ногу и укусил ее бедро.

Она засмеялась.

— Щекотно!!! Алекс!!! — я кусал ее за упругие ягодицы. — Алекс, да что же ты делаешь со мной!!!

— Не отпускаю!!!

— Ладно! — она приблизилась ко мне, положила мои руки к себе на бедра, обвила мою шею руками и медленно поцеловала в губы. Наши дыхания смешивались, я чувствовал ее французский поцелуй, вот уж поцелуй... Эти сладкие губы... Она чуть отстранилась, у меня кружилась голова, она терлась своим носом о мой, я целовал ее подбородок, она прижалась ко мне всем телом, уткнулась мне в шею и молчала. Я чувствовал, как мою кожу щекочет ее дыхание. Она считала до десяти.

— Семь, восемь, девять, десять. Вот теперь совсем пора...

Она быстро одевалась, а я смотрел на нее, смотрел на то, как она застегивает своими длинными, тонкими пальцами маленькие перламутровые пуговицы, как причесывает запутавшиеся волосы, красит губы.

— Оставайся здесь, уйдешь, когда будет удобно. Вот ключи. Завтра я не смогу, послезавтра тоже. Увидимся в понедельник, но в понедельник... — она заулыбалась. — С утра и до глубокой ночи...

И я оставался, точнее, я часто не спешил уходить, после того как уходила она. Потому что в этой небольшой квартирке все еще пахло ею, ее телом, ее духами, ее сигаретами. Ее зонтиком, оставленным обсыхать в прихожей, и этим особенным запахом мокрой шерстяной ткани и кожи перчаток. Квартира была пустой, в ней никто не жил, никто не ночевал — это хорошо чувствовалось. Вещи стояли как-то сиротливо, как будто их бросили, и они давно

не нужны, но при этом не было беспорядка, все было на месте, до мелочей. Я любил разглядывать то, что лежало на полочках, и все думал, что они значат для нее... Фотография Боба Дилана, старые мужские часы, пачка Camel с тремя сигаретами внутри, засушенный розовый бутон, стеклянный человечек с маленьким зонтом, билеты в кино шестнадцатилетней давности, на дневной сеанс, чей-то небольшой перстень с монограммой ЛТ, морские камушки. Казалось, подобные пустячки часто можно увидеть в комнате девочки-подростка, но Полин тоже хранила все это, и мне было интересно почему. Так же, как было интересно, почему она все-таки выбрала меня, и почему ее болотно-зеленые глаза смотрят на меня с нежностью и грустью, и почему она так любит целовать мои руки...

Сегодня я пришел раньше обычного, внезапно начался проливной дождь, на улице было промозгло и холодно, ярких красок не оставалось, почти все листья опали, на улицах царил полумрак, разбавленный мерцающими фарами проезжающих машин, огнями светофоров, неонов вывесок. Я порядком замерз, а теперь сидел на кухне и пил кофе. Ноябрь... мерзкий месяц. Все небо постоянно покрыто тяжелыми тучами, почти постоянно идет холодный дождь, редкое солнце радуется своей чистотой и прозрачностью, выглядывая из-за туч на несколько минут, а потом исчезает, и так легко забыть, который час и сколько прошло дней, потому что один день похож на другой. Полин... Все еще загадка для меня. Все чаще я хотел понять, что с ней, понять ее, потому что порой мне казалось, что я совсем ее не понимал никогда. Она была такой разной: то легкой и веселой, то очень страстной, то безумно влюбленной, то холодной, такой холодной и грустной, что я невольно думал, а любит ли она меня? Она никогда не давала прямого ответа. Ни разу не сказала «люблю», и если вначале мне хватало ее поцелуев, ее нежного шепота «ты милый», «я тебя обожаю», «я

очень скучала по тебе», «я так хочу тебя», ее ночных телефонных звонков, ее ласк, чтобы быть уверенным в этом, то теперь я просто необыкновенно сильно ждал, когда же она скажет это слово. Особенно после того как она сказала, что слово «люблю» для нее значит необыкновенно много. Как будто для меня это слово ничего не значило, что я им так разбрасывался. Но я не разбрасывался! Я просто очень любил ее.

Она пришла, едва слышно хлопнув дверью, сняла чуть мокрое пальто и подошла ко мне.

— Bonsoir... — она поцеловала меня в шею. Она улыбалась. — Ты грустишь, милый?

— С тех пор, как ты пришла — нет! — я постарался убедительно улыбнуться. Но грусть так быстро не проходила. Не отпустили мысли, но я их гнал прочь, изо всех сил гнал.

— Сейчас все пройдет! — Полин села мне на колени и хитро посмотрела мне в глаза. — Я так скучала по тебе! — она взяла мою руку и приложила ее к своей груди, чуть расстегнув свою блузу. — Чувствуешь, как бьется мое сердце?

О, я чувствовал. Полин целовала мои глаза, долго и нежно, на веках необыкновенно тонкая кожа, и можно сильно-сильно почувствовать самые легкие прикосновения губ и дыхание. Я чувствовал, как она едва касается кончиком носа моих бровей, щекочет дыханием ресницы и... целует глаза. Ее руки раздевают меня, и я чувствую, как пальцы скользят по коже, как согревают ее ладони мое тело, чуть задержавшись в своем танце. Она увлекает меня за собой, она целует мои руки, кончики пальцев, дышит горячо, я обнимаю ее крепко, а она, чуть высвободившись, продолжает нежно целовать все мое тело. Я растворяюсь в этом необыкновенном чувстве, я теряю ощущение реальности, я наслаждаюсь каждым мгновением, каждым касанием, каждым новым поцелуем. Она шепчет мое имя, а я так хочу, чтобы она шептала «люблю»... Я так сильно

хочу, чтобы она прошептала «люблю»... Мне это необходимо, как воздух, который вдруг стало так тяжело вдыхать.

— Полин... — говорю ее имя на выдохе.

— Алекс... — шепчет она горячо.

Мы лежим на смятой постели, от окна на кухне доносится легкая прохлада. Полин вдруг поднимается с постели и идет на кухню.

— Ты куда? — спрашиваю я.

— Увидишь! — хитро отвечает она, накидывая шелковый халат. — Только лежи!!!

В комнате темно, взгляду сложно за что-то зацепиться, зато на кухне горит мягкий свет, и слышно, как Полин что-то делает, не знаю что, не могу угадать. Так тихо, что иногда даже слышны шаги ее босых ног. Я смотрю на полоску света от кухонной двери, на стену, на тени и жду Полин. А она заходит в комнату, окруженная густым и округлым ароматом горячего шоколада. Она забирается с ногами в постель, уютно устраивается, закутав их в одеяло, и протягивает мне большую ароматную чашку.

— Меня так учила бабушка... Чокоатль, напиток богов, попробуй! — она улыбалась. — Хотя, конечно, индейцы готовили его без молока и без сахара, но это же совсем невкусно!!!

Я сделал глоток. Было необыкновенно вкусно. К аромату настоящего шоколада примешивались нотки коньяка, корицы и еще каких-то специй, а еще легкая острота какого-то перца.

— Чили? — спросил я ее.

— Чили! Но совсем немного, капелька.

Я пил шоколад медленно, он был вязким, но не приторным, сладким, но не слишком. Пряным, чуть острым, приятно горьким, необыкновенно ароматным, таким ароматным, что этим запахом наполнилась уже вся ее квартира. Я пил шоколад, и мне казалось, что именно такая на вкус любовь. Любовь и страсть. И Полин.

Сладкая и горькая, нежная и острая. Уютное чувство, когда в комнате чуть прохладно, а мы сидим в постели и пьем горячий шоколад. Я вдруг вспомнил, о чем давно хотел ее спросить:

— Расскажи, что там за стеклянный человечек под зонтом?

— Ооо... — потянула Полин. — Тебе и вправду любопытно? — глаза ее счастливо блеснули. Она чуточку вздохнула. — Это моя первая влюбленность! Мне было двенадцать, ему четырнадцать, его звали Серж, такой милый, чуть конопатый мальчишка. Мы встретились на море и часто гуляли по берегу во время отлива, у него были волосы, как медная проволока — жесткие и темно-рыжие. Мне нравилось проводить по ним рукой. Однажды мы попали в сильный дождь и укрылись под пирсом, было прохладно, и он обнял меня, и мы поцеловались. И целовались, и целовались, и целовались, а дождь все шел и шел... Потом мы, конечно, ушли, потому что нас заждались родители, и они, конечно, нас долго ругали. А потом настало время уезжать, а мы ужасно не хотели... В общем, мы обменялись адресами и долго-долго писали друг другу письма, наверное, года три. Я все их хранила. Однажды он прислал мне посылку на день рождения, и там была записка, как сейчас помню: «Милая Полин, помни всегда-всегда, лет до девяноста девяти, или до семидесяти, или до ста шестнадцати, как хочешь. Помни наш дождь и тот вечер. И пусть с тобой всегда будет этот человечек с зонтом, тогда ты не промокнешь!». Вот с тех пор он и со мной.

Полин вздохнула, поставила пустую чашку на пол и обняла свои колени руками.

— А что за пачка сигарет? Зачем ты их хранишь? — решил спросить я. Полин вдруг погрузилась, еще раз вздохнула.

— Совсем другая история... — тихо сказала она. — Не хочу ее сейчас вспоминать.

Я обнял ее, и мы долго-долго сидели вот так, на кровати.

Она вдруг спросила:

— А ты был на побережье?

— Все лето провел на Лазурном берегу! — я улыбался.

— Нет, на северном побережье, ты был?

— Нет, а что там?

— Там совершенно особенно!!! Поехали туда, а?

— Сейчас? То есть ты имеешь в виду... в этот холод?

— Да, прямо сейчас, прямо в этот холод!!! — она взглянула на меня как-то безумно, чуть наклонив голову и выжидая, что я отвечу.

Ноябрь, за окном идет дождь. Уже глубокая ночь. Выходить на улицу совершенно не хочется, холодно, даже при взгляде в окно холодно. А здесь, в постели, тепло, пахнет шоколадом, и рядом Полин. Полин испытывающе смотрит на меня...

— Поехали! — я слышу свой голос и сам до конца себе не верю, мое тело встает с постели и быстро натягивает джинсы, футболку и джемпер. Полин смеется и бежит к шкафу.

Через пять минут мы уже сидели в ее машине и смеялись. Мы ехали по ночному Парижу на север. За окном шел дождь, дворники работали постоянно. Темная ноябрьская ночь, яркие огни застывают на мокром стекле и смазываются. Ярко-оранжевые капли причудливой формы встречаются с дворниками, превращаются в сотни тысяч тончайших полос света. Светофор. Зелено-красные капли. Неоновая вывеска на перекрестке. Ярко-голубые капли на черном стекле. Большая скорость. Капли ползут вверх, как ленивые фантастические улитки, светящиеся в темноте. Также, наверное, и глубоководные рыбы светятся. Окна почти не горят, полтретьего ночи. Только кое-где, может быть, кто-то готовит доклад или чертежи, или у кого-то приступ мигрени, а может быть, раскричался новорожденный, или кто-то просто уснул, забыв выключить телевизор. Хочется спать, но при этом такое забавное

чувство, как в детстве, когда тебя рано поднимают родители, очень рано, чтобы успеть на какой-нибудь самолет или поезд, или, наоборот, разрешают не спать допоздна, потому что надо опять же на какой-то поезд или самолет. Так вот чувство такое, что перед тобой совершенно другой мир, не такой, какой днем. А еще, хоть и хочется спать, спать в таком случае сущее преступление, потому что тут другой мир, совершенно не познанный и такой интересный!!! Наверное, в детстве все чувствуется острее, но все же... В этом что-то есть. Когда днем смотришь на все то же, все воспринимается совсем иначе, то ли оттого что день, и все спешат по своим делам и кругом суета, то ли оттого что просто слишком привычна дневная жизнь. Ночью жизнь неспешна. Меньше машин, меньше людей, и можно лучше разглядеть, что происходит. Можно увидеть и хорошее и плохое. Как сутенер избивает проститутку прямо на улице, как кто-то разбивает бутылку для предстоящей драки, какие-то крики, и вот уже люди выглядывают из окон, а у нас загорается зеленый, и мы едем дальше. Двое влюбленных на набережной, она сидит на самом краю, закутавшись в его куртку, а он обнимает ее и что-то нежное шепчет на ухо, а мимо идет уличный музыкант, сильно пьяный, и, может быть, поэтому очень счастливый. Двое полицейских, он и она, целуются в машине. Полин тоже заметила их.

— Oh là là!!! — удивленно воскликнула она. — И такое бывает!

Мы снова рассмеялись.

— Видишь, не зря мы сегодня отправились путешествовать!

— Не зря!

И мы едем дальше. Мимо спальных районов Парижа, выезжаем из города, и только яркие фонари освещают дорогу, все еще идет дождь, и беспрестанно работают дворники. Машина Полин набирает скорость, за окном такая темень, что невозможно ничего

различить. Слышно только, как мимо проезжают машины, поднимая сотни тысяч брызг, и видно их огни: желтые огни и красные огни. Приближающиеся и удаляющиеся.

Было еще темно, но мы уже подъехали к побережью, Полин остановила машину недалеко от безлюдного пляжа. Дождя уже не было. Шумело море. Я вышел, чтобы подышать воздухом, Полин вышла, чтобы покурить. Потом затушила сигарету о камень и вернулась в машину, под ногами шуршала и хрустела галька.

— Еще рано, лучше подождать в машине, — сказала Полин.

Я вернулся в машину. Мы сидели и смотрели в лобовое стекло на то, как поднимается солнце. Из темно-серой, мокрой, влажной осенней ночи, как из старого кокона, вдруг, совершенно волшебным вылетел рассвет, как мотылек. Неожиданный, нежный, свежий. Небо стало светло-желтым, солнечные лучи как будто запутались в легких белых облаках, почти полностью затянувших небо. Море было беспокойно, но не тревожно. Ветер колыхал сухую траву, которой поросли дюны.

— Посмотри, какие удивительные цвета... — тихо сказала Полин. — Самое время выйти!

Мы вышли, и я смотрел. Смотрел на теплое, как сливочное масло на белоснежном тосте, небо. Смотрел на удивительное море, которое постоянно меняло свой цвет, в зависимости от того, как дул ветер и как облака закрывали солнце. Изумрудное, болотно-зеленое, близкое к цвету хаки, нефритовое, почти бирюзовое: все вместе, все сразу. Светлый, почти белый песок, серые гладкие камни. Чуть более серые, чуть менее серые, серые, серые, как голубиное крыло, как небо над Парижем. Жухлая осенняя трава, едва зеленая, едва желтая, непонятная, пастельная... Все вместе образовывало необыкновенную гармонию цвета, формы и даже звука. Да-да, звука. Как громко шумело море! Волна накатывала одна за другой, одна за другой, беспрестанно, ни секунды

промедления, повинуюсь скрытому природному ритму. Одна за другой. Одна дальше другой, одна чуть ближе, другая совсем далеко, третья стремительно бежит вперед, и вот она уже касается носка моего ботинка, и вот следующая, я не успеваю отбежать, ноги мокрые. Пена довольно шуршит у ног.

— Черт! Холодная! — я отбегаю подальше. Полин смеется.

Волна накатывала одна за другой, одна за другой, чуть сильнее, чуть слабее, вперед, назад, одна за другой, одна за другой, одна за другой. Если вслушаться, можно услышать что-то вроде музыки, необыкновенно величественной, степенной, гордой и красивой. На побережье шуршит от ветра трава, совсем не так, как шуршат волны или пена, и не так, как шуршит песок под ногами. Выше, тоньше, тише. Шуршит от ветра трава. Кричат чайки.

— Мы здесь однажды гуляли с Оноре... — вздохнула Полин. И почему вдруг она вспомнила Оноре? Точнее, зачем она именно сюда приехала со мной? Что вообще все это значит?

— Это место дорого тебе? — спросил я, уняв ревность, ей лучше не знать о том, что я испытываю.

— Да... — она печально улыбнулась и неспешно пошла вдоль берега. Меня обидел этот ее ответ, такой короткий ответ, но в нем так много! Значит, Оноре еще дорог ей, как и это место? А если он ей еще дорог, то... как же я? Что я для Полины? Мысли кружились в голове.

— Мы были почти детьми тогда, мне было... сколько? Наверное, лет девятнадцать... Нет, детьми не в смысле возраста, нет, что ты... Просто на душе было легко. Он привез меня сюда на отцовской машине, и мы бегали по песку... Был август, было слишком прохладно, чтобы купаться, но еще достаточно тепло, и мы сидели на траве, смотрели на море, он набирал полные ладони песка, и песок сыпался и сыпался вниз. Он говорил: «Смотри, как бежит время...», — а я смотрела на его руки, на его дивно

красивые руки, и в его глаза, так похожие на это море. Он говорил: «Смотри, как бежит время», — но знал ли он тогда, в самом деле, как оно бежит и что оно сделает с нами? Что оно сделало с нами...

— Разве время меняет людей? Мне кажется, я всегда был таким, какой я есть, я имею в виду внутренне, конечно! — спросил я.

— Время? Да... То есть, конечно, в самом деле, меняет не время, время относительно, время невесомо... Меняют события, обстоятельства, обязательства... — Полин вздохнула.

— Роли, маски, слова...

— Но разве мы не в силах повлиять на события? Разве не может человек обратить любые обстоятельства в свою пользу?

— Ох, Алекс, все это твоя американская философия, не пойми превратно... American dream, success... Вечно это «Ты сам себе хозяин, верь в себя, и ты изменишь мир!»

— А что, разве не так? Именно вера в себя позволяла многим добиться невероятного успеха!

— Я не буду этого отрицать, но далеко не всем, и хорошо, что не всем. Честно, я тоже так думала, когда была моложе. Извини, я не хочу тебя обидеть, просто поверь на слово — я верила, что могу многое изменить и что для этого достаточно лишь верить в свои силы. Но этого оказалось недостаточно.

— Ты еще говоришь «обязательства», но ведь ты свободна, ты сама можешь выбирать, что тебе делать и как, я вот не понимаю... — я ждал, что она скажет.

— Да, да, да... Я свободна и ты свободен. Но, на самом деле, вдумайся, выбираешь ли ты, когда ты влюбляешься? Выбираешь ли ты, когда тебе лгут? Выбираешь ли ты на самом деле, как жить, или ты выбираешь только направление, а дальше — хаос?

— Ну, это все ясно. Но чего такого особенного не выбираешь ты?

— Это все очень сложно... — Полин снова вздохнула.

— И вот еще «роли», «маски»... Разве ты играешь? Ты же настоящая, в настоящей жизни, ты же не притворяешься со мной?

— Нет, не притворяюсь. С тобой. Со многими другими вынуждена.

— А зачем? — не выдержал я.

— Не знаю, наверное, потому что иначе нельзя.

— Почему?

— Я не знаю. Дурацкий ответ, я понимаю, сейчас я тебе напомню твою мамочку, но я скажу: «поймешь позже»...

— Не хочу понимать! Не хочу, Полин! Я хочу быть настоящим всегда, какой я сейчас! Зачем кому-то врать, в чем-то притворяться, что-то делать через силу, если можно делать только то, что считаешь нужным и что нравится делать? Я люблю тебя, и я не боюсь заявить об этом, я не боюсь этого чувства, Полин!!! Потому что любовь — это истина! Я не хочу никому врать! И тебе не хочу врать! Зачем мне играть кого-то и натянуто улыбаться? Я улыбаюсь, когда хочу, и грущу, когда хочу. Я учусь любимой профессии и буду работать с радостью, я наслаждаюсь жизнью и беру то, что хочу. Почему я должен жить иначе?

— Ты не должен. Тебя никто не сможет заставить!

— Да! Именно! — подтвердил я.

— Никто и не будет заставлять... — печально продолжила она. — Ты думаешь, меня заставляли? Думаешь, Оноре заставляли? Никого не заставляли... Мы оба были такими же, как и ты сейчас...

— Что же произошло?

— Я не знаю, что произошло... Не знаю. Наверное, никто никогда не знает, когда это происходит. Я любила его, больше жизни любила. Я просыпалась и искала глазами его. Я шла по улице, и, если он не держал мою руку, мне было одиноко, я смотрела по сторонам и искала его, и, если он был в отъезде, мне чудилось, что

он идет мне навстречу, он, он и снова он. Но это были просто прохожие. Я была одержима им. Когда его не было рядом, я сидела там, где он любил сидеть, я надевала его рубашку, чтобы его запах был рядом, я слушала его музыку, я смотрела его любимые передачи и так же быстро щелкала пультом. Он приходил — я радовалась, как собака радуется приходу хозяина, я сходила с ума от его прикосновений, даже теряла сознание от его поцелуев. Я любила его так сильно, так жадно, что, казалось, горела сама. Пыхала ярко-ярко, но этот костер не выгорел так быстро, как следовало ожидать. Я любила его долго. Очень долго. И первое время мы были счастливы. Знаешь, вот как показывают в кино безумно влюбленных, как можно увидеть на открытках или в рекламе — где угодно! Мы дышали друг другом, были единым организмом, мы не могли друг без друга ни дня, ни даже часа прожить, понимаешь?

— Понимаю... — мне вдруг стало страшно, потому что она так описывала свою любовь к Оноре, как я бы описал свою любовь к ней. Ведь я точно так же сходил с ума, но еще больше, потому что был вынужден терпеть разлуку. И часто не просто дни без нее, целые недели без единого свидания, с короткими звонками полупшепотом, с записками, с мимолетными встречами, когда мы оба должны были скрывать свои чувства и прикидываться просто плохими знакомыми. Полин продолжала:

— Так было, наверное, года два-три. Безотчетного, безоговорочного, безумного счастья, самого настоящего, в котором можно захлебнуться. Знаешь, я бы хотела умереть тогда, случайно и быстро, просто взять и умереть в один из тех дней.

— Не говори так, я бы не встретил тебя тогда, — я сказал это и стал думать над тем, что же такое ждало ее впереди, отчего так сильно хотелось умереть.

— Я тебе рассказала об этом, чтобы ты понял, что я не просто так с Оноре, что мы любили друг друга, по-настоящему любили

и именно поэтому решили быть вместе. Но потом вдруг, невозможно понять, когда именно, он начал отдаляться от меня, все реже я чувствовала настоящую близость с ним, а мне ее очень не хватало. Я ждала его. Не его тело, которое вернется с работы и съест ужин, а именно его, того, с которым иногда часами говорили, сидя на полу у камина, с которым много молчали и просто слушали сердцебиения, дыхания, которые сплетались в едином ритме. Конечно, невозможно постоянно испытывать именно такой тип близости, но и без нее совсем нельзя. И с каждым днем я все сильнее ждала, когда он вернется. Когда вернется все то, что было раньше. Но оно не возвращалось. Он не мог понять, чего я жду от него, ведь он был физически рядом. Физически. Мыслями он был где-то далеко. Мне казалось, что так быть не должно. Я плакала. Плакала, объясняла, умоляла, просила, снова плакала, потом пыталась смириться, делала вид, что смирилась, отчаялась и перестала ждать.

Когда родилась Вивьен... Я снова плакала. От счастья. Я благодарил Бога за это чудо! Я смотрела на ее маленькие ручки, и глазки, и носик. И все это было так удивительно похоже на Оноре... Счастливее меня в то время никого не было, но счастье это длилось недолго. В тот момент, когда мне показалось, что я достигла самой вершины, когда я была до того счастлива, что захватывало дух и становилось чуточку страшно, именно в этот момент мне позвонили и сообщили, что Оноре мне неверен. Я не поверила. Ни одному слову. Мне казалось, что мы нерушимы. Потому что мы с ним единое существо, и если вдруг какая-то проблема, мы ее обсуждаем и обязательно находим выход. Я отогнала от себя все мысли и не позволяла себе подозревать его. Я ему верила. Абсолютно и безоговорочно. Любим его словам, даже самым на первый взгляд нелепым, самой очевидной лжи. Я ему верила, потому что я его любила. Но все же эта вера вымывалась, как песок

из раковины вымывается с каждым движением волн. Он пришел поздней ночью, от него пахнет чужими духами, он боится телефонных звонков, он уезжает в выходные, он забывает о каких-то мелочах, он не смотрит мне в глаза, он не хочет меня, он не говорит, что любит, он не касается меня... А потом я нахожу ее трусики в машине...

— Почему вы не развелись тогда?

— Я ему верила. Он сказал мне, что это была мимолетная связь, что это ничего не значило для него. И я простила. Шло время, родилась малышка Жаннет. Я снова училась верить ему, но это было так сложно. Даже когда он действительно был не виноват, червячок подозрения уже начинал закрадываться в мои мысли, а дальше... я представляла его с ней, и эти мысли были мне невыносимы. И я совершила ошибку. Я стала болезненно реагировать на все, я сыпала упреками, я требовала многого, часто невозможного, и я... я так сильно хотела любви, снова ощутить себя любимой, не любимой матерью, а любимой женщиной, почувствовать эти невероятные бабочки в животе, что я умоляла, просила, требовала любви. А вытребовать любовь нельзя. Но как ее не требовать, если без нее так сложно жить, дышать... ждать, любить в ответ, наконец? А он обещал, что больше не повторится, но повторялось. В конце концов, он сказал мне, чтобы я приняла его таким, какой он есть. Сказал, что любит только меня. Я не могла принять этого, но в то же время я очень хотела верить ему. Он сказал, что любит меня, и я отчаянно в это верила. И обманывала саму себя, что все эти командировки, поздняя работа в офисе, пробитые колеса, забытые телефоны, надетое наизнанку белье, следы помады — все это ничего не значит. И мне почти удалось. Я убедила себя в том, что настоящая любовь — это то, что сейчас между нами. Его доверие ко мне, и наши как всегда откровенные разговоры, и то, как мы понимаем друг друга, как любим одни и те же картины, как

смеемся над одними и теми же шутками — любовь. Да, это тоже любовь, настоящая и искренняя. Родственная любовь. Но где-то глубоко внутри, в самых дальних закоулках своей души я знала, что я все еще хочу любви, другой любви, той, что была когда-то реальной, настоящей, осязаемой. Видит Бог, я сделала все, чтобы ее сохранить, я очень хотела ее сохранить, и я очень верила, что мне это удастся, но мне не удалось. Нельзя это сделать в одиночку. Истинная любовь, не влюбленность, а любовь, она всегда на двоих. Было так горько, так невыносимо больно, что не хотелось жить. В тот момент я поняла, что та любовь никогда не вернется. А жить без нее для меня не было смысла, но и умереть я уже не могла, потому что в сердце жили уже две других любви, совершенно других любви. А это значило, что надо жить дальше, и улыбаться надо дальше. Вот ты все спрашиваешь, люблю ли я тебя... А я даже слова этого сказать не могу, оно у меня в горле застревает, как комок слез, и я ни вдохнуть, ни выдохнуть не могу. Я тогда, в галерее, расплакалась впервые за несколько лет, потому что ты так искренно и по-настоящему захотел понять, что со мной... и потому что уже тогда я так явно ощущала, как ты сильно влюблен в меня. В меня настоящую, — Полин медленно выдохнула и отвернулась от меня, чтобы посмотреть на море.

— Тяжелый вышел монолог, Алекс...

Полин нервно закурила. Мне было нечего ответить на все это. Я смотрел на нее, и по тому, как она смотрит, по тому, как держит сигарету, понимал, что ей было нелегко все это высказать мне. Я просто обнял ее и сказал:

— Я люблю тебя.

Полин молча смотрела за горизонт.

За окном идет мокрый снег. Я снова жду ее в квартирке на Rue de Sevigne 22. Снег падает и падает, и он скорее похож на дождь. Я смотрю в окно, на проезжающие машины, на людей в зимних

пальто, с темными зонтиками, на почерневшие ветви деревьев, на зажигающиеся фонари, но в моем сердце светло и спокойно, я жду Полин. Я точно знаю, что люблю ее сильнее всего на свете — мы не просто любовники, я люблю ее всю, абсолютно всю. То, как она иногда говорит, улыбаясь и чуть наклонив голову, ее морщинки в уголках губ, ее запах, ее глаза — все это прекрасно, но это ничто по сравнению с тем, какая она внутри, а она необыкновенная. Мы часто говорили с ней долго-долго, иногда я совсем не понимал ее, но очень старался, потому что она говорила о сложных вещах. Некоторые из них было очень нелегко понять, и это уже не из области искусства или живописи, как раз это Полин прекрасно мне объясняла, а из области человеческих отношений. Мне иногда казалось, что Полин старше меня не на пятнадцать лет, а на несколько жизней. Я хотел погружаться в ее мир все глубже и глубже, и хотя она уже многое мне рассказала о себе и многое дала понять, я все равно не понимал ее до конца. Она все равно была загадкой для меня, и даже не знаю, хотел бы я ее разгадать или нет, знаю точно: хотел бы еще долго разгадывать. Вот она пришла, долгожданная, любимая, я помог ей снять пальто. Она стоит, нежно и грустно, счастливо и немного устало смотрит мне в глаза.

— Хочешь, я сварю тебе кофе?

— Нет, спасибо, милый, не хочу больше кофе сегодня. Хочу скорее к тебе...

Когда Полин говорит «к тебе», это значит, что она хочет скорее раздеться, нырнуть в кровать и прижаться ко мне, уткнуться носом в мою шею, щекотать своим дыханием мою кожу, закрыть глаза и молчать. Она говорила, что для нее это необыкновенно много значит. Она вспоминала детство и как лежала на лугу с отцом, а он жевал травинку, вспоминала первого мужчину, просто наслаждалась мной и моим запахом, который она так любила. Она говорит, необъяснимо, ей сразу становится удивительно хорошо и уютно,

когда она так делает, будто мира вокруг не существует, и никаких забот и проблем. Я очень любил ее раздевать. Любил ощущения. Как к моим ногам падают ее твидовые брюки и шерстяной жакет, как звенит пряжка ремешка, ударившись о красивую медную пуговицу, как все это божественно пахнет... Все тем же ирисом, кожей, и сладкой розой, ее любимыми духами, и ею самой... Я любил это ощущение, когда она вдруг оказывалась в моих объятиях совершенно обнаженная, такая мягкая и теплая, как будто вся ее одежда — доспехи или панцирь. Так оно и было, она пряталась в одежду от других, чтобы никто и никогда не догадался, кто она такая и что с ней, и чтобы больше никто не видел, что в ее глазах, что в ее душе, на ее уме. Одежда не была маской, она не скрывала себя полностью и не изменяла себе, нет, она просто скрывала часть своего хрупкого внутреннего мира от чужих глаз. Рядом со мной она могла быть абсолютно обнаженной. И вот она уже лежала, уткнувшись мне в шею, и долго молчала.

— Я люблю тебя, Полин... — я говорю ей это, потому что сам необыкновенно сильно хочу услышать это, потому что не могу не говорить, потому что разрываюсь от любви к ней. Я понимаю, что ей нелегко ответить мне «люблю», после того разговора на побережье я и вовсе решил никогда не спрашивать ее об этом. Но время шло, и я очень остро ощущал необходимость в этих простых и одновременно сложных словах. Эта необходимость сильнее, чем любая жажда или голод... Хочу, чтобы она была моей...

— А... — я не успеваю задать вопроса, она целует меня в губы, ее длинные волосы щекают мое лицо и плечи, она целует мои губы, и я вдруг чувствую, как она плачет.

— Не могу... — едва слышно говорит она, опустив голову мне на плечи. Слезы продолжают бесшумно катиться из глаз. Я глажу ее по голове, а сам не знаю, что же мне делать и что с ней. И если тогда, в галерее, когда я чувствовал ее ужасающее отчаяние, мне

казалось, я знал, что я должен делать, то теперь я совершенно не знал, что же мне делать. Мне казалось, что моя любовь должна была сделать ее счастливой, но вот она плачет у меня на плече.

— Ты не виноват, милый, это все я, сейчас все пройдет...

— Ни за что не поверю, что это просто от плохой погоды! — я попытался как-то разрядить обстановку, но мне не очень-то удалось. Я стал целовать ее кисти и запястья, но она вдруг еще сильнее заплакала, потом вдруг извинилась, резко встала и ушла на кухню. Я ждал ее. Долго ждал ее. А потом пошел за ней. Она стояла у распахнутого окна, как тогда, в сентябре, но за окном ведь не было жарко, и занавеску больше не колыхал легкий, почти летний ветерок. Она курила, а ее тело все покрылось мелкими мурашками. Я скорее обнял ее, она была холодная, как лед.

— Что с тобой, Полин? — спросил я.

— Я так не хотела... — начала она и снова замолчала.

— Чего не хотела? — я обнял еще крепче.

— Я так боялась... что этот момент настанет...

— Какой момент? — я не мог ее понять. Я чувствовал ее смятение, но одновременно чувствовал, как она прижимается ко мне, и чувствовал мягкость в ее голосе, мягкость, и боль, и отчаяние, но ведь она не могла не любить меня, если она все это чувствует. — Любимая, не молчи...

— Не мучай меня... не мучай... — она отстранилась.

— Ты... не любишь меня? Ты это хотела сказать? Почему ты плачешь? — я смотрел ей прямо в глаза и ждал ответа, секунды тянулись необыкновенно медленно, а она смотрела в ответ, но я не мог угадать, что значит этот взгляд, я смотрел в ее глаза, и мне становилось страшно.

— Потому что я не могу тебе сказать «люблю» в ответ, и я вижу, как ты мучительно ждешь этого, но я не могу. Что-то во мне не так, понимаешь? — Я пытался понять, но не мог. Она

продолжала говорить, я решил внимательно ее выслушать. — Я плачу, потому что ты в сотню раз достойнее этого «люблю», а я не могу тебе этого сказать, что-то во мне когда-то щелкнуло, сломалось, наверное. Я не могу и все. Я очень боюсь этого слова.

Я по-прежнему не очень хорошо понимал, как это так, ведь мне-то можно было сказать, и как так можно: любить, но бояться слова, ведь я видел, что она любит меня, так сильно, так жадно, так трепетно, как и я ее, чувства не могли обманывать. Ну и пускай не говорит мне и дальше это «люблю», если для нее это так сложно, я же все равно вижу, вижу, как она меня любит.

— Я не знаю, в чем дело, Алекс, милый, я не знаю... Я не могу сказать тебе «люблю», я еще не знаю...

— Ты не знаешь, любишь ли ты меня? — спросил я, не осознавая насколько больно ей это слышать.

— Боже, Алекс... Не проси меня сказать это! — она замолчала. Я ждал, мысли в голове роились, не понимал, что происходит. Не мог понять, почему она так боится и чего она так боится, или вовсе не боится, а просто не любит меня. Тогда зачем все это, эти встречи? Просто так? Я не знал, что думать. Полин вдруг заговорила.

— Я не знаю, что такое любовь, я забыла, Алекс, я не понимаю, какой она должна быть и какая она есть, где она заканчивается и когда начинается, когда появляется и куда исчезает — я не понимаю. Не упрекай меня преждевременно в этом, я прекрасно вижу и чувствую, как любишь меня ты, и я сама спешу скорее к тебе, и жду свидания с тобой, и просто обожаю тебя, и... тебя всего обожаю, но я не знаю, любовь ли это? Просто потому, что потерялась, у меня как будто сбились ориентиры, и я перестала понимать, что такое любовь. Что такое любовь? — она отчаянно смотрела мне в глаза.

Я обнял ее и сказал на ухо: «Вот это». Она снова плакала.

— Ты спрашиваешь, что такое любовь, Полин? Чувствуешь, как я держу тебя? Это любовь. И то, как я целую тебя, тоже любовь. Ты забыла, а я тебе напомню. Ты плачешь — и это любовь, послушай, как бьется твое сердце!!! Разве ты не чувствуешь любовь? Послушай, я не знал, что такое любовь до тебя, а теперь знаю! Ты мне дала ее! Посмотри мне в глаза — и это тоже любовь, Полин! Настоящая, твоя и моя... любовь. Без прошлого. Чистая.

Полин была такой слабой в моих объятиях, она слушала меня и молчала.

— Если тебе так больно говорить это слово — не говори, даже не думай о нем. Я просто буду знать... И я дам тебе время.

Я дал ей время. В сущности, слова перестали быть для меня важными. Я ловил ее любовь во взгляде, в том, как она прикасалась ко мне, в ее интонациях, в том, как она чуть раньше обычного спешит на встречу со мной, в том, как она кормит меня с рук, как едва касается моего лица руками, когда думает, что я глубоко сплю. Я многое стал понимать иначе, я возненавидел выходные и праздники и многие, многие вечера. Я почти перестал понимать друзей, а они перестали понимать меня. Да, я все еще почти безумно веселился в ночных клубах, и гонял на большой скорости, и делал почти все то, без чего жизнь молодого, двадцатилетнего мужчины станет скучной. Почти перестал понимать, почти все, почти безумно. Моя жизнь была неполной. В выходные Марта и Джонни вместе гуляли по городу, по разным любопытным местам, или нежились в постели, или звали скорее меня и еще Жака, Пьера, Тайру, и Ирэн, и Гомеса — в общем, всех на какую-нибудь пирушку. И я шел. И я танцевал. Веселился. Пил. Но Полин не было рядом. А я хотел, чтобы была. Я хотел показать им, что она ничуть не хуже их может отрываться и вообще показать им ее, но для моих друзей наш с Полин роман был большой странностью, особенно когда они поняли, что он перестал, точнее сказать, никогда не был просто адюльтером.

Что все серьезно, что мы любим друг друга. Они не понимали. Сначала было обидно, а потом стало плевать. Потому что теперь мне важна только Полин и никто больше. И я хочу, чтобы она стала по-настоящему моей, чтобы бросила своего Оноре и была со мной. Потому что я люблю ее и всегда буду. Потому что ей просто не повезло, а со мной будет иначе. Со мной она никогда не разочаруется, и я никогда не сделаю ей больно, потому что она уже настрадалась, с нее хватит. Я хочу беречь ее и быть с ней. Но как это все непросто... Я не видел ее уже три недели, и я очень хотел сказать ей о том, как хочу быть с ней. Быть с ней постоянно. Каждую минуту, хотя бы час, да что там... хотя бы день. Вечер, утро или ночь. Или все вместе. Я невольно улыбнулся при мысли об этом. А что? Бывает же такое, есть такие пары и ничего. Да, мне двадцать. Да, ей тридцать пять. Но она ведь тоже молода! Девочки бы регулярно виделись с отцом или приезжали бы к нему на каникулы. Я бы перебрался в Париж, или Полин в Нью-Йорк, она любит Большое Яблоко... Родители? Ну да, я бы их шокировал, наверное, но, в сущности, это не имеет значения, да и они должны уважать мое решение. Я представил, как бы все это было. Да, возможно, сложно. Вероятно, даже очень. Но в голове только один образ: как настает утро и Полин спит рядом со мной, а потом встает и никуда не спешит.

Я шел по набережной и думал об этом, парило, ветер от Сены не приносил облегчения. Настал май. И вот-вот разразится гроза. Воздух полон напряжения, ожидания. Как и я. Безумно хочу скорее увидеть ее. И вдруг я слышу сзади приближающийся торопливый стук каблучков, так ходит только она, я узнаю звук ее шагов из тысячи, наверное. Она окликает меня:

— Алекс! — я оборачиваюсь и вижу ее, в синем шелковом платье, развевающимся от внезапно усилившегося ветра.

— Алекс! — я делаю шаг ей навстречу, и тут ее лицо озаряет молния, и через несколько мгновений, необыкновенно громко,

кажется, прямо над нами, грохочет первый весенний гром. Начинается сильный ливень. Она прижимается ко мне, и целует мое лицо, и ласкает его руками, и смотрит мне прямо в глаза.

— Я хочу тебе сказать... Я так люблю тебя, слышишь? Я люблю тебя, Алекс!!! Я люблю тебя!

Мы целуемся под дождем, и счастье переполняет меня. Я чувствую, что если бы я сейчас разорвался, то был бы как атомная бомба любви, накрывшая весь Париж, да что там... всю Францию, весь мир... Я прижимаю к себе Полин сильно-сильно и совершенно не хочу отпускать ни на шаг. Мы промокли до нитки. И это тоже не имеет значения. У нее, как назло, сломалась машина, и нам придется идти пешком. Не имеет значения. Она сможет быть со мной всего час. Даже это сейчас не имеет значения. Потому что она любит меня.

Она любит меня! Я упивался этим фактом. Я сотню раз вспоминал, как будто перематывал фильм до любимого момента, как она окликает меня и как подходит ко мне и прижимается ко мне, и говорит это... Как целует мое лицо, мокрое от дождя. Как прижимается щекой к моей колючей щеке, которую я не успел побрить перед свиданием с ней. Она больше не боится этого слова и вообще больше не боится, потому что я дал ей время и дал ей свою любовь, а она раскрылась. Как бабочка на ладони. Как цветок в зимнем саду. Она поняла и признала, что любит меня!!! Я был так счастлив, что не мог и представить, что, на самом деле, это ее осознание и есть начало конца. Но так оно и было.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я рассматривал облака в иллюминатор самолета. Они полыхали под последними лучами заходящего солнца, под крылом самолета мой родной город казался огромным макетом из папье-маше. Внизу разгорались огни, но отсюда, с большой высоты, не было видно суеты, которая обычно царит на шумных улицах Нью-Йорка. Я смотрел на закат, и мысли мои неизбежно возвращались в Париж. Я вдруг остро понял, насколько я далеко от него. Яркие краски закатного неба смешались с белыми облаками причудливым образом, и я вдруг вспомнил лицо Полин. Я забыл обо всем и смотрел на небо как замороженный, пока самолет совершал посадку. «Уважаемые пассажиры, температура воздуха за бортом 46 градусов по Фаренгейту, время прибытия в международный аэропорт имени Кеннеди — семнадцать часов двадцать минут. Пожалуйста, не вставайте со своих мест до полной остановки лайнера...» — говорил почти механический голос из динамиков, расположенных над сидением. Тем не менее это сообщение отвлекло меня от грустных мыслей, чему я был очень рад. Долгий перелет подошел к концу, в салоне раздались аплодисменты, я вздохнул с облегчением. Когда багаж был получен, я отправился к выходу. Там меня встретил Майк, наш шофер.

— Мистер Лоуренс! — он подхватил мой багаж, улыбаясь. — Как же я рад вас видеть!

— Я тебя тоже, Майк! Как твои дела? Как малышка Джемми?

— О, Джемми в этом году последний год в колледже! — с гордостью ответил Майк.

— Совсем большая! Давно же меня не было дома! — удивился я.

— Да, много воды утекло с тех пор, как я вас провожал... — задумчиво сказал Майк.

— И правда, — подтвердил я.

Всю дорогу мы ехали молча. Мать и отец ждали меня дома, они еще ни разу не встречали и не провожали меня, сам не знаю почему. Так было принято. Может, и к лучшему. У меня было время немного прийти в себя. Мы ехали по пробкам, то и дело раздавались сигналы недовольных водителей, я рассматривал город. Он одновременно изменился и остался неизменным. Поменялись многие вывески, появились новые заведения и исчезли старые, новые неоновые огни, новая реклама, еще больше машин, но, с другой стороны, осталось прежним это море разноцветных огней и жизнь, которая однажды начала кипеть в Нью-Йорке и, наверное, будет кипеть вечно. По крайней мере, до тех пор, пока не сбудется какой-нибудь футуристический ужастик Стивена Спилберга. Внутри меня совершенно точно была радость, которая бывает, когда встречаешь старых друзей. Я был дома. Дома. И от этого на душе становилось чуточку спокойнее. Но вместе с этой радостью внутри меня разрасталась пустота, как чернильное пятно в воде: все шире и шире. Стремительно и безвозвратно. И что-то сжималось внутри, и во рту становилось чуть горько. Но вот мы уже проезжаем по Бруклин Хайтс, моему родному району, и сворачиваем на знакомую до боли улочку Уилоу Плэйс. Дальше все было быстро.

Хлопнули дверцы машины, стукнулись друг о друга чемоданы, звонок в дверь, радостные приветствия, смех, объятия. Вот уже сам не заметил, как принял душ и переоделся в свою домашнюю одежду, которая терпеливо дожидалась меня в шкафу, сижу за столом, папа разделяет мясо, Роза подносит охлажденное вино, а мама сидит за столом и теребит жемчужную сережку. Она так

всегда делает, когда нервничает, а нервничает она почти всегда. Особенно если папа неловко или долго разделяет мясо, которое она с такой любовью собственноручно приготовила. Но сейчас она нервничала немного по другому поводу, куда более серьезному: именно она заставила меня вернуться домой раньше времени, и отец об этом не догадывался.

Я был на своей квартире, в Париже, отсыпался после ночной пирушки, которая, кстати говоря, не очень уж мне и понравилась. Она разбудила меня. Было два часа дня.

— Привет, сынок! Ты что такой сонный? Я тебя разбудила?

— Нет, мам! Привет, мам! — казалось, бодро отвечал я. Я был рад ее слышать, мы не разговаривали, наверное, месяца два.

— Ты спал! У тебя заspanный голос! Ты же должен быть в университете, нет? Или я не угадала со временем? — все как всегда, опять этот ее строгий тон...

— Ты все угадала, у нас два часа дня, и да, я только что проснулся, — отвечал я.

— Боже, Алекс! Ты так всю жизнь проспичь! И что, стоило оно того вчера, чтобы так поздно сегодня просыпаться?

— Мааам... — я вздохнул. — Я взрослый человек и, по-моему, вправе решать сам. Спасибо за заботу...

— Ты не рад меня слышать? — мама начинала говорить обиженно.

— Рад, просто ты опять начинаешь... — я вздохнул.

— Ничего не начинаю, я, может быть, ради этого и звоню. Срочно узнай в университете, когда ты сможешь завершить все текущие программы и вернуться в Йель. Ты нам с отцом очень нужен сейчас дома, в Америке, — она говорила очень взволнованно, и я понял, что дело серьезное и нужно действовать быстро. — Понимаешь, отец болен. Нет-нет, ты только не нервничай, ничего серьезного, он даже просил тебе не говорить. Но дела стали идти хуже, он хуже

концентрируется, часто прямо во время переговоров бывают приступы, а это недопустимо. Ты должен приехать, слышишь, Алекс?

Так она говорила тогда. Эти новости встревожили меня, и понял, что нужно возвращаться. Помню, я почти обрадовался этой новости. Потому что Париж вот-вот готовился меня разжевать и проглотить.

— Ну, рассказывай, сынок! Так давно с тобой не виделись! — громогласно начал расспрашивать меня отец.

— Даже не знаю, с чего начать! — заулыбался я, вырываясь из тягостных мыслей. Не буду же я им рассказывать, что у меня на душе кошки скребут. — Устал с дороги, с мыслями не соберусь...

— Пусть поест сначала! — совсем как в детстве, вмешалась мама. И я принялся уплетать ее фирменную говядину. Первые несколько кусочков я даже не чувствовал вкуса, настолько я проголодался, потом почувствовал вкус, и на меня сразу же нахлынули воспоминания.

— Мама, как я скучал по этому вкусу! Вот теперь я точно дома!

— Что, в Париже такого не подают? — спросила мама.

— Какой там Париж! — почти хором сказали мы с папой. Мама довольно улыбалась.

— И, заметьте, никакого холестерина! — особенно подчеркнула мама.

Чуть позвякивали приборы, звенел хрусталь. Мама рассказывала, как сажала петунии в саду и как жаль, что я не застал их цветения, и про пироги с яблоками, и про то, как папа неловко разбил ее любимую вазу в прошлый четверг, и про занятия керамикой. И еще про какие-то мелочи и мелочишки, про которые совершенно неинтересно слушать, но слушаешь, просто чтобы поддержать разговор и проявить уважение.

— Вчера была отличная партия в гольф с моим старинным другом Киндси! Давненько я не играл с таким большим успехом!

Сколько было легких попаданий! Вероятно, сказались отличная погода и хорошее настроение! — хвастался папа. — Тут ведь дело в чем? Главное — правильно выбрать клюшку! От нее зависит почти все! Так что первым делом надо собраться, посмотреть, насколько далеко лунка, какая трава: влажная и скользкая или сухая, есть ли преграды, далеко ли от траектории песок или вода. Оценить свои силы, собраться с духом, собственно, выбрать клюшку, а дальше начинается самое интересное — удар! Если в этот момент подумать о чем-то ином — все! Промах! — отец говорил об игре увлеченно, глаза его горели, а все лицо светилось самым неподдельным счастьем: — Но я собрался, по совету своего психоаналитика забыл обо всех тревогах и думал только о том, как попасть в лунку. Главное — сосредоточение на цели, и вот, я попал! Вчера я провел на поле пять часов и всего три раза промахнулся, — не без гордости заявил он. Мама сидела за столом со скучающим видом, и по ней было понятно, как часто она слышит подобные истории и как ей все это надоело. Но она слушала и улыбалась.

— Ну а я могу похвастаться только тем, что... — я сделал паузу, выжидая пока родители поймут, что я серьезно, — у меня уже целых пять публикаций в лучших европейских изданиях, и меня отметили как лучшего студента на курсе! — я улыбался.

— Молодец, сынок! — похвалил меня папа. — Это хорошо, это значит, мы дали тебе прекрасное образование! — он одобрительно похлопал меня по плечу.

— Мы гордимся тобой, Алекс! — улыбаясь, сказала мама. — Это, конечно, все не так уж и серьезно, писать статьи несложно, любой сможет, но то, что тебя напечатали, уже хорошо! Значит, ты и в других вопросах сможешь добиться больших высот. Я всегда это знала! — она улыбалась и смотрела мне прямо в глаза. А мне было ужасно обидно слышать все это. Для них и вправду ничего не значили мои успехи. Они принимали их как должное. Но я

проглотил обиду и продолжал улыбаться, ни к чему было портить семейный ужин.

Я сидел у окна и смотрел во двор. Подумать только, здесь ничего не изменилось, с тех пор как я уезжал в Европу, да что там, многое осталось неизменным с тех самых пор, как мы бегали здесь детьми. Все также отцветают мамины хризантемы в саду и все так же отец в выходные сгребает листву в кучи, а потом, наработавшись в саду, идет к себе в кабинет, раскуривает сигару и читает что-нибудь, пока мама громыхает кастрюлями на кухне. Раньше он наливал себе бокальчик хереса, но теперь, вздыхая, предлагает его только мне. Отец любит работать в саду, он говорит, это очень отвлекает от мыслей о работе и помогает расслабиться, привести мысли в порядок. Странно, ведь мне всегда казалось, что он любит свою работу. Едва мой отец закончил Йель, ему перешла в наследство крупная страховая компания, которую основал мой прадед, Уильям Лоуренс-младший. Сколько себя помню, отец вечно пропадал на работе, задерживаясь допоздна, хотя в этом не было острой необходимости. Мы никогда не бедствовали, но он любил повторять: «Однажды оказавшись на вершине, помни, что тебя постоянно будут хотеть столкнуть. А еще помни, что впереди есть новые вершины!». Папа не останавливался на достигнутом и постоянно развивал Laurence&Sons, и к своим шестидесяти мой отец, Джереми Лоуренс, добился того, что наши филиалы были в каждом штате, включая Аляску и Гавайи.

Кто бы мог подумать, что уже этой осенью я буду здесь... И вот я сижу у папы в кабинете, он что-то продолжает говорить о бизнесе, но я не хочу этого слушать, мне это совсем неинтересно, я смотрю на него, киваю, изо всех сил стараюсь выслушать, но взгляд скользит по книжным полкам, по дубовому столу, к гардинам и в окно. Я смотрю, как за окном идет дождь. Дует ветер, и колышутся ветви розовых кустов за окном и чуть скребут по

стеклу. И от этого на душе еще тяжелее, а у меня на душе совсем нелегко.

Я никогда не забуду тот вечер. Он начинался как обычно, так всегда бывает, перед большими переменами. Был августовский вечер, и вот уже год, как я знал Полин. За окном все так же проезжали машины, прозрачный и легкий летний воздух был полон солнечного света и совершенно различных запахов. Я шел к Полин и думал, что пора уже решиться и сказать ей о том, насколько серьезно я настроен, насколько сильно я хочу, чтобы мы были вместе. Всегда. Я купил ей ромашки, как тогда, почти год назад. Я открыл дверь, она ждала меня. На ней было пронзительно фиолетовое платье, неземное, летящее, которое так и хотелось скорее снять. Она улыбалась. Она целовала меня. Казалось, она была очень счастлива. И я был счастлив вместе с ней. Она смеялась, рассказывала, как отмечали день рождения Вивьен, как та нетерпеливо разворачивала подарки, как уронила торт и долго плакала, а они ее утешали, ведь она успела задуть все свечки, и ее желание все равно сбудется, как соседский мальчик случайно выбил им окно мячом, как они играли в саду. Я слушал ее и очень хотел, чтобы я был тогда с ней рядом, во все эти светлые моменты. Чтобы своими глазами видеть все, смеяться с ней над всеми этими детскими проделками и играми. Смеяться с ней. Я хотел сказать ей об этом, но момент был неподходящий. И я слушал, что она щебечет дальше. Она говорила о всяких пустяках, и мне это было все, в сущности, не важно, но не потому, что я не уважал ее, а просто потому, что в таких разговорах не важна информация, важны — эмоции. Важно знать, чем это все было для нее, что она испытывала при этом. И я смеялся вместе с ней, потому что было смешно, но через несколько минут я переставал понимать, что было смешно. Мы пили белое вино, и от этого становилось еще легче и веселее. И я решил.

— Полин... — начал я. Продолжать было страшно. Я замолчал.

— Да, любимый! — она смотрела на меня с любопытством, ожидая, что же я скажу дальше.

— Любимая, я хочу всегда быть с тобой...

— Я знаю это, милый! — она поцеловала меня в нос полушутливо.

— Нет, я серьезно. Только, пожалуйста, выслушай.

— Алекс, не надо, родной, я понимаю, что ты серьезно! Я понимаю, что ты серьезно влюблен! И я тебя люблю, и я тоже хочу с тобой быть... всегда!

— Нет, ты не поняла, Полин...

— Тогда я тебя слушаю, внимательно-внимательно, и больше не буду перебивать, прости, — она смотрела мне в глаза и ждала, что я скажу.

— Я люблю тебя, и я хочу, чтобы «всегда» получилось. Просто уходи ко мне. Будь со мной. — Полин вдруг резко встала из-за стола и сразу переменялась в лице. Я не мог понять так сразу, что с ней вдруг случилось.

— Просто уходи ко мне, я смогу, правда, смогу сделать тебя счастливой. И девочки меня любят, я все для этого сделаю. Я хочу, чтобы ты была моей, чтобы ты была со мной, каждую секунду, каждую минуту...

— Родной... — Полин обняла меня сзади и прижалась ко мне щекой. — Милый мой, любимый... — она вздохнула. — Как же я боялась этой минуты... — голос ее наполнился отчаянием.

— Почему, Полин? Ты же любишь меня! Или ты боишься вдруг все изменить?

— Нет, Алекс, не боюсь. Если бы дело было только в этом, я бы все моментально изменила, — она снова вздохнула.

— Ты мне не веришь? Я слишком молод, чтобы быть с тобой в роли мужа? — я пытался понять ее.

— Я верю тебе, каждому твоему слову, — она сказала это серьезно, отстранившись и глядя мне прямо в глаза. Нежно и с любовью. Я окончательно запутался.

— Что же тогда? Ты боишься за девочек?

— И за них тоже. Они любят Оноре, любят бывать с ним как можно чаще и любят быть в семье. Ведь для них это что-то нерушимое, святое даже. И для меня также, милый. Я люблю тебя, всем сердцем. Люблю... Но одной моей любви недостаточно. Я уже не принадлежу только себе, я им тоже принадлежу и им же многое должна. Но дело даже не в этом: я не смогу сделать счастливым тебя, вот в чем дело!

— С чего ты это взяла, Полин? Ты — мое счастье! Я дышу тобой, я обожаю тебя, я схожу с ума при виде тебя!!!

— О, как это горько и сладко, Алекс, милый... как сложно... — Полин еще раз тяжело вздохнула.

— Объясни мне, Полин, как ты все объясняла мне раньше!

— Я не смогу тебе этого объяснить. Ты должен понять это сам, я не знаю, как тебе это сказать. Я люблю тебя. И я хочу, чтобы ты был счастлив, чтобы ты построил свою семью и чтобы у тебя все было хорошо с самого начала, я хочу, чтобы ты встретил молодую девушку, чтобы ... полюбил ее ... Боже, как больно говорить!!! Полюбил всем сердцем, и чтобы у вас были чудесные детки. Алекс, я старше тебя, и это имеет значение, эти пятнадцать лет только на первый взгляд — пустяк, но это пропасть, это целая жизнь, отделяющая тебя от меня. Я совершила много ошибок, и я не хочу совершать еще одну, пусть даже она и сделала бы меня безумно счастливой. Да, счастливой. Потому что я с тобой счастлива, и была бы счастлива. Но сколько будешь со мной счастлив ты? Что будет потом, позже? Попытайся понять, или просто поверь: ты сейчас слишком молод для того, чтобы жить семейной жизнью, да еще и вдруг стать почти отцом двум девочкам, одна

из которых родилась, когда ты сам был еще совсем ребенком! Ты слишком молод, чтобы взвалить на себя всю эту ответственность, хоть я и верю, что ты к ней готов, ты говоришь, что ты к ней готов. Но она тебе не нужна, — она перевела дух и отхлебнула вина. — В горле пересохло, так волнуюсь...

— Полин, я люблю тебя, и я на все готов ради тебя, я все смогу, я тебе обещаю! — я был твердо уверен в том, что говорю. Она обняла меня и тихо сказала:

— Иногда, в жизни так бывает, два человека встречаются. И они ни в коем случае не должны были встретиться, но они встречаются. У них разные жизни и разные судьбы, но они встречаются. Вопреки всему. Так бывает. И часто их разделяет очень многое... Как бы я хотела родиться позже, или чтобы ты родился раньше, и чтобы мы встретились в другое время, и полюбили друг друга, и были бы счастливы! Но ирония в том, что, во-первых, если бы такое было возможно, может быть, мы бы даже не взглянули друг на друга, а если бы и взглянули, то ничего бы не произошло. Никакой искры, никакой связи. А во-вторых, ирония в том, что даже сейчас, осознав, что мы невероятно дороги друг другу, даже сейчас, когда наши сердца полны любви, мы все равно не сможем быть вместе и быть счастливыми. Мы слишком поздно встретили друг друга на пути. В твоем случае — слишком рано.

— Ты говоришь, слишком поздно встретили на пути... на каком пути, Полин? Мы же сами выбираем, куда нам идти и как! И еще впереди так много лет!!!

— Это заблуждение, Алекс. Жизнь одна, и она очень коротка. Очень! И если этот скоростной поезд свернет по ошибке не туда, он сойдет с пути, он сорвется в пропасть, понимаешь? Я не хочу тебе говорить о сложностях, которые бы ждали нас впереди, если бы я приняла твое предложение. Ты поймешь это сам, позже. Я скажу тебе только то, что все это перемолло бы нас с тобой и

нашу любовь, как огромные мельничные жернова. Ничего бы не осталось.

— Этого не может быть, Полин, потому что мы любим друг друга, мы справимся. Ведь главное — это любовь. Я уже говорил тебе, я не знал раньше, что это такое, а это необыкновенно прекрасное чувство!!! Я видел, как это — жить по привычке. Мои родители так живут. Папа играет в гольф, мама печет пироги. Семейная идиллия. Они улыбаются друг другу, но та любовь, что их связывала, уже ушла, нет этой любви. И я думал, что так у всех, что так и должно быть, и радовался, что они верны друг другу всю свою жизнь, и надеялся, что так будет и у меня. Но я узнал, что такое любовь, это же магия!!! Неужели ты готова отказаться от нее ради видимости «семейной идиллии» с Оноре?

— Нет, ради этого не готова. Готова отказаться ради тебя, — она говорила это очень спокойно, а я не мог понять, почему так спокойно!!!

— Ты не можешь решать за меня, что будет мне лучше! Как ты можешь!!! Ты — мое счастье! И я хочу быть с тобой!

— Милый, послушай, я понимаю, в это очень сложно тебе поверить, но любовь — это не всегда обязательно клятвы верности, в итоге, — она чуть улыбнулась. Меня взбесила эта ее снисходительность, но я взял себя в руки.

— Я не мальчик, я это понимаю. И что любовь разная, я тоже понимаю. Разная у всех, но у нас с тобой она особенная, мы ведь так сильно друг друга любим... Хотя я уже начинаю в этом сомневаться...

— Вот, ты уже начинаешь сомневаться, — грустно сказала она. — И это только начало, дальше начался бы кошмар, ты и представить себе не можешь, какой. Послушай, поверь же мне наконец... Есть такая любовь, которая не приводит к семье, к вечному единению любящих сердец, если тебе угодно. Есть такая

любовь, и это чудо, и это дар, такая как у нас с тобой... Я очень счастлива, что люблю тебя и любима тобой, я готова захлебнуться в этом чувстве, я ловлю его каждую секунду, что мы проводим с тобой, и я благодарна тебе за все это. Мы не созданы для того, чтобы быть вместе. Мы созданы, чтобы любить друг друга. Одно не обязательно следует из другого. А ты и представить не можешь, как сильно я тебя полюбила, но именно поэтому, именно поэтому... — она запиналась и пыталась восстановить дыхание, губы ее пересохла, она скорее отхлебнула вина и продолжала говорить медленно и тихо, голос ее чуть заметно дрожал. — Именно поэтому я так боялась, когда наступит этот момент, а я знала, что он наступит. Знала, что полюбишь так сильно, что не захочешь прожить без меня ни дня. Знала, что решишься попросить меня об этом. Знала, что откажу тебе, — она приставила указательный палец к моим губам, заметив, что я хочу возразить. — Алекс, любимый мой, родной мой... — она смотрела мне в глаза. — Я долго думала об этом, у меня было время думать об этом, и именно из-за этого я все никак не могла признаться даже самой себе, что люблю тебя, очень сильно люблю тебя, — в ее глазах были слезы, Полин прикрыла веки, и они полились по щекам. Через мгновение она стерла их рукой и чуть слышно шмыгнула носом. Ее тон вдруг стал ровным и сдержанным, голос наполнился железными нотками.

— Я люблю тебя, и именно поэтому я никогда не буду с тобой вместе, не буду твоей женой... Я знаю, как тебе больно это слышать, но... если так, то наше время истекло. Нам надо расстаться. Сейчас. Сегодня.

Я не помню, как я добрался до дома. Нет, конечно, я помню, что поймал такси, и как стояли на светофоре, и как мимо проходили какие-то бессмысленные массы людей. Бессмысленные. И вправду, ничто не имело для меня значения. Так бывает, когда становится больно. Когда очень больно. А что делать, когда ты идешь

по улице, а тебя вроде как и нет вовсе? Ничего не чувствуешь, ни ног, ни рук, ни жажды, ни голода, ни жары. Ни-че-го, и только очень явственное ощущение, как будто тебе с самого размаха за-садили нож в спину, и не просто в спину, а прямо в позвоночник. И главное, ты даже не можешь разозлиться на обидчика и продолжать борьбу, потому что ты любишь и потому что больше никакой борьбы нет, больше вообще ничего нет.

«Все кончено», — эта мысль постоянно пульсировала у меня в голове. «Все кончено» было написано причудливым граффити на стене, которую я проходил мимо. «Все кончено» на витрине магазина, «все кончено», «все кончено», «все кончено» без конца повторяют прохожие.

Я заперся дома. Мне нужно было прийти в себя. Я думал, мне хватит пары дней, чтобы привести мысли в порядок, но с каждым часом, с каждой минутой становилось все хуже. Мысли о Полин сковали меня, прижали меня к дивану, как огромный железный лист — тонкий, но тяжелый и невообразимо холодный. Ничего не хотелось. Иногда даже дышать. Иногда я даже думал, а что если, и вправду, просто силой мысли остановить сердце, чтобы оно больше не билось, потому что больно любить. И бесполезно. Но, конечно, ничего не получалось. И приходилось дышать дальше, и любить тоже дальше. Любить... Господи, да зачем же любить? Почему любить?

Я мучил себя, рассматривая фото Полин. Я их напечатал целую стопку. Вот она спит на кровати и не подозревает, что я ее фотографирую. Волосы разметались по подушке, рассвет запутался в занавесках и отблесками играет на ее золотистой коже, она моя... Она была моей.

— ... она была моей... — продолжал отец разговор о бизнесе. Я вздрогнул. — та сделка с Detroit Incorporated была моей! Но она сорвалась. И знаешь почему? Собственно, я тебя и позвал в

кабинет, чтобы это сказать. Я опоздал на целых пятнадцать минут. Я бы и сам себе этого не простил, но мне нужно было срочно вколоть инсулин. Приступы все чаще, но маме этого лучше не говори, она не должна знать.

— Ты хочешь сказать, она не знает, что ты болен диабетом? — я удивленно посмотрел на него.

— Нет, конечно, она знает, она просто не знает, что мне стало хуже. А ты должен знать, ты мой сын, ты должен быть в курсе всех дел. Ты же понимаешь, все это влияет на Laurence & Sons.

— Понимаю, отец. Я могу помочь тебе?

— Да. Ты знаешь, да. Я очень ждал, когда ты спросишь. Кажется, пришло время и тебе помочь мне. Ты ведь журналист почти, ты можешь помочь поработать над рекламой, хорошей рекламой. Нам нужно развитие! Мы застряли где-то, мы никуда не движемся, а это все равно что провал. Мне нужен твой свежий взгляд и нужны твои умения. Конечно, я мог бы нанять целую компанию для всего этого, но лучше я организую свою, а во главе поставлю тебя. Потому что ты тоже Лоуренс. И тебе будет небезразлично, что ты делаешь. Как тебе это?

Я был ошарашен, насколько отец уже все продумал. Признаться честно, я хотел идти по совсем другому пути. Но, судя по всему, моя помощь будет нужна ему совсем недолго, наверное, год или два, а дальше он опять что-нибудь придумает, а я буду развиваться дальше. В общем-то, может быть, это и полезный опыт для меня. По крайней мере, в самом начале моей карьеры.

— Честно? Отец, это все не совсем мое, не очень у меня душа к этому лежит, но я думаю, если рассматривать это как временный проект, для тебя я сделаю все что угодно, — честно признался я.

— Вот и славно! — сказал отец. — Можешь рассматривать это как угодно, ты мне просто нужен и все. Ты справишься, я в тебя верю!

Я вышел из кабинета, так до конца и не поняв, что произошло. Насколько серьезно он все это сказал? Мне нужно было прогуляться, привести мысли в порядок. Я зашел в гараж. О, да. Мой Dodge Viper, подарок на шестнадцатилетие от родителей. Отполированный до блеска. Чудно!

Скорость... Пожалуй, лучшее лекарство от чего угодно. Я и забыл, насколько приятно урчит его мотор, как быстро откликается коробка на любые переключения, как быстро, как невероятно быстро он набирает скорость и как резко, по- спортивному рьяно входит в поворот! Как мне не хватало этого!!! Меня буквально прижало к сидению. Я мчался по мосту Верразано, иногда едва покачивало от пронесшейся мимо машины, а еще чувствовался боковой ветер с Грейвсенда. Только дорога и я. Я сливался с ней. И этот незабываемый гул мотора, такой громкий и сильный, он звучит как музыка для меня. Эйнштейн был прав: все относительно. И время относительно. Времени вообще не существует. Есть только ощущение скорости. И снова, как вчера, ощущение, что встретил старого друга. В салоне приятно пахнет кожей, запах почти такой же, как тогда, когда мне впервые вручили от него ключи, и я, ошалеv от радости, сел на место водителя. Я помню, как любил просто сидеть в салоне, слушать музыку на полную мощь и разглядывать приборную доску, трогать руль, переключать передачи, а потом вставлял ключ зажигания, и через какое-то мгновение слышался его чуть сердитый отклик, а потом мотор начинал урчать, как довольный тигр, и я гордо трогался с места. Все друзья завидовали мне по-черному. Но какое мне было до них дело? У меня была крутая тачка, вот и все!

Через два часа я въехал в центр и оставил машину на одной из парковок. Мне хотелось прогуляться пешком. И все же на улице легче дышать, легче, и я не знаю почему, может быть, потому что ты не заперт в четырех стенах, и взгляду есть за что зацепиться, и

можно подумать еще о чем-то, как-то отвлечься. Я понял это, когда моя парижская квартира стала мне невыносима. Тогда я допил бутылку виски, и она мне ни капли не помогла, потому что стены и потолок продолжали давить на меня и, в конце концов, кажется, выдавили меня на улицу, крикнув вдогонку: «Сегодня! Сейчас!».

Я выбежал на улицу. И в эту же секунду мне стало легче, я вдохнул свежий воздух, и мне стало легче. Кажется. Я пошел, пошел куда глаза глядят, я шел очень быстро, не помню куда, я не смотрел по сторонам, я просто шел, чтобы идти. Чтобы не думать ни о чем и ничего не чувствовать, ничего, кроме самого чистого ощущения шагов и ветра в лицо. Это чувство было настоящим, глубоким, практически животным, такое чувство, наверное, испытывают дикие лошади, когда бегут по прерии. И ничто не важно. Только движение. Неважно куда и зачем. Но Полин настигала меня, куда бы я ни пошел. Я видел ее среди туристов, прогуливавшихся недалеко от Пантеона, я шел в дождь, было холодно, и окна небольших кафешек манили уютным, мягким светом, но она или ждала меня у входа с зонтом, или сидела у самого окна и попивала кофе. Она гуляла по набережной, обрывая лепестки у ромашек. Она танцевала вместе с уличными музыкантами, она ловила такси, она прогуливалась рядом с Лувром, она уступала мне дорогу на светофоре, сидя за рулем своего Porsche, она сталкивалась со мной и шла дальше, бросив чужое «Pardon»... Полин, Полин, Полин... Она шла ко мне навстречу со всех сторон, но, как во сне, исчезала, превращалась в равнодушных прохожих, в игру света и тени на стекле, в знакомку за столиком в кафе... Была ли это она там, в машине? Похоже, что и там была не она. Я почувствовал, что схожу с ума. Мне не скрыться от нее! И я спешно ловил такси, а марокканец-таксист вдруг говорил на чистейшем французском, и голос у него был женский, и мне казалось, я уже видел, как из-под клетчатой кепки выбиваются длинные каштановые волосы Полин.

Я закрывал глаза. Наваждение проходило. А потом по радио передавали «Je suis malade»:

...*Je n'ai plus envie de vivre ma vie
Ma vie cesse quand tu pars...*²

Я слушал, и у меня разрывалось сердце, потому что я очень четко чувствовал, как будто это поет Полин. И я безумно хотел ворваться к ней, обнять ее, целовать ее руки, и лицо, и губы, и забыть все как дурной сон, и сказать ей: «Я здесь, с тобой, и всегда буду с тобой, слышишь? И мне плевать на все!» Но я знал, что это невозможно. Я поднялся по лестнице домой. Мне безумно хотелось, чтобы там меня ждала Полин, но, конечно, ее там не было. Я слонялся по квартире, не зная, куда себя деть, а потом вдруг очнулся от того, что сидел на полу. Я раскачивался как безумный и повторял ее имя: Полин, По-лин, Полиин. Я растягивал гласные, я дробил ее имя на слоги, в надежде, что оно в какой-то момент потеряет смысл, но оно не теряло смысла. Я выл его, как раненый пес, я плакал горько и по-настоящему, но от этого не становилось легче, и я бил кулаками в стену, и разбил себе руки в кровь, но я не чувствовал этого. Я даже не думал тогда, как хорошо, что ни у одного из моих друзей нет ключей, и они не застанут меня в таком ничтожном виде. Мне вообще было плевать. Когда истерика закончилась, мне вдруг стало никак. Я ничего не чувствовал. Я даже немного испугался и обрадовался — неужели все, неужели больше не будет больно? Я ничего не чувствовал. Абсолютно ничего. Я стоял под ледяным душем, пил обжигающий кофе, ел тряпки-круассаны. Все это тоже стало бессмысленно. И я перестал есть.

Неделю я провел в какой-то полудреме, в кошмарном бреду, если быть точным. Я выбирался на улицу, в какие-то мгновения мне становилось легче, но ненадолго, потом меня снова начинала

---

² *Мне больше не хочется жить, Моя жизнь прекращается, когда ты уходишь. (фр.)*

преследовать Полин. Вечером я не выдержал и позвонил Джонни. Он меня вытащил из дома, и я был ему благодарен, хотя, конечно, мне было далеко не весело даже в самый разгар веселья. Но я забылся, и от этого было легче. А потом меня разбудил телефонный звонок, и я понял, что так тому и быть: мне нужно уехать из Парижа. Как только я уладил все вопросы с переводом обратно, в Йель, я купил билет на самолет и вернулся. И вот я иду по Нью-Йорку. Огромный город, здесь так легко потеряться, но моя боль пока следует за мной по пятам. Временами мне становится лучше. Я как будто качаюсь на волнах Гудзона. Они небольшие, но очень холодные. И периодически накатывают, и становится больно, так больно, как бывает, если погрузить руку в воду со льдом на несколько минут. Только здесь болит душа. Когда же это закончится?

Я принял предложение отца. Я продолжал учиться в Йеле, но посещал и все основные совещания совета директоров Laurence&Sons, чтобы плавно входить в курс дела. Я часто задерживался на работе с отцом, а еще носил в своем кейсе запасные капсулы и шприцы на случай, если ему вдруг станет плохо. Он все делал сам, но, несмотря на серьезность своего положения, часто забывал лекарства дома, просто по рассеянности. Странно сказать, но отец всегда был страшно рассеянным человеком, когда дело касалось его жизни. В бизнесе он себе этого не позволял. Я был так сильно занят учебой и работой, что мысли сами собой приводились в порядок, а чувства? У меня не было сил на чувства. Меня мучили кошмары по ночам, но днем я старался мыслить конструктивно и позитивно. Чем меньше я поддавался рефлексии, тем легче мне становилось, по крайней мере, пока я не начинал задумываться о том, что со мной происходит по ночам.

Ночью мне снилась Полин. Она резала себе вены в ванной. Она занималась сексом с Оноре у меня на глазах. Она соблазнила меня. Она дразнила меня. Она уходила от меня. Она плакала

у меня на плече. Она стояла у окна, ее тело покрывалось гусиной кожей, я обнимал ее, но она исчезала бесследно. Я гулял по берегу Ла-Манша, собирал ракушки и находил ее тело, запутавшееся в сетях. Утром я просыпался и старался скорее забыть об этом. Образы преследовали меня днем, но я старательно от них отмахивался. Шло время. Но однажды все изменилось.

Я проснулся. За окном было морозное утро, начинался февраль. Мне вдруг стало значительно легче. Я проснулся, полный какого-то удивительного ощущения, которое прорывалось изнутри меня, как прорывается росток сквозь асфальт. Сердце наполнилось нежностью и любовью без всякой причины — больше без боли. Да, мне снился удивительный сон. Мы сидели на кухне с Полин и пили ее фирменный горячий шоколад, говорили обо всем на свете, и было очень легко. А потом она просто обняла меня крепко-крепко и сказала: «Мне пора уходить. Счастье, оно совсем рядом», — поцеловала меня и ушла. И я уже не хотел ее вернуть. Я гулял по Люксембургскому саду и у фонтана встретил девушку в длинном белом сарафане, она сидела на самом краю, ее ноги были босыми и утопали в траве, она гадала на ромашках и, смеясь над шутками подруг, запрокидывала голову. В ее волосах играло заходящее солнце. Она вдруг заметила меня и улыбнулась, я улыбнулся ей в ответ. Она вдруг встала и подошла ко мне очень близко, так близко, что я чувствовал ее дыхание на своей коже. Она пристально смотрела на меня.

— А я тебя знаю! — сказала она.

— Откуда? — спросил я.

— Я не знаю, но я точно знаю, что знаю тебя! — она рассмеялась и поцеловала меня в губы.

Я проснулся. Я отпустил Полин.

Часть II

БОРЬБА

ГЛАВА ПЯТАЯ

— В первую очередь необходимо создать новую базу клиентов, в которой будет учтено максимальное количество факторов, влияющих на их поведение, что для нас значит: насколько вероятно наступление страхового случая. А это, в свою очередь, значит, какой у нас будет доход. Конечно, наша первостепенная задача — делать жизнь людей более защищенной и спокойной... — отец сделал паузу и хитро подмигнул Дейлу. — Если это приносит нам такие бабки, черт возьми, почему бы и нет? — он рассмеялся. Рассмеялись все в конференц-зале.

— Поэтому, Дейл, тебе следует разработать новую систему учета клиентских данных, чтобы это было удобно любому агенту! В конце дня подойдешь ко мне и отчитаешься о сроках исполнения.

— Второе, — продолжал он. — Необходимо плотно поработать над новым лицом компании. Да, Laurence & Sons уже хорошо известна всем американцам, но тем не менее мы, можно сказать, расслабились и некоторое время не уделяли внимание рекламе. В результате о нас почти не пишут, и скоро мы сольемся с местным пейзажем, нас перестанут замечать. Тем временем наши доходы падают, а конкурентов становится все больше. И уж они-то не теряют времени и занимают все рекламные площади своими яркими призывами, — отец отхлебнул воды. — Своего сына я вам не представляю, вы и так его уже знаете, он присутствует на наших совещаниях уже больше полугода, я думаю, он уже в курсе многих дел, которые у нас происходят, а вы успели с ним познакомиться.

Но скоро он позаботится о том, чтобы Laurence&Sons стала еще привлекательнее для наших клиентов во всех штатах.

Я улыбнулся и оглядел всех присутствующих. Новенькая ассистентка слушала каждое слово отца и всех присутствующих, тут же записывая стенограмму, и странно, в ее глазах был неподдельный интерес ко всему вышесказанному. Она писала деловито и спешно, используя какие-то забавные значки, и во время пауз смотрела на всех, и было видно, как она хочет всем нам понравиться. Корнелия Питтс, глава отдела страхования физических лиц, также проявляла интерес ко всему, что говорил отец. Остальное ее не волновало, и она откровенно скучала, выслушивая чужие отчеты. Дейл, эксперт по компьютерным системам, которого отец недавно переманил у наших конкурентов, уже что-то чертил на бумажке. И это совершенно ничего не значило, но я понял, что ему просто так легче думать. Правая рука и близкий друг отца, Киндси, читал утреннюю газету без угрызений совести. Все знали, что финансовый директор Laurence&Sons узнавал обо всех грядущих переменах и новостях раньше кого бы то ни было в этой компании, если не считать самого Джереми Лоуренса. Директор по медицинскому страхованию Бесс Янг тоже о чем-то очень глубоко задумалась, но было видно, что именно о работе. Может быть, потому, что на ее лице было сосредоточение. Или потому, что я просто знал ее характер — она была не из тех, кто смешивает работу и личную жизнь. Остальные сидели с разными эмоциями: кто-то был рад, что уже отчитался и может просто слушать. Кто-то нервничал, потому что отчет еще предстоял. Кто-то ждал важного звонка, кто-то просто смотрел в окно и думал о чем-то своем. Мне опять было до одури скучно. Задач у меня пока не было никаких, то есть задачи были, но надо было их выполнять не прямо сейчас. Я это знал, примерный план действий у меня в голове был, все было ясно и понятно, а потому было скучно. Еще скучнее было потому, что первые дни

и даже месяцы знакомства с Laurence&Sons всерьез, а не по рассказам, уже прошли. И чувство новизны притупилось. Наверное, в первый раз я смотрел на всех почти так же, как та молоденькая стенографистка. Я изучал всех и всем хотел понравиться. Теперь я, кажется, уже всех знаю и не вижу необходимости в том, чтобы у всех вызывать исключительно положительные чувства. Честно говоря, когда я соглашался на предложение отца, я и вовсе думал, что это займет гораздо меньше моего времени. Я вообще думал: месяца два и все, свободен. И вот, я входил в курс дела полгода, и только сейчас отец сказал «пора», но не уходить, а, собственно, делать то, на что я согласился. В общем, кажется, я теперь понял, насколько серьезно я здесь встрял, и что мое присутствие здесь будет более длительным, чем я ожидал. Что ж, если я здесь года на два-три, то самое время подумать над тем, как это пребывание скрасить. Ох, как мне пригодится чутье Джонни... Интересно, где он сейчас? Я не видел его с тех пор, как мы получили дипломы.

Мы сидели в баре на Манхэттене, недалеко от моей квартиры. Джонни потягивал яблочный мартини и улыбался симпатичной барменше.

— Звучит интересно... — задумчиво протянул он, покручивая свое большое серебряное кольцо на пальце.

— Никогда бы не подумал, что тебе это может быть интересно! — удивился я.

— И тем не менее! — он улыбнулся. — Это прекрасная возможность добавить в свое портфолио еще одну достойную работу, на этот раз с долгосрочным контрактом, а не на один-два раза. Разве это не круто? — я наклонил голову в знак сомнения. — Да ты просто привык, что все и так хорошо! Тысячи других бы тебе глотку перегрызли за такую возможность!

— А другие тысячи бы и вовсе пальцем не пошевелили! — я улыбнулся.

— Ну, ты же не из тех? — хмыкнул Джонни.

— Иначе предлагал бы я тебе работать со мной?

— Алекс, большой босс! — Джонни рассмеялся. — Ну, а кроме шуток, я с радостью буду работать с тобой, мы отличная команда!

— Это точно!

Мы давно не виделись с Джонни, многое изменилось во мне и в нем. Хотя, объективно говоря, прошло не так уж и много времени. Наверное, просто жизнь вне кампуса иная. Нет этого безумного студенческого духа, полного энергии. Братство распалось, мы все куда-то разъехались, кто-то вернулся домой, кто-то продолжил путешествовать дальше. Невольно вспомнилось, как совсем недавно мы всей своей шумной компанией сидели в баре, в Риме, и казалось, что это веселье и эта радость будут бесконечными. Нет, я не утратил способность веселиться и радоваться, но все это было как-то иначе, по-другому. Все чувства как будто чуть приглушены, не на полную мощность. Я вспомнил и другое лето, лето в Париже, когда был безоблачно счастлив. Наверное, тогда было на полную мощность. Тогда чувства искрились и вырывались из моего тела, как лава вырывается из вулкана. Иногда от успеха, радости и любви просто кружилась голова, как она кружится, если целый день кататься в парке аттракционов или если залпом выпить какой-нибудь алкогольный коктейль и потом сразу поцеловаться. Я ощущал радость не в глубине, не в сердце, а во всем теле, она даже не струилась из меня, она просто была фонтаном, и я с трудом верил себе самому: неужели такое бывает? Неужели можно быть настолько счастливым? А сейчас я просто сидел в баре и не испытывал практически ничего, кроме обычной радости от встречи со старым другом. Это была большая радость, на самом деле. Просто по сравнению с той радостью она меркла, как бывает, когда, перед тем как откусить кусок от сочного кисло-сладкого яблока, съешь что-нибудь сладкое, вроде шоколадного батончика,

и яблоко становится кислым. Или еще хуже — безвкусным. Я смотрел на него и был рад ему, но чего-то мне не хватало. Может быть, чтобы вдруг подошел Ричи и, хлопнув меня по плечу, сказал «Чао, Алекс!», как он это обычно делает. Или чтобы медленно подплыла Марта и томно обняла Джонни, и чтобы она слушала наши разговоры, улыбалась и смеялась. Вдруг вспомнил Франческу, уж она точно не дала бы мне здесь расслаживаться, затащила бы на Эмпайр Стейт Билдинг или куда-нибудь еще, желательного куда-нибудь, где нет смотровой площадки. Но он сидел здесь один, улыбался и шутил, как и обычно. В нем тоже, совсем неуловимо, было что-то иначе. Но он не признавался, что именно. Он смотрел на рыжую, за столиком у окна.

— Как тебе эта? — спросил он, оценивающе глядя на нее, однако стараясь, чтобы она не заметила его взгляда. Я посмотрел на нее.

— Задница отличная!

— Да, — потянул Джонни. — Ноги...

— Спина тоже ничего! И волосы красивые, хотя я не очень-то люблю рыжих, — сказал я. — Интересно, что там с грудью? — девушка сидела к нам вполоборота, скорее даже спиной, было толком не видно ни груди, ни лица.

— Пойду узнаю, — сказал Джонни, приподнимаясь со своего места. — Черт! Черт! Черт! — ругался Джонни чуть слышно через две минуты.

— Послала? — ехидно спросил я.

— Послал! — грустно ответил Джонни.

— А я заметил вот ту! — сказал я, взглядом указывая направление. Она пила дайкири и иногда соблазнительно поглядывала на меня. Джонни одобительно улыбнулся. Я вдруг подумал: почему бы и нет?

— Смотри, не облажайся! — подмигнул Джонни. — А то вдруг...

— Куда мне до тебя, везунчик! — хмыкнул я и пошел в сторону незнакомки.

Она была хороша. Ее платье так заманчиво соскальзывало с плеч, что хотелось его стянуть окончательно. И глаза. Глаза хищницы, но не такой пошлый, томный взгляд, который обычно бывает у девиц в баре, а какой-то интересный, даже немного загадочный. Красивые брови, красивый нос, пухлые губы... Определенно хороша.

— Привет! — сказал я. Она улыбнулась. — Здесь свободно?

Через полчаса мы уже были в моей квартире, я ласкал ее и особенно остро чувствовал, насколько юное у нее тело. Руки еще помнили тело Полин, хотя прошло много времени. И это, новое, тело незнакомки было другим. Конечно, другим, разве может быть иначе? Но удивительно! Совсем другие руки! Совсем другие волосы! Другие линии и изгибы, другая на ощупь, другие движения и жесты. Другие не в смысле «отличные», а в смысле «чужие». В этот момент мое восприятие поделилось на две половины. Моим рукам безумно нравилось ощущение ее тела, ее тепло, ее кошачьи движения, ее большая, красивая грудь. Мое тело жадно принимало ее ласки, дыхания смешивались и становились чаще. Я сам наблюдал за этим как будто со стороны, тело получало удовольствие отдельно от души. Я ничего не чувствовал. Я искал, я ждал, когда же промелькнет хотя бы искра былого восторга обладания, но ее не было. Это как выпить колы, когда хочешь пить. Вроде выпил, вроде вкусно, но жажду так и не утолил. Во рту привкус дешевого подсластителя. Но хочется еще. Вдруг в голове что-то щелкнуло, и я перестал думать, я полностью отдался ощущениям. Ощущения — вот что действительно важно сейчас, и мое чутье меня не подвело, она думала так же. Когда ускоряешься, перестаешь думать глубоко и глобально. Это то, что нужно. В эту минуту и вообще. Страсть, слияние двух бушующих энергий: мужской и

женской. Ожидание, предвкушение, нетерпение и экстаз. Это как гонять на классной тачке: выжимаешь педаль в пол, она ревет от восторга, и ты уносишься далеко-далеко на полной скорости. Разве можно думать в такой момент о чем-то еще? И я не думал. Она, наверное, тоже.

Утром мы выпили кофе, посмеялись над разломанным в пылу любовных игр стулом и попросились.

— Все равно давно пора поменять обстановку, так что спасибо!

— Обращайся, если нужно будет разломать что-то еще! — она улыбнулась, и я закрыл за ней дверь.

И снова бетон и стекло, огромный лифт с зеркалами, которые, наверное, приделаны, чтобы облегчить клаустрофобам жизнь, но все равно не справляются с задачей. В него набивается человек десять-пятнадцать, и никто не смотрит друг другу в глаза. Кто-то, потупившись, смотрит в пол, кто-то мысленно приближает момент, когда же откроются двери, и все смотрит и смотрит на черно-серую полоску посередине, но впереди еще двадцать этажей и несколько десятков секунд. Кто-то разглядывает запонки, кто-то теребит замочек у сумочки, кто-то смотрит в потолок, как будто там что-то написано или как будто лифт от этого быстрее поедет. Кто-то, как назло, слишком сильно надушился, и хочется скорее приехать, чтобы вдохнуть свежего воздуха, хотя можно ли офисный воздух назвать свежим? После этого лифта — да. Я смотрю на кнопки.

Потом я выхожу из лифта, прохожу по огромному офисному залу к своему кабинету, по пути встречаю Гарри. Он как и всегда с утра: с маффином и стаканом кофе у аппарата с ксероксом. Стоит и контролирует полностью автоматизированный процесс, чтобы никто его не прервал ненароком, пьет свой кофе и ест маффин. Наверное, жена испекла. Встречаю Линдси, она заходила за зеркальцем к Кортни. Не успела накраситься дома или вовсе не ночевала

дома — на ней та же блузка, что и вчера, и немного потрепанный вид. Потом я вхожу в кабинет и, включив компьютер, просматриваю новости. Через десять минут слышно, как Дейл проносится мимо. Он всегда опаздывает и почему-то всегда примерно на десять минут. Если бы я заметил такое за собой, я бы просто завел будильник пораньше.

— Тысячу раз заводил его раньше на четверть часа, на полчаса и даже на целый час, но все безрезультатно! — жаловался Дейл. — Я же знаю, что завел его раньше! Я засыпаю, а потом просыпаюсь, скорее одеваюсь за пять минут и вылетаю на работу. Или встаю сильно раньше, не спеша завтракаю, выхожу вовремя и вдруг заставаю в пробке. Или иду в душ и там засыпаю, и просыпаюсь внезапно, ощутив, что что-то слишком мокро для постели. В общем, утро придумано не для меня, — он разводил руками и улыбался. В его опозданиях не было ничего страшного, тем более что первые час-два все всё равно только и делают, что раскачиваются. Читают новости и гороскопы, разгадывают кроссворды, пьют кофе, чтобы проснуться, наконец, рассказывают друг другу о том, как прошел вечер, или жалуется на завал по работе. Все что угодно, только не работают. Я их понимаю, я и сам себя никак не могу заставить заняться делом, до последнего оттягивая этот момент, часто до позднего утра. Около одиннадцати на меня все-таки снисходит какое-то подобие вдохновения, и появляются силы для работы. И я открываю свой ежедневник, где накануне расставил задачи по приоритетам и отметил особенно важные жирными точками. Я улыбнулся, заметив на полях рисунки, сделанные во время вчерашнего совещания. Было скучно, поэтому рисунки на полях получились хорошие. Идею, которую отец высказал по поводу новой базы данных и по переводу большей части информации на электронные носители, предложил именно я, мне эта идея нравилась и казалась современной. Скоро наступит новое тысячелетие,

надо идти в ногу со временем и даже обгонять его, поэтому нужна единая база клиентов абсолютно для всех филиалов и возможность автоматического деления клиентов по различным группам риска. Я уже просил аналитиков поработать над усовершенствованием старой системы и максимально формализовать наибольшее количество факторов, влияющих на наступление страхового случая. Дейлу нужно было перевести это на язык машин. Так, чтобы любой, даже самый тупой страховой агент мог справиться с простым интерфейсом и получить максимальный результат. Когда я переключался и начинал думать о работе, мне важно было, чтобы никто меня не отрывал, поэтому я просил свою ассистентку Кристи, чтобы она никого не пускала в кабинет ближайший час. Мысли ускорялись, я живо представлял себе результат, которого хочу добиться и которого от меня ждет отец, а дальше начинал думать, как его достичь. Я пытался максимально точно просчитать все возможные способы решения существующих задач, но, к сожалению, опыт мой уже показал, что как бы тщательно я ни рассчитывал решение какой-либо проблемы, это помогало лишь отчасти. Потому что, когда какая-то задача или проблема предстает в реальности, она часто далека от представлений, и нужен какой-то новый подход. И нужно снова думать. Но я люблю думать, это приятное чувство. Я записываю основные мысли опять же в ежедневник, и тут настает обеденный перерыв, я предпочитаю уйти чуть раньше или чуть позже основной массы народа, чтобы не толкаться плечами в лифте. Я выхожу на улицу, вдыхаю свежий, весенний воздух, уже почти летний, и становится как-то сразу светлее и легче, улыбка сама собой ползет по губам, и настроение становится лучше, лучше, лучше. Я иду в небольшое кафе, где очень уютно, даже несмотря на большой наплыв офисных сотрудников. Здесь нет никого из наших, все стараются оставаться в том же здании и ходят либо в фирменную столовую, либо ищут любую

другую этажом выше или ниже, каждый находит себе по вкусу. Я предпочитаю все же выйти, как-то развеяться, пройтись, посмотреть по сторонам. Жалко, что времени не так много, можно было бы с легкостью дойти до Центрального парка, будь в моем распоряжении еще хотя бы пятнадцать минут, но именно их мне и не хватало. Обычно я сидел в кафе, ел свой обед и смотрел по сторонам. Я ел максимально медленно, чтобы получить удовольствие и не думать ни о чем больше, потому что о работе в обед думать совсем не хотелось. В общем-то по этой самой причине я и избегал обедать с коллегами, так как те, кто были того же уровня, что и я, были значительно меня старше и говорили что-то скучное и узкоспециальное, а на меня это навевало тоску. Они ждали, что я буду копией своего отца, или, наоборот, что буду недалеким сынком, которого папаша принялся продвигать в свой бизнес, но я не был ни тем, ни другим. Одним словом, они мне были скучны. Те же, что были одного возраста со мной, часто необъяснимо смущались моего присутствия или начинали не к месту кокетничать, в общем, кроме Дейла, мне было не с кем толком поговорить. Дейл забавный. У него всегда торчат волосы в разные стороны, огромная такая копна, такое впечатление, что волосы — это продолжение его мыслей и идей, они просто безумным фонтаном торчат прямо из его головы и по странному совпадению осязаемы. Еще он любит во всем порядок, вплоть до помешательства. Все цветные скрепки раскладывает по цветам в разные отделения подставки для канцелярских мелочей, все карандаши расставлены по степени заточки и длине. На столе нет завала из бумаг, рядом с клавиатурой всегда есть небольшой листок бумаги, плотно исписанный его мелким почерком, там же — небольшие рисунки, значки и странные стрелки. Но вообще он очень веселый парень, постоянно что-нибудь скажет как отрезет. И всем в офисе придумал забавные клички, до безумия прилипчивые. Кристи, например, у нас Мини Пэм.

Почему? Потому что если бы не мини-грудь, была бы как Памела Андерсон. Гарри у нас именуется Мистер Икс, потому что Ксерокс, Корнелию Питтс, главу отдела страхования физических лиц, Дейл называет Рогулькой. Потому что «Корнелия» означает «рогатая», и муж действительно наставил ей рога, с таким именем нужно быть более осмотрительной, ведь силы свыше ее предупреждали, но никто не застрахован, даже глава отдела страхования физических лиц. Я пока никакого прозвища не получил, может быть настал мой черед. Завтра в офис должен прийти Джонни, его кандидатуру уже одобрили, чему я очень рад. Теперь мне будет с кем поговорить во время обеда.

Джонни с хрустом отломил кусок булочки и принялся с аппетитом есть заказанный суп.

— Ну что, снова вместе? — он улыбнулся.

— Как-то даже непривычно видеть тебя здесь, — заметил я.

— Теперь я твой протеже, смотри, как бы слухи не поползли... — прыснул Джонни.

— Боюсь, без этого не обойдется в любом случае. Так что лучше приударь за Кристи сейчас, это в твоих же интересах!

— Нет, ты знаешь, она не в моем вкусе! Вот Кортни ничего! Хотя я тут подумываю, не стать ли мне серьезнее!

— Ты меня так не пугай! — я рассмеялся. — Джонни и «серьезнее», по-моему, нелепее ничего быть не может!

— Ну, вот и передумал! — Джонни с наигранной обидой поморщил нос. — Ты тут уже полгода, говоришь? Ну, есть там кто симпатичный? Я пока только пару-тройку заметил, а ты что скажешь? Давай, выкладывай!

— Сразу тебе все явки и пароли, значит! Опыт, нажитый непосильным трудом...

— У тебя остались салфетки? — с невинным видом спросил Джонни.

— Дурень! — я рассмеялся и понял, как же мне его не хватало! И дело не в его шутках и не в его смехе самом по себе, не в каких-то разрозненных мелочах, а именно в том, какой он есть.

Вечером мы снова сидели в баре. Уютно. Странно, но иногда в таких местах именно уютно. Звон тяжелых пивных кружек о деревянные столы, самые разные голоса смешиваются в причудливый гомон, играет музыка, кто-то играет в автоматы, щелчки, звон, смех. Бармен смешивает что-то в шейкере, гремят кубики льда, одновременно шумит кофемолка, дама у стойки заказала эспрессо и двойной скотч. Открывается дверь — звенит колокольчик. Снова звон заметно полегчавших пивных кружек о деревянные столы. Кто-то вырезает ножом свое имя. У автомата собрались несколько крупных парней, у одного из них смешная косичка. Смешная, потому что вся остальная голова бритая и со складкой сзади, посреди которой торчит эта нелепая, как бы «крутая» косичка. У второго все в татуировках, даже оба уха. Третий волосат и бородат. Мне нравится та же музыка, что и им. И я тоже люблю мотоциклы, алкоголь и женщин. Сзади раздался целый шквал женских голосов — симпатичная блондиночка прощается со своей незамужней жизнью. Вечер обещает быть веселым! Бармен наливает кому-то пива, снова что-то смешивает, и снова шумит кофемолка. Звякает мелочь, шуршат купюры. Открывается дверь — звенит колокольчик. Мы с Джонни сидим у стойки, он заказал Б-52, я пил Куба Либре.

— А как же Марта? — вдруг спросил я.

— Она дома, в Швеции. Мы решили расстаться, — Джонни посмотрел в сторону.

— Стоп. Ты что, переживаешь? — Джонни как-то странно реагировал, это было на него не похоже.

— Да нет, все нормально, — он улыбнулся, но как-то натянуто.

— Э, чувак, тут я смотрю, дело не просто, да?

— Ошибаешься, все просто! — Джонни залпом выпил Б-52, чуть поморщился, шумно выдохнул, закрыл глаза и запрокинул голову. — Я просто не вовремя ее встретил, вот и все! А она не вовремя встретила меня.

— Где-то я это уже слышал... — я скептически посмотрел на него. — Никогда не мог понять, что такое «не вовремя», и не могу.

— Значит, я не смогу тебе объяснить, — сказал Джонни и принялся разглядывать бутылки.

— А ты постарайся, может, я напрягу мозги и пойму, — мне было интересно, что он скажет.

— Да все просто. На таких девчонках, как она, женятся. А в мои планы это в ближайшие десять-пятнадцать лет не входит.

— Ну ты, брат, даешь, все себе расписал, — я цокнул языком.

— Ты бы предпочел, чтобы я на ней женился? И что дальше? Ты представляешь меня примерным мужем и отцом семейства?

— Нет! — я рассмеялся. — Но ведь люди меняются.

— Люди меняются, я — нет, — Джонни выпил второй Б-52.

— Ну конечно, ты такой взрослый, такой мудрый, все о себе уже знаешь! — я покачал головой.

— Как раз наоборот. Моя жизнь началась лишь недавно, по-настоящему началась. И я себя еще толком не знаю, а ты говоришь — почему не женишься? А вдруг я завтра встречу какую-нибудь красотку в сто раз круче ее?

— А вдруг не встретишь?

— Ну, так и жизнь не завтра заканчивается! — Джонни улыбнулся. — Хочешь, я поработаю доброй феей?

— Это как? У тебя есть розовая пачка и волшебная палочка с перьями?

— Нет, вот прямо сейчас я тебе свою теорию докажу и сделаю пару людей счастливее.

— Даже интересно стало, ну-ка, ну-ка! — я заказал виски со льдом в предвкушении интересного зрелища.

— Видишь ту девушку?

— Невесту?

— Ага, — кивнул Джонни. Я смотрел на него, пытаюсь угадать, что он задумал. На этот раз Джонни заказал текилу. — Я сейчас к ней подкачу, и если она не поведется, то я пожелаю им счастья, и она будет большая молодец, значит, реально своего перца любит. А если поведется, решит «ну, хоть разик напоследок, ну это же девичник!» или «это будет по пьяни, и никто не узнает», тогда я уйду с ней. И я уж постараюсь, чтобы она отменила свадьбу. Уж очень у нее сиськи хорошие, я бы с ней пару недель потусил! — Джонни поставил недопитую текилу на стойку и уверенной походкой пошел к невесте. Все девчонки были изрядно пьяны, что, наверное, сильно облегчило ему задачу. Когда он целовал ее, большинство кричало:

— Да!!! Салли, давай!!! — подбадривали подружки.

— О, вот это горячий парень!!! — послышался чей-то возглас.

— Салли, давай-давай!!! — подбадривали уже все в баре, толком не разобравшись, кто такая Салли и что она должна делать. Джонни отстранился, пристально посмотрел ей в глаза и медленно повернулся, чтобы вернуться к стойке. Это был фальшивый маневр, проверить, заинтересовал ли он ее. Я следил, затаив дыхание. Выражение лица невесты вдруг изменилось. Я насторожился. Джонни был очень красив. Она выходила замуж. Джонни направился к стойке. Невеста чуть коснулась пальцем губ. Некоторое время она стояла как замороженная. Джонни приземлился на свое место у стойки, но не успел я спросить его, что же дальше, невеста снова жадно целовала его. Потом она вдруг испуганно отстранилась, как будто вспомнила кое-что очень важное, но Джонни успокаивающе сказал ей: «Расслабься».

Может быть, оно и к лучшему? Может быть, Джонни наколдует, и в штате Нью-Йорк разводов будет ровно на один меньше. И свадеб тоже. И пусть ценой тому разбитое сердце, зато всего одно. И, раз уж на то пошло, зачем мне сидеть одному, если там столько подружек невесты?

Она была безумна. Как раз то, что мне было сегодня нужно. Я занимался с ней сексом и вспоминал, как плавал в море в шторм. Я не боялся захлебнуться, я ловил кайф от того, как движутся наши тела, как будто в борьбе со стихией. Ни единого по-настоящему нежного прикосновения. Это как бешеный танец на дискотеке, когда так сильно концентрируешься на движении, так быстро танцуешь, сливаясь с ритмом, что забываешь обо всем. Существуют только поверхностные эмоции, поверхностные ощущения, но это то, что мне было сегодня нужно. Она была самой красивой из всех, и это тоже было то, что нужно. У нее были красивые ноги, она успела сказать, что танцует на Бродвее. А еще длинные шелковистые волосы, очень темные. Мне нравилось, как они щекочут мою кожу.

— А ты мне сразу понравился! — заявила она, отдышавшись. — Обожаю таких, как ты! — сказала она, проведя пальцем по моему животу. — У тебя красивый рельеф! — Я улыбнулся. Значит, не зря бегал по утрам.

— Хочешь кофе? — предложил я.

— Обычно его предлагают перед тем, как позвать девушку в постель! — рассмеялась она.

— А я именно так и делаю! — сказал я, подмигнув ей.

— Ууу... — удивленно и восторженно протянула она. — Тогда, конечно же, хочу!

Утром все повторяется. Только на этот раз я чуть не проспал. Снова непроизвольно ускоряю шаг, подходя к офисному зданию, прохожу через вращающуюся дверь, в ней всегда возникает какое-то

дурацкое чувство: то ли я иду слишком быстро, то ли она движется слишком медленно, если я внутри, а если снаружи, все наоборот, хочется скорее в нее забежать, чтобы успеть. Но куда успеть? Это же не лифт! Потом несколько десятков шагов по отполированному мраморному полу в холле, и снова лифт, и снова целая толпа народу. На этот раз мне повезло, и не было старухи из бухгалтерии с ужасными духами. Зато была интересная незнакомка в узкой темно-синей юбке. Нужно будет узнать, откуда она. Парень в полосатом костюме все смотрит на двери, лысоватый мужик теребит часы, Питтс смотрит в потолок. Незнакомка вышла на три этажа раньше, чем я. В лифте стало совсем неинтересно. Наконец, я вышел оттуда, шагая по своему обычному маршруту, и на пути, конечно же, снова встретил Гарри, жующего маффин. Линдси на этот раз в полном порядке и чем-то занята, Кортни еще не пришла. Я захожу в кабинет, вешаю пиджак на спинку кресла, включаю компьютер, прошу Мини Пэм принести мне мой кофе, просматриваю новости и... как по часам! Слышу, как мимо проносится Дейл. Первый час на рабочем месте я прихожу в себя, мне никак не собраться с мыслями, я не выспался, и настроение какое-то совершенно не рабочее. От кофе вроде как становится легче, но все равно до ужаса не хочется работать, хочется вернуться домой и лечь в постель, ведь я заснул только перед самым рассветом. По лицу поползла улыбка, едва я вспомнил события вчерашней поздней ночи. «Надо будет ей позвонить», — мелькнула в голове мысль. Вдруг раздался внутренний звонок. Это был Джонни.

— Так я к тебе зайду обсудить рабочую концепцию? — спросил он.

— Да, конечно, заходи! — сказал я. Пора, значит пора. Джонни зашел в кабинет, я стал разглядывать его, но по нему нельзя было понять ровным счетом ничего. Нет, он не светился свежестью, как человек, выспавшийся восемь-девять часов, но и не был помят, как человек не спавший вовсе. Свои эмоции он намеренно

скрывал, чтобы меня позлить, очевидно. Я решил не допытываться, чтобы, в свою очередь, позлить его. В результате, мы около часа терпеливо и, как ни странно, плодотворно разрабатывали нашу концепцию по обновлению Laurence&Sons. По тому, как следует представлять нашу компанию в СМИ, как по-новому позиционировать себя на рынке услуг, что делать с фирменным стилем, и делать ли, и каких для этого нанимать специалистов, или же у нас в отделе развития уже есть все необходимые люди. Наконец, он не выдержал и сказал:

— И что ты меня не спрашиваешь, как все прошло?

— Решил тебя позлить! — я победил, это грело меня.

— Будем считать, что ты спросил. В итоге, как и говорил, она — моя. Только утром она испуганно куда-то убежала, но у меня есть ее номер телефона... Любопытно, чем все в итоге закончится!

— Да уж! Какая тебе-то разница?

— Из спортивного интереса: круче я его или нет. И из более философских соображений: будет ли она настолько умна, чтобы подумать о своем будущем, и стоит ли его связывать с тем, с кем собиралась. И если да, то расскажет ли она ему правду и простит ли он ее. — Я был в очередной раз удивлен и не понимал, зачем это все Джонни. Он никогда не интересовался ответом на подобные вопросы раньше. Может, и вправду, он становился серьезнее?

— Но ты же понимаешь, что, скорее всего, ты не узнаешь ответа... — сказал я хитро.

— К чему твой хитрый тон?

— Я замутил с ее ближайшей подружкой, и у меня есть ее телефон, так что...

— А, понятно! — он похлопал меня по плечу. — Ты же хороший друг, да? Мне ужаасно любопытно! Обещаю угостить тебя обедом!

— Это, конечно, хорошо, но сегодня я планировал поехать на девяносто шестой, проверить, не там ли обедает одна милашка.

— Не могу поверить своим ушам! Ты набиваешь себе цену? — Джонни рассмеялся.

— О, да! — самодовольно ответил я.

Милашка в темно-синей юбке действительно обедала на девяносто шестом. Она сидела за окном и, повесив жакет на спинку стула, медленно ела салат «Цезарь»,ковыряясьвилкой в тарелке. Она смотрела в окно, я любовался ею, пока она меня не замечала. У нее были кудрявые волосы, чуть с рыжинкой, и изогнутые брови. Она иногда непроизвольно поднимала одну из них, а потом улыбалась. Видимо, думала о чем-то своем. У нее были красивые губы, сдержанной аристократичной формы, и очень красивые глаза — теплого зеленого оттенка с желтоватым отблеском, такой бывает у драгоценных камней, только я забыл их название. Большие веки и длинные, изогнутые ресницы, тоже чуть рыжие. У нее были красивые руки: тонкие запястья и маленькие кисти с аккуратными, чуть заостренными красными коготками. Не красными когтищами, как это часто бывает, а именно коготками. «Такие опасные...» — подумал я и улыбнулся. И вдруг наши взгляды встретились. Она улыбнулась в ответ. Я решил оставить ее на десерт, посмотрел на часы и сделал вид, что мне пора. Все же приятно, когда понимаешь, что тоже понравился девушке. Но еще приятнее немного подождать, чтобы она успела подумать о тебе, вспомнить твой взгляд и то, как ты улыбнулся, и вспомнить, как ты ушел, чтобы просто подумать о тебе, а возможно, и помечтать. Чтобы в момент следующей встречи она уже предвкушала ее, уже более жадно смотрела на тебя и ждала, когда ты сделаешь первый шаг, или сама его делала — а это очень, очень волнительно. Милашка была из интеллектуалок и недотрог с чертовщинкой в голове. Мне такие нравились, и, наверное, одна из них когда-нибудь

станет моей женой, но не сейчас, о нет, не сейчас. Сейчас я как шмель на лугу — не успеваешь покончить с одним цветком, тебя уже манит другой. И я не хочу иначе. Сейчас не хочу. Сейчас я бы хотел познакомиться с моей милашкой, но... я подожду.

На следующий день она снова сидела у того же окна и опять ковыряла цезарь вилкой, только на этот раз она с явным удовольствием пила из запотевшего стакана свежесжатый апельсиновый сок, смотрела в окно и иногда поглядывала на меня, пытаюсь встретиться со мной взглядом. Я пил ананасовый сок и делал вид, что ее не замечаю, однако смотрел на нее так, чтобы она понимала это, едва я отводил взгляд. Я чувствовал, как ее интерес ко мне растет.

Через день мы ехали вместе в лифте, и она встала ближе ко мне, так, чтобы я мог почувствовать аромат ее духов. Меня это начинало заводить. Я вышел из лифта раньше специально, чтобы чуть задеть ее плечом и извиниться, посмотрев ей в глаза.

Еще через день она заняла мой столик в кафе. Тогда я сел за ее. Она хитро улыбалась. Я хитро улыбался в ответ. Она больше не ковырялась в цезаре, просто заказала крепкий кофе и выпила его, даже без сахара. Она опустила ресницы, потом подняла глаза, сняла жакет со спинки стула и направилась к выходу. Я медленно пошел за ней, она вышла на пожарную лестницу и стала подниматься вверх. Я поймал ее за руку, она довольно улыбнулась. Я поцеловал ее.

Милашка оказалась не такой уж и недотрогой. Было утро субботы, она потягивалась, лежа на моей постели.

— А у тебя тут мило... — сказала она, зевнув. — Я вечером не заметила, насколько...

— Если бы ты заметила, я бы подумал, что я невероятно скупен, — улыбнулся я. Она рассмеялась мне в ответ.

— Подожди, замри, не двигайся! — она умоляюще посмотрела на меня. Потом провела пальцем по бровям, чуть отстранилась

и принялась смотреть на меня. — Не двигайся! Прошу тебя! — остановила она мою попытку приобнять ее.

— Что ты делаешь? — недоумевал я.

— Получаю эстетическое удовольствие! — ответила она и высунула язык. Я рассмеялся и поцеловал ее. Она была сладкой. Я почти в нее влюбился, почти. И я не знаю, почему я не влюбился? Меня почти сводили с ума ее волосы, почти сводили с ума ее поцелуи и ее ласки, ее взгляд и ее голос, но, хоть в ней и было многое, в ней чего-то и не было. И я тоже просто получал от нее эстетическое удовольствие. Я смотрел на ее тело, на ее красивый живот, на ее розовую девичью грудь с небольшими сосками, на родинку на левом плече, на красивое лицо, на влажные от поцелуев губы, на красивые скулы... Она была красива, она была восхитительна, но сердце мое не билось так, как раньше. Ни от одного из ее самых дерзких прикосновений оно не билось так сильно, как когда-то, когда я случайно касался Полин.

Она осталась у меня на выходные. Мы дурачились в спальне, устроив бой подушками, потом занимались сексом, шли вместе в душ и там целовались. Потом оставляли мокрые следы по пути на кухню и устраивали набег на мой полупустой холодильник, в котором, на счастье, было все, что нужно, а нужно было немного, потому что есть совсем не хотелось, хотелось... друг друга. Ритмы дня и ночи сменились и смешались. Мы наблюдали, как город спит безмятежным и самым крепким предутренним сном, сидя на полу и распивая какое-то белое вино. Мы крепко спали в полдень и в обед и проснулись ближе к ужину. За окном кипела жизнь, горели вывески и окна, шумели сотни тысяч машин, а у нас было безмятежное утро.

Фэй убирала с лица непослушную прядку и заваривала чай, я готовил нехитрый завтрак, и вдруг она подошла ко мне и выключила плиту.

— Обожаю смотреть, как мужчина готовит!

— Тогда зачем же ты выключила плиту?

— Это так дико сексуально! — отвечала Фэй, и я не мог ей возразить, да и зачем?

В общем, мы очень мило проводили время в эти выходные. Конечно, мы играли друг с другом, но эта фальшивая, картонная любовь в какие-то секунды казалась притягательно-настоящей. Были моменты, когда не просто хотелось верить, что все это происходит в действительности, а когда мы по-настоящему любили друг друга. Вот я смотрю на нее, чувствую ее рядом, и дыхание сбивается с ритма, а она жадно целует меня, и ей нравится мой вкус и ощущение моего тела, это не наигранно, не фальшиво. Улыбается она тоже не фальшиво, и я ей действительно важен сейчас, в эту минуту, но мы оба понимаем, что все это условно, и мы, как актеры и как зрители одновременно, вживаемся в роль и сопереживаем, и даже что-то иногда екает внутри, но не трепещет, не трепещет. Игра «Что было бы, если бы мы были вместе?», «Что было бы, если бы мы любили друг друга?», но в понедельник никто никому ничего не должен. И мы заходим в лифт с разницей в несколько десятков секунд, и она встает поодаль и делает вид, что не знает меня, смотрит на кнопки. А я смотрю на дверь. Она выходит на девяносто шестом, а я на три этажа позже. Мы даже не встречаемся в обед, у нас слишком много дел. И не выходим с работы в одно время. Но вечером я прихожу домой, мне становится одиноко, я набираю ее номер и вызываю ей такси, она приезжает через сорок минут, и я очень рад ее видеть. Она заходит уверенно, сразу подходит ко мне и говорит:

— Я думала о тебе всю дорогу...

А потом я веду ее на ужин в какой-нибудь уютный ресторанчик неподалеку, и мы сидим и о чем-то болтаем, обо всяких пустяках и ни о чем важном, потому что не хочется забивать голову. Она

снимает туфельку с ноги и щекочет пальцем мою щиколотку. Я улыбаюсь и продолжаю рассказывать ей про Рим.

Так мы провели, наверное, месяц. А потом ее повисили и перевели в другой штат, я послал ей цветы, она позвонила и поблагодарила меня, так мы и расстались. Если можно так сказать, потому что мы никогда и не были вместе, по-настоящему вместе. Следующим утром я снова оглядывал пассажиров лифта, но никого интересного не заметил. Зато я встретил сексуальную брюнетку на парковке.

В последнее время я часто сидел на террасе, выход был прямо из гостиной, можно было сидеть, смотреть на город, дышать воздухом, здесь, на большой высоте, он еще кажется свежим. Сегодня был напряженный день, много суеты на работе, много совершенно разных задач и дел, о которых вечером вспоминать и думать не хочется. За целый день с раннего утра до самого позднего вечера у меня не было ни минуты, чтобы побыть одному, наедине со своими мыслями. Все время были какие-то звонки, потом совещание с советом директоров, потом долгий разговор с отцом, разъезды по городу, связанные с новой рекламной кампанией, споры с Джонни (он иногда слишком упрямо стоит на своем). Потом мне надо было выпустить пар, и я пожертвовал обедом ради встречи с Кэрл, потом снова суета, разъяснения, мозговой штурм, пять чашек кофе, пробки по пути домой, точнее — одна сплошная пробка. И вот я, наконец, дома. Даже не заметил, как съел ужин, наспех заказанный в китайском ресторанчике. Я решил налить себе виски со льдом и посидеть на террасе, откуда сегодня открывался потрясающий вид. Небо было насыщенно-синего цвета, как дорогой старинный бархат, но цвет его не был однородным: еще были вытянутые облака сизого цвета и зарево от миллиардов городских огней. Передо мной открывалось огромное пространство, и, хотя здесь за каждым окном были люди, в каждой машине

были люди — темнота скрывала их, и весь город казался какой-то огромной декорацией к футуристическому фильму. Куда бы я ни глянул, были видны горящие окна небоскребов и домов поменьше, огни автострад и мостов. Все это пульсировало, жило. Миллиарды окон, но нет людей. Я не вижу людей. Я не могу посмотреть пристально и близко, как в Риме, практически подглядеть за чужими судьбами, здесь расстояние больше. Нью-Йорк, родной город, сам по себе, по своему характеру, холоднее и сдержаннее. Конечно, и здесь можно увидеть, как живут твои соседи и чем они занимаются, но я говорю о том, как я это чувствую сейчас, об атмосфере. Здесь не камерный театр, здесь — огромный стадион. Люди далеко друг от друга, и всем все равно, что с тобой и как ты, и тебе все равно. Порой даже все равно, что происходит у тебя самого внутри. Какая-то близорукость, слепота. Череду смешанных бессмысленных кадров и звуков. Строки новостей, прочитанные в Интернете, Мини Пэм принесла кофе, кто-то скрипит по доске маркером, бифштекс не удался, вечеринка, алкоголь, много алкоголя, смех, флирт, и вот, новые и новые девушки в моей постели, на моей кухне, в моем душе, на заднем сидении моего авто, в лифте, здесь, на террасе, на чьей-то квартире, новые и новые девушки. Разные, как снежинки — каждая интересна мне чем-то, каждая особенная. Но все же — они все так похожи... Потому что нет по-настоящему особенной, не просто особенной, а особенной для меня. Сначала мне и не нужно было этого, нужно было просто забыться, «поймать волну» и наслаждаться происходящим. Наверное, так можно жить годами, если не десятилетиями, если не познал настоящей любви. Но когда ее вкусил, хочется снова ощутить это. Всем своим существом. Первые минуты общения с новой девушкой, конечно, дают какую-то бледную тень этого ощущения. Когда начинаешь гадать, какая она, что на ней, согласится ли она. Но в этом городе все люди друг другу чужие, все слишком

заняты, чтобы интересоваться кем-то еще кроме себя. И поэтому нет времени на долгие игры и долгие чувства. Хочешь? Получаешь. Вот и все. Сколько еще так? Не знаю. Необыкновенно сильно хотелось ощутить себя снова двадцатилетним, и счастливым, и по-настоящему влюбленным. Прошло не так уж много времени, но я так сильно изменился, что, кажется, между мной тем и мной сегодняшним настоящая пропасть. Все же Полин была права: иногда так может быть, что проходит всего несколько лет, а это уже совсем другая жизнь и совсем другой человек.

В субботу мы с Джонни набрали на выставку фотографии в Lehmann Maupin Gallery, были очень талантливые фотографии совсем молодых и пока малоизвестных фотографов. Всю выставку объединяла одна тема — города. Я подолгу задерживался у каждой фотографии: здесь были и узкие улочки Праги, и шумный Пекин, и какие-то города Южной Америки, где на улицах можно было видеть много местных аборигенов, которые носили яркие футболки и бейсболки с рекламой газировки, но чьи лица, тем не менее, были полны какого-то очень простого и глубокого смысла. Было интересно на них смотреть. Были милые городки среднего Запада, уютные и домашние, были разноцветные улицы Дели, конечно же, был Париж. Многие места были мне знакомы до боли, так и щемило в груди при взгляде на фотографии, но я стоял и смотрел как замороженный. Потом я смотрел на заснеженные улицы Москвы, бедные люди, как же там холодно! В Нью-Йорке тоже часто бывают снегопады, но не такие!!! Снег так и падает, а люди все равно идут и идут куда-то, подняв воротники... Я невольно поежился. Следующая фотография была из Рима. Снова знакомые места! Я стоял и рассматривал ее пристально, пытаюсь мысленно снова прогуляться по этим улочкам, почувствовать солнце и ветер, как тогда, когда мы, безумно веселые, гуляли по Риму весной. Вдруг я не поверил своим глазам! На секунду мне показалось,

что я просто слишком глубоко задумался, но, судя по Джонни, он видел то же, что и я.

— Ты только посмотри на это!!! — воскликнул он.

На следующей фотографии был я. Я сидел на Кампо ди Фьоре, и в руках у меня был бумажный стаканчик с кофе. И я снова почувствовал тот непередаваемый, по-настоящему весенний солнечный свет и воздух, почувствовал ясно и четко. Вспомнил каждую секунду того утра, и все его малейшие ощущения, и то, как грел руки о горячий стаканчик тоже. Вспомнил, как любовался домами, и мостовой, и яркими пятнами первых цветов. Все это волшебным образом было передано на фотографии, но более всего удивительно было не это. Удивительно было то, что на фотографии был я. Название было простое — «Весна». А фотография была не простая и приковывала внимание многих, не только меня. Но эта была моя весна... Удивительно! Я так четко ощущал ее, так четко, это потрясло меня. Я прочитал имя автора: София Голдинг.

— Скажите, — спросил я у галеристки, — мне понравилась одна фотография, я бы хотел ее приобрести, это возможно?

— Мне нужно связаться с автором, одну минуту, — сказала галеристка. — К сожалению, ее сейчас нет в Нью-Йорке, оставьте свой телефон, я с вами свяжусь.

Я оставил ей свой номер телефона и, окрыленный, продолжил осматривать экспозицию. В голове не укладывалось, как же так получилось, ведь на площади почти не было народу, хотя, наверное, я был слишком занят своими мыслями. И вот, моя весна поймана, мои мгновения, свежие, легкие, весенние, застыли на чьей-то пленке, а теперь и на глянцево́й фотобумаге и стали материальными! Значит ли эта фотография для кого-то больше, чем для меня? Даже для самого фотографа? Едва ли. Весна... Я бы отдал многое, чтобы там очутиться хотя бы на день, хотя бы на час. София Голдинг. Я решил запомнить это имя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Летом в Нью-Йорке порой становится невыносимо жарко. Казалось бы, совсем не южный штат и должно быть комфортно, но нет, солнце печет неумолимо, как где-нибудь в Эмиратах. Может быть, всему виной глобальное потепление климата? Не знаю. Нью-Йорк, как огромный камень, нагревается на солнце, и жара повисает в воздухе. Не хочется ровным счетом ничего, даже дышится с трудом. В офисе напряженно гудят кондиционеры и вентиляторы. Все с облегчением снимают пиджаки и ослабляют галстуки, когда представляется возможность. Все пьют холодную газировку, просто воду, соки, кофе и чай со льдом, сотни тысяч глотков, галлонов, пинт и литров. Мини Пэм заходит в кабинет:

— Ваш кофе со льдом!

— Спасибо, Кристи! — я обхватил обеими руками запотевший бумажный стакан из кофейни на шестьдесят третьем. Она положила на стол небольшую стопку бумаг и принялась их разбирать, по одной подавая на подпись.

— Сегодня так жарко! — шумно выдохнула она. — Наверное, зря я надела эти очки в грубой оправе! — Кристи улыбнулась. Я рассмеялся. Она рассмеялась в ответ. Это был один из тех случаев, когда я не мог взять в толк, то ли у нее такое изощренное чувство юмора, то ли она удивительно, поразительно, необычайно сильно глупа. Вот она сейчас хихикает, а я думаю, как, как она справляется со всеми рабочими задачами и почти никогда не ошибается? У нее есть запасной, резервный мозг, который отключается за ненадобностью? Или она усиленно поддерживает стереотип о

блондинках просто потому, что ей это выгодно? Понятия не имею, как ей удастся все это совмещать. Воистину, женщина-загадка, а не секретарша.

Я шел в кабинет к Джонни, а Гарри вытирал пот клетчатým носовым платком, стоя у копировального аппарата. Линдси, прикрываясь какими-то договорами, доедала мороженое. Какой-то чудак, не знаю, как его зовут, сидел в своем офисе как обычно. В этом офисе все было обычно. Стандартное расположение компьютера и папок, всех необходимых мелочей. Рядом с клавиатурой стоит обычная кружка, таких миллионы, и на ней написано «Boss», хотя он вообще никем не командует и ни за кого не отвечает, он каждый день выполняет одну и ту же рутинную работу, не приносящую ни большой радости, ни большого дохода — ничего. Он ходит по одной и той же траектории, ест одно и то же, пьет одно и то же и делает одно и то же изо дня в день. Но удивительно не это. Он чудак, потому что даже в эту адскую жару, когда все готовы снять не только пиджак, но и рубашку, и даже собственную кожу, если бы это было возможно, когда сотрудники толпами собираются у кондиционера, чтобы хоть как-то освежиться, этот человек сидит в джемпере и ворчит, что ему холодно и что пора уже выключить этот дурацкий кондиционер и получать от жары удовольствие. Вот уж воистину чудак... И как же ему живется с этим? Он как белый медведь в зоопарке, только наоборот. И все называют его «чудаком» или кем похуже, а он большую часть времени ежится и кутается, пьет теплый чай и мечтает просто о том, как согреться. И вот, когда, наконец, наступает лето и долгожданная жара — все вдруг включают кондиционеры. И один из них, как назло, ближе всех к его офису. Он даже пытался поменяться и пересесть, но и это не помогло, потому что кто-то очень заботливый сделал так, чтобы почти везде поддерживалась одинаковая, якобы комфортная температура. Так он, наверное, думал, сидя сейчас в джемпере

и с чашкой обжигающего чая. Я покачал головой и прошел мимо. Я встретил Джонни в коридоре.

— А я шел уже к тебе! — сказал он, разведя руки. Я рассмеялся.

Мы зашли в его кабинет, он кинул мне ледяную банку колы.

— Угощайся! Я думаю, нам не повредит немного освежиться!

— Спасибо! Сколько там осталось до совещания?

— У нас около часа на мозговой штурм... — Джонни почесал в затылке.

— О'кей! Есть идеи?

— Есть кое-какие наметки. А у тебя?

— У меня есть идея сделать кое-что сезонное, вроде «Плавятся мозги? Мы уже подумали за вас». Ведь согласно статистике, количество автомобильных аварий во время экстремальных погодных условий возрастает, и это касается не только ливней и снегопадов, но и жаркой погоды. Часто по невнимательности водителей и реже из-за отказа техники, в более старых машинах. К тому же, представляешь, как не хочется долго ждать приезда страхового агента на место аварии, если твоя машина встала на солнцепеке...

— Да уж! У меня как раз несколько идей по поводу фото для билбордов. — Джонни показал несколько примеров и эскизов.

— Отлично! У тебя есть эти изображения в электронном варианте для презентации?

— Конечно! — Джонни довольно улыбнулся. — Хочешь обсудить это на совещании?

— Да, думаю, да, это хороший материал.

— Что будем делать, если у наших старичков другое мнение?

— У меня есть кое-что для этого... — я хитро улыбнулся. — На самом деле, я думаю, самое лучшее — до конца стоять на своем, но если это не сработает и они захотят что-то более традиционное, я тоже зря времени не теряю! — я протянул папку Джонни. Он просмотрел ее со скептическим выражением лица.

— То есть ты хочешь сказать, что наш отдел развития зря времени не терял, выполняя твоё задание?

— Да, что-то вроде того! Только приглядишься-ка, здесь только с виду все, как раньше, а на самом деле я добавил пару забавных моментов.

— Ого! Вижу! Я сразу не заметил! — Джонни сменил гнев на милость. — То есть первый билборд идет как бы в старом стиле, а следующий уже с изменениями? Забавно!

— Да! Это что-то вроде игры «найди пять отличий», вроде как все осталось по-прежнему, но мы изменили кое-что в лучшую сторону! — я посмотрел на Джонни. Кажется, ему понравилась моя идея.

— Это что-то, что можно не сразу разглядеть. Возможно, лучше делать это не на билбордах, а в печатных изданиях, где есть время подумать, сравнить...

— Забавно! — ухмыльнулся Джонни. — На старом снимке нашей образцовой семейки вроде как все по-прежнему отлично, на новом все в тех же позах, но у папочки Джонса новая тачка в углу кадра, дом будто бы еще больше, а у мамочки новая прическа...

— Может быть, в свете новых тенденций и грудь её увеличим? — рассмеялся я.

— О, да! — рассмеялся в ответ Джонни.

Совещание прошло отлично, нам было что показать и о чем поговорить, и, похоже, никто не скучал. Было решено оставить обе идеи и использовать их для разных видов рекламы. Теперь оставалось только наилучшим образом воплотить наш план.

На работе с каждым днем становилось все жарче, и это уже не зависело от погоды. Сроки были и так ограничены, а сейчас они просто поджимали, и, несмотря на то, что я все тщательно продумал, все равно возникали мелкие накладки и неприятности, которые невозможно предвидеть заранее. В голове больше

не оставалось никаких мыслей, только о работе и о том, чтобы все успеть в срок, чтобы все получилось не хуже, чем задумывали. Если честно, хотелось, чтобы получилось превосходно. Я все делал для этого, но мне казалось, что я делаю недостаточно. Все чаще, пытаясь снять напряжение, я гонял по ночным трассам, и от напряженного рева мотора, от прохладного ночного воздуха, от мелькающих перед глазами огней становилось чуть легче. Странно, но именно когда мой мозг предельно концентрировался на какой-то задаче, в данный момент — на управлении автомобилем, который несся на дикой скорости, именно тогда ко мне приходили лучшие идеи, лучшие ответы на многие рабочие вопросы, лучшие решения самых разных проблем. Сам не знаю, почему так происходило. Я занимался нелюбимым делом, но меня охватывал странный азарт, настоящее пламя: мне было очень важно добиться поставленной цели, во что бы то ни стало. Раньше мне казалось, что такая увлеченность возможна, только если занимаешься тем, к чему по-настоящему расположена душа, оказывается, все немного сложнее.

Все намного сложнее. Я продолжал размышлять над этой темой и двумя неделями позже, когда все было уже позади и я с гордостью отпраздновал успешное завершение нашего с Джонни проекта. Да, теперь часто можно увидеть билборды Laurence&Sons то там, то здесь. И часто можно полюбоваться на рекламу: в журналах, на неспешных городских автобусах, на наклейках в нью-йоркском метро, и самое главное, все то же почти по всей Америке. Наверное, это было круто. Наверное, я должен радоваться и гордиться собой. Наверное, я должен чувствовать себя победителем. Но я не чувствовал. Когда я делал последнее согласование и защищал свою идею перед советом директоров, у меня даже пересохло в горле и на секунду перехватило дыхание: так сильно я волновался. Когда меня поздравляли с «первым настоящим» успехом,

я широко улыбался, и больше ничего. А сейчас я просто сижу у себя на террасе, смотрю на Джонни, а он наливает себе виски, громыхаю льдом, оставшимся в бокале, и думаю о том, что почему-то совершенно ничего не чувствую, ни-че-го.

Жара. Кофе со льдом, ледяная кола, ледяной виски, лед в бокале, запотевшее от холода стекло. Жара, тупая и глухая, как удар в пыльную подушку. Лед, острый и звонкий, как и чувство, которое он вызывает, тая на ладони. И я. Чувствую себя как-то тупо и бессмысленно, как будто меня налили, как воду, в стакан, да так и забыли на столе и ехали на пару недель. Тупо в прямом смысле этого слова: я ничего не чувствую полно и по-настоящему, как раньше. Кажется, я заморозился где-то глубоко внутри и больше просто не способен чувствовать. Я превращаюсь в ноябрьский Нью-Йорк: на моей поверхности играют разноцветные огни, я улыбаюсь во все тридцать два зуба, во мне как будто кипит жизнь, но на самом деле все это не так — я из бетона и стекла, и ноги мои омывают ледяные волны Гудзона. И всего одно движение, движение льдин. Туда-сюда. И все.

Это чувство настолько сильно заполнило меня, что даже не пугало. Мне начало казаться нормальным то, что я чувствую. Точнее то, что я ничего не чувствую. Какое-то время я жил с этим. Но однажды меня это по-настоящему достало.

— Что-то не так? — спросила она, отстранившись.

— Извини, я передумал. Мне надо побыть одному.

Я разозлился сам на себя и вышел из комнаты. Что-то давило меня изнутри. Осознание бессмысленности. Как же это глупо — жить, когда ничего не чувствуешь! На это, бывает, жалуются бессмертные страшили из детских сказок, а мы им не верим и завидуем их бессмертию. Какое там бессмертие, если я, еще совсем молодой человек, больше не чувствую вкуса жизни? Что мне до сотен девушек, если одна, конкретно вот эта, отдельно взятая крайне

сексуальная особа вызывает во мне только чисто физиологические реакции? Если я не чувствую ни малейшего трепета или волнения, прикасаясь к ней? Бессмысленно и тупо. Тупо и бессмысленно. Набор движений, поверхностные ощущения, минутное удовлетворение и не покой, нет. Тупость. Бессмысленность. А дальше? Дальше не бессмысленная гонка за чем-то, нет. Потому что это даже гонкой назвать нельзя, потому что это просто суета, а никакая не гонка. Бег по кругу, бег в толпе и от толпы. Броуновское движение.

Во мне будто бы лопнула пружина, лопнула и пронзила меня изнутри своим острым концом. Я должен был из этого выбраться, но как? Что мне нужно, чтобы снова почувствовать себя счастливым?

Наверное, мне повезло. Этой ночью я, кажется, увидел ответ. Мне снился сон. В нем я снова все чувствовал пронзительно и полно, глубоко и по-настоящему. Я вдыхал воздух полной грудью, подходил к реке, набирал воду в ладони и не верил, что это происходит со мной. Пели птицы. Громко пели птицы, и это было прекрасно. И весь мир был прекрасен. Даже горизонт казался шире... Ветер трепал волосы, а внутри бушевало потрясающе сильное чувство восторга, как бывает, наверное, только в детстве. Я чувствовал себя влюбленным, я не знаю, кто она была и какая она была из себя, я просто знал, что я иду к ней, я чувствовал, как она меня ждет. Я видел ее издали, она лежала на траве, у берега, и читала книгу. На голове у нее была соломенная шляпа, и на лице были причудливые тени от ее полей. Внутри все встрепенулось. Я очень сильно хотел подойти к ней и заглянуть в ее глаза, но я проснулся. Однако чувства, которые я испытал в этом сне, не покидали меня все утро. Было прекрасное утро.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Знаете ли вы, что такое скорость? Что это такое — чувствовать ее всем своим телом? Я несся по снежной трассе и чувствовал скорость каждой клеткой своего тела. Мое тело изгибалось и накренилось, когда я входил в долгие повороты на бешеной скорости. Снежинки впивались в лицо, в ушах свистел ветер, но я чувствовал лишь, как сливаюсь со своими лыжами, которые несли меня вниз и вниз. Скрипел снег, иногда я захватывал кантом лед, и они начинали угрожающе шипеть и вибрировать, а потом я снова возвращался на снег и не слышал больше ничего, кроме ветра. В какие-то секунды мне и вовсе казалось, что я не качусь, а лечу, так быстро я несся вниз. Лыжи отвечали на малейшее изменение центра тяжести — стоило мне чуть отклониться влево или вправо, я тут же поворачивал в сторону. Я все больше наращивал скорость, я ни о чем не думал в эти минуты, полностью растворяясь в трассе и скорости. Только гора, снег, скорость и я. Это потрясающе! Вдруг я въехал в облако, пришлось сбавлять скорость, потому что вокруг ничего не было видно, даже собственные ноги я видел с трудом, поэтому я замедлился и стал прислушиваться к другим лыжникам, чтобы не сбиться с трассы. Пока скрип снега был слышен то там, то здесь, нечего было волноваться, и я снова добавил скорости. Минуты через две спуска облако закончилось, и я поехал дальше. Мимо проносились заснеженные ели, ноги ощущали вибрацию на неровностях горы, изредка я обгонял кого-то или кто-то обгонял меня, но чем ниже я спускался, тем больше народа я встречал на своем пути.

Наконец, я достиг подъемника и резко затормозил. Из-под лыж выскочили брызги снега.

Я ехал на подъемнике, дул ветер, ноги болтались внизу. Когда оказываешься на подъемнике после большого перерыва, кажется, что ботинки вместе с лыжами должны непременно упасть вниз, такие они тяжелые. Но после первого же спуска так привыкаешь к их весу, что и вовсе его не замечаешь. Ветер был довольно прохладный. На разных высотах иногда шел небольшой снег. Иногда солнце светило прямо в глаза. За железные ручки лучше не держаться: они такие холодные, что даже через лыжные перчатки мерзнут кончики пальцев. Я поднимаюсь вверх, к одной из самых опасных трасс Аспена — Уайлдкэт.

Я стоял на самой вершине. И хотя за моей спиной было еще несколько человек, я стоял наедине с горой. Я смотрел, как солнечный свет играет на пушистом снеге, смотрел, как круто уходит вниз трасса, любовался на скалы вдалеке и огромные ели, которые отсюда казались не выше спичек. Я смотрел вниз, и даже мне, довольно опытному лыжнику, на доли секунды становилось немного страшно. Но я оттолкнулся палками и помчался вниз. На пару секунд захватило дыхание. Сердце билось все быстрее, я несся с бешеной скоростью, успевая мгновенно ощупывать взглядом трассу впереди и рассчитывать свою траекторию оптимальным образом. Ноги, да и все тело, постоянно работали, чтобы удержать равновесие, сгладить кочки или объехать препятствие, нарастить или погасить скорость. Но скорость все возрастала, я сконцентрировался на этом удивительном ощущении. Дух захватывало, сердце то билось сильно-сильно, то совсем замирало, особенно когда передо мной открывался очередной практически отвесный отрезок трассы. Трасса была коварна, в ту секунду, когда я понимал, что сложный отрезок позади, начинался еще более сложный. И тут меня кто-то подрезал. Этого я не ожидал, особенно в таком месте!

Я разозлился не на шутку и решил отомстить! Подрезать! Меня! На Уайлдкэт!!! Я старался изо всех сил нарастить скорость, чтобы сократить отрыв, и мне это удавалось! Войдя в азарт, я проехал по паре препятствий, которые предпочел бы объехать в обычном случае. Фигура лыжника была все ближе. И вдруг, когда я уже почти нагнал его, он съехал с трассы и поехал по целинному снегу, между елей. «Нет, от меня так просто не избавишься!» — подумал я и рванул за ним. Я ехал и вспоминал, как мама в детстве учила меня кататься по таким спускам (но, конечно, куда менее крутым), во мне вдруг проснулись те умения, которые дремали, наверное, лет десять. Лыжник стал целью, а остальное переставало существовать, я перескакивал на скорости через небольшие камни и кочки, срезал его траекторию, несясь вперед. Внутри пульсировала такая сильная злость, в которой, в общем-то, не было ничего плохого или по-настоящему злого, но зубы я стиснул и решил во что бы то ни стало догнать, подрезать и обогнать. В следующие двадцать секунд я сократил отрыв и промчался мимо, довольно дерзко подрезав его. Я слышал, как зашуршали его лыжи, когда он корректировал траекторию. Довольный, я удалялся на все большее расстояние. Ноги пружинили еще лучше, потому что мне хотелось танцевать от восторга, так здорово мне это удалось! Сердце билось от нагрузки, эмоций, от воздуха и просто... от удивительного счастья. В этот момент, когда я несясь вниз и вниз по пушистому, сверкающему снегу и только и чувствовал, как все тело сталкивается с ветром и разрезает воздух, я был счастлив. Однако лыжник не отставал: я снова слышал, что кто-то приближается. Я присел еще ниже, стал подгонять сам себя, чтобы ехать еще быстрее, до конца трассы оставалось всего ничего, но, с другой стороны, вполне достаточно, чтобы он меня обогнал. Этого я допустить не мог! Только бы удалось! Только бы удалось! Скорее! Я решил срезать по целинному снегу, и поначалу мне казалось, что он, наконец,

отстал, но не тут-то было: он следовал прямо за мной. Черт! Он настигает меня! Я собрал волю в кулак. Оставалось надеяться, что мои навыки и трасса меня не подведут. Крутой отрезок! Я решил воспользоваться этим и набрал безумную скорость. Я ничего не слышал, глаза слезились даже под спортивными очками, я только чувствовал, как лечу вниз, вниз и вниз, к подъемнику. В какие-то моменты я даже отрывался от земли, подскакивая на небольших буграх. До подъемника оставалось всего метров тридцать, и тут я едва удержал равновесие. Вражеская лыжа имела наглость молниеносно проехать в нескольких сантиметрах от меня. Лыжник резко затормозил у самого подъемника, я подъехал с разницей в несколько секунд.

— А у тебя есть яйца! — рассмеялась лыжница, сняв шапку и встряхнув копной светло-русых волос. — Задал мне жару! Думала, не обгону уже!

Я потерял дар речи.

— Ты что, губы отморозил или язык проглотил? — Я ошалел от такой дерзости и уже собирался ей ответить, но я действительно немного заморозил подбородок и едва произнес:

— А ты крутая! — я улыбнулся ей своими непослушными губами.

— Ты не переживай, ты только что чуть не сделал чемпионку США по фрирайду! Правда, я сегодня немного не в настроении и ехала себе, прогуливалась...

— А, ты прогуливалась! Извини, что тоже там прогуливался, вероятно, я тебе помешал, раз, вопреки всем просторам, ты решила меня подрезать? Ммм?

— Нет, не поэтому! — она улыбнулась мне. — Поедешь со мной? — она кивнула в сторону подъемника.

— Поеду, но только если ты не откажешься от горячего шоколада, когда мы снова спустимся.

— Я для этого тебя и подрезала! — она снова улыбалась.

А я удивлялся. И, кажется, уже влюбился. Она была такой озорной, смелой и красивой!

Я снова оказался на вершине. Но она повела меня в сторону.

— Мы поедem вот так! — сказала она. Я смотрел вниз и хотел ей сказать, что я ни за что так не поеду — внизу был небольшой спуск для разгона, потом обрыв трассы, примерно метра два высотой, а дальше узкая тропа между камней. А потом было не видно. Но я постарался не показывать свой страх и решил сделать это.

Я пришел в себя, только когда мы оказались в самом низу.

— Ты был к этому готов, иначе ты бы не поехал! — она смеялась. Я тоже смеялся. Адреналин в крови зашкаливал. Я вдруг привлек ее к себе и долго-долго поцеловал в губы. Она ответила на мой поцелуй. Когда он закончился, я, не отпуская ее от себя, сказал:

— Ты была готова к этому, иначе... — Она поцеловала меня снова.

Энни расстегнула куртку и, громыхая ботинками, зашла в кафе и стала искать свободный столик. Кругом было полно народу — конечно, приятно сделать перерыв во время катания и согреться. Насколько это приятно, я понял, только когда принес нам с Энни по чашке горячего шоколада.

— Ммм, как вкусно пахнет! — она потянула носом воздух.

— Ты здесь надолго? — спросил я.

— Еще на недельку, а потом в Нью-Йорк, домой. А ты откуда? — спросила она. Я улыбнулся и посмотрел на нее, чуть наклонив голову.

— О, Боже! Ты оттуда же? — недоумевала она. Я кивнул в знак согласия.

— Значит, на ближайшую неделю у меня есть тренер по фрирайду! — я улыбнулся.

— Ну, пусть будет так! — сказала она, улыбнувшись в ответ.

— Ты здесь одна? — спросил я.

— Да нет, с друзьями! Просто они сейчас на других трассах, мы встречаемся в три часа, у бара, и потом спускаемся к отелю. А ты?

— Я тоже с друзьями. Может, устроим вечеринку у нас сегодня?

— О, это отличная идея! Мы сюда приехали отрываться!!! — у Энни светились глаза. Она отхлебнула шоколада. — Как в детстве!

— Да, это точно! И пончики здесь замечательные! Помню, мы с мамой проводили здесь, на склонах, долгие утренние часы — она учила меня кататься, я падал, валялся в снегу, смеялся!!! Однажды она меня затащила довольно высоко, было дико страшно спускаться, а потом я гонял с того спуска как умалишенный!

— А я занималась с дядей, он мой тренер. Он стал заниматься со мной, едва мне стукнуло пять, постоянно возил меня на склон, даже в дикий холод. Мама сильно переживала, но дядя Бред ее утешал, говорил, что у меня будет крепкое здоровье, и еще, что я делаю успехи. Мама успокаивалась и ждала меня в кафе, а потом мы ели куриный суп, картошку фри и пончик с горячим шоколадом... И в теплую машину, домой, то есть не домой, конечно... — она рассмеялась. — Мы тут снимали домик на сезон.

— Нет, мы приезжали недели на две-три, максимум месяц! — я покачал головой.

— Поэтому я и круче тебя! — она улыбнулась еще раз.

— Это мы еще посмотрим! Вот будет забавно, если я тебя завтра сделаю на той трассе!

— Ты вызываешь меня на дуэль?!

— Да!

Вечером мы устроили вечеринку в коттедже, который мы сняли с Джонни, Линн, Крисом, Ником и Рут.

Раздался звонок в дверь. Я пошел открывать.

— Сюрприз! — крикнула Энни и сразу поцеловала меня. Кругом заулюлюкали наши друзья.

— Знакомьтесь! — она стала называть имена, если бы я не был журналистом, я бы сразу забыл их, а так был старый навык хорошенько все запоминать.

Загрели бутылки. Джонни уже был у барной стойки, замешивал коктейли по собственному рецепту и сам же их пил. Линн и Крис что-то оживлено обсуждали.

— Ребят, ну что вы там спорите? Не помните, что именно добавлять, ром или виски? Добавим и то, и то! — Джонни, Линн и Крис рассмеялись.

— Нет, ну просто из принципа, там точно должен быть виски! — упрямо покачала головой Линн.

— О чем спор? — включилась Миранда, подруга Энни.

— Да вот, дружно вспоминаем, как замешать Блэк Джек! Столько споров... — сказал Крис, улыбнувшись.

— Конечно, с виски! Точно знаю! — сказала Миранда. — Тебе нужна помощь... — она сделала паузу, пытаясь вспомнить имя.

— Джонни, меня зовут Джонни! — сказал он, улыбаясь, как всегда.

— Так нужна или нет? — переспросила Миранда.

— О'кей, но тогда я сделаю тебе какой-нибудь свой фирменный!

Забавно, но наши с Энни друзья, как и мы сами, быстро нашли общий язык. В доме царил атмосфера легкости и веселья, горели разноцветные огоньки от елочных гирлянд, которые было решено не снимать, потому что еще впереди Новый год, звенели бокалы, играла музыка. Впервые за последние два года я веселился, и мне было по-настоящему, стопроцентно хорошо! В моей голове совершенно не было ни одной тягостной мысли, здесь, на отдыхе, как-то

не хотелось вспоминать о разных вещах, связанных с работой или еще с чем-либо, хотелось радоваться, вкушать настоящий момент таким, какой он есть! Хотелось быть настоящим, без масок, без притворства, без ложных эмоций. Я смотрел на Энни, она ждала, пока Джонни сделает для нас пару коктейлей, раз уж он примерял на себя роль бармена сегодня. Я смотрел на Энни. Она была такая веселая, легкая, невероятно естественная. Ее движения не отличались плавностью и изяществом, но мне это даже нравилось. Она была такой простой девчонкой, чуть угловатой, чуть грубоватой, но в ней все было настоящее. Она улыбалась не вымученно, не надуманно, не загадочно. У нее не было стратегий, она ни во что не играла. В ней не было женского коварства, и, хотя она была моего возраста, она казалась мне совсем девчонкой: такой бесхитростной она была. Но этим-то она мне и нравилась. Я безумно устал от всего искусственного, устал думать, что значит то или иное, устал думать, что и кому нравится или не нравится, что значит тот или иной взгляд. Энни все говорила сразу. Это могло бы отпугнуть меня, познакомься я с ней раньше, но она как-то удивительно стремительно вошла в мою действительность, и я принял ее, не задумываясь. Я как будто понесся вниз, по трассе, а дальше — будь что будет!

Энни смотрела на меня, и я видел, что нравлюсь ей, видел, как она разглядывает мое лицо, мои руки и плечи. Чувствовал, что ей нравится прикасаться ко мне, целовать меня. У нее все было в глазах, на лице, в малейших движениях тела. Она была таким... чудом что ли! Ярко-голубые, лучистые глаза, светло-русые, золотистые волосы, длинные, почти до середины спины. Пухлые, красиво очерченные губы, аккуратный носик, едва заметный румянец на щеках... — Я тебя первая заметила! Ты сидел,пил глинтвейн в баре. Я тогда подумала: посмотрю, как же он катается, этот красавчик?

— У, хитрющая! — я обнял ее. — Как же ты меня потом нашла?

— А я и не теряла, я просто проследила за тобой!

— Ты еще и частный детектив? — я рассмеялся.

— Да! Выслеживаю парней вроде тебя, время от времени!

— Даже так! И часто ты таких как я выслеживаешь? — спросил я шутливо.

— А чего в тебе особенного? — с издевкой спросила она.

— Ты хочешь об этом узнать? — спросил я шепотом, прямо на самое ухо.

— Щекотно! — она рассмеялась и чуть опустила ресницы, потом посмотрела мне в глаза, и я все понял.

Надо было придумать план отхода. Я взял набор для фондю, фрукты и шоколад.

— Какой ты любишь? — спросил я.

— Молочный, конечно же! — она потянулась за плиткой.

— Я не дам тебе плитку, это наше прикрытие. Ты же детектив, должна понимать, — шепотом сказал я. И мы незамеченными прошмыгнули на второй этаж.

Ее волосы, ее тело, ее руки пахли свежестью и снегом, ее светлая кожа была тонкой и очень чувствительной. Я любовался на ее тело, она целовала и ласкала меня, а за окном хлопьями шел снег, в комнате пахло деревом и шкурами, развешанными на стенах. Она была очень страстной, я сдался на ее милость. Это было потрясающе, в постели она была еще прекраснее, в ней было что-то удивительно притягательное, появлялась какая-то черта, которую так сложно было разглядеть в ней во время простого общения, какая-то нежность, легкая таинственность и невообразимая чувственность. Если в жизни она была скорее ребенком или рубахапарнем, то в постели она была настоящей женщиной мечты. Она наполняла меня восторгом, тело уже ждало ее ласк, предвкушая

каждое прикосновение. В комнате становилось все жарче, я очень предусмотрительно спрятал в холодильнике пару бокалов и бутылку шардоне.

Утром мы проснулись раньше всех, наверное, потому что меньше всех выпили. Мы оделись, собрались и отправились позавтракать в ближайшее кафе, потому что в коттедже царил адский беспорядок, ребята спали кто где. Ник — укрывшись пледом и подложив под голову свитер, почти у самого камина.

На диване, обнявшись, спали Миранда и Элис (тоже давняя подруга Энни, как я понял), Джонни не дошел до спальни и заснул прямо в кресле. Криса и Линн нигде не было видно, наверное, они, как и мы, закончили вечер чуть раньше, чем остальные. Из комнаты Джонни был слышен могучий храп трех или четырех мужчин. Может быть, они заняли его комнату раньше? Хотя, судя по разбросанным картам, он проиграл свое спальное место в покер, причем несколько раз. В гостиной на втором этаже, на огромном диване расположились еще несколько человек. Из головы вдруг вылетели их имена, вчера весь вечер, что мы тусовались вместе, я их помнил, а сегодня уже забыл.

Мы вышли, никто даже не пошевелинулся. Энни вдруг с разбега сбила меня с ног, и я оказался в снегу. Она набрала полные пригоршни снега и угрожающе посмотрела на меня.

— Нет-нет-нет-нет-неет!!! — закричал я. — Только не это!!! — Она протянула руки к моему лицу, чтобы натереть его снегом, но я резко потянул ее к себе, повалил в снег и прижал шаловливые руки к ее груди. Я посмотрел на нее строго и сказал, что не люблю холодных умываний. Она поверила, что я всерьез, и, судя по взгляду, была готова вот-вот извиниться, но я поцеловал ее в губы.

— Чтобы окончательно проснуться, я предпочитаю другой способ!

— Хорошо! — сказала она, встав и отряхнувшись. На ее лице было смирение. Но как я в нем ошибался! Ведь через несколько минут я снова лежал в снегу, и лицо мое горело. Но мне даже понравилось, в этом определено что-то было! А еще я вспомнил, что такое вкус снега. Странно, это ведь обычная вода, а вкус у него другой.

— Это лучший способ! — сказала она, гордо вздернув свой аккуратный носик.

— Ах так!!!

Энни зашла в кафе с красными щеками. Я, довольный, придерживал дверь.

— Да ты джентльмен! — сказала она, явно удивившись. — Поразить меня хочешь или на публику работаешь?

— Ни то, ни другое. Просто я так воспитан, — ответил я, и это была чистая правда. Я не держал двери, только если очень торопился или если дама всем своим видом давала мне понять, что она против. Да, в Америке бывали и такие. В Париже и в Риме женщины всегда были рады, если я придерживал им дверь.

— Ты так серьезен, готова тебе поверить! — она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ. — Куда сядем? Давай у окна!

— Давай у окна! — согласился я. — Мне без разницы.

— А я люблю сидеть у окна, можно смотреть, что творится на улице, как люди ходят туда-сюда, иногда за окном происходят всякие интересности...

— Какие? — с любопытством спросил я.

— Ну там... — чуть пожав плечиком говорила она, — то жена мужа распекает за что-нибудь, то дети в снежки играют, или влюбленные целуются, бывает, просто кто-нибудь симпатичный проходит мимо, или собачка миленькая пробежит. Что-нибудь! Неважно что! — она улыбалась. А ведь она была права: неважно, что именно происходит за окном, если там что-то происходит, за этим бывает интересно смотреть.

— Здесь, в кафе, тоже всякого хватает, можно наблюдать за столиками. Вот, смотри, за третьим столиком от стойки сидит семья. Вот скажи мне, зачем они своему упитанному сынишке купили две порции блинчиков с кленовым сиропом? — Энни прыснула от смеха, застенчиво прикрываясь ладонью, чтобы нас не заметили.

— Алекс! Не смей! — она перестала смеяться и нарочито серьезно, манерно сложив губы, сказала: — Это же невежливо!

— Ах, вот почему ты предпочитаешь обсуждать то, что за стеклом! Чтобы тебя не услышали и не заметили! Боишься, что на тебя подадут в суд? Отсудят пару миллиончиков? — я зло прищурился.

— О, не отсудят! Папа мне на счет столько не кладет, а я сама зарабатываю поменьше! — она покачала головой.

— И что, ты хочешь сказать, ты никогда так не прикалывалась? — я продолжал строго на нее смотреть.

— А ты хочешь сказать, что никогда не ел столько блинчиков с кленовым сиропом? — парировала она. — Эй, мистер Злой Полицейский, я вижу, ты уже пожалел, что на нашем столике нет лампы, или хотя бы маааленького торшерчика! — она улыбалась, я смеялся, окончательно выйдя из роли.

— Чтобы разочаровать тебя окончательно, осталось только пошутить на тему афроамериканцев и каких-нибудь меньшинств...

— Да уж, будь поосторожнее!

— Миранда и Элис могут обидеться? — я подмигнул Энни.

— О, я знала, что ты это скажешь, негодяй! Никакие они не лесбиянки! Вы, мальчики, такие смешные, стоит девочкам заснуть вместе, обнявшись, думаете невесть что!

— Посмотрел бы я, что бы ты сказала, если бы я спал, обнявшись с Джонни. А мы ведь тоже давние друзья!

— Мужчины — это совсем другое! — сказала Энни серьезно. Она аккуратно принялась размешивать сахар в капучино, чтобы не

повредить пенку. Я старательно намазывал абрикосовым джемом тост.

— Любишь абрикосовый джем? — спросила она.

— Да, наверное, — ответил я. И вдруг задумался: — А ты знаешь, люблю. Я вот сейчас вдруг понял, что каждый раз, когда мажу тост абрикосовым джемом, вспоминаю бабушку. И как она варила абрикосовый джем в большой медной кастрюле и рассказывала про свое детство и молодость всякие истории...

— Ммм, наверное, классно! А моя бабушка мне только с математикой помогала. Она вечно что-то чертила и совершенно не умела готовить. Дедушка на нее ворчал, но безумно любил, и это было видно. В общем, сначала он нанял кухарку, а потом и сам научился. Не скажу, что он готовил, как образцовый кулинар, но нам с братом всегда нравилось, — Энни улыбалась, вспоминая что-то приятное из детства. Все лицо озарилось каким-то невероятным теплом и светом. Я не удержался и поцеловал ее в щеку. Она лучезарно улыбнулась, потом надула губки и сказала:

— А почему только в щеку? — я не смог проигнорировать ее просьбу.

Пару часов спустя мы носились по склонам всей нашей безумной компанией. Мы катались по черным трассам наперегонки, устраивали на красных трассах паровозики и даже пробовали танцевать. Это было весело, особенно когда мы специально устраивали кучу-малу и заваливались в снег. Был чудесный солнечный день, снег так и искрился, и совершенно не чувствовалось холода. Мы катались и катались, пока окончательно не устали и не отправились вниз, чтобы поесть чего-нибудь горячего. А потом снова катались и катались. Энни много смеялась и дурачилась, проезжая мимо, я старался не отставать или даже обгонять ее и то и дело уносился вперед. Ветер щипал мое лицо, но я этого не чувствовал, потому что во мне снова кипел азарт, и ее недовольные вскрики

сзади подбадривали меня. Я несся, очертя голову, вниз, по таким трассам, по которым раньше и не решился бы просто из здравого смысла, но здравый смысл куда-то быстро исчез, когда у меня в мозгу поселился настойчивый соревновательный дух. Я забывал о ее подготовке, и мне просто было неловко, как девушка может меня обогнать! Я должен быть не хуже ее! И я несся вниз и вниз, снег хрустел, шуршал и скрипел у меня под лыжами, иногда земля на самом деле уходила у меня из-под ног, захватывало дыхание. А в самом конце очередной безумной гонки Энни резко тормозила где-нибудь поблизости, подходила ко мне и, тяжело дыша, снимала с лица очки и крепко-крепко целовала меня в губы. Сердце билось еще сильнее.

Я ехал скорее вниз и каждый раз предвкушал ее поцелуй. Да, как это ни забавно, Энни свалилась как снег на голову, но я был очень рад ее появлению в моей жизни, здесь и сейчас. У нас как-то быстро все началось, и я не хотел тормозить или, наоборот, еще сильнее торопить события. Я просто хотел получать от всего, что происходило, удовольствие. И я был окрылен. С ней мне было удивительно легко!

— Ого! — сказала она, стараясь ехать рядом. — Ты нехило разогнался! А теперь попробуй еще сильнее согнуть колени и при повороте чуть наклонить корпус, вот увидишь, что будет! — сказала она и унеслась вниз, описывая красивую дугу. Я догнал ее и, сделав все, как она говорила, ушел вперед. Через несколько секунд она снова поравнялась со мной.

— Делаешь успехи! — и, легко оттолкнувшись палкой, снова набирала скорость.

Солнце довольно быстро село, мы наблюдали закат на одной из долин. Облака спускались вниз, а заходящее светило причудливо окрашивало линию горизонта в разные цвета, от лососево-оранжевого до лимонно-желтого. В долину спускались молочно-белые

облака. Они проходили так низко, что казалось, вот-вот зацепятся за верхушки деревьев, а потом они превратились в туман и стали спускаться все ниже и ниже, обволакивая утомленные за день склоны. На нежно-синем небе зажигались первые звезды, ясные и чистые, необыкновенно чистые. Казалось, что небо — это и вправду купол из синего стекла, идеально отполированного кем-то, а звезды — то ли далекие лампочки, то ли бриллианты, это уж кому как нравится.

— Смотри! — восторженно сказала Энни, показывая на выплывший полумесяц. — Какая красота!!!

— Да, такое в Нью-Йорке не увидишь! — сказал Джонни, чуть затаив дыхание.

— Такое небо... глубокое! — улыбалась Миранда.

— Да, и мы все порядком замерзли! — пожаловалась Линн. — Правда, Крис? Я уже не чувствую своих пальцев!

— Нам и вправду пора!!! Собрались с силами! Хватит ныть! — скомандовала Энни. И мы все с облегчением поехали вниз, потому что теперь нас ждет тепло (а это самое главное, когда у тебя ледяные пальцы, подбородок, щеки и лоб), вкусная еда (а это важно, когда ты так голоден, что уже даже забыл, что ты голоден), алкоголь и веселая компания (без пояснений).

Примерно через полчаса мы завалились в один из ресторанчиков, где Ник заранее забронировал несколько столиков рядом, для нашей шумной компании. Мы были так голодны, что, не дожидаясь того самого фондю, заказали несколько порций куриного супа, картофель по-домашнему и стейки, а стейки здесь готовили отменные. За столом первое время было просто тихо, никому и в голову не пришло говорить, ведь мы даже не обедали сегодня, а день был длинный и холодный.

Потом принесли пунш и сырное фондю, я смотрел на огонь, и сразу становилось как-то очень уютно, как в детстве. Очень

глубокое и настоящее ощущение тепла, которое греет изнутри и одновременно снаружи, а этот запах, и голоса друзей, и девушка, в которую влюблен — все это рядом, со мной. И хотя я еще не сделал ни глотка, я чувствовал себя чуть пьяным и очень счастливым. В голове практически не было никаких мыслей, я просто держал Энни за руку и смотрел на огонь, и больше ничего не было, был только этот момент. Я действительно ни о чем не думал.

— О чем задумался? — спросила Энни.

— Да так, ни о чем! — ответил я.

— Да ладно! Ну, о чем?

— Да ни о чем! В том-то и дело! Я несколько минут не думал ни о чем!

— Ух ты! — улыбнулась Энни. — Такое разве бывает?

— Не знаю, я смотрел на пламя.

— Ну, ты, наверное, думал о нем?

— Да нет, не особенно! — я пожал плечами. — А хотя знаешь, я думал о том, что ничего не думаю!

— Значит, ты о чем-то думал... — Энни хитро посмотрела на меня. Я не знал, что ей ответить.

— Смотрите, какой длинный сыр! — сказал Джонни, хвастливо помахиывая вилочкой, за которой тянулось тонкое волокно расплавленного чеддера.

— Ого!

— Ух ты! — раздалась возгласы удивления со всех сторон стола.

— А у меня еще длиннее получилось! — хвасталась

Миранда.

— Никогда бы не подумал, что фондю вызовет столько эмоций! — сказал я Энни.

— Может быть, все дело не в фондю? — спросила Энни.

— Я думаю, все дело в веселой компании! — сказал Крис.

— И в том, что здесь, наконец, тепло! — улыбалась Линн.

— А еще мы все выпили приличное количество пунша! — добавила Элис.

— По секрету скажу, что в фондю тоже добавляют вино... — Миранда загадочно улыбнулась.

— Так и знал! — сказал Джонни. — Ты прямо спец по вопросам, что и куда добавляют! — он подмигнул Миранде.

— Только если это касается алкоголя! — рассмеялась Миранда. — Шучу, конечно!

— Может быть, ты подскажешь, какое белое вино самое вкусное? — спросил ее Джонни.

— Я знаю, какое... — шепотом признался я Энни, она непроизвольно покраснела, опустила глаза и быстро выпила полбокала пунша.

— Это ведь только предлог? — спросила она меня тихо, специально касаясь губами уха. Я кивнул.

Не знаю как, но мы еще просидели с друзьями минут двадцать, и это время тянулось бесконечно. Чего мы ждали, зачем мы сидели — я не знаю! А потом вдруг Энни наступила мне на ногу, мы встали и ушли. Ребята с пониманием отнеслись к нам и продолжили веселиться.

В номере было прохладно и тихо, за окном были видны царственно-спокойные горы, которые уже полностью погружались в темноту, на склонах никого не было видно, подсветку давно выключили, было видно только то, что освещал вышедший уже на самую середину неба полумесяц.

Она села на краю кровати и повернула голову к окну.

— Знаешь, а вот ради таких вечеров, как сегодня, и стоит жить... — она вздохнула и тут же улыбнулась. Я обнял ее и почувствовал, как пахнет ее шерстяной свитер, и волосы, и кожа на шее. Я вдохнул эту невероятную смесь самых разных запахов: сладких, чуть терпких, свежих... Энни пахла снегом и шерстью,

чутьочку потом, а еще чем-то сладким, сладким, как созревшая на солнце малина. Я зарылся носом в ее светлые, как спелая рожь волосы, закрыл глаза и явственно понял, как она права.

— Да... — тихо ответил я.

— У меня есть идея! Я знаю, что тебе нужно! — она, прибодрившись, встала с кровати.

Несколькими минутами позже я таял и млеял от блаженства, погрузившись в теплую ванну, полную пушистой, ароматной пены. Холодная кожа, которая до того замерзла, что так и не согрелась за то время, пока мы ужинали в ресторанчике, покрылась довольными мурашками от погружения в теплую, почти горячую воду. Все мышцы, уставшие за этот долгий день, моментально расслабились. Я откинулся и закрыл глаза. Я слышал, как она снимает одежду за дверью. Я слышал, как скрипнула дверь, как она тихо прошла по всей ванной, как медленно скользнула ко мне, в тепло...

— Как тебе моя идея? — игриво спросила она, приближаясь ко мне неумолимо и прекрасно, раздвигая воображаемые айсберги из пены.

Я не успел ответить: у нее было еще много идей.

Мы уснули обнявшись глубокой ночью. Я заснул быстро и глубоко, потому что буквально не чувствовал ни рук, ни ног. Наутро я боялся пошевелиться, потому что думал, что все тело будет ломить от непривычно большой физической нагрузки, но Энни знала, что делала вчера: теплая ванна после катания может творить чудеса! Я встал раньше нее, она еще нежилась, обнимая подушку. Я позвонил и заказал завтрак в номер.

— Апельсиновый сок! Мой любимый! Ты — душка! — она поцеловала меня и выпила его залпом. — Есть еще?

— Конечно, вот, целый графин!

— Ну, столько-то мне не надо... — она улыбалась. Я смеялся.

— Что-то с трудом верится! Ты мне скажи, как, как в это миниатюрное тело, в эту тонкую талию и этот удивительный животик столько вмещается без каких-либо последствий?

— Завидно? — спросила она.

— Нисколько! — гордо сказала я, демонстрируя свои кубики.

— Хотя да, кого я спрашиваю... Будь ты девчонкой, давно бы меня загрыз от зависти.

— Я и так тебя загрызу! — я повалил ее на кровать. Она смеялась. На утреннюю встречу у подъемника мы опоздали.

Полдень был чудесный! Солнце так и сверкало, и если бы не очки, было бы больно смотреть на снег и на все вокруг, так было ярко. У подъемника было много разного народа, всем не терпелось наверх. Толпились подростки-сноубордисты, которых в последнее время становилось слишком уж много. Иногда они прыгали прямо по лыжам, и на них ворчали лыжники. Дети в разноцветных шлемах о чем-то оживленно беседовали, описывая детали спуска и трамплины, на которых удалось подскочить. Хвастались, кто где проехал и на какой скорости. Спорили, кто с кем поедет. Смеялись. Растирали щеки, чтобы согреться. Кто-то уже просился с родителями в кафе, чтобы выпить горячего шоколада. Старики сверкали яркими костюмами из восьмидесятых, семейные пары обсуждали что-то вроде планов на вечер или какую затеять перестановку в доме по возвращении. Кто-то сварливо замечал, что в очереди слишком много народу и вообще она едва движется, и что в одно кресло с успехом могли бы поместиться не четверо, а пятеро и даже шестеро, а здесь почему-то иногда ездят по двое, по трое и даже по одному. Мужчина в яркой шапке, похожей на шапку Арлекина, советовал другому, с помпоном, как лучше заточить кант лыж и подтянуть крепление и показывал в сторону сервиса.

Ребят внизу, конечно же, не было, они давно поднялись на верхние, более сложные трассы, но я думаю, мы их быстро нагоним,

все-таки меня Энни тренирует, не кто-нибудь. Мы ехали вверх, болтали ногами, смотрели на камни и деревья, на отвесные участки гор, не покрытые снегом, и на целинные участки, которые могли бы послужить нам неплохим развлечением. Удивительно, как менялся цвет снега в зависимости от освещения, игры света и теней, от того, какой был снег, укатанный или пушистый и нетронутый, от того, были ли рядом деревья, которые часто создавали причудливые тени на склоне, а сами островки елей часто были неправильной формы. С такой высоты легко было представить себя великаном, который стоит и смотрит на землю с высоты своего роста, и ему ведомо то, чего не знают обычные люди. И видит он гораздо дальше, все, что только можно видеть. Если сильно повернуть шею назад, целый город разворачивается как на ладони, и видны его небольшие курортные улочки, в которых вывесками манят бесчисленные кафе и ресторанчики, но отсюда, конечно, не видно никаких вывесок, только какие-то особо яркие огоньки и цвета, остальное просто угадывается. Впереди — склон горы, и мы поднимаемся все выше и выше, и иногда кажется, что еще чуть-чуть и мы заденем ногами верхушки деревьев. Кое-где снег лежит неровно, где-то прямо под нами проезжают лыжники и лыжницы и сноубордисты, все сверкают яркими цветами: красным, синим, желтым, зеленым и небесно-голубым, и все это причудливо выделяется на фоне снега, создавая такое ощущение, будто разорвало хлопушку, а конфетти выпало на снег.

На самой вершине было довольно холодно, дул сильный ветер, но все это было так незначительно, потому что отсюда открывался безупречный вид на долину. Это ощущение невозможно описать словами, его поймут только те, кто был в горах. От этого захватывает дух, хочется вдохнуть воздух полной грудью, но в какую-то секунду забываешь вдохнуть. От этого одновременно хочется кричать от восторга и просто благоговейно молчать, сердце то бешено

колотится в груди, то замирает, и кажется, что оно внутри еле качает кровь, жух-жух-жух-жух... И вдруг нет никаких сил, а потом они снова появляются, и внутри тебя вся гамма эмоций от трепета до восторга и эйфории проносится за несколько минут, что ты стоишь и смотришь по сторонам.

— Не страшно? — спросил я, улыбаясь, уже заранее зная ответ.

— Это? Нет, не страшно! В жизни есть куда более страшные вещи! — неожиданно задумчиво сказала она. — Хотя да, что-то смертельное в этом есть! В первый раз я скатилась с одной страшной вершины именно тогда, когда мне надоело жить, и я не видела в этом смысла! — Энни рассказала это, улыбаясь. Я смотрел и думал, что же она за человек? Но она не дала мне обдумать этот вопрос или задать его ей.

— Ну что стоять, поехали! — и рванула вниз. Забавно, она впервые спустилась с такой вершины, когда ей надоело жить, а я вот спускаюсь сейчас, когда жизнь обрела для меня новые краски. И мне почти не страшно. Точнее, мне так страшно, что я даже не осознаю этот страх, я просто делаю все, чтобы не ошибиться, потому что ошибка на такой трассе может дорогого стоить, а я как-то не очень хочу сломать здесь руку, ребро или что похуже.

А она все неслась и неслась вперед, и, в конце концов, я понял, что самое лучшее — просто повторять ее траекторию. Но теперь в голове была мысль, что, быть может, в жизни Энни все не так просто, как кажется на первый взгляд. А может быть, она просто несется вперед, вот так, и не думает о том, что дальше? Может быть, так лучше всего? Правильнее всего? Нестись вперед и не задумываться? И вот уже все самое страшное и тяжелое позади. А впереди относительно размеренная альпийская трасса, с сильным уклоном, но плавными, затяжными поворотами, и ты несешься на большой скорости, но успеваешь полюбоваться на деревья, на

солнце, на сверкающий снег, на игру теней, которая возникает на скорости. Энни проезжает мимо, сегодня она надела смешную разноцветную шапочку, она ей так безумно идет! Просто потому, что все цвета радости, ой, я хотел сказать «радуги», необыкновенно ей идут, когда она улыбается, особенно когда она улыбается. Она подстерегала меня за поворотом, я остановился.

— Тебе нужно отдышаться, да и мне, признаться, тоже, — она запыхалась. — Там, наверху, воздух более разряженный, и поэтому дышится трудно, ты, наверное, заметил, что сердце бьется сильнее и в ушах стучит порой, а иногда так трудно дышать...

— Честно, не заметил! Пока стоял на вершине — да. А когда вниз поехал, думал уже о другом! — я улыбался.

— О, Алекс... Прости, но ни к чему тебе изображать профана, ты спустился наравне со мной!

— Спасибо! Приятно такое слышать от тебя! — я поцеловал ее. Она кокетливо попыталась увернуться, но потом поцеловала меня еще раз, и еще раз.

— Поехали, нас, наверное, заждались уже! — сказала она и двинулась вперед.

Через несколько минут мы оказались в долине между двух склонов, где обычно катались наши друзья, но, разглядывая пешую многообразную толпу, мы так никого и не заметили. Мы с Энни простояли внизу еще двадцать минут, чтобы удостовериться, что мы не разминулись с ними, и в голову начали закрадываться первые тревожные мысли. Что-то во всем этом было не так.

— Где АВС и все остальные? — спросил я Энни. АВС — это команда наших экстремалов, Энни их так назвала по первым буквам имен: Альберт, Билл и Клиффорд.

Вдруг к нам подъехала запыхавшаяся Миранда.

— Где вы были? Я сбилась с ног вас искать!!! — было видно, что она очень взволнована.

— Мы вас искали! — сказала Энни, всем своим тоном показывая, что она удивлена, раздражена и встревожена не меньше подружки.

— Что случилось? — спросил я. — Ты ведь не за нас волновалась? — я, улыбаясь, похлопал Энни по плечу.

— Клиффорд пропал... — неожиданно серьезно заявила Миранда. — Мы уже два часа его всюду ищем!!!

— Как пропал? — недоумевала Энни.

— Когда он пропал? — спросил я, чтобы уточнить. — Да и куда он мог пропасть, они же вечно вместе ищут приключений — Альберт, Билл и он?

— Вот в том-то и дело!!! — Миранда отвечала, эмоционально размахивая руками. — Они решили устроить соревнования между собой и на этот раз поехали тремя разными способами от вершины по трассе Уолшиз, но так, что траектории их, как я поняла, не совпадали и не могли совпасть, в общем... — Миранда вздохнула, — они потеряли друг друга из виду и должны были встретиться внизу, но встретились только Альберт и Билл, а Клиффорда нет вот уже два часа, точнее... — Миранда посмотрела на свои наручные часы, — уже два с половиной часа. В общем, через двадцать минут мы встречаемся у подъемника, ведущего на вершину, и обсуждаем, что делать дальше.

— Черт! — выругалась Энни. — Там действительно есть места, где можно здорово лажануться!!! — Все на поисках? Кто где смотрит? Вы сказали спасателям? Хотя, конечно, еще рано бить тревогу...

Миранда рассказала, кто из друзей где смотрит. Энни выслушала ее и приняла решение:

— Мы проедем с Алексом еще раз по трассе, посмотрим более внимательно, но не будем разделяться.

— О'кей, встречаемся у подъемника, если спуск займет больше времени, мы все равно дождемся вас именно там.

Мы с Энни рванули к подъемнику и пролезли без очереди, выслушивая шиканье, ругань и жалобы с обвинениями.

— У нас друг пропал! — гаркнула Энни. Недовольные лыжники тут же уступили свою очередь.

Подъем казался бесконечно долгим. И хотя он занял не так уж и много времени, всего семь или восемь минут, может быть, чуть больше, нам казалось, что прошла целая вечность.

— Клиффорд! Как он умудрился во что-то встрять? — недоумевала Энни. — Он же вечно самый сообразительный и осторожный из них! Скорее Альберт мог бы куда-то залететь от большого ума, или Билл, но никак не Клиффорд, который вечно расчетливо проходил трассу и только потом, второй раз, начинал рисковать и понтоваться.

— Может быть, именно это и сыграло с ним злую шутку! В первый раз чего-нибудь не увидел и во второй раз туда попал. Кто знает? Будем надеяться, что все хорошо, — сказал я, чтобы подбодрить Энни.

— Да, никто не знает. Думаю, нам все же придется разделить, я знаю, там есть опасная расщелина, ты там не сможешь проехать, а я смогу, и Клиффорд, наверное, тоже мог бы. Я должна проверить, где он. Но ты должен быть где-то неподалеку, должен объехать ее, понимаешь? Нужно сориентироваться на месте, — сказала Энни. И весь оставшийся подъем мы молчали. На вершине дул колючий ветер, поднимая вверх острые снежинки.

— Сначала держись за мной, — инструктировала Энни, — потом, когда я подниму руку, просто отъезжай по большой дуге влево, а дальше смотри сам, как лучше. Встречаемся после выезда из леса, на полпути к подъемнику. Помнишь то место?

— Помню! — я кивнул. — Во что он был одет?

— В синюю куртку! — крикнула, отдаляясь, Энни.

— Понял! — крикнул я, пытаясь перекрычать ветер. Она махнула палкой, я поехал за ней.

Снег был очень глубокий, сначала лыжи провалились в него, и я ехал почти наощупь, потому что не мог сразу набрать скорость, чтобы скользить сверху, но через пару метров я выскользнул и поехал дальше, из-под лыж вырывались настоящие брызги снега. Я ехал вперед, снег по-прежнему был глубокий, поэтому нужно было еще осмотрительнее рассчитывать, куда поедешь дальше, потому что резких движений на нем лучше не делать, по крайней мере, здесь. Я старался ехать не очень быстро, но скорость все равно возрастала молниеносно. Энни подняла руку, показала налево. К тому моменту, когда я подъехал к месту, где она стояла, она уже была внизу и ехала между камней, по очень узкой и опасной тропе. Сердце у меня замерло. Но нужно было ехать дальше.

И я поехал. Мой отрезок трассы тоже был не из легких, были крутые, почти отвесные участки, были огромные бугры, один за другим, был долгий пологий участок, где мне показалось, что еще немного — и пора отталкиваться палками. И вдруг он резко перешел в очень крутой склон, покрытый то глубоким снегом, то противной наледью. Почему противной? Потому что когда на нее попадает лыжа, она проскальзывает метр, два метра, три метра и тащит тебя за собой. Самое лучшее на таких участках — быстрее их проехать, но на крутых склонах нестись по прямой вниз, особенно если не знаешь, что дальше — слишком опасно. Сердце замирало, ноги трясло от напряжения, когда нужно было выдержать нагрузку и загасить скорость. Адреналин пульсировал в крови, сердце бешено колотилось, а еще здесь, на высоте, просто само по себе плохо дышалось. Ветер усиливался. Солнца не было видно. Положение вещей становилось все серьезнее. «Главное — найти Клиффорда и самому не потеряться», — думал я в промежутке между мысленными ругательствами на тему того, как же ехать

дальше. Мне лучше было не думать, мои ноги лучше знали, что делать. Лучше, чем моя умная голова. Но здесь ум и вправду бесполезен. Я и сам не понял, насколько сильно разогнался, а когда понял, попытался несколько раз затормозить. Но и это мне не помогло — я подлетел на огромном бугре, каким-то чудом удержал равновесие при приземлении, поехал дальше и вдруг заметил что-то синее сбоку.

— Клиффорд! — крикнул я, очень резко затормозив и поднимая в воздух тонны снега. Ответа не последовало.

— Клиффорд! — крикнул я громче, приближаясь к нему. Уже стало ясно, что это именно он. Клиффорд сидел на снегу с крайне несчастным видом.

— Чувааак! — обрадованно поприветствовал он меня, я с облегчением выдохнул.

— Ты что тут сидишь? — спросил я.

— Кажется, я что-то сломал... — отвечал Клиффорд, поставившая и придерживаясь за левый бок.

— Ты можешь встать? — я подал ему руку.

— К счастью, да. Ноги целы. Встать я могу, — он стоял, накренившись.

— А почему не съехал дальше? — спросил я. — Мы там все на ушах стоим, тебя ищем, а ты прохлаждаешься!

Клиффорд показал мне на ногу. Правая нога была без лыжи.

— А лыжа где? — спросил я.

— Видишь тот бугор? — спросил Клиффорд.

— Вижу! Я на нем тааак подлетел! Я думал, костей не соберу, а каким-то чудом устоял.

— Вот именно, чудом. Я как раз на нем подлетел, и я бы приземлился, но в этот чертов момент у меня отказало крепление, когда я ударился о землю, лыжа отстегнулась, и я кубарем понесся вниз и налетел со всей дури на вот этот камень! — Клиффорд

показал на камень, с одной стороны занесенный снегом. — Но и это еще не все, как говорят в нашем телемагазине... — попытался пошутить Клиффорд и снова ухватился за бок. — Я бы съехал и на оставшейся лыже, если бы не одно но... Помоги мне спуститься, я тебе покажу.

Мы спустились на несколько метров вниз, и я увидел перед собой целую расщелину, и только внизу, метра через три, продолжение трассы. — Через такое прыгнуть могут только Энни и Альберт, и то, Альберт — потому что безмозглый...

— Кажется, нам нужна помощь, чтобы тебя спустить, — сказал я, потирая замерзший подбородок. — Черт, и куда мне теперь ехать? И как?

— Тут опасно, но я думаю, ты сможешь перепрыгнуть. Расщелина становится чуть уже, если взять левее. И тебе нужно будет подняться немного, чтобы набрать скорость. Понятно?

— Ясно, — сказал я, просчитывая траекторию и стараясь не думать, как буду лететь вниз. Другого выхода все равно не было. Оставалось довериться случайности, ногам и верить, что мое крепление не подведет, хоть оно и не было приспособлено для таких жестких прыжков.

— Я в тебя верю, Энни с лохами не катается, — последняя фраза меня несколько приободрила.

— Я вернусь за тобой! — сказал я, забираясь вверх.

— Когда будешь прыгать, согни колени максимально сильно, чтобы при приземлении хорошенько амортизировать! — крикнул Клиффорд мне вслед.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Энни не было уже две недели, я довольно сильно по ней скучал. Она поехала в Джексон Хоул на последние соревнования в этом сезоне. С тех пор как мы вернулись в Нью-Йорк, мы виделись очень редко — я был сильно занят работой, она постоянно уезжала на соревнования. Сначала меня это не очень огорчало, я принимал это как обычный порядок вещей, а потом я то и дело стал замечать, что мне не хватает ее голоса рядом, не хватает ее часто грубоватых шуток, ее открытой улыбки и громкого, искреннего, по-настоящему заразительного смеха. Она была удивительно естественной со мной, и я тоже с удовольствием избавлялся от масок, которые успели мне надоесть. С ней рядом я чувствовал себя таким, какой я есть на самом деле, а может быть, даже лучше: с ней не было времени грустить, с ней все было ярко и живо. Очень по-настоящему, наверное, так, как и должно быть. Но вот ее не было рядом, и моя зубная щетка снова сиротливо торчала в стаканчике по соседству с пастой. А хотелось, чтобы она была рядом. Нет, не зубная щетка, а Энни. Очень хотелось. Я звонил ей каждый вечер, а если я не мог дозвониться ей, она звонила мне. Эти разговоры дорогого стоили. Вернувшись домой после тяжелого рабочего дня, я просто ждал, когда зазвонит телефон. Я делал что-то, ужинал, смотрел телевизор, но постоянно слушал, не звонит ли телефон.

— Привет! — слышал я ее звонкий голосок на том конце провода.

— Привет! — говорил я и молчал, чтобы слушать ее и слушать. А она часто просто дышала в трубку, и я слушал ее дыхание. Так

длилось несколько секунд, а потом я решился спросить, как она, или рассказывал о себе.

— Я скучаю по тебе... — говорила она, вздохнув. А потом, спустя час разговоров, мы все никак не могли попрощаться.

— Кто первый положит трубку? — спрашивала она.

— Хочешь, я положу? — спрашивал я.

— Ты еще здесь? Подожди, я еще хочу тебя послушать... — с придыханием говорила она в трубку. — Ну все, пока. Я решилась, — говорила она грустно.

— Подожди еще немного... — просил я. И так мы прощались еще с четверть часа.

Так было и сегодня. Она положила трубку, а я сидел на полу и все еще держал телефон в руках. А потом вдруг поддался спонтанному настроению, вызвал такси и поехал в аэропорт.

Я сидел в самолете и мысленно торопил его, чтобы он скорее взлетал, скорее летел и скорее садился. Конечно, он летел, как запланировано, и я это понимал, но мне почему-то было легче от того, что я скрещивал пальцы и усиленно думал над тем, чтобы он летел быстрее. Потому что чем быстрее я прилечу туда, тем быстрее я доеду до Энни. Я смотрел в окно, но там ничего не было видно, потому что было уже темно. Только когда самолет пролетал мимо каких-то небольших населенных пунктов, кое-где загорались огоньки. А я все гадал, на какой мы высоте и скоро ли посадка, потому что по размеру огоньков очень сложно понять, высоко ты или очень высоко. По салону проносили чай и кофе, я взял два кофе. Мне совершенно не хотелось спать, но я знал, что силы мне еще пригодятся, потому что от аэропорта нужно было проехать триста или четыреста километров на машине, и только потом я смогу ее обнять. Кофе был на удивление вкусный, и ждать посадки было не так скучно, время начинало идти быстрее. И вот уже заветные огни взлетно-посадочной полосы, самолет ложится на крыло и идет на посадку.

Через три часа я был у двери ее номера. Была поздняя ночь, почти утро. Я попросил ночного портье сказать сквозь дверь, что это доставка цветов, чтобы она не узнала мой голос. Я волновался, я предвкушал, по всему телу проходила приятная дрожь.

— Господи, что за бред, ночная доставка цветов... — ворчала она. — Нельзя утром? — она не глядя протянула руку за букетом, через приоткрытую дверь, но букет был большой и не пролезал. Тогда она открыла дверь шире и вдруг за охапкой белых роз увидела меня. Я скорее зашел и положил букет куда-то, она взвизгнула и кинулась на меня, обхватив ногами. Она целовала мое лицо, смеялась и шептала:

— Это не сон? Не сон? Это правда, ты? О, Алекс!

— Милая... — шептал я, уткнувшись носом в ее шею. — Я так скучал...

Мы долго стояли обнявшись у входа и целовались как одержимые. Она целовала мою шею, проводила руками по лицу, смотрела в глаза и снова целовала меня. Я стоял и чувствовал, как растворяюсь в настоящем моменте. Стоило ли это того? О, да. Я бы пролетел еще четыре, нет, восемь, даже шестнадцать часов ради этого. И проехал бы еще в два раза больше сотен километров на машине по заснеженным и холодным долинам глубокой ночью. Еще и еще, если бы это было нужно, чтобы быть с ней сейчас, в эту самую минуту.

— Ты такая страстная! — прошептал я ей на самое ухо.

— Это все ты... — говорила она. — Алекс... Я все еще не верю, что это реально... О, Алекс...

Мы забыли про все. Про время, про то, что будет завтра, даже про шампанское, которое так и осталось стоять в ведре со льдом у входа в номер. Уже давно настало утро, а мы как будто не виделись год или два, а не две недели.

— Хорошо, что у меня завтра нет никаких соревнований, только тренировка... — с облегчением сказала Энни, раскинувшись на кровати.

— Ты хотела сказать «сегодня»? — сказал я, взглянув в окно.

— Бог ты мой! — воскликнула Энни. — Уже даже не рассвет! Уже чертова уйма времени!

— Ты куда-то спешишь? — спросил я, проводя кончиком языка по ее тонкой коже между грудей.

— Ммм... — лениво потянула она. — Пожалуй, что нет... И где ты всему этому научился? — спросила она.

— В Париже... — улыбнулся я.

— Теперь мне вдруг все стало ясно... — сказала она, цокнув языком и посмотрев на меня с довольным прищуром.

— Еще? — спросил я, целуя низ ее живота. Она закрыла глаза.

Улетать безумно не хотелось, но мне нужно было возвращаться в Нью-Йорк, никто ведь не выдаст мне отпуск, даже если я сын владельца компании.

— Ты будешь осторожен на дороге? — спросила Энни, держа меня за подбородок ладонями и глядя мне прямо в глаза.

— Конечно, буду, милая... — ответил я и поцеловал ее, чтобы успокоить. Она обняла меня крепко-крепко и прижалась к моему плечу. Я не хотел шевелиться, я хотел так стоять до окончания времен. Я гладил рукой ее длинные, шелковистые волосы, которые уже спускались ниже лопаток. Я чувствовал ее дыхание на коже. Она со вздохом отдалилась от меня.

— Тебе же пора, да? — она смотрела на меня с надеждой. — Совсем пора? Может быть, ты еще останешься? — голос ее вдруг задрожал.

— Энни... — только и мог сказать я, так она меня растрогала. — Ты совсем как ребенок! Мы же скоро увидимся, еще две

недели — и ты вернешься... — я прижал ее к себе сильнее. Хочешь, я прилечу к тебе на выходные?

— Хочу, — сказала она, шмыгнув носом, — но не нужно. Тем приятнее будет тебя увидеть снова. Просто прощаться так тяжело, зная, что еще целых четырнадцать дней и ночей...

— Всего две недели. Они пролетят быстро, — я поцеловал ее и начал одеваться. Она поправила розы в вазе и улыбнулась.

— Так приятно! Мне еще никогда не дарили столько роз! — она посмотрела на меня с любовью.

— Да, не избалованная ты у меня! — я ущипнул ее за попу. Она хлопнула меня по руке и улыбнулась.

— Я думал, теперь могу это делать, сколько захочу! — пошутил я. Она фыркнула, но не смогла сдержать улыбку.

Я ехал обратно и улыбался. А следующим утром я уже снова собирался на работу. Настроение было отличное, потому что я думал об Энни, но мне не было грустно, как раньше, я все вспоминал, как она была рада видеть меня, вспоминал, как она шептала мне всякие нежности, и на душе становилось светло и хорошо.

Я вошел в офис, что-то насвистывая. В офисе, правда, все было так же, как обычно. Едва ли кто-то заметил мое отсутствие. Мини Пэм, как обычно, принесла мне кофе и свежие газеты, Дейл, как обычно, опоздал, Джонни сразу позвонил мне, чтобы отчитаться:

— Да все без изменений, я твой зад прикрыл, но отец все равно не в восторге, конечно.

— Хорошо, спасибо. Заходи через час, обсудим пару моментов по новому проекту.

— Договорились, — сказал Джонни и повесил трубку.

Потом меня вызвал к себе отец. Он холодно поздоровался со мной, как, впрочем, и всегда на работе. Он четко разграничивал или пытался разграничивать личное и профессиональное, иногда

мне казалось, что он относится ко мне намного строже, чем к другим сотруddникам. Так было и сегодня.

— Доброе утро, Алекс! — сказал он таким тоном, что я сразу понял, что что-то не так.

— Доброе утро, отец! — ответил я улыbнувшись. Получилась неловкая такая улыбочка.

— Меня интересуют твои разработки по поводу последнего проекта. Что ты успел сделать к сегодняшнему дню, какие есть идеи, что уже воплотил, подсчитал ли примерную стоимость необходимых инвестиций, — сказал отец, не глядя мне в глаза. Он теребил в руках ручку и приготовился что-то писать у себя в блокноте, он любил что-то все время отмечать там. Я достал папку и разложил несколько картинок на столе, отец любил, чтобы было распечатано, почему-то ему не очень нравилось что-то оценивать с экрана ноутбука или с проектора, он не был ретроградом, нет, просто как-то иначе воспринимал существенную информацию. Однако на совещаниях, конечно же, все презентации уже были в электронном варианте, по последнему слову техники. Я довольно долго говорил, сверяясь со своими записями (я тоже любил кое-что набросать, перед тем как ему объяснять, чтобы речь не была сбивчивой и чтобы не общаться с ним слишком неформально), он кивал головой. Что-то ему нравилось, что-то не очень, но в целом настроение у него сегодня было плохое, всем своим видом он мне показывал, что чем-то недоволен, но ничего не говорил пока. А мне уже было стыдно, я сидел и чувствовал себя провинившимся школьником в кабинете директора. Конечно, я вчера прогулял целый день без его ведома, и в этом я был не прав, но с другой стороны, ничего не должно было произойти и ничего не произошло, а это значит, что все путем и все нормально, и зря он держит на меня зуб, если держит. Если причина его плохого настроения в этом. Он как будто прочитал мои мысли.

— Меня устраивает твоя работа на данном этапе, однако хотелось бы видеть полнее реализацию твоих наработок. Кроме того, как твой босс я обязан высказать недовольство твоим легкомысленным отношением к работе. Впредь я прошу вовремя ставить меня в известность о том, когда и почему тебя не будет на рабочем месте. На сегодня все, жду первых результатов в конце этой рабочей недели.

— Через два дня? — спросил я, удивившись.

— Да, через два дня. Я полагаю, у тебя достаточно времени, — он особо подчеркнул последние два слова.

— Спасибо. Я могу идти? — я собрал бумаги в папку.

— Да, можешь идти, — ответил отец, натянуто улыбнувшись, но в глазах уже что-то потеплело, и от этого я почувствовал себя немного легче.

Вечером того же дня, когда я сел в свой *Viper*, отец нагнал меня и как ни в чем не бывало пригласил меня на ужин:

— Ты же придешь в субботу? Мы с мамой очень будем тебя ждать!

— Конечно, приду! Как ты мог подумать, что я проигнорирую этот день? — мы рассмеялись, он похлопал меня по плечу и пошел к своей машине, сегодня он сам был за рулем, видимо, решил прокатиться. А вот я начал лихорадочно думать, что же им подарить на двадцать шестую годовщину свадьбы. Я ехал по городу и думал, что лучше бы этот вопрос решить сейчас или в субботу, потому что во время рабочей недели мне будет совершенно не до этого. Как назло, никаких идей в моем мозгу так и не зашевелилось, пока я проезжал мимо десятков разноцветных витрин.

Два рабочих дня прошли как в дурдоме. Без ощущения времени и вообще без каких-либо ощущений, кроме ощущения, что у меня горит хвост. Однако каким-то чудом я все уладил и в пятницу представил в лучшем виде целых две завершенных концепции. Я

вернулся домой, ослабил галстук и сел на диван, чтобы немного прийти в себя. Минут двадцать я сидел и ни о чем не думал, или думал обо всем сразу — так и не поймешь, в голове сплошной сумбур и скопление образов, слов, идей, никакой ясности. Я решил расслабиться, пошел принять душ. Удивительно, как быстро вода может снять усталость и напряжение! Когда зазвонил телефон, я уже был полон сил и бодрости. Я поднял трубку.

— Энни, милая!

— Как ты узнал, что это именно я?

— А кто еще мне звонит в такое время? Нет, — я рассмеялся, — на самом деле у меня вдруг открылся третий глаз, и я увидел, как ты мне звонишь из своего заснеженного городка. У нас тут уже вовсю начинается весна! Солнце светит все чаще! Птицы просыпаются в Центральном парке, а ты все на лыжах катаешься!

— Ты все это к тому, что мне пора бы вернуться? — спросила она.

— Да, пора бы! Я уже начинаю забывать, что такое женская ласка... — наигранно ныл я.

— Я подумую... — жеманно ответила она.

— А если серьезно, ты когда приедешь? — спросил я.

— Если серьезно, то в воскресенье вечером уже буду в Нью-Йорке.

— Как прошли соревнования?

— Хорошо, но не так, как хотелось бы, меня в последние двадцать секунд сделала какая-то чокнутая норвежка. Я думала, первое место у меня в кармане, а она меня сместила на второе. Какая я злая, слов нет!

— Энни, милая, где же умение красиво проигрывать?

— Ну, перед другими я, конечно, проиграла красиво. Но тебе-то я могу сказать, как я ее ненавижу?

— Можешь даже поколотить меня, когда вернешься! — разрешил я.

— Боюсь, это закончится трагично... — сказала она.

— Или феерично? — предположил я.

— Не буду думать об этой норвежке! — рассмеялась Энни.

Утром я неспешно позавтракал, надел рубашку, которую мне подарила мама (иначе обидится, что я не ношу ее), и любимые джинсы. Посмотрел на себя в зеркало, улыбнулся и, довершив образ новой кожаной курткой, которая так невообразимо приятно пахла, вышел из дома. Я проехался на машине, потом решил пройти пешком и вышел подышать свежим весенним воздухом.

Воздух даже в центре Нью-Йорка прозрачен и чист. И свет весной все-таки особенный, он несет в себе надежду на то, что холод уйдет и скоро, совсем скоро все краски станут живее и насыщенные. На какое-то мгновение мне стало легко, как несколько лет назад в Риме. Я вздохнул, я скучал по этому чувству, жалко, что оно возвращалось редко и ненадолго. Но, наверное, таков порядок вещей.

Я долго бродил по магазинам в поисках подарка для родителей, но ничего стоящего так и не увидел. Не хотелось дарить какую-нибудь, пусть и дорогую, мелочь, которая будет просто стоять на каминной полке и собирать пыль. Сложно придумать что-то в подарок, если у людей уже есть абсолютно все, чего они хотели. Новую клюшку для гольфа я подарил отцу на его день рождения полгода назад, путешествие на двоих было бы хорошим подарком, если бы отец не был трудоголиком. В общем, я не мог найти ничего стоящего и, раздосадованный, вышел на улицу. И вдруг меня осенило! Нужно подарить картину! Я скорее сел в машину и поехал изучать ассортимент ближайших художественных галерей. Я зашел в полуподвальное помещение, в какой-то момент мне показалось, что я ошибся и что-то перепутал. Но я пришел, куда следует. Это я понял, когда почувствовал едва заметный запах масляной краски и еще чего-то. Помещение было не очень большое, местами довольно

темное, но все же картины были хорошо видны, и вообще галерея была выдержана в особом стиле, сразу было ясно, что здесь непростые картины для непростых людей. Не было напыщенного лоска и шика, было что-то другое, по-настоящему богемное. Не было подскакивающих продавцов-консультантов, как это иногда бывает даже в художественных галереях, которые пытаются что-то навязать или посоветовать. Не было полированной стеклянной стойки и нового кассового аппарата, не было скучающего охранника при входе. Было просто много интересных картин, я даже не знал, какую лучше выбрать, потому что хотелось, чтобы картина хорошо смотрелась в интерьере, который мама с такой любовью создавала долгие годы, но в то же время чтобы была осмысленна сама по себе, чтобы в ней что-то было. Вдруг я увидел ее. На картине был изображен Нью-Йорк начала двадцатого века, все было выполнено в интересной манере, мазки были небольшие, и вся картина как будто дрожала, была абсолютно живой. Я подошел к прилавку, мимо вдруг пронеслась девушка удивительной красоты, у нее были длинные русые волосы, которые доходили практически до бедер, на ней был какой-то вытянутый свитер со смешной собачкой, лицо показалось смутно знакомым, как будто я видел ее где-то. Внутри меня как будто что-то проснулось, взметнулось, как волна... и она скрылась в каморке за стеной. Через несколько мгновений из нее вышел мужчина, лет пятидесяти, видимо, ее отец, и, одернув мятую клетчатую рубашку с закатанными рукавами, сказал:

— Нашли то, что хотели? — он улыбался. Из каморки слышалось, как работает кофемолка. Я смотрел на него, у него были удивительно счастливые глаза, будто бы он сам нашел, что хотел, совсем недавно, так недавно, что радость от произошедшего все еще с ним, еще не притупилась. У него было красивое лицо, такие лица бывают у людей красивых духом. Это та красота, которая приходит с годами. Когда морщины начинают рассказывать о человеке

настоящую историю: любит ли он улыбаться, и добр ли он, часто ли думает о чем-то и строгий ли. Я успел изучить его, пока он возился с бумагами и заносил что-то в журнал. Я стоял, смотрел на то, как он заворачивает картину, и все пытался вспомнить, где я мог видеть эту девушку. Было темно, и я не мог быть уверен, но у меня было смутное ощущение, что вижу я ее даже не во второй раз.

Мужчина хрустел оберточной бумагой, все еще улыбался, но явно не мне, а просто так, «про себя», довольной такой улыбкой. Кофемолка перестала работать, заиграла приятная музыка. Мне было пора, я взял картину, но ужасно не хотел уходить. Что-то будто держало меня, и я понимал, что это странно, сделал над собой усилие и поскорее вышел. Когда я садился в машину, я вдруг понял, что это та самая девушка, которую я видел у фонтана в Париже, та самая, на которую засмотрелся тогда, а она смеялась, и лучи солнца так красиво играли на ее лице, в ее волосах, и... она же снилась мне! Меня эта мысль потрясла. Но не возвращаться же? Я и сам удивился своим мыслям, я как будто был в нее чуточку влюблен, и очень тайно, пожалуй, в тайне даже от самого себя. И о чем я думаю? Энни приезжает уже завтра, а моя знакомая незнакомка обитает в художественной галерее, совсем рядом. Я отогнал от себя эти мысли и поехал на Willow Place, однако какая-то нелепая улыбка продолжала играть у меня на лице. Наверное, это заразно. И странно.

Я ехал, слушал какую-то танцевальную музыку, подыгрывая пальцами по рулю и покачивая головой. Я не мог удержаться, какое-то классное ощущение пронзало меня и расправлялось внутри меня. Я ощущал себя как будто в начале чего-то, но я не мог понять, в начале чего? Почему? Как? Мне не были важны ответы на эти вопросы, мне было хорошо сейчас, в эту минуту. Хотелось танцевать, кричать, улыбаться!!! Я улыбался и подпевал, разгоняя

машину, насколько это возможно, когда проезжал по свободным участкам забитых дорог. Очень скоро я доехал до родительского дома, достал из багажника картину и позвонил в дверь. Дверь открыл лично отец. Он рассмеялся, подал мне руку, позвал маму и прямо в холле с нетерпением стал разворачивать подарок.

— Если бы это было что-то не похожее... на картину, я бы не разворачивал! — сказал он и рассмеялся. Мама с любопытством ждала, что же там будет. Потом посмотрела и улыбнулась.

— Всегда знала, что что-то хорошее я все-таки тебе привила! — сказала она с гордостью. — Джейми, дай-ка мне ее, я посмотрю еще, поближе. Какие интересные мазки!

— Мне тоже понравились! — сказал я.

— Спасибо, сынок! — отец похлопал меня по плечу.

— Спасибо! Теперь только надо найти ей правильное место! — мама поцеловала меня в щеку. — Надеюсь, ты голодный?

— Да уж, я тоже надеюсь, потому что я уже проголодался очень сильно! — сказал отец. Я прошел в гостиную, и хотя сегодня ожидалось не так уж и много гостей (и все они были близкими друзьями родителей или родственниками), стол был накрыт, как и всегда в таких случаях, очень пышно и со вкусом. Мама любила следить, чтобы все приборы были отполированы до блеска и стояли ровно, чтобы обязательно на столе были свечи, а они были сегодня ее любимого пыльно-розового цвета и отлично гармонировали со скатертью, вышивкой на салфетках и стульями темного дерева. Она очень любила составлять букеты и сегодня украсила стол целой композицией из орхидей, выращенных в ее зимнем саду.

— Как красиво, мама! — сказал я, не скрывая восторга.

— Спасибо, Алекс! — она довольно улыбнулась. — Твой отец совершенно привык ко всему этому и, кажется, не замечает. А я очень рада, когда кто-нибудь ценит мои старания.

— Кто не замечает? Я замечаю! — сказал отец строго. — Я же сказал, что все очень празднично!

— Ты не сказал, что красиво! — сказала мама, и чуть печально улыбнувшись, скрылась на кухне.

— Это же очевидно! Вот всегда она так! — проворчал папа.

— Женщины... — вздохнул, сидящий у камина дядя Ангус.

— Что «женщины», ну, от что женщины?» — спросила его как всегда нервная тетя Джесс, его жена. — Вечно ты со своими сексистскими замечаниями!

— Я же ничего не сказал! — озираясь в поисках поддержки, сказал дядя Ангус.

— Зато как вздохнул! Вы слышали, как он вздохнул? Будто женщины — это сущий ад на земле! Как так можно! Да еще в такой день... — причитала тетя Джесс. Она всегда делала из мухи слона.

— Тетя, тебе послышалось! Он вздохнул с любовью! — утешал ее я.

— Да-да, он еще посмотрел на тебя! — добавил отец. Однако хоть наше прикрытие и было шито белыми нитками, тете Джесс этого было достаточно, чтобы расплыться в улыбке и успокоиться. Такая уж она была.

Мамина подруга, Ингрид, снисходительно улынулась, посмотрев на Джесс, но так, что это заметил только я. Ингрид всегда потрясающе скрывала, что у нее на душе. Мы встретились взглядами, она искренне улынулась мне.

— Алекс, милый, ты так вырос! Уже совсем взрослый мужчина, не то что тот семнадцатилетний паренек, которого я видела в последний раз! Рассказывай, как тебе, понравилось путешествовать по Европе?

И я принялся рассказывать ей, буквально в двух словах, как прекрасны Рим, Сорбонна, Лондон и Париж, Ницца, Берлин

и Копенгаген. Я знал, ей будет это интересно, потому что они с мамой, когда-то давно, тоже учились в Европе. Конечно, на подробный рассказ не хватило бы и нескольких часов, но хотя бы бегло рассказать, где я был и что делал, я был должен, просто обязан.

Она вздыхала, с удовольствием слушала мой рассказ и, было видно, вспоминала студенческие времена.

— Ты был в Сорбонне? Ты почувствовал эту потрясающую академическую атмосферу? Там ею буквально пропитаны стены! — Я не мог с этим не согласиться.

— Да, в этом месте чувствуешь его богатую историю и пытаешься представить студентов, какими они были сто, двести, триста лет назад. Слышишь смех и понимаешь, что и тогда все было, в общем-то, так же. Но, конечно, и по-другому тоже. Впервые мне понравилось сидеть в библиотеке. Вообще говоря, это довольно занудное занятие, но там, там даже это воспринимается как приключение.

Ингрид улыбалась, слушая меня.

— Я бы многое отдала, чтобы вернуться в то время хотя бы на пару часов! — сказала она.

— Лучше на пару дней! — поддержал ее я.

— Хотя бы на пару часов... — сказала она, и я понял, что ее в Сорбонну тянуло не только за академической атмосферой, было и что-то еще, что-то, о чем она до сих пор вспоминает с нежностью и тоской. И я подумал, что так ведь было и у меня. Просто я пока не испытываю такой сильной грусти, вспоминая свое прошлое.

Мама сама внесла в комнату огромное серебряное блюдо с запеченной телятиной.

— Какие запахи, черт возьми! — оживился дядя Ангус.

— Это крылатое выражение! — мой отец громко шепнул это тете Джесс, чтобы она не вздумала упрекать Ангуса в плохом

отношении к религии. Отец, я и Ингрид переглянулись и едва сдержали смех.

Киндси с женой вошли в гостиную минутой позже, извиняясь за опоздание:

— Друзья мои, прошу простить, но в последнюю минуту Нэнси подвернула ногу, и ей пришлось сменить не только туфли, но и платье.

— Женщины... — тихо послышалось из кресла у камина.

— Да, — улыбаясь, сказала Нэнси, — не могла же я на вашу годовщину прийти в чем попало!

— Это платье очень тебе к лицу! — сказал отец, расплываясь в довольной улыбке.

— Я же говорил, оно лучше, чем то, которое ты хотела надеть, дорогая! — сказал Киндси.

— Значит, я не зря подвернула ногу! — смеясь, ответила Нэнси. — Надеюсь, у вас не будет танцев?

Пока все позвякивали приборами и произносили хвалебные речи, безусловно заслуженные моей матерью, я сидел и судорожно пытался придумать стоящий тост. Я смотрел, как острые вилки со всех сторон стола пикировали на красиво сервированные угощения, как женщины пытались угадать состав блюд, как мужчины прикрывали глаза от удовольствия, проглотив очередной кусочек чего-нибудь эдакого. Я смотрел, как бокалы поочередно наполняются разными винами, как жены поглядывают, сколько уже выпили мужья, как медленно ест и пьет Ингрид, пытаясь максимально глубоко почувствовать вкус того или иного блюда или напитка. Я прекрасно помнил этих людей десять, пятнадцать и даже двадцать лет назад. Какими они были? Тетя Джесс всегда была эмоциональной, но раньше как-то нежнее смотрела на Ангуса и была значительно терпеливее, Ангус, в свою очередь, решался на более рискованные высказывания и меньше пил. Ингрид когда-то была

очень счастлива и очень красива, я прекрасно помню, как играл с ее сыновьями, Расмусом и Полом, пока родители болтали о чем-то взрослом и пили грог. Сейчас она одна, и лицо испещрено морщинами, больше, чем у мамы, и взгляд совсем другой. Ей просто больше довелось пережить и выстрадать. Наверное, в этом была и ее вина, но не мне судить. Киндси и Нэнси, пожалуй, только постарели. А еще часто рассказывали о своих внуках, и я иногда видел, как мои родители внимательно их слушают, а потом посматривают на меня. Наверное, это заметил не только я. Тетя Джесс решила закончить тост вопросом:

— И все-таки, Алекс, не собираешься ли ты уж подумать о семье, детях? Посмотри, Сандре и Джейми не помешала бы парочка-другая внуков или внучек! Вот у нас в твоём возрасте было уже двое!

— Так и время было другое, — вмешалась Ингрид. — Сейчас у молодежи совершенно другие цели в таком возрасте.

— У тебя есть девушка? — спросила тетя Джесс с любопытством, ей всегда было интересно засунуть свой нос в чью-то личную жизнь.

— Есть, — коротко ответил я. — Но мы недавно вместе. Может быть, когда-нибудь я ее познакомлю с родителями, — сказал я, улыбнувшись.

— Лучше не торопись, Алекс, — решил на совет дядя Ангус. Это прозвучало очень отчаянно. Тетя Джесс не знала, что ему сказать, и только, пылая от гнева, смотрела, как дядя наливает себе еще одну порцию ликера.

Чуть погодя, когда гости уже стали расходиться, мама позвала меня на кухню под предлогом, чтобы я ей в чем-то помог, потому что Розу отпустили пораньше домой.

— Вообще я не хотела тебе об этом говорить, особенно сегодня, но если не сегодня, то когда? В общем, я хотела с тобой поговорить

о твоём крайне неосмотрительном поступке, — Я сразу догадался, к чему она клонит, вспоминая свое отсутствие в начале рабочей недели.

— Отец тебе, возможно, так ничего и не сказал, но он очень переживал по этому поводу. Он сказал, что это было неправильно с твоей стороны. — Я был согласен с ней. — Но я считаю, что ты поступил, как ребенок, ужасно непрофессионально, ты должен понимать, что отец делает для твоей карьеры и ценить это, вести себя соответственно.

— Но мама, я понимаю, что вы с отцом видите меня в будущем именно в Laurence&Sons, но я же журналист! Я, конечно, справляюсь со своими обязанностями и многое делаю успешно, ты ведь не будешь этого отрицать?

— Да, не считая недавнего случая, отец тебя хвалил. Тем хуже! Он совершенно не ожидал такого ребячества с твоей стороны! — она хмыкнула.

— Мама, но ведь я уехал не на неделю, не на месяц и даже не на несколько дней — всего на сутки, причем в тот момент, когда я мог это себе позволить — у меня не было встреч, не было сверхсрочных дел, которые требовали моего непосредственного участия...

— С таким подходом многие могут приходить на работу раз в году! — сказала она, недовольно подергивая уголком губ.

— Ты, безусловно, права, — сказал я уверенно.

— Ты это говоришь, чтобы я от тебя отстала! — сказала мама. Мне было совершенно непонятно, с чего вдруг она так решила.

— Нет, ты не понимаешь. Я признаю, что был не прав, я это знал, еще когда принимал свое решение. Я просто говорю, что, несмотря на это, ничего страшного не произошло! — я предпринял попытку ее убедить.

— Это ты не понимаешь! «Вовремя» это было сделано или «не вовремя» — вообще странная постановка вопроса! И «страшное»

произошло — ты это сделал и тем самым огорчил отца, а ты знаешь, как это влияет на его состояние! — мама начинала не на шутку нервничать. С ней такое бывало, она часто заводилась даже на пустом месте, что уж говорить об этом... Я знал, что отца лучше не огорчать, но это было не тем огорчением, которое выбило бы его из колеи или как-то навредило бы здоровью. Она говорила громким шепотом, но у меня было такое ощущение, что она кричит. Я чувствовал себя бессильным, не зная, как ее успокоить. — Если не я, ты бы никогда этого не узнал! Ты должен слушать, что я говорю, потому что я знаю, что важно, а что не важно. Неужели эта твоя девушка стоит здоровья твоего отца?

— Но отец сейчас чувствует себя превосходно! — сказал я, недоумевая.

— Это исключительное везение! — сказала мама, недовольно пожав плечами.

— Мама, я уважаю тебя и отца, но я прошу и ко мне относиться уважительно, просто послушай, что я говорю... — но я не договорил.

— Я уже слышала достаточно! Ты просто сделал глупость и не хочешь признавать этого. Но ты должен знать, что второго такого раза быть не должно!

— Позволь это нам решать с отцом... — говорил я как можно более спокойно, но, похоже, ее это выводило из себя еще больше. Тогда я просто принял смиренный вид. — Что же я тогда должен делать?

— Просто слушай, что я тебе говорю! — сказала она, как будто это было само собой разумеющимся и как будто мне семь лет. Но я сдержался и просто кивнул головой.

Она довольно улыбнулась и вручила мне чашку с чаем.

— Отнеси отцу, он уже заждался добавки, — сказала мама как ни в чем ни бывало. В этом была она вся.

Домой я ехал со смешанными чувствами. С одной стороны, было хорошо оказаться среди всех этих людей, потому что каждый их жест, слово или взгляд были мне хорошо знакомы. И дом сам по себе, его запах и каждый его поворот, каждая дверь, свет от окна и то, какой на ощупь диван или старые стулья, вкус еды — все вместе было настолько знакомо с самых ранних лет, что создавало ощущение уюта, самого настоящего уюта. Не того, который бывает в теплом кафе, когда идет дождь, и не того, который бывает в нагретой постели дорогого отеля, даже с утра, даже когда надо куда-то идти, даже не того уюта, который царит в моей квартире на Манхэттене, где я все продумал до мелочей и все, от кофейной чашки до вида из окна, приносит мне эстетическое удовольствие. Этот, настоящий, уют бывает только в каком-то хорошо знакомом с детства месте, которое принято считать домом. И, возможно, ты там уже не живешь год, десять лет или больше, но туда всегда так приятно возвращаться, возвращаться и чувствовать, что все неизменно. Потрескивают дрова в камине, и так же звучат голоса и смех, смешиваются ароматы маминой стряпни, вина, цветов и всего того, что есть в доме, ведь даже у дубового стола есть свой запах, тонкий и неуловимый, и у гобелена на стене, и у шелковой подушки. У книг, стоящих на полке, и у мебели в отцовском кабинете... С другой стороны, полностью раствориться в этом чувстве комфорта мешал разговор с мамой, ее неосторожные в чем-то слова или интонации. Она могла говорить правильные вещи, но так, что слова застревали, как занозы, и долго ныли внутри. Вот как сейчас. Я старался отвлечься, чтобы снова на душе стало спокойно и хорошо. Говорил сам себе, что вся ситуация ясна как на ладони. Разбирал ее вновь и вновь, понимал, что я все равно бы так поступил, но все равно чувствовал вину. Это было очень неприятно. Я так и не смог избавиться от неприятных эмоций по этому поводу, сам не заметил, как оставил Virag на парковке, поднялся в квартиру и лег спать.

Утром я подскочил на постели как ужаленный. Я проснулся внезапно, я понял, что вот-вот должна прилететь Энни, а я должен ее встретить, но я еще здесь, в центре Нью-Йорка, сижу на краю кровати. Как я мог забыть поставить будильник? Не знаю. Но каким-то чудом все-таки сработало мое подсознание, и я проснулся, но, конечно, не было времени на размышления, завтрак и спокойные сборы. Я быстро пролистнул несколько вешалок в гардеробной, быстро нашел, что хотел, добежал до холодильника, залпом выпил стакан апельсинового сока, схватил яблоко и, накинув сверху куртку, понесся в аэропорт.

Нью-Йорк, конечно, славится своими пробками, это давно известный факт. Но почему-то, когда стоишь в одной из них, от этого легче ни на йоту не становится. Почему-то соседний ряд всегда едет быстрее. Стоит тебе перестроиться, как быстрее идет именно тот ряд, из которого только что выехал. Стоит подумать после очередной неудачи, что перестраиваться не следует, как выбранный ряд и вовсе замирает как заколдованный. Я не могу понять, как возникают эти пробки! Ведь никому не хочется в них стоять! Ведь правительство ежегодно выделяет немалые деньги на то, чтобы их сократить, и что-то получается, но все равно, сколько бы ни строили новых дорог и парковок, народа и машин все больше. Кто-то на секунду замешкался, переключая радио, кто-то отвечает на телефонный звонок, кто-то просто задумался и все — начинается пробка! Что уж говорить о том, что впереди есть начинающие водители, которые боятся сделать перестроение, а потом медленно втискиваются в следующий ряд, и все им сигналият, и от этого они себя чувствуют еще более неуверенно, а там, дальше, еще пара пенсионеров за рулем — это вообще отдельный тип угрозы... Или, наоборот, кто-то ведет себя слишком нахально, и все водители сигналият ему, чтобы как-то пристыдить, а кто-то даже ругается, опустив стекло. Кругом

слышится совершенно разная речь, не только английская, но и что-то по-китайски или по-корейски, что-то по-арабски, что-то по-русски, где-то отдаленно доносятся неразличимые по происхождению гортанные выкрики. Я барабаню пальцами по рулю. Смотрю на часы. Еще десять минут. Еще пятнадцать минут. Еще двадцать минут. Но поток машин движется медленно и неумолимо. Остается барабанить пальцами по рулю дальше и просто вздохнуть: он хотя бы движется.

В аэропорту было не легче. Точнее, в момент, когда я вышел из машины, мне, конечно, стало заметно легче, и я понесся ко входу, но внутри были все те же пробки. Кто-то спешил на рейс, расталкивая окружающих и извиняясь, кто-то, наоборот, сидел со скучающим лицом в ожидании вылета, ну а я, держа в руках букет с разноцветными тюльпанами, читал табло. Я поймал себя на том, что волнуюсь, и вдруг почувствовал, как чьи-то теплые ладони закрывают мои глаза.

— Энни! — угадал я. Она смеялась за моей спиной.

Энни сидела на краю кровати и смотрела в окно, а затем на тюльпаны, которые стояли в вазе прямо на полу.

— Значит, весна? — спросила она.

— Весна!

— Кажется, я начинаю понимать, о чем ты... — она спустилась вниз и понюхала цветы. Я накинул ей на плечи одеяло.

— Так уютнее...

— Да! — она улыбнулась. — Мне иногда начинает казаться, что я промерзла до костей и только сейчас начинаю оттаивать.

— Я тебя быстро отогрею... — сказал я, долго поцеловав ее в губы. — Хочешь горячего шоколада? — Она кивнула. Я пригласил ее на кухню, она забралась на диванчик с ногами и смотрела на то, что я делаю. А я плавил шоколад и добавлял в него специи, как учила меня Полин. Энни изумленно смотрела на то, что я делаю.

— Ты знаешь, это очень сексуально, по-моему... — сказала она задумчиво.

— Да? — спросил я, глянув на нее. Мне вспомнилось, как я и сам наблюдал за Полин и думал, как это сексуально. — Знаешь, это еще и очень вкусно!

— Могу только догадываться! — сказала Энни, потянув носом воздух. — Где же ты этому научился?

— Ты не поверишь, но тоже в Париже! Хотя логичнее было бы где-нибудь в Мексике, у ацтеков лично, — сказал я улыбувшись.

— А они разве еще существуют? — спросила Энни на полном серьезе, с любопытством глядя на меня своими голубыми, почти синими глазами.

— Боюсь, что нет, — сказал я улыбувшись.

— Интересно, чему еще ты научился в Париже?

— Если хочешь, я тебе обязательно покажу. Но боюсь тебя разочаровать, из еды я умею готовить только омлет, кофе и горячий шоколад.

— Значит, это что-то явно несъедобное! — сказала она шутливо, пытаясь придать своему лицу разочарованное выражение.

— Совершенно несъедобное! — сказал я, хитро ей подмигнув. — Можем начать, когда допьешь.

— О, я догадываюсь, о чем ты... — сказала она, привлекая меня к себе.

— Снова боюсь тебя разочаровать, но тебе придется одеться, — я глянул на часы, мы вполне могли успеть в Музей Современного Искусства, тем более что он был тоже на Манхэттене.

Энни смотрела на «Постоянство памяти» Дали.

— Интересно как! Плавленные часы, как сыр!

— Ты и не представляешь, насколько ты права! Дали действительно был вдохновлен камамбером, — я улыбулся.

— Вот уж кто был на всю голову... — она улыбулась.

— Это все трамонтана... — сказал я, разглядывая картину.

— Что такое трамонтана? — переспросила Энни.

— Очень сильный северный ветер, который сводит с ума. Посмотри, в правом углу картины написана скала.

— Вижу. Он с нее сбросился?

— Нет, — я улыбнулся, взглянув на Энни. Она иногда была такой глупышкой, совсем как дитя. — Посмотри, какой необычный склон, если смотреть со стороны моря. Уж в склонах-то ты специалист? — Она кивнула и стала разглядывать склон.

— А почему он такой?

— Потому что веками, из года в год, почти в одно и то же время с севера дует трамонтана! — сказал я улыбувшись. Она посмотрела на меня с нескрываемым восторгом. Это было приятно. Но еще приятнее было, что и она теперь это знала. И я стал рассказывать ей про то, как, по мнению биографов, трамонтана повлияла на деда Сальвадора Дали, а впоследствии и на всю его семью. Энни слушала с неподдельным интересом, тем временем мы продвигались к выходу, потому что цель нашего сегодняшнего визита была достигнута, а музей скоро закрывался.

— Что, и все? Мы уже уходим? Мы ведь посмотрели всего одну картину!

— Зато какую! Остальные мы бы все равно не успели осмотреть как следует! Так что... думаю, мы еще вернемся!

— Ты меня заинтриговал! — сказала Энни, глядя на меня как-то необычно.

Мы вышли из галереи на приятную вечернюю прохладу. Конечно, было довольно холодно, но как-то приятно, именно сейчас, в эту минуту. Было прохладно так, что было приятно греть руку Энни в своей по пути к машине. Было приятно вдыхать и выдыхать свежий вечерний воздух, было приятно просто идти и смотреть на Энни, как она прижимается ко мне, потому что даже в пальто ей немного

холодно, просто потому что по моей просьбе она надела вместо привычных джинсов красивое платье, которое было таким же темно-синим, как и этот воздух. Мы ужинали в одном из лучших ресторанов города Daniel, где была французская кухня. Мы неспешно пили вино, пробовали сыры, наслаждались легкими блюдами, которые сами по себе могли быть произведением искусства.

— Надеюсь, тут нет нигде этих отвратительных лягушачьих лапок... — сказала Энни, комично сморщив носик и ворочая вилоккой в салате.

— Нет, милая, лягушачьи лапки, это я тебе как эксперт говорю, вкуснее всего в конце весны. А сейчас только начало... — я хитро улыбнулся. Она вздохнула с облегчением.

— Хорошо, в мае ты меня не заманишь ни в один французский ресторан...

— Что ж, тогда придется зайти в китайский! — сказал я. — Подожди! Вот, возьми этот кусочек рыбы, добавь немного лимонного сока, теперь немного зелени и, не глотая, отпей вина... — я смотрел на ее реакцию. Она старалась ощутить малейшие грани вкуса и чуть прикрывала глаза.

— Ну как? — с любопытством спросил я.

— Ты знаешь, вообще я не люблю рыбу... — сказала она, но лицо ее сияло, — но это очень вкусно! Просто божественно! — она повторила комбинацию, добавляя что-то и от себя, поочередно наколов на вилку кусочек рыбы, немного рукколы, базилика и помидор черри.

— Экспериментируешь? — спросил я.

— О, да! — она довольно улыбалась. — После духовной пищи эта пища кажется мне особенно вкусной! Чувствую себя такой... утонченной, искушенной... — сказала она, чуть манерно жестикулируя. И вдруг рассмеялась, открыто, как и обычно. — Аха-ха-ха! Ты почти поверил!

— Да! — я рассмеялся в ответ.

Сегодня я чувствовал себя безумно влюбленным: на душе было легко, и я ничего не чувствовал, кроме необыкновенной нежности к Энни. Я любовался ею: ее аристократичными пальцами, когда она брала чуть запотевший бокал белого вина, и как она медленно накаливала на вилку белоснежное филе, как едва открывала аккуратные, чуть пухлые губы, как держала себя, чуть выгибая спину, как красиво сидело на ней это сапфирово-синее платье, которое так подходило к ее северным глазам, и светлым, как спелая рожь, волосам. Она сама сегодня преобразилась, перестала быть лыжицей, чемпионкой по фрирайду и «боевой подругой», почти ушли куда-то ее угловатые, часто неуклюжие движения. Энни была не похожа на себя обычную, наверное, ее друзьям было бы тяжело ее узнать. Но мне кажется, именно сегодня вечером она на самом деле была ближе всего к себе настоящей, внутренней. Платье немного сковывало ее, но, возможно, именно поэтому она была грациознее. А еще мне казалось, что такой же женственной, как сейчас, я видел ее, когда она склонилась надо мной в лунном свете и кончики ее волос щекотали мою кожу.

— Что-то не так? — она смущенно улыбнулась.

— Все так! — сказал я. — Ты сегодня очень красивая!

— Энни смутилась еще больше. И от этого вдруг стала еще красивее. В ней все было так очаровательно — эта незрелая, как будто почти случайная или глубоко скрытая женственность, небольшая неловкость, смущение, и одновременно простота и искренность, чистота в полном смысле этого слова.

Энни была многому открыта, легко воспринимала все новое для себя. Эта весна запомнится мне надолго, потому что Энни сделала ее особенной для меня: полной новых чувств, новой радости и новых событий. Я вместе с ней открывал Нью-Йорк, мы постоянно играли на контрастах: слушали блюз и симфоническую музыку,

фортепианные концерты и тяжелый металл, отрывались в лучших клубах, кормили уток в Центральном парке булочками от недо-еденных хот-догов, манерно прыскали на устриц лимонный сок в каком-нибудь ресторане с мишленовскими звездами, долго пили виски со льдом у меня на кухне, быстро пьянели от обычной газировки, распитой на рассвете с видом на мост Верразано.

Весна прошла быстро, точнее, мы пролетели мимо нее, как пролетают в вагончике по русским³ горкам, где есть взлеты и падения, и порой захватывает дух так сильно, что даже не можешь закричать от восторга, и одновременно порой так медленно тянутся какие-то мгновения, и ты все торопишь действительность — скорей, скорей!

Мои чувства к Энни тоже вели себя странным образом. Сначала я погрузился в негу обожания, потом был ослеплен ею, затем я будто прозрел на секунду, и мне стали казаться глупыми и поверхностными какие-то ее суждения и слова, но в следующий момент я вновь любил их и видел в этом особую прелесть в ее непосредственности, в ее простоте. Затем я снова что-то видел в ней, то, что мне не очень нравилось, и даже уставал от нее, но потом она вновь очаровывала меня то наклоном головы, то случайным вопросом. Энни часто сомневалась в себе, не знаю, почему вдруг, но чем ближе мы становились друг к другу, тем менее уверенной она становилась. Весь былой напор, который мне так нравился, постепенно сходил на нет.

— Ты как-то не так смотришь на меня сегодня. Что-то случилось? — спрашивала Энни. А я и не знал, что ей на это ответить. Как я смотрел и как я должен был смотреть?

— Все-таки я люблю тебя сильнее... — говорила она и

---

³ Американские горки (Русские горки) — русское название одного из самых популярных аттракционов в парках развлечений. На Западе их называют Русские горки.

обнимала меня крепко-крепко. Я сначала убеждал ее в обратном, потом в том, что наши чувства одинаково сильны, а в какой-то момент вдруг почувствовал, что, может быть, она права. Но ненадолго. В следующую секунду она прижималась ко мне своей щечкой, и я чувствовал, как что-то дрожит внутри меня, полное нежности и любви.

— Вот теперь я чувствую... — говорила она, прислушавшись к моему дыханию. И я снова недоумевал, что она чувствует и почему.

А потом я уходил на работу, и уже через два часа после утреннего прощания я получал от нее десятков сообщений, прямо на совещании, и она писала, как сильно скучает по мне, и как хочет меня, и как изнемогает от того, что меня нет с нею рядом. Сначала я чувствовал то же, потом мне это было лестно, затем я испугался за нее, так жадно она меня хотела, так сильно хотела скорее быть рядом со мной, будто я действительно ее неотъемлемая часть, как рука или нога, и мне жизненно необходимо быть рядом с ней. Мне становилось по-настоящему страшно, когда я пытался представить, насколько сильно она меня полюбила. И я начинал чувствовать себя виноватым, потому что я не мог полюбить ее так. Я не знаю, почему. Я начал мучиться этим. Я чувствовал, что что-то во мне не так. Или в ней. И я не мог понять, что с этим делать. Я вспыхивал реже, и нежность моя постепенно ослабевала. А я пытался удержать все это, сохранить, преумножить, но любовь утекала, как песок сквозь пальцы. Без видимой причины. Вопреки всему.

Я очень боялся сделать ее несчастной. Но иногда мне сложно было понять, отчего она плачет. Я не находил слов. Я отвечал на ее сообщения сразу, как мог. Я перестал часто встречаться с друзьями, почти не навещал родителей, постоянно уделял ей время. Я хотел снова чувствовать ту любовь к ней, которую я начал

испытывать тогда, в начале весны. Она возвращалась. Короткими вспышками. Я наслаждался этими минутами, этими днями и часами. И каждый раз я надеялся, что это произойдет снова и больше не закончится так быстро. Но чем больше она желала быть со мной, чем ближе хотела быть, тем больше мне казалось, что ближе уже невозможно, и тем холоднее я становился. Что-то подтачивало ее изнутри, она менялась до неузнаваемости. Моя чудная Энни, которая волшебным образом ворвалась в мою жизнь вместе с брызгами снега и уверенно привлекла меня к себе для поцелуя, моя Энни, которая не стеснялась быть собой, была настоящей и не носила масок, вдруг стала таять.

Я часто думал над причиной таких перемен, но не мог найти ответа. Зазвонил телефон. Это был Джонни.

Мы сидели в нашем любимом баре недалеко от Эмпайр Стейт Билдинг. Как только за мной закрылась дверь, прозвенел колокольчик, и мы с Джонни снова погрузились в атмосферу, которую было бы странно назвать уютной, но тем не менее она была такой. Я не любил запах табачного дыма и никогда не курил, но в баре все воспринимается иначе. Я не любил большого скопления людей, особенно после рабочего дня, когда и без того раздражен, но в баре все совсем иначе. Удивительно, но все эти голоса, смех, ощущение, что кто-то прошел мимо, чуть задев тебя, разные, по природе своей не очень приятные запахи здесь, смешиваясь, создавали особое ощущение покоя. Здесь много народу, но им ведь нет решительно никакого дела до меня, а значит, я могу быть таким, каким захочу, не скрывать усталость или грусть, не надевать эту извечную улыбку успешного человека, которая, кажется, уже прирастает к моему лицу помимо воли. Здесь, в общем-то, только Джонни и я, и мы пришли сюда, чтобы просто поговорить, выпить, поговорить и снова выпить. Стою у стойки, заказываю выпивку, Джонни роется в кармане в поисках телефона, затем берет и отключает его. Два

виски с колой. Разговоры сначала ни о чем. Потому что никогда не бывает сразу серьезно. Джонни шутит, я смеюсь, почти на автомате, и рассматриваю посетителей. Вот, например, что в баре делает юноша в грубых очках со строгой оправой, с двумя книгами, перевязанными какой-то тонкой веревкой или лентой, и с ноутбуком? И почему рядом сидит довольно симпатичная девушка? И почему она развязывает эту веревку или ленту и внимательно изучает книги? Или вот, сидит толстяк у музыкального автомата, сидит, вздыхает, жует жвачку и надувает пузыри. Взрослый мужчина жует жвачку и надувает пузыри. Зачем он это делает и почему? Чуть поодаль, за столиком справа, сидят две семейные пары. Мужчина с огромным раздвоенным подбородком, кажется, его нарисовали для комиксов о ковбоях, а он в одну прекрасную ночь ожил и стал человеком. И его жена, миниатюрная блондинка в коротком, блестящем платье, которое ей не идет. Женщина, с красивыми миндалевидными глазами, как у лани или какого-то сказочного существа, с грубоватым голосом. И ее муж, довольно молодой, возможно даже моложе ее, однако, лысый, и в несуразных очках. И все вроде бы, как обычно, но Лань то и дело кидает почти незаметные взгляды на Супергероя, а когда ее муж удаляется, чтобы принести всем выпивку, а жена в серебристом платье, сверкая подобием чешуи, ускользает в сторону туалета, они уже не скрывают этих взглядов, и он пишет ей на салфетке свой номер.

Я цокаю языком и пересказываю все Джонни, он улыбается, как человек, только что узнавший что-то любопытное. Не знаю, по большому счету ведь все равно, что там происходит, и никогда не узнаешь, что дальше, но так любопытно смотреть на что-то, что происходит прямо перед тобой.

Я пью свой коктейль.

— Что там у тебя с Энни? Ты сегодня какой-то мрачный! — спросил Джонни.

— Да не знаю, — сказал я устало, — что происходит и к чему все это приведет, не знаю.

— Да все же хорошо! Она, наверное, тебе горячие сообщения шлет по утрам, я заметил на совещании, иногда бывает каждые пять минут! — Джонни улыбался сальной такой улыбочкой.

— Я уже отвечаю далеко не на все... — сказал я, сделав еще глоток. Кола шипела на языке. Алкоголь чуть согрел горло и спускался дальше. Я чувствовал, как начинаю расслабляться. — Энни какая-то не такая, начинаются странные вопросы, сомнения, никак не возьму в толк, где ее прежняя веселость и легкость?

— Да это у них у всех бывает время от времени! — сказал Джонни с видом знатока.

— Меня это уже начинает бесить временами. А временами я снова схожу по ней с ума. Как-то так, нестабильно. Постоянно то вверх, то вниз.

— Так бывает. Потом затарахтит и вконец заглохнет. Ну и тебе решать, толкать это дальше или нет.

— А как насчет заправок? — спросил я, уловив его иносказание.

— Хватает, но ненадолго. Рано или поздно застревашь в пустыне. Да и зачем тебе они?

— Ну да... — сказал я, подумав, что, наверное, все происходящее закономерно. А долго ли еще мы будем вместе, покажет время. — А ты чего последнее время сам не свой?

Я увидел в глазах Джонни странный проблеск. Он откинулся в кресле, поставил коктейль на столик, отхлебнул чистый виски из второго бокала и чуть поморщился.

— Ты помнишь Марту? — спросил Джонни, изучающе постревав на меня своим фирменным прищуром.

— Конечно, я помню Марту! — вспомнил я. — Почему ты спрашиваешь о ней?

— Я вдруг понял... — Джонни выдохнул и посмотрел на лед в бокале, — я все еще люблю ее и всегда любил, но тогда я не понимал этого. Да и не нужно было, честно говоря, другого мне хотелось тогда. Очень забавно получается, когда думаешь, что полностью контролируешь свою жизнь, но когда вмешивается Его величество случай, все летит к черту! Все запреты, все собственные рамки. Ты сопротивляешься этому до конца, но в итоге ты проигрываешь по всем фронтам. Рано или поздно факты безжалостно бьют в лоб и говорят: «Джонни, а ты дурак!». Ничего мы не контролируем, мы не можем создать программу, по которой сможем жить припеваючи и не беспокоиться ни о чем. Все, что ты отрицал тогда, встанет перед тобой и покажет, каким ты был идиотом!

Я выслушал его. Он меня немало удивил, я знал его уже довольно давно, но раньше никогда не слышал по его голосу, чтобы его что-то задело настолько серьезно. Ему всегда было сложно признать свою неправоту, что, в общем-то, для многих характерно. Но я совершенно не ожидал услышать от него о любви. Он однажды уже говорил о ней вскользь, но с тех пор он бежал от нее сломя голову, пытаясь скрыться, и ему удавалось.

Мы сидели и молчали, на столе было уже несколько пустых стаканов, но официантки не торопились их убирать, а может быть, просто было слишком много дел. Мы заказали еще, на этот раз только чистый, со льдом.

— Она знает? — спросил я. Джонни посмотрел на меня как на полного идиота.

— Конечно, нет! Зачем ей это? — Я видел в его глазах горечь. — Я совершил ошибку тогда, вот я за нее теперь и расплачиваюсь. И весь разговор.

— Подумай об этом, — сказал я. — Она очень любила тебя тогда.

— Тем хуже! — сказал Джонни и нервно отпил еще виски. Наконец-то появилась официантка и, гремя пустыми стаканами, понесла их, лавируя между посетителями.

— Согласен, — сказал я, разгрызая лед. — Возможно, она должна об этом знать.

— Не думаю, что это знание сделает ее счастливее, — сказал Джонни. Вдруг где-то в глубине зала послышался грохот разбитого стекла.

— Предоставь это решать ей. Возможно, она наоборот почувствует легкое злорадство и наконец-то ощутит себя отмщенной. В таком случае ты тоже сделаешь ее счастливее. — Джонни только покачал головой и как-то странно хмыкнул. Было видно, что где-то в глубине души он бы очень хотел, чтобы она знала, но, конечно, это казалось ему безумием. Я отошел к барной стойке и заказал два Бруклина.

Я проснулся поздним утром от голода и адской жажды. Я почему-то лежал на диване, в гостиной. Энни только что вернулась с пробежки и мылась в душе. Я хорошо слышал, как шумит вода. Я не мог себя заставить встать, хоть губы мои и начинали трескаться, а язык почти присох к небу и был, как щетка во рту. Мне хотелось провалиться в сон, но я не мог заснуть. Не мог и встать. Я с трудом шевелил конечностями, но все-таки чувство жажды пересилило меня, и, подгоняемый звуками, доносящимися из душа, я медленно выплыл на кухню и налил себе воды из-под крана. Я не почувствовал ее. Но когда я открыл холодильник и нагнулся, чтобы посмотреть, есть ли в дверце что-нибудь алкогольное, по голове что-то здорово шарахнуло. Я едва слышно застонал. Головная боль пульсировала внутри, как будто сердце вырвали и положили в черепную коробку. Энни вышла из ванной, обернувшись в полотенце.

— Доброе утро! — бодро сказала она и тут же поняла, что сказала это слишком громко.

— Извини! — сказала она тихо и виновато. — Я знаю, как все исправить! Быстро в душ! — полушепотом скомандовала она и приготовилась выжать сок из апельсинов. Я послушно пошел в душ. «По крайней мере, думать не надо, это уже хорошо», — промелькнула в моей голове странная мысль. Я стоял в душе и подставлял лицо под теплые струи. Ни о чем не думалось, голова была будто набита ватой, отвертками, рваным картоном, гвоздями, микросхемами, старыми пленками и осколками посуды. По-прежнему мучила жажда, но вода уже не лезла в глотку. Я внутренне ругал самого себя: зачем же я столько вчера выпил? Ведь это так больно и так неприятно. Я едва чувствовал себя, казалось, что это не мое тело, таким оно было непослушным. Очень хотелось есть, у меня сводило желудок, я хорошо чувствовал, где он находится. Но почему-то, как только я представлял что-то из еды, какой-то комок подкатывал к горлу. Захотелось набрать ванну и лежать там, пока похмелье не закончится. В эти минуты мне казалось, что это будет очень нескоро. Я потерял счет времени, не знаю, сколько минут я провел в душе, но когда я выбрался, Энни уже оделась и жарила яичницу. Увидев меня, она подошла и поцеловала меня.

— Фу, господи! Надо же было столько выпить! — она отвернулась от меня, но продолжала улыбаться. Видимо, злорадствуя, что с ней-то все в порядке. — На, лучше, выпей! — она протянула мне стакан свежесжатого сока. Я выпил его мгновенно, вкуса я по-прежнему не чувствовал.

— Что ты будешь, яичницу или омлет? — спросила меня Энни. Я не мог взять в толк, какая мне разница. И какая ей разница. — Что ты будешь? — повторила Энни вопрос. Я еще несколько секунд не мог ничего сказать, потому что меня как будто парализовало от ее вопроса. Я не понимал, зачем ей знать ответ и почему она не может решить сама.

— Яичницу, — наконец-то выдал я и сел за стол.

— Я все сделаю, ты лучше сиди, — сказала она, засовывая в тостер куски хлеба. Очень громко закипал чайник, я обхватил голову руками. Это было похоже на прибытие скорого поезда. Энни с сочувствием посмотрела на меня и растворила какую-то таблетку в стакане с водой.

— Должно помочь! Всегда только так спасаюсь! — сказала она, протягивая мне стакан. Мне уже не хотелось пить. Но это должно было помочь. Я решил выпить. На вкус обычная минеральная вода, но почему-то так трудно глотать.

Я ел яичницу из мягкого пластика или пенопласта. Я запивал ее апельсиновым соком, который был то невыносимо кислым, то безвкусным. Я чувствовал чарующие запахи еды, видел перед собой тосты, но на вкус все оказывалось просто никаким. Энни же с удовольствием доедала свой завтрак.

— Чудесные апельсины, правда? Очень сладкие! — она пила сок с видимым наслаждением. Я непроизвольно скривился. Умом я понимал, что, скорее всего, она сейчас права, а я не прав, и все вкусно, но мое чувственное восприятие меня подводило. На стол прибыл скорый чайник, шумно приземлилась тарелка со свежими тостами. Энни снова сочувственно на меня посмотрела.

Легче мне стало только вечером. Мы сидели на террасе, Энни зажгла свечи, пламя которых чуть колыхалось от едва уловимого ветра, сегодня, даже на большой высоте, он был совершенно не сильный и очень теплый. Мы пили чай. Вообще, я не большой любитель чая, но Энни настояла на своем. Возможно, именно сегодня это было тем, что надо. Мы сидели в мягких креслах друг напротив друга, я смотрел на нее, и все сомнения куда-то уходили, я просто смотрел на нее, как она любит закатными красками неба, как разглядывает раскрывшийся китайский цветок на дне стеклянной чашки. Я сидел и получал безумный кайф от того, что

не болит голова, что во всем теле чувствуется практически полное расслабление и совершенно не хочется думать ни о чем, кроме настоящего момента. Поэтому я с удовольствием вдыхал свежий воздух, да-да, здесь, на большой высоте, он свежий. Я смотрел на вечерние огни, потом закрывал глаза, затем снова смотрел и чувствовал только покой и умиротворение. Никаких желаний, кроме того, чтобы этот вечер не кончался как можно дольше.

— Ты знаешь, мы любили вот так сидеть. Мама, папа, Снежинка (это я) и Чип (это мой брат). Он любит всем прозвища раздавать! Знаешь, они еще вечно кааак прилипнут! Старших он, в смысле маму, папу, бабушку и остальных, конечно, не называл, но вот наших соседей... Слева от нас жили Гундос и Газонокосилка. У Гундоса были ужасные усы, он всегда говорил в нос и надевал старомодные штаны на подтяжках. Газонокосилка была здоровая такая баба с рыжими кудрявыми волосами, каждый месяц ходила в парикмахерскую, подкручивала их на мелкие бигуди и красила в противно-медный цвет. У нее был скрипучий голос, и она постоянно косила газон, по два раза в неделю! Надо сказать, газон был отличный, они ненавидели, когда наш кот пытался вырыть там ямку. Еще так вечно: «Милая, ты поосторожнее с кустами жимолости, когда будешь обрезать сухие ветки!» — Энни смешно пародировала голос Гундоса, и хотя я ни разу его не слышал, она передала его так живо, что я мигом все представил, как будто это происходило со мной. — «Дорогой, не указывай мне, пожалуйста. Я выросла в этом доме и не хуже тебя знаю, как обходиться с засохшими ветками жимолости!» — скрипела Газонокосилка и продолжала тарыхтеть, медленно продвигаясь из одной стороны сада в другую. И так они могли часами спорить о какой-нибудь несусветной ерунде. О том, стоит ли взрыхлять землю тяпкой или вручную, совочком. Чем лучше отпугивать дроздов от земляники и можно ли нарядить пугало в одежду

давно скончавшихся родителей Газонокосилки или это будет непочтительно? Как накрыть на стол, чтобы гости меньше съели? Какое мыло лучше положить у раковины перед их приходом? И, наконец, стоит ли подровнять усы? Не видела ли ты мои подтяжки с эдельвейсами, те, которые подарила тетя Клэр? — мы смеялись в голос, я даже чуть расплескал чай, так смешно Энни рассказывала про все это, такие корчила рожицы и так смешно гундосила и верещала, подражая Газонокосилке. Потом она рассказывала про других соседей, мистера Все О'кей, который даже с переломанными ногой и рукой улыбался, как начищенный пятак, и миссис Черри Пай, которая постоянно пекла пироги с вишней, клубникой и ароматными сливами, грушами и смородиной. И также постоянно жаловалась, что проклятые новомодные диеты не действуют, хоть плачь.

Мы еще долго смеялись, рассказывая друг другу разные истории из детства и не только. Солнце уже давно зашло, и свечи отбрасывали причудливые тени на наших лицах, на всем вокруг. Я залюбовался на игру цветов и света: света от пламени и цвета наступающей ночи, цвета ее ладоней и остывшего в стеклянном чайнике чая, ее глаз, которые теперь казались осколками ночи. Залюбовался игрой света на темном деревянном полу террасы и тем, как дрожали на едва заметном летнем ветру маленькие язычки пламени. Было тихо. Очень тихо для Нью-Йорка. Только где-то далеко внизу слышались звуки ночного города, гудки машин и приглушенный звук их моторов. Горели окна. Сотни, тысячи, миллионы, нет, даже миллиарды окон. Совсем близко от нас красовался Эмпайр Стайт Билдинг, почти самое высокое здание в Нью-Йорке, если не считать Всемирный Торговый Центр, башни которого виднелись чуть вдалеке. Жизнь, возможно, кипела внизу, а может быть, и наверху. Но здесь было удивительно спокойно. Я обнимал Энни за плечи.

— Так тепло, даже не верится, что совсем скоро наступит осень... — прошептала Энни.

Сегодня я пришел в офис раньше обычного, еще почти никого не было, я дошел до своего кабинета, включил кофемашину, компьютер и развернул газету. Хотелось просто побыть одному, почитать, подумать о чем-нибудь, а заодно настроиться на рабочий лад. Выходные выдались так себе, я задумывал их как что-то грандиозное, собрал друзей, и мы все поехали в охотничий домик, принадлежавший моим родителям, в ста километрах от Нью-Йорка. Думал, будет весело и интересно, но Энни, оказывается, хотела побыть со мной наедине, а это означает «с тобой и только с тобой». Джонни был какой-то задерганный и постоянно жаловался, что нет Интернета. Миранда разболелась и все время говорила, что ей позарез нужно поправиться к какой-то очень важной встрече во вторник, только Клиффорд и Альфред веселились на полную катушку, но, к моему великому сожалению, слишком сильно и слишком рано напились. В общем, как обычно и бывает, если возлагаешь слишком большие надежды — ничего толком не удастся, несмотря на то, что все предусматриваешь. Я отогнал от себя все эти суетные мысли, мне это было сейчас не нужно.

Я выпил кофе, кофе тоже показался мне не очень вкусным. Окончательно я разочаровался в этом утре, когда прочитал заголовки газет. Какая-то полнейшая скука. А может быть, просто у меня такое настроение? Я вздохнул. Тут в кабинет зашла Мини Пэм и пожелала доброго утра. Я даже как-то обрадовался ее появлению. Через пятнадцать минут мимо пронесся Дейл. А еще через четверть часа я сидел на скучном совещании и изучал присутствующих. Корнелия Питтс все так же внимательно слушала отца да и вообще практически всех присутствующих, чуть тербила золотой браслет на руке и едва заметно поправляла прическу или наматывала на палец один из своих многочисленных черных,

как смоль, локонов. Киндси отложил газету и тоже изучал присутствующих взглядом старого, разморенного на солнце кота.

Отец говорил, как и всегда, негромко и размеренно:

— На данный момент страхово́й бизнес переживает не лучшие времена. Из-за ситуации на фондовом рынке, к сожалению, выгоднее инвестировать деньги в акции, чем в страховые компании. Сейчас в целом, будем реалистами, наблюдается экономический спад. Однако в этом есть и положительные моменты для нас. Можно наблюдать огромное количество банкротств мелких и средних страховых компаний, что нам, в итоге, на руку. Некоторая всемирно известная компания уже докатилась до того, что готова страховать от любых катаклизмов. Один из руководителей этой компании даже внес предложение о страховании от падения метеорита... — отец ухмыльнулся и отпил воды из запотевшего стакана. Я невольно потянулся за своим стаканом и тоже сделал глоток, хотя я не хотел пить. Но вода была холодная, освежающая, даже сладкая. И от этого вдруг, на какое-то мгновение, пока она не согрелась на языке, стало не так скучно.

Время до обеда тянулось безумно долго, мне, как назло, было совершенно нечего делать, такое иногда бывает на работе, но приходится сидеть на своем месте сначала до обеда, а потом до конца рабочего дня. Ведь если сын шефа вдруг будет уходить и приходить, когда ему вздумается, мало кто это оценит. Хотя все, безусловно, поймут. И, возможно, даже ожидают этого от меня. К счастью, такое безделье случалось редко. Но вот сегодня я сидел у себя и смотрел на часы. Сорок минут до обеда. Рисовал в блокноте, убирал с монитора лишние стикеры, переписывал планы в еженедельнике, расставляя все по приоритетам, рисовал на полях, мечтал о чем-то невнятном: как было бы здорово посидеть где-нибудь в кафе на свежем воздухе, понаблюдать за тем, как туристы кормят голубей, полюбоваться на девушек, заказать

чего-нибудь особенного и национального. Одним словом, хотелось вернуться хотя бы ненадолго в Европу, сменить обстановку и жить другой жизнью. Быть свободным. Писать, когда хочу и о чем хочу, может быть, для какой-нибудь небольшой газеты для начала. Снова смотрел на часы. Тридцать минут до обеда. Навел порядок в выдвижном ящике, выкинул восемь непишущих ручек и три сломанных карандаша, обнаружил кучу всяких ненужных вещей: гнутые скрепки, засохший скотч, замазку, монетки, ключи... Чего там только не было! И зачем я положил туда все это и, главное, когда? Двадцать семь минут до обеда. Протер и без того чистый монитор. Попросил Пэм принести кофе. Разобрал бумаги на столе. Выкинул половину в мусорное ведро. Двадцать минут до обеда. Нашел головоломку. Пять минут до обеда, звонит Джонни. Вижу его внутренний номер. Пэм нас сразу соединяет.

— Ну, ты идешь? — нетерпеливо говорит он. — У меня уже желудок сводит!

— Иду! — говорю я, спешно откатываясь от стола на кресле.

Вечер, как ни странно, наступил намного быстрее. Сами собой появились разные дела, я сразу собрался, почувствовал ритм и включился в работу, да и весь офис заметно ожил после обеда. Так было до пяти. В пять все снова стали поглядывать на часы в ожидании конца рабочего дня. Отец вызвал меня к себе. По его тону я понял, что все в порядке, и с легкой душой пошел в его кабинет.

Отец сидел, нарезаая яблоко своим любимым швейцарским ножом. Он посмотрел на меня из-под своих кустистых бровей, улыбнулся и глазами указал на кресло перед ним. Наверное, я был одним из немногих, кто себя чувствовал в этом кресле не как перед лицом святой инквизиции.

— Любишь суши? — спросил он. Я не мог взять в толк, с чего вдруг такой вопрос.

— Вообще я не очень большой ценитель японской кухни... — сказал я уклончиво.

— Возможно. Это и не важно, — сказал отец, вычищая семена из яблока. — Завтра полетишь в Токио. Я уже дал распоряжение твоей ассистентке, чтобы забронировала тебе билеты на самолет. Это ненадолго, — говорил отец, очевидно, чтобы не дать мне опомниться, — всего на недели две-три, может быть, немного больше. Он говорил, как и всегда, мягко, но при этом безапелляционно. Тем не менее я был рад этой новости. Давно хотелось как-то сменить обстановку, развеяться, разобраться в себе. Отношения с Энни становились все более напряженными, возможно, мне просто была нужна передышка от ее нескончаемых клятв, объятий и ласк, а может быть, мне нужно было просто признать что-то очевидное. В общем, я был рад возможности уехать ненадолго.

— Рейс завтра, в первой половине дня, не помню точно когда. Спроси у Кристи, так, кажется, ее зовут, — сказал отец.

Ровно в шесть наш разговор с отцом закончился, и он стал собираться. Мы попрощались, я передал привет маме.

Через каких-то четверть часа мы снова сидели в нашем любимом баре с Джонни. Последний раз мы были здесь недели три назад и страшно напились. Снова слышался звон тяжелых пивных кружек о деревянные столы, и снова смешивались в причудливую вечернюю мелодию голоса совершенно разных людей. Приглушенно играет музыка, и снова кто-то играет в автоматы, слышны щелчки игровых панелей, звон и смех. Шумит кофемолка, гремят кубики льда. Открывается дверь — звенит колокольчик. Все как всегда. Я сижу, развалившись в старом кожаном кресле, Джонни приносит Куба Либре и садится в кресло напротив.

— Когда мы тут в прошлый раз напились? Недели три прошло? — спросил он, глядя на меня как-то странно.

— Да, недели три, конец августа был. А что? С чего это ты предаешься воспоминаниям? — сказал я, улыбнувшись. Джонни посмотрел куда-то в сторону, причудливо сложил губы в недовольную гримасу, цокнул языком, потом отставил стакан, будто собираясь что-то сказать, но вдруг замолчал.

— Ты чего? — спросил я. Мне были непонятны его метания.

— Да, пустяки... — он махнул рукой, но как-то неловко, будто был не уверен. — Хотя нет, не пустяки. Мы для этого здесь и сидим, — он потянулся за стаканом, сделал большой глоток и откинулся в кресле. — Помнишь тот вечер?

— Смутно, — сказал я.

— Вот и я. А тут, представь, такие дела... Мне Марта написала, — он вздохнул и посмотрел на меня, ожидая моей реакции. Я был немало удивлен.

— Марта? С чего вдруг она тебе написала?

— Да в том-то и дело. Она написала мне ответ, — Джонни как-то неловко улыбнулся.

— Ответ? — я повел бровями.

— Я ей в тот вечер написал огромное письмо, в котором во всем признался. Собственно, я все это время ждал, — Джонни многозначительно замолчал.

— То есть ты хочешь сказать, ты ей все-таки написал?

— Если можно так сказать. Тебе еще повезло выслушать меня в более-менее вменяемом состоянии в тот вечер, а ей я написал все то же самое, но намного более эмоционально. В общем, это, конечно, не пьяный бред (просто потому, что правда), но очень на то похоже.

— И что же она ответила? — спросил я, уже сгорая от любопытства.

— Всего несколько слов, я их наизусть помню: «Любовь никогда не приходит вовремя. Я должна была это знать»... У меня эти слова не идут из головы!

— Да, это она точно сказала про любовь. И уходит она тоже не вовремя... — сказал я почти в сторону.

— Мало того, я не понимаю, что она имела в виду. Что она вообще думает о том, что я написал. Я для нее, можно сказать, душу вывернул, а она две строчки в ответ...

— Послушай, ты ведь и сам ей всегда кратко отвечал, по крайней мере, тысячу лет назад она успела мне на это пожаловаться, — отметил я, покачав головой.

— Да, все-таки, я зря ей написал тогда, — сказал он разочарованно.

— Она же написала «Я должна была знать», значит, не зря, — заметил я.

— А может быть, она имела в виду, что любовь всегда приходит не вовремя и она должна была это знать... — задумчиво сказал Джонни.

— Может быть! — сказал я. — Не вовремя... Ненавижу это «вовремя»! Кто решает — вовремя или нет!

— Да уж! По-моему, всегда не вовремя! — сказал Джонни, допивая коктейль.

— Может быть, то, что сейчас не к месту и не ко времени, через несколько лет покажется верным. Бывает же так? — спросил я. Я и сам не знал ответа на этот вопрос. Просто хотел поразмышлять.

— Может, и так. Что бы с тобой сейчас было, если бы вы были вместе с Полин? А ведь она тебя в свое время отравила этим «не вовремя»... — Джонни охотно включился в размышления о любви. Видимо, ему это было наконец-то близко, потому что он сам был влюблен, пусть и несчастно.

— Я вообще не понимаю, почему это так важно — вовремя или нет. Все кругом буквально прицепились ко времени, вечно эти «пора», «слишком поздно», злосчастное «вовремя», постоянные вопросы «когда». Родители начинают интересоваться, когда я их

познакомлю с Энни, а Энни интересуется, когда я ее познакомлю с ними. А я сейчас вообще думаю, а нужно ли это.

— Ты еще погоди. Познакомишь, и начнутся расспросы: «Когда вы поженитесь?», «Когда вы заведете детей?» и прочее, прочее, прочее. Ничего не сможешь утаить.

— Это точно! — сказал я. Я вдруг улыбнулся, вспомнив похожие вопросы на годовщине у родителей.

— И вот уже вся тайна, вся магия любви разложена на полки. Подруги оценили твою любовь по кольцу на ее пальце, родственники поняли, что все серьезно, по дате, указанной в приглашении. Дальше надо идти четко по расписанию, а если вдруг что-то происходит вне этого ритма, всем вдруг надо срочно выяснить, в чем же проблема. Но все это якобы вежливо и тактично, якобы ненавязчиво, — сказал Джонни язвительно. И я был готов с ним согласиться.

— Но ведь любовь-то от этого никуда не девается? Она существует для двоих, а остальные видят ее по проявлениям.

— Какое-то время, а потом сами влюбленные начинают искать те же проявления, чтобы проверить, жива ли она еще, эта любовь, и если их не находят — расстаются. Вот и все волшебство, — сказал Джонни. — Но знаешь, я бы сейчас очень многое отдал, чтобы просто побыть с Мартой наедине и поговорить обо всем. Чтобы увидеть ее и сказать ей какой-нибудь комплимент, и пусть другие видят это как формальность, а для меня это будет настоящее...

— Что ты будешь пить? — спросил я, была моя очередь идти к стойке.

— Возьми еще виски с колой, не хочу сильно напиться, завтра в девять утра встреча в ВТЦ, — отвечал Джонни. Я кивнул, заказал ему виски с колой, сам взял чистый виски со льдом.

Мы еще долго говорили, и время летело незаметно. Мне было удивительно слушать его слова любви, он будто бы изменился,

осознав, что любит Марту. И пусть он все еще оставался довольно циничным, все-таки он больше не отрицал любовь и сам был готов любить, и жаждал ответной любви, хотя, конечно, надеяться было не на что.

Незаметно для себя Джонни перешел на чистый виски, потом выпил еще Б-52 за компанию со мной, а потом я не помню, опять выпили.

Все так же временами шумела кофемолка, и бармен что-то смешивал в шейкере, гремя кубиками льда, гул голосов сгущался и наполнял не только весь зал, но и всего меня, так мне казалось. Звенел колокольчик. Кто-то входил и выходил. Мимо иногда проплывала хорошенькая официантка, новенькая. Все линии потеряли строгость, стали размываться. И вот уже я смотрел на стену бара и думал, а что было бы, если бы весь дом был мягким, как диван. И как было бы хорошо сейчас прилечь. Ноги меня больше не слушались, я понял, что сильно опьянел, и мне было очень хорошо. Я чувствовал себя почти так же хорошо, как в тот день, на Елисейских полях, когда я лежал, разморенный солнцем, на траве. Я потянулся к бокалу, виски в нем осталось совсем немного, лед тоже заметно растаял. Холодное стекло приятно касалось кончиков моих пальцев. В баре становилось жарко и даже душно, поэтому держать холодный бокал было очень приятно. Джонни, чуть покачиваясь, принес по огромному стакану колы.

— Хотя, наверное, слишком поздно добавлять это к виски! — сказал он, глупо хихикнув. Я рассмеялся.

Когда мы вышли на улицу, я сразу стал жадно вдыхать свежий воздух. Только теперь я вдруг понял, как же было душно в баре и какой там царил гомон.

Джонни вдруг щелкнул зажигалкой. Я недоуменно посмотрел на него:

— Ты же не куришь!!!

— Только когда нервничаю и напиваюсь! — сказал он, затягиваясь.

— Что-то я за тобой раньше такого не замечал! Ты уже давно бросил! — я старался дышать в сторону.

— Я просто нервничаю сильнее обычного... — он снова затянулся и прикрыл глаза. — Кстати, от нервов отлично помогает одно проверенное средство...

— Интересно, какое еще? — спросил я.

— У тебя дома есть ром и апельсины? — спросил Джонни.

— Кажется, я понял, о чем ты, — сказал я, подмигнув ему.

Энни вернулась ко мне на квартиру пятью минутами позже нас, тоже навеселе.

— А я с Мирандой и Элис была «На седьмом небе», классно потусили, но какое же везение, что вы здесь! Я бы еще выпила пару коктейльчиков!!! Миранда сегодня тормозила, потому что у нее завтра какая-то гиперважная встреча, а Элис таинственно улыбалась и пила только безалкогольные. Ой! Я обещала никому не говорить и вот, уже, кажется, проболталась... — она рассмеялась.

Джонни уже был за домашней барной стойкой.

— Есть в доме корица? — спрашивал он, открывая бутылку темного рома.

Заснули мы поздно. А вот разбудил нас телефонный звонок.

— Господи, да выключи же ты его! — пробормотала сонная Энни, накидывая подушку на голову. Было слышно, как Джонни подскочил с дивана, но телефон все звонил и звонил где-то, а он не мог его найти. Я невольно простонал, увидев, что на часах всего шесть утра. Наконец, Джонни его нашел.

— Да! — недовольно пробурчал он в трубку. — Говорите громче, вас не слышно! Кто? Когда? Марта, ты??? Ты уже в Нью-Йорке? — Джонни почти кричал в трубку, его было отлично

слышно, хоть он и находился в гостиной. Энни спряталась под одеяло и отвернулась. А у меня почти весь сон как рукой сняло. Через минуту Джонни высунул голову в полуоткрытую дверь нашей спальни:

— Пссс, Алекс! Не спишь? — шепотом позвал он.

— Заснешь тут! — проворчал я, не скрывая улыбки.

— Ты понял, да? Марта прилетела! Я должен ее встретить, должен!!! — глаза Джонни горели. Потом он вдруг вспомнил про встречу. — Черт, как же не вовремя! Я опоздаю, нет, я просто не приду туда! Потому что, на самом деле, это встреча не вовремя, а Марта, Марта... Эх! Далеко отсюда до аэропорта Кеннеди? Может быть, я все успею сегодня?

— Если очень поторопишься! — сказал я улыбаясь.

Джонни быстро оделся и выскочил из квартиры. Я закрыл за ним дверь, доплелся до постели и, очутившись на теплой простыне, рядом с Энни, мигом провалился в глубокий сон человека, знающего, что сегодня утром ему не надо на работу.

И вдруг — грохот. Ужасающий. Сильный. Я понимаю, что это реальность, а не сон, по тому, как сильно дребезжат стекла в моих огромных окнах. Становится страшно. Энни вскрикивает, вскочив с кровати. В едином порыве мы несемся к окну, чтобы понять, что же происходит. Но перед нашими глазами картина, в которую сложно поверить. Северная башня Всемирного Торгового Центра горит, как факел. Густой черный дым поднимается в небо. Ни я, ни Энни не можем вымолвить ни слова. Мы стоим обнявшись и как замороженные смотрим в окно, пытаемся понять, что же происходит. Я чувствую, как Энни дрожит. Что это? Я не могу понять. Я отхожу от окна, чтобы включить телевизор.

— Нет, не отходи от меня! Мне страшно! — говорит Энни чуть не плача. Я нахожу пульт, делаю громче и снова смотрю в окно. Я крепко сжимаю руки Энни, кончики ее пальцев холодные

и влажные. Из динамиков доносятся сбивчивые слова репортеров. Они тоже не понимают, что происходит.

И вдруг, Энни снова вскрикивает — прямо на наших глазах во вторую башню влетает самолет!!! Снова дребезжат стекла. Я стою, оцепенев... Мы смотрим в окно и не можем поверить в происходящее. Вроде бы это происходит здесь и сейчас, но все это настолько неправдоподобно и невозможно, что кажется кадром из фильма. Только это происходит на самом деле.

Мельком смотрю на часы. Девять часов, четыре минуты.

— Да что это такое? — в панике спрашивает Энни, буквально прилипнув к окну. — Это война? Началась война? Террористы? Что это?

— Я не знаю, Энни! — прохрипел я, мой голос почти сорвался на крик, но не от злобы, а от слишком сильных эмоций, я не мог понять, что происходит и что мне сейчас делать, последуют ли еще атаки? Что происходит на верхних этажах? Эвакуируют ли людей? Сколько пострадало от пожара? Нужна ли им помощь? Чем я могу им помочь? И снова этот вопрос в голове — что же делать? В новостях по телевизору без конца повторяют одни и те же кадры, как во второй небоскреб врезается самолет. Сообщают, что началась эвакуация людей из горящих зданий, что доступ к верхним этажам осложнен, что все спускаются пешком. Пешком! С уровня девяностого этажа! К зданиям прибыли пожарные машины и кареты скорой помощи, кругом царит паника, репортеры говорят отрывочно, едва успевая набирать воздух в легкие.

Как робот, хожу по квартире. Одеваюсь, ставлю чайник, включаю кофемашину. Но не выпиваю ни глотка, не лезет в горло.

Вдруг я вспоминаю о Джонни. У него ведь встреча назначена там! Я скорее набираю его номер. Связь барахлит.

— Алекс! — слышу я его голос в трубке и с облегчением выдыхаю.

— Ты где?

— Я в порядке! — отвечал он. — Я перенес встречу... — связь вдруг прервалась. Но больше ничего и не нужно было знать. Энни пытается найти телефон. Дрожащими руками набирает номер Миранды.

— Миранда? Миранда? Ты слышишь меня? Слышишь? С тобой все в порядке? Все в порядке, спрашиваю? Как это в ловушке? Ты не можешь спуститься? Слышишь, все будет в порядке! Вас обязательно эвакуируют, Миранда! — кричала в трубку побледневшая Энни.

По телевидению показывали, как из окна на верхних этажах кто-то машет белым платком или рубашкой.

— Связь прервалась! — Энни, вытирая слезы, подошла ко мне. — Миранда в ловушке! Они заблокированы на верхних этажах, там распространяется пожар! Душно и жарко, она даже кашляла в трубку, Алек! Их ведь спасут, да? Их спасут? Все будет в порядке? — она смотрела в мои глаза, будто я мог ей ответить на эти вопросы. Я только крепче обнял ее и сказал:

— Конечно, они сделают все, что возможно... Все будет хорошо, Энни, все будет хорошо...

Но из динамиков доносились совсем другие слова. Энни снова набирала номер Миранды, но связь не устанавливалась. Я звонил отцу, чтобы узнать, все ли в порядке, хотя он, конечно, должен был быть в офисе.

— Все в порядке, сынок! — слышал я его голос. — Я так рад тебя слышать!

Я во все глаза смотрел то в окно, то на экран, но каждый раз ловил себя на том, что, несмотря на реальность всего происходящего, никак не могу осознать до конца того, что происходит. Шло время. С каждой минутой становилось все беспокойнее, пожар усиливался, показывали, как кто-то, не выдержав,

выбрасывается из окна. Энни смотрит на экран и глаза ее полны слез.

— Миранда! Я не могу до нее дозвониться! — говорит она дрожащим от волнения голосом. — Я не верю, что это происходит с ней! Почему они не посылают вертолеты?

— Вертолетам мешает дым от пожара... — я держал ее за руку. — Наверное, наверх послали пожарных, сейчас всех эвакуируют, пожар потушат, и все будет в порядке.

— Тогда почему тут все повторяют, что они в ловушке? Они отрезаны! К ним не обратиться? Что же будет, что будет... — Энни нервно постукивала пятками по полу и ерзала на диване. — Я ведь совсем ничего не могу сделать...

— Я заварю тебе чаю... — я встал и направился на кухню, ей просто необходимо было успокоиться. Медленно и уютно зашумел закипающий чайник. Я наполнил чашку горячим чаем и аккуратно поставил ее на блюде, понес в гостиную, к Энни. Она уже поднялась с дивана и снова стояла у окна, впиваясь глазами в даль. Там, далеко, за шпилем Эмпайр Стейт, за силуэтами многих других небоскребов, стояли башни-близнецы, и вверх поднимался густой столб черного дыма. Свежее, яркое утреннее голубое небо было отравлено этим едким дымом. Вдруг чашка задрожала в руках, упала на пол и разбилась, кипятик чуть задел мою правую ногу, но я даже не заметил этого. Южная башня обрушилась. Энни закричала от ужаса. Южная башня обрушилась. Неумолимо быстро, так быстро, даже для вдоха нужно больше времени. Быстрее, чем песок сквозь пальцы, быстрее, чем можно было бы себе представить. Как удар гильотины. Быстро и безвозвратно. Я остолбенел и не мог вымолвить ни слова. Сердце ушло в пятки, во рту пересохло. В эту секунду я, казалось, почувствовал миллиардную долю страданий и боли тех людей, что были там. Но мне этой миллиардной доли хватило, чтобы буквально захлебнуться в

горечи и каком-то животном страхе, которым наполнилось все мое существо. Этот страх был не трусостью и не страхом предстоящей боли или чего бы то ни было еще. Я никогда в жизни не испытывал такого чувства, но ближе всего оно было именно к страху, позже я понял, что это был страх смерти. Это не тот страх, когда ты стоишь на большой высоте и думаешь, как бы тебе не упасть вниз. И не тот, который ребенок испытывает перед кабинетом зубного врача, не тот, который испытываешь, за секунду вывернув руль автомобиля, чтобы избежать столкновения — другой страх. Страх, в котором нет ни капли адреналина, чтобы бежать. Парализующий и всепоглощающий страх. Не за себя, Алекса Лоуренса, живущего здесь, в Нью-Йорке, а за какую-то другую сущность. Будто бы все эти люди были частью меня. Им отчаянно не хотелось умирать, хотелось жить, жить, жить и дышать. И вдруг их не стало. А я стоял у окна, смотрел на облако пыли, которое, как туман, расходилось по всему нижнему Манхэттену, и судорожно пытался дышать, как выброшенная на берег рыба.

Часть III

СПОКОЙСТВИЕ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я внезапно проснулся среди ночи и долго не мог прийти в себя. Оглянулся по сторонам — в полной темноте были едва различимы очертания небольшого столика, тумбы и шкафа, от окна шел приглушенный свет от растворенных в ночном небе огней вывесок, уличных фонарей и фар машин. Я вдруг понял, отчего я проснулся. Здесь был кто-то еще, кроме меня. Я долго вглядывался в темноту и, наконец, различил силуэт. Кто-то сидел в противоположном углу, у низкого журнального столика из стекла. Я вдруг почувствовал себя замороженным, как в детстве. Я смотрел в темноту, и чем больше вглядывался, тем страшнее мне становилось даже пошевелить рукой или ногой. Кто-то сидел в темноте, и его присутствие навевало на меня необъяснимый страх. Я сел на край кровати, ближе к незнакомцу. Теперь я начинал сомневаться, не сон ли это — я все еще не мог различить, мужчина это или женщина, не видел лица, не видел рук. Незнакомец сидел без какого-либо движения все те несколько десятков секунд (или уже минут?), что я его изучал. Наконец-то глаза привыкли к темноте настолько, чтобы различить знакомые черты. Изумлению моему не было предела. Передо мной сидела Миранда. Она сложила руки на коленях и смотрела мне прямо в глаза, пронзительно и немного жутко. Но я был очень рад тому, что с ней все в порядке, что она жива. Одного только не мог понять, что она делает здесь.

— Миранда? — спросил я.

— Да, — отвечала она спокойным ровным голосом.

— Энни знает? Ты заходила к Энни?

— Да, — все так же ровно отвечала она. — И к тебе зашла. С вопросом.

— Что ты хотела спросить? Почему среди ночи? — недоумевал я. Страх вдруг куда-то ушел, и мне самому стало смешно, с чего я вдруг так испугался. Лицо Миранды вдруг потемнело, может быть, за окном погасли фонари или просто стало темнее, но теперь мне снова нужно было напрягать зрение, чтобы разглядеть ее в темноте. Мне снова стало жутко. Лицо было почти пепельно-серого цвета, и только брови, нос, подбородок и губы казались чуть светлее. По лицу пробежали какие-то тени или, наоборот, сполохи, сложно было понять. Губы ее потрескались, как у человека, которого измучила жажда, стали белыми, как зола.

— Почему это произошло со мной? — спросила Миранда надрывно, исходя на крик. И вдруг вся покрылась маленькими трещинами, сквозь которые было видно огонь и жар, прорывавшиеся изнутри. Миранда вдруг рассыпалась, на моих глазах превратившись в тысячу тлеющих углей. Я вскрикнул от неожиданности и проснулся.

— Эй, мистер, с вами все в порядке? — хлопал меня по плечу сосед. Я огляделся. Я был внутри самолета. Начинало закладывать уши. Стало не по себе, ужасно не по себе. Я в ужасе глянул в иллюминатор, в нем виднелись какие-то высокие строения, сердце безумно колотилось в груди. Неужели это — очередной кошмар? Нужно немедленно проснуться, проснуться, но как? Если на этот раз мне снится, как я разбиваюсь в том самом самолете, я больше не хочу испытывать боли во сне! Я хочу проснуться! Я стал напряженно думать о том, что нужно проснуться, и одновременно разглядывал небоскребы в окно. Ни один из них не был мне знаком, вдали виднелась гора, покрытая снегом.

— Самолет совершит посадку в аэропорту Нарита через двадцать пять минут... — послышался в динамиках голос стюардессы.

Я мысленно выругался. Все это было слишком похоже на правду, слишком реалистично. Я попросил воды.

В аэропорту Нарита меня встретил Макото, мой переводчик, личный помощник и гид по Токио и всей Японии. Он стоял с табличкой, на которой были написаны мое имя и фамилия, аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Макото был сильно ниже меня ростом и носил, как и многие японцы, прямоугольные очки в тонкой оправе. Он улыбался, но старался не смотреть мне в глаза. Мне это сначала показалось странным, но потом он мне объяснил, что в Японии это является признаком уважения. Он же научил меня кланяться при приветствии, не слишком глубоко и не слишком долго, но все же достаточно для того, чтобы любой собеседник прочувствовал мое уважение к нему. Японцы не ждут от людей с Запада знания своих тонких правил приличия, тем лучше, если иностранец их соблюдает.

Мы ехали по многолюдным улицам, я смотрел в окно. Токио похож на Нью-Йорк: такие же гигантские здания кругом, огромные стеклянные окна, большие рекламные щиты и вывески. Маленькие, как муравьи, люди, стремящиеся каждый по своим делам. Постоянная суэта, упорядоченная ритмами светофоров, контролируемая немолчим ходом часов, нарушаемая случайными витринами, на которые так легко засмотреться, и окончательно исчезающая за дверями какого-нибудь ресторанчика или кафе, где неспешно заваривают зеленый чай с жасминовым ароматом и подают искусно украшенные блюда из всевозможных редкостей и деликатесов.

Когда мы приехали в гостиницу и я переоделся с дороги, Макото позвонил и участливо спросил:

— Возможно, мне не стоит беспокоить Вас сегодня, мистер Лоуренс? Вероятно, Вы хотите отдохнуть?

— О нет, Макото, я бы предпочел провести вечер иначе... — сказал я так, что Макото, вероятно, понял: спать я хочу меньше всего на свете.

Тогда Макото показал мне один из лучших ресторанов Токио, где научил меня не только, как есть палочками, но и как правильнее обращаться с тем или иным традиционным блюдом. Это было нужно, чтобы я не совершил ошибку после уже успешно проведенных переговоров и не свел на нет все наши старания по достижению взаимопонимания. Сложнее всего есть лапшу: держать миску на уровне сердца и, погружая в нее палочки, извлекать ее и буквально всасывать в себя. Звуки получаются те еще, но японцы считают это нормальным. А еще этот адский васаби, который в тысячу раз острее того, что подают в Нью-Йорке. С ним надо быть очень осторожным, пожалуй, таким же осторожным, как с тетушкой Джесс или мамой.

Стол из темного дерева был уставлен всевозможными блюдами: морскими водорослями ярко-зеленого и болотного, даже бурого цвета, живыми улитками, огромными креветками на шпажках, суши, роллами и сашими, тушеным мясом под каким-то изысканным соусом, грибами, моллюсками, трепангами и, конечно же, рисом. Рис, как мне объяснил Макото, крайне нежелательно недоедать, так как японцы очень трепетно к нему относятся. Впрочем, это было не трудно, так как в Японии все блюда подают в маленьких мисочках, здесь главное — разнообразие стола, а не сытность какого-то определенного блюда. Как в Китае, Индии и многих других восточных странах, важно, чтобы на столе присутствовали четыре основных вкуса: сладкий, горький, соленый и кислый. Однако японцы подчеркивают естественный вкус блюда, а не изменяют его до неузнаваемости, руководствуясь все теми же правилами гармонии. От всего разнообразия разбегались глаза, некоторые блюда очень хотелось скорее попробовать, другие же, наоборот, пробовать совсем не хотелось.

— Есть две новости, мистер Лоуренс. Одна хорошая, другая плохая, — улыбаясь, сказал Макото. — Какую хотите узнать первой?

— Пожалуй, сначала плохую, — сказал я.

— Чтобы не обидеть пригласившего Вас человека, необходимо попробовать все блюда, которые есть на столе. Часто некоторые из них могут быть очень редкими и дорогими, и ему будет обидно, если Вы откажетесь от таких восхитительных деликатесов, — Макото вежливо улыбнулся, поглядывая на трепангов и улиток. Улиток мне уже приходилось есть, правда они были не полуживые. Я вздохнул, предчувствуя, что мне будет нелегко освоиться с этим правилом.

— Вторая новость заключается в том, что Вы не обязаны доедать то блюдо, которое попробовали. Вы вообще можете попробовать по кусочку из каждого блюда, и это будет вежливо. Вежливее, чем, если бы Вы вдруг накинулись на одно и больше ни к чему не притронулись.

Поздний вечер настал незаметно, зато я отвлекся от невеселых мыслей и был готов к завтрашним переговорам.

Макото поправил галстук и улыбнулся нашим партнерам. Он немного нервничал, но встреча прошла хорошо. Макото был моим переводчиком, но мы уже успели подружиться за те три недели, что я здесь. Он помогал мне правильно себя вести на переговорах. Эти японцы просто помешаны на вежливости, и чтобы все прошло успешно, надо принимать их правила. Например, первое время я думал, что для успешного делового контакта необходимо смело, но не вызываяюще, смотреть в глаза оппоненту или собеседнику. Макото объяснил мне, что в Японии так делать не принято и по возможности следует избегать частого контакта «глаза в глаза». Для их культуры, как мне объяснил Макото, очень важен социальный статус и возраст, от этого зависит и то, как следует здороваться, благодарить, смотреть на собеседника и многое другое. Также он объяснил мне, что не стоит первым протягивать руку для приветствия, куда вежливее учтиво поклониться. Конечно, японцы сами активно перенимают западные модели поведения и культуру, но

все же при соблюдении их правил становятся намного доброжелательнее и сговорчивее. Японцы вообще очень сдержанные, я как будто попал в страну с антропоморфными роботами.

— В следующий раз, мистер Лоуренс, сразу и прямо не говорите, чего бы Вы хотели добиться в результате переговоров. Это невежливо. Следует говорить намеками. Я позволил себе исправить эту маленькую Вашу оплошность при переводе... — говорил Мамото мягко, отводя взгляд.

— Почему невежливо? Разве вежливо тратить время на долгую игру в кошки-мышки? — спросил я в недоумении.

— Кошки-мышки? — задумчиво переспросил Мамото. — Нет, невежливо. Можно прямо сказать, что Вы хотите, но намеками, — Мамото искренне улыбнулся. Я улыбнулся в ответ. Забавно, все это так непривычно. Как и то, что к человеку не стоит подходить слишком близко. Это знает любой американец, просто понятия «слишком близко» у нас разные, и это тоже надо помнить. То, что у нас допустимо, у них может быть оскорблением. Японцы, так же как и мы, помешаны на работе, но у них совершенно другая мотивация. Американцы работают ради денег, ради собственного успеха. Японцы готовы пропадать на работе ради престижа организации, в которой работают. Их старания направлены на результат, общий результат. Это меня потрясло. За те три недели мне так и не удалось толком отдохнуть, в свободное время я готовил презентации для наших будущих партнеров, документацию и прочие материалы. Для японцев очень важно создать первое впечатление, а его можно подкрепить только реальными примерами, четкими цифрами, хорошо читаемыми графиками. Не могу сказать, что это было плохо, это помогало отвлечься от дурных мыслей. Я познавал людей и страну. Я ощущал себя почти ребенком и часто чувствовал, что ко мне относятся, как к ребенку, снисходительно прощая мои промахи. Мне нужно было заново учиться есть, пить, сидеть, ходить, здороваться и прощаться,

говорить. Все было ново: как правильно держать в руках палочки, можно ли есть полуживых улиток и когда можно пить чай. Как правильно сидеть на татами и как три раза переодевать тапочки, если ты в гостях. Что говорить хозяину дома, когда лучше молчать. Все совсем иначе, и хотя в западной культуре тоже принято скрывать эмоции и относиться уважительно к людям, в Японии все это намного серьезнее и чувствуется острее. Ритуалы составляют основу жизни, бытия, саму культуру. Японцы на переговорах очень сдержанны, их требования и вопросы тяжело сразу понять, несмотря на помощь Макото. Они, как может показаться на первый взгляд, не очень уверены в себе. На самом деле они прекрасно знают, чего хотят, они жесткие, даже агрессивные бизнесмены, но этой агрессии нигде не будет видно: ни один из них не посмотрит неуважительно в твою сторону, никто не потребует чего-то громко и безапелляционно, переговоры — не бой двух лисов, а игра в шахматы.

Конечно, три недели — слишком маленький срок, чтобы понять о культуре страны, в которой ты оказался, хоть что-то, кроме достаточно поверхностных фактов. Однако когда я прилетел в Токио, я знал о Японии еще меньше.

Да, шумный город, полный огней, такой же, как и Нью-Йорк, только еще больше, громче, суетливее и шумнее. Еще меньше времени. Да, климат здесь теплее, чем у нас, и запах моря чувствуется лучше. Да, японцы, действительно, в большинстве своем, довольно невысокие люди, если не сказать маленькие. Среди них гораздо меньше страдающих ожирением, особенно это касается женщин. Да, азиатки красивые. Да, они едят суши, много суши. И риса, и рыбы, и много еще чего едят, в том числе всякой гадости — на мой западный вкус. Японские женщины... В них больше женственности, возможно, потому что больше покорности. Крайне редко можно встретить женщину-начальника, и пока я отметил, что у женщин-начальниц все подчиненные — тоже женщины. Макото

рассказал мне, что его жена набирает ему ванну, когда он приходит домой. И это не любезность, не что-то из ряда вон выходящее, а норма жизни. Как если бы американка просто спросила: «Как прошел твой день?». Его жена каждый раз тщательно и с тончайшим вкусом сервирует ему ужин и завтрак, а в выходные еще и обед. Она покорна, она смиренна. Но у нее острый язык и живой ум. Те японки, которые предпочитают как можно дольше оставаться свободными, а таких сейчас все больше, тоже тихие, с первого взгляда. Робкие и забитые мышки. Одеваются неброско, приносят кофе начальнику, чуть отведя глаза в сторону, придерживают зонт, пока он садится в машину, бесконечно кланяются, говорят очень тихо. Однако у них есть четкое мнение и железный стержень внутри, они просто не демонстрируют его, как американки. Так мне сказал Макото, и я был склонен ему верить.

И да, типичный токиец — мужчина маленького роста, с темными прямыми волосами, аккуратно подстриженными и причесанными, в очках, с бледной, чуть смуглой кожей. У него небольшие кисти рук, в которых он сжимает кейс или папку с бумагами, на нем серый, черный или темно-синий костюм, светлая рубашка и галстук, какие-то часы, лакированные ботинки черного цвета. Он спешит. Он не смотрит вокруг. Он идет на работу. Говорят, здесь похвально, если ты горишь на работе. Это норма.

На самом деле этот шумный город полон тишины. Потому что все эти гудки торопящихся машин, стук дверей, шум офисной техники, шорох бумаг, чьи-то шаги, миллионы шагов, миллионы голосов, миллионы звонков мобильных телефонов — все это и еще многое-многое другое на самом деле не имеет смысла. Чуть больше месяца назад тысячи таких же людей в совершенно другой точке света, на Манхэттене, шли во Всемирный Торговый Центр. И так же пикали припаркованными машинами, гремели ключами, шуршали документами. Так же нервно посматривали на светофор

и никому не смотрели в глаза, так же шли договориться о чем-то, что в конечном итоге должно было повысить уровень продаж или сбить цену чьих-то акций. И эти люди, все до единого — не индизказательно, а совершенно реально, по-настоящему — сгорели на работе. Они задыхались, они стучали в окна и двери, они выбрасывались из окон, они в отчаянии бежали вниз по лестницам, надеясь выжить. Возможно, кто-то из них понял, что же такое жизнь, наконец. Кто-то впервые за последние десять, двадцать, тридцать и даже сорок лет снова, как в детстве, по-настоящему вдохнул. Десять, двадцать, тридцать или сорок секунд вдыхал, осознав, что же такое жизнь. Его не стало. И что же? Мы оплакали их. И еще долго будем скорбеть о них. Но вот, все новые и новые люди продолжают жить в слепоте. Люди больших городов близоруки. Нет, не только японцы в этих похожих очках. Нет, не только они. Мы все близоруки. Мы живем в огромных городах, настолько огромных, что вынуждены пользоваться картой или навигатором, чтобы добраться до незнакомого места, а оно в этом городе есть, и не одно, даже если мы здесь родились. Мы видим пешеходный переход, свет светофора, ноги прохожих, монетки под ногами, какой-то мусор, проезжающие машины (кстати, вон та мне нравится, я бы такую купил), спидометр, дворники, руль, и снова видим пешеходов, людей, людей, толпы людей. Рекламу, окна. Огромные здания. Разве в большом городе можно увидеть закат? Услышать что-то еще, кроме этого шума? Городской шум, к которому мы привыкли, он ведь ужасно громкий! А как насчет пения птиц? Как насчет просто послушать, как шуршит трава на ветру?

Обед, еда. Торопливо закидываем в себя кусок за куском. Часто почти не разжевывая, наспех запивая. Нет времени. Нет времени. Нет времени — для чего? Мы не знаем, что мы едим. Что это за мясо, и как его добыли? Большинство будет плакать над убитой коровой или даже над курицей с отрубленной головой. И ведь

действительно жалко, живое же. Но бифштекс с кровью обезличен, мы не смотрим вглубь и вдаль, мы знаем, что раньше этот бифштекс привезли в ресторан, и он лежал в упаковке, чуть больше, но все такой же ровный и красный. Бифштекс — это бифштекс, а корова — это корова. И картошке фри далеко до картофельного поля. Мы не готовили эту еду, мы ее просто едим. Мы не знаем ее цены, мы не хотим ее видеть. Ее цена — двадцать пять долларов, девяносто шесть центов. Обезличенно и сухо. Вот так. И мы не задумываемся. Нет времени, нет времени. Нет времени на близких, друзей, детей, на себя, на искусство, на культуру, на чтение. Нет времени, нет времени. Эта война идет давно, будет идти еще очень долго, и что-то мне подсказывает: она страшнее терроризма. Потому что она незаметна. Люди горят на работе каждый день, и каждый день кто-то выбрасывается из офисного окна. Здесь, в Японии, где работать ради общего дела престижно и важно, где отцы пропадают в офисах большую часть суток, видя своих детей только спящими, пропуская рассвет, заблудившись в каменных джунглях по пути на работу, здесь, в Японии, очень часто такое случается. Люди выбрасываются из окна в деловых костюмах. А как насчет просто жить? Да, работать, да, стремиться, но делать все это в радость и на пользу чему-то, а не ради каких-то мифических, далеких целей. Конечно, мы заняты поисками счастья. Жизнь стала легче, а счастье сложнее. Раньше счастье заключалось в том, чтобы, вернувшись с фермы, греть ноги у камина, есть бобовую похлебку и строгать сыну или дочке деревянную лошадку. Все здоровы, никто не умер, как бедняга Расмус в прошлом году. А ведь ему стукнуло всего шесть лет, ну да Бог с ним, ведь родилась Летиция. Есть дрова. Ногам тепло, вот и хорошо, вот и здорово, вот и счастье. А сейчас?

— Мистер Роуренс, — вежливо и тихо спросил Макото, чуть переверив мою фамилию. Я не обижался, потому что помнил, как на одном из курсов, еще в Европе, нам говорили, что для японцев

звуки «р» и «л» очень близки, и их легко спутать. Ничего удивительного, если они синий и зеленый считают оттенками одного цвета. И все это вовсе не из-за глухоты или некого дальтонизма, просто картина мира и язык другие.

— Вы чем-то обеспокоены?

— Спасибо, Макото, все в порядке. Просто задумался.

— Макото посмотрел на меня робким, извиняющимся взглядом. Мы застряли в пробке, начался дождь, и было до одури скучно. Я смотрел на то, как холодные и крупные дождевые капли растекаются по стеклу, и в каждой из них прячется отражение улицы, ее огней и темных пятен.

Кто-то постучал в окно машины, я открыл окно. Девушка, промокшая до нитки, жалобно просила, чтобы ее выпустили в машину. Мы с Макото переглянулись, пожали плечами, и я открыл дверь. Она села рядом со мной, плащ ее был мокрым, с волос стекала вода, руки были очень холодные, мертвенно бледные. Я посмотрел на нее, у нее были красивые раскосые глаза, но очень грустные. Я украдкой смотрел на нее, пока мы медленно продвигались в пробке, но с ее появлением вдруг стало тревожно. Она смотрела мне прямо в глаза и странно улыбалась, уголками губ. Я не мог понять, что происходит, она не должна была так смотреть на меня.

— Мы знакомы? — спросил я, преодолевая какое-то непонятное волнение.

— И да, и нет, — отвечала она уклончиво, доставая из сумки какие-то фотографии.

Я смотрел на них. К своему удивлению, я видел себя и Энни. Как мы выходили из ресторана, и она прижималась ко мне, потому что ей было холодно в ее красивом синем платье, как смеялись и кричали от восторга, катаясь на американских горках, как сидели у костра в лесу и жарили зефир. Стало еще тревожнее. Откуда у японки эти фото? Неужели за нами кто-то следил? Кому это было нужно? Как

вообще такое возможно? Я просматривал фото за фото, в голове роились вопросы, японка смотрела мне прямо в глаза и опять странно улыбалась. Дальше крушение башен-близнецов. Боже! И здесь! Но следующее фото меня ошеломило. Его просто никто не мог снять, это были мы с Энни, вместе, наедине. Чтобы снять в таком ракурсе, нужно было находиться в моей комнате. Этого просто не могло быть! Дальше — больше. Фото Энни такой, какой я ее видел, когда сообщил, что нам лучше расстаться. Она плакала. Она спрашивала, почему. Она говорила, что не мне решать. Она говорила, что любовь так быстро не умирает. Я в изумлении смотрел на все это, этих фотографий просто не могло быть. Мистика какая-то.

— Кто ты? — спросил я у нее. Японка все так же пристально смотрела в мои глаза. И вдруг громко вскрикнула и вцепилась в меня своими острыми холодными пальцами, прокричав мне прямо в лицо:

— Я твоя печаль! Твоя печаль! Печаль!

Я вдруг проснулся. В машине, конечно же, никого не было. Я шумно выдохнул. Сны порядком измотали меня, но и не спать я тоже не мог. Я коснулся кончиками пальцев лба, массируя мышцы, которые были в напряжении, вдруг просто уткнулся в ладони на несколько секунд, вдохнул и выдохнул.

Макото сочувственно посмотрел на меня.

— Я знаю, я не должен Вам советовать, но я вижу, Вы сильно расстроены и никак не можете найти покоя. Возможно, я смогу Вам помочь? — спросил Макото. Меня тронула его забота. Но едва ли он мог мне помочь.

— Спасибо, Макото, я не знаю, чем мне можно помочь.

— Возможно, я знаю, — сказал Макото дружелюбно. Удивительно, то ли он действительно считал меня своим другом, и я вызывал у него искреннюю чисто человеческую симпатию, то ли у него в принципе был такой характер, но он, пренебрегая строгими нормами

японского этикета, заинтересовался моей личной жизнью, моими тревогами. Может быть, он действительно считал, что все настолько серьезно и мне просто необходима помощь. Может быть, он был прав.

И ночью, едва закрыв глаза, я это понял. Мне снова снился Нью-Йорк. Мне снилось, как я разгребаю завалы. Лопатой и руками, в спешке сдирая кожу и набивая синяки. Я снова разгребаю завалы, в надежде кому-то помочь, кого-то спасти, как и сотни других добровольцев. Пыльно, шумно, горят обломки зданий, весь Манхэттен в дыму, так, что невозможно дышать, но ты привываешь, разгребаешь завалы, чтобы спасти, чтобы помочь. Энни не выдержала и вернулась домой. Люди уже приносят свечи. Говорят, люди звонят из-под завалов. Но это слухи. Вот уже целый день как никого живого так и не нашли. Фрагменты обгоревших тел. Крики пожарных и профессиональных спасателей, минуты тишины, чтобы послушать, не стучит ли кто. Отчаялись даже поисковые собаки. Но я разгребаю завалы. Может быть, я кого-то спасу. Но все безуспешно, даже во сне.

Мне снится мать, которая что-то раздраженно говорит мне, а я не разбираю слов, а она все говорит и говорит, и вдруг я срываюсь и говорю ей все, что думаю. Как смертельно устал работать в отцовской компании, как хочу снова быть свободным, как хочу писать статьи, как зол на нее и на отца за то, что они до сих пор не видят во мне взрослого человека и не ценят моих достижений, как я устал бороться, чтобы их понять. Говорю ей, что уволюсь к чертовой матери и что отец и так прекрасно справляется. Сон заканчивается, и я понимаю, что зря все это говорил, все равно никто не услышал. Мне снова снится Энни.

Она сидит на углу кровати, стискивая виски руками. Голос ее дрожит.

— Почему ты все решил за меня? Мы же пара, мы же вместе, мы должны вместе решать!

— Милая... — говорю я примирительно.

— Насколько я поняла, я больше тебе не «милая»... — холодно и механически говорит она.

— Энни, я пытался, я, правда, пытался все вернуть.

— Что вернуть? Все было в порядке еще вчера! Еще вчера ты лежал со мной рядом вот на этой самой кровати и говорил, что тебе хорошо! — спрашивала она, дрожащим голосом. Это было невыносимо. Я старался сохранять спокойствие.

— Вчера мне было хорошо, — ровным тоном отвечал я.

— Так что же произошло, я не понимаю? — спрашивала она. Ее голос звучал и звучал в моей голове. Если бы я сам знал, что же произошло, если бы знал... Мне было жалко ее, потому что я понимал ее чувства. Я и сам любил раньше так же сильно, но не ее. Я знаю, каково это, когда все кончено. А если вы забыли, я напомню. Сначала уходит почва из-под ног. Чуть кружится голова — это потому что мир внутри переворачивается и снова нужно искать точку опоры. С трудом можешь дышать, потому что не знаешь, зачем. Все слова вдруг теряют смысл, потому что их некому сказать. В каждом проходе узнаешь любимого тебе человека, и от этого никак не скрыться. Мир сжимается, мир напоминает скомканный и сожженный лист бумаги, хрупкий, тонкий, мятый и черный. И ничего не понятно. Болит в области сердца, ноет в груди. Больно и горько, физически горько на языке. Так же горько, как вдыхать воздух опаленного Манхэттена. Снова нагнетает одиночество, оно приходит не сразу, после отчаяния, после истерики. Оно давит, от него холодно. И снова рушатся, рушатся, рушатся все те идеалы, которые ты построил, как замки на песке. Что любимая тебя понимает, что она никогда не сделает тебе больно, что все будет обязательно хорошо и ты всегда, всегда будешь ждать ее здесь, на Rue de Sevigne 22, что бы ни случилось. Я просыпаюсь от этих размышлений и воспоминаний о Полин. Я снова беспокоюсь засыпаю.

Следующий день был свободен, Макото зашел за мной рано утром, я еле поднялся с постели. Потом мы не спеша позавтракали. Макото настоял, чтобы сегодня был традиционно японский завтрак. Было непривычно есть на завтрак отварной рис с маринованными овощами цукемоно и водорослями, омлет тамагояки, сыр натто и мисо.

Потом мы провели в пути часа два с половиной, и, наконец, Макото привел меня к месту назначения.

— Равновесие можно обрести только здесь, — сказал мне Макото.

Мы были в саду, удивительно красивом саду при древнем монастыре. Было видно, как веками руки монахов вмещивались в природную красоту этого места, но изменения были только к лучшему. Этот сад был далек от французского и даже английского сада, здесь царили совершенно иные линии, как будто сошедшие со старинных японских лаковых миниатюр. Или как будто я сам был заключен внутри такой миниатюры. Вода в искусно вырытых прудах была спокойна, и только легчайшая рябь пробегала по ней при дуновении слабого юго-восточного ветерка. Цвели лотосы и кувшинки. Временами в прозрачной воде, отражавшей чуть пасмурное небо, можно было видеть огромных золотистых карпов с жемчужными пятнами на спинах. Они плавали медленно и царственно, вальяжно двигая плавниками и хвостом, будто мандарины в изящных шелковых одеяниях. Чуть поодаль виднелись строения монастыря, пагоды с заостренными крышами, украшенные силуэтами драконов. Слышался глубокий и протяжный звон огромного колокола, мимо проходили монахи в ярких оранжевых одеяниях. Все оттенки зеленого — от нежно-салатового до изумрудного и темно-зеленого — ласкали взгляд. Вдали виднелась многовековая бамбуковая роща. Рядом был сад камней. Макото отвел меня туда, где монахи с невообразимой педантичностью работали граблями, придавая серому грунту характерный рисунок.

— Почему они делают это так медленно? — спросил я недоумевая.

— Они добиваются совершенства, — сказал Макото, как будто все и так должно быть понятно.

— Разве сад камней и без того не совершенен? — спросил я удивленно.

— Они добиваются внутреннего совершенства, — отвечал Макото медленно.

— Скажи, а это вообще что-то значит? Как правильно смотреть на сад? — спросил я. Макото улыбнулся, как будто ответ был слишком очевиден и я должен был сам догадаться.

— Традиционно камни должны изображать острова, а гравий и полосы — море, но каждый видит что-то свое. В группах камни располагаются по три, и в какой бы точке сада ни находился наблюдатель, один из камней всегда будет ускользать из поля зрения наблюдателя.

Я смотрел на сад, на ровные линии и бороздки, окружавшие камни, на сами камни, расположенные в удивительно гармоничном порядке, или хаосе? Мне было сложно понять, как правильно расставить камни по саду, я многого не знал. Но смотреть на них действительно было очень приятно. Мысли становились спокойнее. Взгляд отдыхал, я чувствовал это. Я вдруг очень явственно ощутил, насколько сильно мои глаза устали от бесконечного бетона, стекла и холода искусственных линий, от суеты городов, как изголодались по нежной зелени, по природным, чуть приглушенным краскам, по плавным линиям. Я сел на траву и стал дышать воздухом, ровно и медленно, и я чувствовал, какой он здесь свежий! Внутри все клокотало от восторга, настолько свежим был воздух. Макото сидел рядом, и лицо его было полно покоя.

— Люди в городе, как птицы в переполненной клетке, — сказал он.

О, и я был с ним абсолютно согласен.

На какое-то время я почувствовал удивительный покой, но длилось это недолго. Как только из головы ушли суетливые мысли о работе, сумбурные образы больших городов и смутные переживания, необлеченные в какую-либо форму, наступили тишина и покой, как это бывает, когда внезапно затихает музыка. Но подул ветер, зашуршала сухая листва на одном из деревьев, и я снова потерял покой. Тревога вернулась ко мне. Я смотрел на серые бороздки гравия и вспоминал груды бетонных обломков и пыли. Я смотрел на оранжевые одеяния монахов сквозь приоткрытые веки и видел спасателей в оранжевой форме. Я взял в руку гравий, стал разглядывать эти маленькие камешки на своей ладони, но не мог избавиться от ощущения, что моя рука запачкана в пепле. Макото сидел на траве чуть поодаль и не обращал на меня внимания. Я встал и подошел к пруду. Вода была дивно чистая, можно было разглядеть темный ил, покрывавший гладкие камни на дне. Но в голове все еще продолжали возникать тревожные образы. Я развернулся и подошел к Макото.

— Ничего не выходит. Тут очень красиво, но я никак не могу собраться с мыслями, — сказал я, прерывая его медитацию.

— Не нужно собираться с мыслями, нужно, чтобы все мысли ушли. Очистить разум от любых размышлений и наслаждаться моментом. Чувствовать, как ветер проходит мимо, чуть задевая волосы. Чувствовать, как пролетает мимо птица. Чувствовать, как пахнут осенние цветы. И ни о чем больше не думать, не связывать то, что происходит сейчас, с какими-то воспоминаниями. Понимаете, мистел Лоуренс? — спросил Макото с надеждой в голосе.

— Ты говоришь так, как будто это очень просто, — сказал я, покачив головой.

— Когда Вы научитесь это делать, Вам будет очень просто, — сказал Макото.

После объяснения Макото я понял, что раньше я мог так делать. Когда был ребенком, когда был моложе: я часто просто жил настоящей секундой, одним моментом, получая удовольствие именно от него. Чем взрослее я становился, тем важнее для меня становилось ожидание какого-то момента или размышления, связанных с осознанием полученного опыта, обработкой информации. Чем взрослее я становился, тем меньше было тех моментов, которыми я наслаждался безусловно. По-настоящему наслаждался. Ощущал полным сердцем, мозгом, всем организмом. Все время находились мысли, которые все портили. Я целую любимую женщину и думаю: «А ведь скоро это все закончится!» или «Раньше я чувствовал, как люблю ее, сильнее». Я пью виски и думаю: «А разве это то, чего я хотел?», «Вкус какой-то не такой, как обычно». Я бегу по парку и думаю: «Вот, прибегу домой, приму душ, переоденусь, поеду на работу...» И вот, я мысленно уже не с любимой женщиной, а наедине со своими размышлениями о природе чувственности. Наедине с собой и своими знаниями о том, какой виски вкуснее. Вот уже я, вместо того чтобы наслаждаться свежим воздухом и утренним солнцем, бегом как таковым, собираюсь и иду на работу, мысленно, а значит, по-настоящему. Просто мое тело бежит по дорожке в парке. А разум уже в суете, вот почему эта пробежка ничего не дает, кроме одышки и пота. Я понял, какого состояния я должен достичь. Но я не умел этого делать, оно всегда приходило само, неожиданно и даже случайно. А здесь нужно было самому научиться вызывать его. Вроде бы легко, а на самом деле — сложно.

Я решил, что мне нужно побыть одному, и как только мы вернулись в Токио, отпустил Макото домой. Впереди был целый вечер, и я отправился гулять по городу.

Я смотрел по сторонам, и с каждой минутой понимал все лучше, что я действительно нахожусь в другой части света. И пусть скорлупа и оболочка Токио так похожа на любой другой город-монстр,

внутри все совершенно иначе. И здесь я чувствую себя другим, и у меня другая жизнь. Жизнь-близнец, и это сходство только внешнее. Я гуляю по Токио. Мимо, смеясь и громко вскрикивая, проходит целая толпа японских подростков в удивительно яркой одежде, с разноцветными волосами. Они все похожи на героев анимэ, и я могу только гадать, каков для них окружающий мир. Их глаза горят, я чувствую, кожей чувствую их юность, хотя они уже далеко позади меня. Я на секунду вдруг почувствовал себя шестнадцатилетним парнем, на секунду поймал всю эту гамму свежих, чистых эмоций: ночной воздух, свобода от родителей, первый алкогольный коктейль, смех, радость, никаких проблем, кроме одной — куда пойти с девушкой, чтобы, наконец, остаться наедине? Почувствовал на секунду часть притяжения друг к другу, дикого, необузданного, стихийного и запретного. Где сейчас все это? Я молод, привлекателен, свободен и независим. Я могу оказаться в постели с любой женщиной, которую я захочу, могу делать, что хочу и как захочу всю ночь напролет, могу не беспокоиться о том, кто что подумает и разрешат ли мне выпить, сколько стоит номер в отеле и согласится ли она? Все это далеко не так мучительно для меня, как тогда. Я вдруг почувствовал себя двадцатипятилетним стариком. Я не хотел алкоголя, не хотел секса, не хотел танцевать или играть в автоматы, не хотел нестись по автостраде на бешеной скорости, не хотел есть, пить и даже спать. Меньше всего я хотел спать. Не хотелось даже думать. В общем, ничего не хотелось, потому что я понимал, что такой радости, как тогда, в юности, не будет. Это было ужасно. Тем не менее я зашел в какой-то бар, к своему удивлению, встретил там парней из Бостона, выпил с ними по несколько шотов, залюбовался на какую-то японку в ярко-голубой пышной юбке и желтых кедах. Она смущенно улыбалась. «Очень мило», — подумал я. Я разглядывал ее и гадал, совершеннолетняя ли она. Возраст японок очень тяжело определить, они все

выглядят, как подростки. Она смеялась, танцуя на игровом автомате. Она была очень забавной, как фея или просто героиня мультфильма. Она посмотрела на меня. К своему удивлению, я смутился. Я вдруг явно почувствовал, как заволновался, совсем как мальчишка. Это было неожиданно, немного нелепо, но очень забавно. Да, забавно, забавно, забавно. Как мальчишка. Смутился. Я. Вот тебе и двадцатипятилетний старик. Я снова заказал себе еще один коктейль, «Цветущая сакура» (чего здесь только нет под этим названием). Я смотрел на нее украдкой, на ее улыбку, на то, как она танцует, как колышется многослойная юбка, на ее стройные ноги, на черные длинные волосы, блестящие, как шелк.

Как оказалось, она хорошо говорит по-английски. И хорошо целуется. Я поймал настроение сегодняшнего вечера, я испытывал ее эмоции ипил ее молодость, свежесть и беззаботность, как вампир, пытаясь насытиться этим ощущением про запас, но не получая удовлетворения ни на секунду. Мне всего мало. До безобразия мало. И магия ее юности куда-то ускользает, и я снова перестаю чувствовать драйв, перестаю внутренне дрожать от восторга, ведь она моя, легко и быстро. Я выпиваю ее залпом, до капли. И она перестает быть мне интересна. Она чувствует это, но, улыбаясь, собирает вещи, разбросанные по моему номеру. Я тоже улыбаюсь, боясь ее обидеть. Нет, она прекрасна, и все было замечательно, просто моя жизнь — это какой-то бред последнее время. Надо отдохнуть.

Не успел я закрыть глаза, позвонила мама.

— Что-то ты совсем не звонишь, забыл нас с отцом! — сказала она обиженно.

— Да нет, что ты, мама. Просто тут громадная разница во времени, и я жутко устаю, — сказал я чистую правду, но у меня было ощущение, что я оправдываюсь.

— Это не оправдание, — сказала мама. — Я, между прочим, из-за тебя плохо сплю. Все думаю, в кого ты такой неблагодарный.

Мы с отцом столько для тебя делаем, а ты все принимаешь как должное...

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, недоумевая о причине ее недовольства.

— Да то, что мог бы позвонить мне, рассказать, как устроился в Токио, долго ли еще там пробудешь? — говорила мама дрожащим голосом.

— Так я ведь папе звонил вчера! Он в курсе всех моих дел! Да и разве мог я плохо устроиться, если вся поездка была организована и продумана заранее моим секретарем?!

— Ты снова оправдываешься, а на самом деле ты просто про меня забыл! — обиженно говорила она. — А ведь я так много для тебя сделала! Ты еще сам-то ничего из себя не представляешь, а уже туда же, важная птица, можно про мать забыть. Ты мне скажи, достиг ли ты чего-нибудь в жизни сам, без нашей с отцом помощи? — мать тараторила, не давая вставить и слова. — Машину мы тебе подарили в шестнадцать, в Йель ты пошел так же, как и твой отец, по дедушкиному совету. Только зачем-то на свой дурацкий факультет, и чем ты там все эти годы занимался, если ты все равно сейчас работаешь на отца?

— Мама, стоп-стоп-стоп! Подожди секундочку, дай мне тоже сказать. Давай, раз уж ты решила выяснить, чего я достиг, в два часа ночи, я тебе все скажу, только дай мне слово.

— Ну, я слушаю тебя, — раздраженно говорила она.

— Начнем с того, что сразу после сдачи школьных экзаменов я получил ответное письмо из Йеля. И хоть выбранная мною специальность не нравится вам с отцом, я в ней достиг неплохих успехов до того момента, как по твоей же просьбе стал помогать отцу. И, как я понимаю, я работаю с отцом, а не на него, и работаю хорошо.

— На самом деле ты работаешь на отца и на нашу семью, вот и все, — категорично заявила она. — И если бы отца не было,

кто знает, чем бы ты сейчас занимался, писал бы статейки для какой-нибудь газеты, пусть даже для самой лучшей — все это далеко от настоящей профессии. Журналистика — это словоблудие, мой дорогой... — Мне стало жутко неприятно от такого пренебрежения. Мать продолжала:

— А ведь наши акции в последнее время только подешевели, непонятно чем ты там, в Токио, занимаешься.

— Ну, уж явно не убеждаю продавать наши акции... — сказал я, озлобившись. Как будто я мог повлиять на общемировую истерию! После теракта не только у Laurence & Sons дела пошли хуже.

— Я смотрю, ты не в духе, — сказала мать. — Думала, позволю, поболтаю с сыном, а ты весь какой-то напряженный, — она повесила трубку, не дожидаясь, пока я попрощаюсь.

Я положил трубку, все внутри меня клокотало, но чем больше я злился, тем сильнее понимал, что злюсь еще и на себя, и на то, что несколько лет назад дал слабину и бросил любимую профессию, просто потому, что так было нужно родителям. Сейчас было поздно что-то менять, наверное. Еще год-два нужно работать с отцом. А писать я уже давно перестал, потому что мне было нечего писать. Может быть, я и вовсе утратил все, что когда-то имел своего. Я злился на себя, потом снова на обидные и колкие слова, сказанные матерью, все это крутилось в моей голове, и я мучился до самого рассвета, не в силах перестать думать о своей жизни, которая, в общем-то, была какой-то безрадостной. Несмотря на тот период, что я прожил с Энни. Эта радость тоже очень быстро выцвела.

Я ворочался с боку на бок, было жарко, никак не мог принять удобное положение. В Токио влажный, липкий воздух, даже осенью. Простыня прилипает к телу, я раскрываюсь, но через полчаса замерзаю, потому что без одеяла холодно. Я хочу пить, жадно выпиваю воду, вкус у нее непривычный, слишком пресный, жесткая токийская вода. Снова пытаюсь заснуть. Разница во времени в

четырнадцать часов все еще дает о себе знать. Но, конечно, это не главная причина моего беспокойного сна. Может быть, когда я вернусь в Нью-Йорк, первым делом стоит найти себе приличного психоаналитика. Хотя где гарантия, что за приличную сумму моих денег он чем-то поможет? Вдруг он сам потерял кого-то? Как только я подумал об этом, сердце беспокойно забилось в груди, и снова в рассветном полумраке номера закружились малоприятные образы из моего засыпающего сознания. Я не хотел засыпать вот так, тревожно, и представил, как гуляю по монастырскому саду, в котором Макото учил меня медитировать. Чувство покоя пришло постепенно, но у меня хорошо получалось погружаться в бесконечную зелень бамбуковой рощи, я расслабился и забылся. Возможно, я зря доверился сам себе, потому что подсознание специально заманило меня в ловушку сна, чтобы подвергнуть дальнейшим пыткам.

— Никакого покоя, и не надейся... — проговорил Макото голосом отца.

Мы были в саду, удивительно красивом саду при древнем монастыре. Но красота эта была зыбкой. Краски выцвели, вся зелень была будто увядшая, запыленная. Здесь не пахло травой и свежестью, воздух не был сладким на вкус. Я дышал воздухом, но запах был как у жженого пластика и резины. Я хорошо чувствовал сухой и распухший язык во рту.

— Выпей лучше чаю, я его специально для тебя заварила! — говорила Энни, поднося мне чай.

— Конечно, он сам даже чаю не заварит! — ворчала мама.

— Ты еще не принес мне токийский отчет! — снова слышался недовольный голос отца.

— Мистел Роуренс принесет на переговоры графики, отражающие темпы развития компании за прошлый год в следующий раз... — слышался извиняющийся голос Макото.

— Он уже две недели обещает их представить. Они ведь у вас есть, мистер Лоуренс? — слышался голос наших будущих партнеров. Энни споткнулась на ровном месте и уронила чашку. Чашка с грохотом разбилась. Страшный грохот нарастал, и скоро можно было видеть, как одно за другим здания монастыря рушатся и весь сад покрывается пеплом, летящим сверху. Природные линии сада заострялись, деревья падали, вырванные с корнем, многовековой бамбук становился жухлым, как августовская трава, разгорался изнутри и тлел. Я был заперт не в лаковой миниатюре, а в собственном кошмарном сне, но мне не удавалось вырваться оттуда, как будто чьи-то ледяные лапы, необыкновенно сильные, остро впились в меня и не отпускали. Вода в искусно вырытых прудах все так же спокойна, но пепел падает с неба, как черный снег, а я смотрю в воду и вижу, как она начинает кипеть от беспокойной рыбы, которая мечется в пруду, а ее все больше и больше. Карпы выкидываются на берег и судорожно вдыхают воздух своими огромными золотыми ртами, глаза навывкате, жабры выворачиваются наружу от напряжения. Нет никаких лотосов, есть сполохи огня.

Мама стоит на берегу. Ее волосы вдруг становятся седыми, почти белыми, кожа на лице высыхает, как у мумии, и глаза становятся невидящими, как у манекена. Отец как ни в чем не бывало сидит на берегу и накрывает скатерть для пикника. Слышится глубокий и протяжный звон огромного колокола, мимо проходят спасатели в ярких оранжевых робах, у них в руках огромные сети. Сад камней теперь стал садом обломков, а спасатели с невообразимой педантичностью работают граблями и лопатами, сваливая обгоревших карпов в кучу.

— Никакого покоя, и не надейся... — слышалось шипение со всех сторон.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я сидел в небольшом кафе в самом центре Токио. Я пил зеленый чай, разглядывая, как в прозрачном чайнике распускаются хитро скрученные листья. Я старался ни о чем не думать, ни о чем, что могло бы меня растревожить. Я устал от этого состояния. Я понимал, что у меня просто последствия очень сильного стресса или что-то вроде этого и что это состояние должно рано или поздно пройти, но легче мне от этого не становилось. Мне нужно было выразить все то, что у меня на душе, но выразить было некому. Я слонялся по Интернету, перескакивая с сайта на сайт, читал статьи, разглядывал фотографии и в одну минуту вдруг снова понял, что вижу что-то знакомое и приятное. Если бы я умел хорошо фотографировать, я бы тоже сделал такие фото, я тоже так вижу мир. Даже сейчас. Я смотрел на фотографии нью-йоркских улочек, не шумных проспектов и агрессивных улиц, а именно улочек. Я смотрел на то, как с детства знакомые фонари освещают тротуары мягким светом, на то, как у окна сидит кошка и смотрит во двор, на то, как птицы пытаются согреться после снегопада. Смотрел на кипы книг и измятые простыни, и только видно чьи-то очертания в полумраке, мужчины и женщины. Смотрел на портрет какого-то человека, рукава его клетчатой рубашки были закатаны, можно было видеть, как руки немного перепачканы разными красками, он смотрел прямо в объектив. Чуть нежно, едва заметно улыбаясь. А во взгляде была невероятная сила. Видел фото, от которого пробежали мурашки по коже. Она чуть склонила голову, так что копна русых волос почти полностью закрывала ее профиль. Мягкий и

живой, приглушенный свет, вероятно от свечей или камина, едва прорисовывал очертания ее обнаженного тела. На фото не было видно ничего вызывающего, свет едва играл на линии ее оголенного плеча, чуть задерживался на ресницах, едва касался бедер. Она была погружена в вечернюю темноту и тайну. Я долго разглядывал ее, не в силах остановиться. Взгляд словно попал в ловушку, и я чувствовал, как что-то внутри меня просыпается и наполняет меня восторгом. Я любовался ею, как любят любимой женщиной. Но эта женщина была не моей любимой, и я вообще ее не знал. Безумно хотелось посмотреть на ее лицо, но в онлайн-галерее больше не было работ. «София Голдинг, Автопортрет» — прочитал я простую подпись. Имя показалось мне знакомым, но припомнить, где я его встречал, я не мог. Настроение незаметно и постепенно улучшилось. Я улыбнулся, допил чай и еще долго сидел и смотрел в окно, Токио уже проснулся.

Макото ждал меня в офисе, на нем как всегда был серый костюм, идеально выглаженный, но совершенно обыкновенный, светло-голубая рубашка и хорошо подобранный галстук. Он поклонился и улыбнулся мне:

— Доброе утро, мистер Лоуренс!

— Доброе утро, Макото! — ответил я, так же поклонившись ему. За те несколько месяцев, что я здесь, я уже успел освоиться и довести какие-то движения до совершенства.

— Делаете успехи, мистер Лоуренс! — дружественно похвалил меня Макото.

— Спасибо, Макото! — сказал я, искренне улыбаясь. Странно, но, несмотря на то, что наши отношения изначально начинались как деловые, они каким-то неведомым мне образом становились дружескими. Как это происходило, я понять все еще не мог, потому что по западным меркам Макото все еще был мне просто коллегой. Эта дурацкая социальная улыбка, которая приклеилась

ко всем деловым людям, перестала значить хоть что-нибудь, кроме того, что все нормально. Но почему-то, когда Макото улыбался мне, я хотел улыбнуться в ответ. И утро становилось добрее. Макото не вмешивался в мою жизнь и не пытался влезть в душу, не навязывался и не пытался дать какой-то совет. Просто всегда смотрел на меня внимательно и с участием и иногда говорил очень дельные вещи. Мы еще ни разу не задерживались с ним в баре после работы и, конечно, не смотрели вместе спортивных трансляций за бутылкой пива. После работы он спешил домой, к жене и сыну. Но именно он показал мне один из старейших садов Токио — Ко-исикава Коракуэн. И именно там я любил проводить свободное время, особенно сейчас, когда с каждым днем становилось все теплее и чувствовалось, что вот-вот наступит настоящая весна. Хотя, как мне кажется, эта весна не будет похожа ни на одну из тех, что я уже пережил.

Однажды, еще зимой, Макото и я сидели на татами у него дома, он пригласил меня в гости. Жена Макото, Ичико, неплохо говорила по-английски, но почему-то стеснялась. Некоторое время мы все говорили о погоде и о прошедшем снегопаде.

— Редкая зима в Токио обходится без снега... — говорила Ичико, помешивая чай.

— Но выпадает он раз или два — не больше, — уточнил Макото. — Не то что в Нью-Йорке.

— Да, в Нью-Йорке снег бывает намного чаще, но все равно, он быстро тает, — подтвердил я. — По-настоящему много снега за городом, в нескольких километрах от Большого Яблока. Там можно и в сугробе оказаться, и в снежки поиграть, если повезет, — я непроизвольно улыбнулся, вспомнив, как весело было в детстве поиграть с товарищами в снежки или слепить снеговика.

— Так много снега я, пожалуй, никогда не видела, — сказала Ичико.

— А я видел еще больше, чем мистер Лоуренс, — сказал Макото почти хвастливо. Я давно попросил его называть меня просто Алекс, но он почему-то продолжал обращаться ко мне по фамилии. Мы с любопытством смотрели на него, ожидая рассказа.

— Пять лет назад я был в Сибири, это часть России. Там очень холодно. И невообразимо много снега. Так много я никогда не видел! Я жил целую неделю в каком-то промышленном городке, не помню его названия. Снег доходил до окон первого этажа, весь нулевой был полностью занесен. Люди выкапывали себе настоящие тоннели, чтобы добраться до машин или до остановок с транспортом. Идешь по узкой, вытоптанной дорожке, слева стена из снега, справа стена из снега, а над головой — звездное небо, и страшный холод, — Макото рассказывал это, широко раскрыв глаза, пытаясь как можно красочнее передать свои впечатления. Я слушал и не верил, что такое вообще возможно. И не поверил бы, если бы эту историю рассказывал не Макото. Ичико извинилась и тихонько вышла из комнаты, было слышно, как за стенкой проснулся Даичи, их сын. Мы снова заговорили о природе и ее красоте, но мне было не по себе, и Макото это почувствовал.

— Возможно, я нарушу традицию, но я думаю, что это необходимо. На татами не принято говорить на такие темы, поэтому Вы можете не отвечать на мой вопрос, но что Вас тревожит, мистер Лоуренс? Я уже давно наблюдаю за Вами, и Вы постоянно испытываете какую-то боль и тревогу, которой нет конца.

— Ты прав, Макото, — отвечал я. — Если ты и вправду хочешь знать ответ, я дам его тебе, — я посмотрел на фарфоровую чашу с изысканным рисунком, Макото едва заметно кивнул. Я решил рассказать ему, потому что мне нужно было высказаться.

— Меня беспокоит то, что я видел. То, что пережил. Я был там одиннадцатого сентября, я проснулся от этого грохота, я все видел своими глазами, я помогал разгребать завалы вместе с другими

добровольцами, я... — голос вдруг осип. Я выпил чаю. — Можете не продолжать, мистер Лоуренс, я все понимаю, — Маконо посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся. — Разрешите, я расскажу вам одну историю.

Я кивнул, и Маконо начал свой рассказ.

— Много тысяч лет тому назад на свете жил прекрасный принц, сын великого царя. Юноша был хорош собой, умен, искусен в военном деле и обещал быть прекрасным наследником своего отца. Он был очень молод и жил в прекраснейшем дворце, сплошь украшенном золотом и драгоценными камнями. Ему были доступны все возможные наслаждения и удовольствия, которые только можно представить. Долгое время он жил, окруженный только неимоверной роскошью и красотой, все слуги были молоды и здоровы, и все, что только он мог пожелать, тотчас же исполнялось. Но однажды, выбравшись из своего дворца на прогулку, он встретил на своем пути старого и больного человека. Он никогда раньше не видел ничего подобного, так как его властный отец старался скрыть от молодого принца то, что могло бы ранить или опечалить его. Принц был настолько поражен, что даже спросил у своего слуги, человек ли это и что с ним. Так принц узнал, что существует старость и болезни. Это поразило его. И он решил узнать, что творится за стенами дворца и за оградой огромного королевского сада. Он отправился к реке и увидел, как тело мертвого человека заворачивают в саван. Принц увидел, как бледна кожа того человека и как он недвижим. Принц увидел, как горит его тело. Он увидел лица скорбящих родственников. Так он узнал, что такое смерть. И с этой минуты покой покинул принца, так как он не мог понять, как можно наслаждаться божественной красотой и гармонией, зная, что существуют страдания, боль и смерть. Он подошел к отцу и сказал, что уходит из дворца искать истину. Отец не мог понять, почему увиденное настолько потрясло принца. Принц

показал ему свою руку, на ней был пепел. Он сказал: «Все мы едины, ты, я, этот человек и все люди». Принц не мог не чувствовать чужой боли, потому что это была и его боль тоже. Принца звали Сиддхартха, и когда он нашел Истину, его стали называть Будда, или Прозревший. Основная идея буддизма заключается в том, что страх, гнев, излишняя любовь, иначе говоря — страсти являются причиной боли. В идеале человек должен работать над собой, чтобы перестать поддаваться страстям. Однако наивысшей ценностью остается сострадание к людям. Это помогает стать мудрее, это раскрывает доброту и помогает стать Человеком.

Макото закончил свой рассказ, я поблагодарил его и задумался. Я думал и в такси, по дороге в гостиницу. И я понял, как часто другие люди и я сам попадаем в похожие истории. Только в отличие от Сиддхартхи мы сами себе воздвигаем дворцы и прячемся в них, хватаясь за любую возможность, только бы не видеть страданий, происходящих в мире. Мы едим изысканные блюда в ресторане, поражающем роскошью, и в эти секунды мы не хотим и не будем думать о голодающих детях, их в данный момент не существует. Мы смотрим на дождь из окна собственной квартиры и, конечно, не думаем о тех, кто мокнет под его холодными каплями. Мы застываем, изнемогая от наслаждения, и не думаем в эти минуты, что кто-то невыносимо страдает. Мы живем и не думаем, что в эту самую секунду кто-то корчится в агонии. Но в то же время мы не должны об этом думать, не должны постоянно слышать в своей голове голоса вопиющих, думать об умирающих и страшиться смерти. Потому что все это было, есть и будет, и это надо принять как данность. Задача лишь в том, чтобы не превратить это в равнодушие. Найти баланс между состраданием и принятием факта. Думать, что можно сделать, чтобы изменить ситуацию, и делать, что только можешь. А если чего-то сделать не можешь, не надо казнить себя. Звучит просто, но на самом деле, как много на этом пути разных ловушек,

где можно перестать быть честным с самим собой и поддаться мало-душью. Я понял это, но понял тогда не до конца.

За несколько дней до предполагаемого цветения сакуры началась настоящая информационная истерия. По телевизору и по радио, в газетах и журналах — всюду говорилось о том, что сакура скоро зацветет и на нее можно будет любоваться (далее шел список мест). Надо сказать, такого я и вовсе не ожидал. Да, японцы часто упоминали сакуру, и ее изображение можно было много где увидеть, даже на национальной валюте, но такой шумихи я представить не мог. Такой шум в США был только перед выборами или после стихийных бедствий. Даже если вдруг на какой-нибудь штат налетит саранча и съест весь урожай, об этом пару-тройку раз болтнут в новостях и все. А здесь — Событие, Праздник. Взрослые и дети, старики и подростки — все ждут этого. Все японцы будут любоваться сакурой, даже те, кто обычно горит на работе. В подавляющем большинстве все офисные сотрудники проводят рабочее время со своими коллегами, однако на свежем воздухе, в парке. Вы можете такое представить в том же Нью-Йорке? Чтобы кого-то отпустили по случаю первого снегопада или потому что у деревьев вдруг набухли почки? Я — нет. Любование цветами, или ханами, является японской национальной традицией. Только представьте: вдруг, как по мановению палочки, лица людей становятся менее напряженными и более счастливыми. Город уже не так спешит по своим делам. Кажется, будто жизнь в нем становится медленнее и течет более размеренно, на самом деле это, конечно, не так. Жизнь идет своим чередом. Все так же стоят машины в пробках, и кое-где слышны сигналы клаксонов. Мимо проходят толпы, толпы и толпы народа, это тоже без изменения. Все так же безостановочно двигаются эскалаторы токийского метро: вверх-вниз, вверх-вниз, вниз и вверх. Все так же носятся вагоны подземки, переполненные людьми в серых деловых костюмах. Все так

же в переполненном лифте кто-то шуршит папкой, которая так же переполнена самыми различными бумагами. Люди, как муравьи, двигаются по намеченному маршруту туда-сюда, туда-сюда, я и сам себя чувствую муравьем. Но все это без надлома и надрыва, без нервов, без заплаканной секретарши, выходящей из женского туалета, без всклоченных топ-менеджеров. Все замирают в ожидании: когда зацветет сакура?

Традиция любования сакурой, как мне рассказывал Макото, зародилась очень давно, около третьего века нашей эры. Любование цветами сакуры стало очень популярно среди придворных императорского двора чуть позже, в эпоху Хэйан. Во время цветения сакуры было принято проводить время под сенью цветущих деревьев, наслаждаясь изысканными напитками, неспешной беседой. Уже тогда сакура многих вдохновляла на сочинение стихов. Постепенно традиция стала общенародной, национальной. Во времена правления сегуната Токугава, с начала семнадцатого и до середины девятнадцатого века, в Японии было посажено огромное количество горной вишни. С приходом Мейдзи, императора, стремившегося сделать Японию западной державой, очень большое количество деревьев было уничтожено, так как они являлись символами старого режима. Однако вскоре традиция ожила, и Япония вновь стала отмечать этот праздник, который с 1992 года стал официальным.

Мы с Макото вышли после переговоров из офиса, сели на такси и доехали до парка Синдзюкугёэн. Огромное количество людей не спеша прогуливалось по аккуратным аллеям, петлявшим по удивительному ландшафту национального парка. Многие сидели на траве, предусмотрительно расстелив пластиковые коврики. Я сел на траву рядом с Макото.

Юная зелень свежей апрельской травы, головокружительно голубое небо и облака розовых цветов. Нежнейшие облака из

хрупких и нежных цветов. Облака цветущих вишен, застывшие в ветвях деревьев, как застывает туман, окрашенный восходящим солнцем, как застывает мое дыхание от восторга, когда я смотрю на них. И среди этого тумана, сложно представить, нет ведь ни одного похожего цветка. Я смотрел на ветку сакуры, которая склонилась к воде. Я мог хорошо разглядеть, как на темной тонкой веточке умещаются целые гроздья пышных розовых цветов с тончайшими тычинками, фарфоровыми лепестками, такими хрупкими и нежными, такими удивительно совершенными, что невольно пронзает мысль, что человек никогда бы не мог сделать ничего подобного — недостижимый уровень совершенства. Дует легчайший, чуть прохладный ветер — и вот, вниз опадают тысячи лепестков. Все это похоже на фантастический снегопад из самых причудливых снов. Я смотрю, как свет играет на лепестках, на каждом их изгибе. Вечером свет становился теплее, в парке начинали собираться тени, они играли в зависимости от ветра и от того, как посмотришь. Солнечный свет, кажется, тоже залюбовался сакурой и заблудился среди тысяч нежно-розовых лепестков, которые теперь казались еще красивее. Я думал о своей жизни. Ни с того ни с сего стало немного грустно, я на секунду вспомнил то, что вспоминать не следовало бы. Подул ветер, и вдруг с огромного дерева прямо под нами посыпались лепестки. Я почувствовал, как один из них оказался у меня на щеке, посмотрел вверх, и вот уже мое лицо было осыпано ими, лепестки скользили по коже, нежнее шелка, нежнее любых прикосновений, и падали вниз. Макото улыбался, разглядывая свои ладони, полные лепестков.

— В начале всех времен молодой бог Ниниги спустился на землю, чтобы по завету своей прабабки Аматаэрасу управлять вечно-зелеными нивами рисовых полей. Прогуливаясь однажды утром, он встретил девушку невиданной красоты. «Как твое имя?» — спросил изумленный Ниниги. «Ки-но-хана, Цветущая — имя

мое... — отвечала девушка. — Я дочь бога Охо-Яма, Властителя горных цепей». Ниниги сразу полюбил прекрасную девушку, она была необыкновенной, нежной красоты. Лицо ее было свежим, как свет утреннего солнца, поднявшегося из кипящих вод бескрайнего моря, и вся она была чиста и невинна, подобно белому цветку горной вишни. Ей нравилось смотреть на то, как солнце играет в кронах деревьев, она любила слушать легкий, едва заметный западный ветерок. Ей нравилось подставлять ладони дождю и ловить его крупные, круглые, чуть прохладные капли. Ей нравилось вдыхать аромат и слушать симфонию летней ночи. Ниниги отправился к ее отцу, Охо-Яма, и незамедлительно попросил руки Ки-но-хана.

У Властителя горных цепей было две дочери, однако его старшая дочь, Яха-Нага, была далеко не так хороша, как возлюбленная Ниниги. Охо-Яма хотел женить Ниниги на обеих своих дочерях, чтобы потомство, которое они произведут на свет, жило вечно, подобно скалам, и было прекрасно и цветуще, подобно весенней сакуре. Поэтому Властитель горных цепей отослал обеих дочерей к Ниниги с сундуками, полными сияющих драгоценных камней, и другими богатыми дарами. Но Ниниги любил только младшую дочь горного бога, дивно-прекрасную Ки-но-хана, и даже не смотрел на ее старшую сестру. Тогда Яха-Нага разгневалась на него и вскрикнула: «О, ты допустил страшную ошибку! Если бы ты взял меня в жены, то ты и твои дети жили бы вечно на земле!!!» Ниниги не послушал ее, так как любил прекрасную Ки-но-хана. С тех пор судьба всего человечества была предопределена. Начиная от последнего бродяги на рыночной площади и заканчивая величайшими императорами жизнь потомков прекрасной Ки-но-хана и Ниниги была бурной и прекрасной, но быстротечной, как цветение Сакуры... — Макото посмотрел на меня задумчиво, ожидая моей реакции. Я глубоко вздохнул. В парке зажигались первые бумажные фонарики.

Кажется, я многое для себя понял. Жизнь наполнена прекрасными моментами, которые удивительным образом наполняют и раскрывают твою душу изнутри, подобно цветку. Но нужно уметь остановиться, отдышаться от гонки, чтобы это произошло. И одновременно нужно всегда идти вперед. Как невероятно сложно! Жизнь одновременно и постоянна в своем течении, как древний поток, и изменчива, как воды этого потока. Прекрасна и отвратительна, пресна и наполнена всеми возможными вкусами. Мы все ждем, когда наступит мифическое состояние счастья, и никогда не бываем до конца счастливы, возможно, потому что само счастье изменчиво и непостоянно. То, чего давно ждали, уже не радует, или радуют совершенно неожиданные вещи. Возможно, не стоит ждать. Счастье никогда не наступит, как эпоха, счастье всегда будет мгновением. А мы так часто этих мгновений просто не замечаем. Надо учиться замечать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Весеннее солнце освещало спальню. В комнате было чуть прохладнее, чем обычно. Отдыхая, я лежал на плече Вивьен, смотрел в потолок и ни о чем не думал, наслаждаясь приятным расслаблением, которое разлилось по всему телу, и теплом наших тел, спрятавшихся под одеялом.

— Как ты думаешь, какое лучше выбрать число? — спросила она, хитро глядя на меня.

— Для тебя это так важно? Чем скорее, тем лучше! — сказал я улыбаясь.

— Нет, ты что! — Вивьен обижено надула свои очаровательные губки. — Мы же не успеем как следует подготовиться!

— Неужели к этому так уж долго надо готовиться? Мое тридцатилетие мы отмечали с большим размахом и тем не менее справились за какие-то две недели! — сказал я.

— Милый, я так долго мечтала об этом! — она обняла меня за плечи. — Только представь, ты и я в самом шикарном ресторане Нью-Йорка, все украшено белыми цветами, нет, белыми розами, собрались гости, много гостей, и тут я спускаюсь с винтовой лестницы в потрясающем платье из нежнейшего шелка, и все ахают... — шептала она мне на ухо. — Неужели ты думаешь, хоть один именитый дизайнер согласится сшить мне потрясающее платье, если сроки горят?

Я улыбнулся. Она была такой милой в этих своих мечтах!

— Все будет так, как ты захочешь, любимая, — сказал я, продолжая улыбаться.

— Как ирландка, я бы настояла на мае... — Вивьен сделала паузу, что-то обдумывая, — но май будет слишком скоро!

— Тогда давай выберем середину лета! — сказал я, нежно поцеловав ее в щеку.

— Три семерки! Ну, пожалуйста! Смотри — ноль семь, ноль семь, ноль семь!

— Джекпот! — рассмеялся я. — Может быть, тогда и свадьбу в Вегасе сыграем?

— Дурачок! — сказала она, щелкнув меня по носу. — А мы успеем?

— А почему нет? — спросил я.

— Нам столько всего надо решить! — тараторила Вивьен. — Как мы проведем самую церемонию? В какой церкви будем венчаться? Вмещит ли она всех желающих нас поздравить? Кого мы пригласим? Какое на мне будет платье? А подружки невесты? Боже! Где мы будем праздновать? Куда полетим на медовый месяц? Какие у меня будут цветы в букете? Боже! Боже!

Я снова рассмеялся. Вивьен искренне интересовалась ответами на все эти вопросы, она мечтала о чуде, моя сказочная принцесса.

— Мы обязательно все решим, а сейчас, пожалуйста, собирайся, нас уже ждут! — сказал я, деликатно спихивая ее с кровати.

— Как? Уже? — удивилась она. — Ах да, без четверти шесть!

— Давно пора собираться. Теперь я понял, почему ты настолько заранее готовишься к свадьбе! — сказал я, пикантно ущипнув ее.

— Ай, больно! — пожаловалась Вивьен.

— Ну, прости, прости... — я попытался поцеловать ее, но она уже убежала переодеваться.

Сегодня у мамы было радостное настроение, и она украсила гостиную гиацинтами, крокусами и белыми тюльпанами. Аромат весенних цветов наполнял помещение и моментально побеждал любые дамские духи своей изысканностью и свежестью. Белые

открахмаленные салфетки были сложены просто и со вкусом. Гости во весь голос нахваливали ее мастерство.

— Сандра — просто волшебница! Сказочно красивый стол! — восторженно говорила тетя Джесс.

— А какие запахи доносятся из кухни, ммм? — подмигнул ей мой отец, явно успевший что-то оттуда стащить.

— Как же все это красиво! — вздохнула Вивьен. — Кажется, я сейчас заплачу... — голос ее чуть дрогнул.

— Женщины... — едва слышно пробормотал дядя Ангус, поглядывая на дно своего бокала. Ингрид чуть заметно повела уголком губ и встретилась со мной взглядом. Через секунду мы уже были готовы расхохотаться.

— Ну вот, наконец-то и ты решился, Алекс... — сказала Нэнси улыбаясь. — Это так прекрасно, так замечательно!!!

— И не говори, подумать только, и у нас скоро будут внуки! — сказала мама улыбаясь. Вивьен чуть заметно толкнула меня локтем.

— Как? — подскочил отец. — Разве я чего-то не знаю?

— О нет, Джейми, я вовсе не это имела в виду! — сказала мама, чуть заметно покраснев. Нэнси выдохнула. — Я имела в виду в будущем, в более достижимой, чем раньше, перспективе.

— Мааам... — я посмотрел на нее испепеляющим взглядом.

Тут в комнату зашел Джонни.

— Привет, старина! — сказал он, похлопывая меня по плечу. — Рад вас видеть!

— Наверное, излишне предлагать тебе почувствовать себя, как дома? — спросил я.

— О, да, я всегда чувствую себя, как дома, даже там, где был всего пару раз!

— Даже там, где ты вообще в первый раз, — добавил я, подмигнув ему.

— Точно! — он улыбнулся. — Но ты ведь не против? — Я покачал головой.

— А где же Марта? Разве ты сегодня без нее? — спросил я.

— Как же без нее! Конечно, с ней! Она просто отлучилась по одному важному вопросу... — сказал он, чуть понизив голос.

— Слушай, я не понимаю, о чем ты! — сказал я. Джонни открыл рот, чтобы начать объяснение. — И даже не хочу знать! — прервал его я. В эту минуту в комнату зашла Марта.

— Марта, какое чудное платье! — воскликнула Вивьен. — И животик! О! Малыш уже пинается?

— Смотря какого ты имеешь в виду... — усмехнулся Джонни. — Оливер как раз пинается! Думаю, сейчас пинает нашу собаку или няню, которая с ним осталась. — Марта спокойно и счастливо улыбнулась. «Да!» — сказала она одними губами, показывая Вивьен на живот.

Гости сидели за столом, с азартом постукивая приборами, дожевывая антрекот, дядя Ангус подал голос:

— И все-таки интересно, как вы познакомились?

— Не говори с набитым ртом, Ангус! Это невежливо! — отметила тетя Джесс, как всегда вовремя. Я начал продумывать ответ и вдруг неожиданно для себя вспомнил все в мельчайших подробностях.

Помню, какая удивительно прозрачная вода была в океане. Я нырнул, проплыл несколько метров под водой и вдруг увидел на светлом песке что-то блестящее. Но тут у меня закончился воздух, и мне пришлось всплыть на поверхность. Я вынырнул, набрал в легкие побольше воздуха и снова нырнул. На дне я увидел маленькое серебряное кольцо. Я схватил его и снова вынырнул. Отдышавшись, я решил разглядеть его. Оно было около пяти миллиметров шириной, довольно простое, но с какими-то причудливыми буквами или символами — сразу не понять. Напоминало

традиционные индейские украшения. Мне оно как-то сразу понравилось, будто это было мое кольцо и оно меня дождалось. Но оно было маленьким и налезло мне только на мизинец. Я посмотрел на свою руку и подумал, что мне повезло сегодня. А значит, сегодня удачный день. Бывает, судьба посылает знаки. Значит, сегодня меня ждет что-то хорошее. И я не ошибся. Я вышел на берег и увидел ее. Солнце играло в ее огненно-рыжих волосах, золотило сияющую красивым загаром кожу, отражалось в зеркальных очках, которые она надела на голову наподобие ободка. Меня потрясло ее тело: длинные, стройные ноги, тонкая талия, большая, красивая грудь и потрясающие бедра. Она сидела на песке, о чем-то беззаботно щебетала и улыбалась...

— Алекс меня сразу очаровал! — сказала Вивьен, рассказывая историю нашего знакомства.

— А я-то думал, что это я тебе так приглянулся! — сказал Джонни, картинно обидевшись. — Ведь подошла ты именно ко мне!

— О, да! К тебе! Но потом разглядела обручальное кольцо у тебя на пальце! И тут, когда я уже собралась уходить, из воды выходит он, то есть Алекс... — Вивьен забавно сказала «он», демонстрируя восхищение, которое она испытывала в тот момент. — Мы переглянулись.

— Какой идиот носит на отдыхе обручальное кольцо! — едва слышно пробормотал дядя Ангус, получив сразу два злобных взгляда — от тети Джесс и от Марты.

— Нет, все дело было в дорогих часах, которые ты тогда тестировал на водоупорность! — съязвил Джонни.

— О, конечно, все дело только в них! — сказала Вивьен, улыбаясь ему в ответ.

— Кстати, с часами все в порядке! — сказал я.

— Еще бы... — пробормотал Киндси, оценивающе глядя на мое запястье.

— Вы уже выбрали дату свадьбы? — спросила мама, отхлебнув немного белого вина.

— Честно говоря, мы еще не определились... — сказала Вивьен, чуть пожав своими прелестными оголенными плечиками.

— Но склоняемся к середине лета, — сказал я. Мама посмотрела на меня в упор.

— Надеюсь, Алекс понимает, как важно все заранее спланировать и как важно выбрать правильную дату... — она многозначительно выделила слово «правильную». Однако от меня ускользнул смысл, который она хотела вложить в это.

— О, дата — это очень важно! С точки зрения астрологии и нумерологии, следует верно подобрать комбинацию чисел, которая будет созвучна вашим именам и датам рождения и многим другим параметрам! — на полном серьезе говорила тетя Джесс. Дядя Ангус со вздохом налил себе еще вина, папа едва заметно улыбнулся. Вивьен почему-то с интересом слушала ее.

— Вот, например, ты, Вивьен, когда родилась?

— Десятого июня восемьдесят шестого! — сказала она улыбаясь.

— Такая молоденькая! — ахнула тетя Джесс. — Сейчас прикинем... — сказала она, что-то мысленно вычерчивая вилоккой на салфетке. — Алекс, ты, кажется, девятого родился?

— Да, тетя Джесс, девятого марта семьдесят седьмого.

— Совсем старик... — улыбнулся Джонни.

— Кто бы говорил! — рассмеялся я, ведь он был старше меня на четыре года.

— Развернули тут дискуссию о возрасте! — улыбнулся отец, подмигнув Киндси.

— Я лучше воздержусь от откровений, а то меня сдадут в утиль! — пошутила Ингрид.

— Вечно хотят мне лишний раз напомнить о возрасте... — пожаловалась мама.

— Мама, не нужно так искажать происходящее! Никто тебе ни о чем не хотел напомнить! Ты молодая и прекрасно выглядишь! — сказал я от чистого сердца.

— Я? Молодая? Алекс, ты никогда не был со мной честен! — улыбаясь гостям, сказала мама, но я снова не мог понять, к чему это она. Ведь я действительно никогда не врал ей по-крупному, настолько, чтобы это могло ее обидеть или задеть. Да, врал по мелочи. Когда что-то было запретно, ну так это было очень давно, я тогда был подростком. И когда не хотел ее волновать, это тоже. Но едва ли она об этом догадывалась. — Вот Вивьен молодая! Да и все твои друзья, и ты — вы молодые! И жизнь у вас только начинается, только вы ничего не понимаете еще в ней!

— Сандра — вздохнул папа. — Не время сейчас для нравоучений, они хоть и молодые, но все уже давно взрослые люди!

— Ой, так сразу и не скажешь... — вдруг очнулась тетя Джесс. — Вы такие разные!!! То, что важно Вивьен, часто совсем не важно для тебя. То, в чем ты силен, совершенно не характерно для Вивьен. Часто Вивьен слишком эмоциональна, а ты, наоборот, чересчур разумен... — Вивьен хмыкнула и заметила, что все скорее наоборот. — Но если вы влюбились, — продолжала тетя Джесс, — значит, эти различия дополняют друг друга! Но вы должны держаться друг за друга, иначе не сможете быть вместе и неминуемо расстанетесь.

— Значит, будем держаться друг за друга! — сказал я, приобняв Вивьен.

Едва мы забрались на заднее сидение такси и захлопнули дверь, Вивьен шумно вздохнула.

— Все-таки как меня утомили твои родственники! — пожаловалась она.

— К твоему счастью, мы с ними не так уж часто видимся! — сказал я примирительно, но на самом деле меня немного задело

это ее замечание. Конечно, ее тоже можно было понять, для нее все эти люди, исключая, пожалуй, Джонни и Марту, были чужими и неинтересными, а все их неловкие высказывания так и оставались неловкими. Для меня же все их несовершенства и неловкости были родными и милыми, и я их любил. Даже когда они меня раздражали. Близкие — и этим все сказано. Впрочем, Вивьен вдруг прижалась ко мне и стала меня целовать, я как-то сразу перестал думать о чем-то еще. Я целовал ее и таял от этого ощущения, как тает на языке горький шоколад. Я целовал ее, и пальцы путались в ее чуть вьющихся рыжих волосах. Я целовал ее и не мог остановиться, а она смеялась и говорила, что ей щекотно. Она постепенно отстранилась и стала смотреть в окно, пока мы стояли на светофоре. И я вдруг вспомнил, как я ее поцеловал в первый раз. Вспомнил, как ей понравилось, но она оттолкнула меня и отошла к барной стойке. Я вспомнил, как ее губы опалили меня. С того самого момента я страстно хотел только одного: чтобы она была моей. Но она затеяла игру в кошки-мышки. Она пристально смотрела в мою сторону и тут же отводила взгляд, она весело болтала со мной и вдруг куда-то удалялась, она сладко улыбалась и хитро прикусывала нижнюю губу, она прижималась ко мне в танце, просила угостить ее коктейлем, а потом смеялась и убегала к воде, оставив у столика свои босоножки. Мне нравился ее смех, он был удивительно искренним и одновременно игривым, необычайно женственным, даже колдовским. У нее был приятный голос, глубокий, грудной. Я знал правила ее игры, но в ней выигрывает тот, кто первый начал, а первой начала она. Она убегала, а я догонял. Она играла мной, но как-то очень по-детски, слишком очевидно, открыто, так, что было сразу понятно — без всякого умысла, просто потому, что она такая по своей природе. И это меня очаровало.

Она скорее снимала с себя почти всю одежду и, смеясь, забегала в темную морскую воду. Помню, как меня пьянил густой, теплый

воздух, наполненный запахами южной ночи. Кажется, даже песок имеет свой тонкий запах, особенно когда начинает остывать вечером, после того как солнце скрывается с небосклона. Особый аромат источают пальмы, их огромные листья колышет едва заметный ветерок с моря. Пахнут экзотические ночные цветы, пахнет уставшая от солнцепека сухая, истощенная земля. От огромных камней до сих пор исходит небольшое тепло, и они пахнут морской солью. Она забегает в воду по пояс и смеется.

— Алекс! Ты идешь? — спрашивает она. — Ты идешь? — повторяет вопрос Вивьен. — Мы уже приехали!

Я расплачиваюсь с водителем, выхожу из такси и беру ее за руку, поднимаясь по ступенькам ко входу в наш дом, дальше мы едем в лифте на самый верхний этаж, я обнимаю ее, она как будто бы стесняется, и от нее так сладко пахнет розой, амброй и нероли — это ее любимые духи. Я целую ее шею, она смеется от щекотки и вдруг снова становится серьезной.

— Алекс, осторожно! Вдруг кто-нибудь зайдет! — И я вспоминаю, как однажды на пятнадцатом этаже ни с того, ни с сего зашла старушка с пекинесом, и Вивьен, чуть покраснев, обратно застегнула свою блузку, но смазавшуюся яркую помаду было не скрыть. Я улыбнулся, вспомнив, как она тогда сделала свой любимый серьезный вид, как будто так и надо.

Вивьен зашла в квартиру, сразу скинула туфли, пожаловавшись, что они ей ужасно натерли ноги, и направилась на кухню.

— Может, выпьем чего-нибудь? Прямо хочется! Я при родителях стеснялась... — она улыбнулась.

— Если у тебя такое настроение, почему бы и нет! Что будешь? — спросил я, подходя к домашнему бару.

— Мартини со льдом! — томно заявила она, облокотившись на стойку. Я не мог ей отказать, как и тогда, когда она впервые попросила меня угостить ее коктейлем космополитен. Она подошла

ко мне перед самым закатом, чуть покачивая бедрами, скрытыми ярким пляжным платком и, глядя мне прямо в глаза, так и сказала: «Может быть, по коктейлю?» Был потрясающий вечер, с моря дул приятный ветерок, настроение было чудесное, легкое и отпускное, и я, конечно, согласился. Разве что-то могло мне воспрепятствовать? Кто же тогда предполагал, что я в нее влюблюсь, как мальчишка?

Время шло, я целыми днями пропадал на работе. Вивьен вся была в подготовке к свадьбе и постоянно засыпала меня какими-то неважными вопросами. Она звонила и спрашивала:

— Ты не очень занят? Я тут подумала, а что, если мы сделаем церемонию на открытом воздухе? Выпустим в небо много-много горящих фонариков, или нет, может быть, лучше голубей?

— Милая, а это обязательно? — спрашивал я. — Мне бы хотелось как-то сдержаннее... Разве недостаточно украшений из цветов?

— Нет, Алекс, ты что, не понимаешь? Такое же бывает один раз в жизни!!! Этот день должен запомниться!

— Кажется, мы и так не должны его забыть... — улыбаясь, отвечал ей я.

— Да нет же! — нетерпеливо говорила она. — Мы, конечно, не забудем. А гости? Чем мы будем отличаться от сотен других людей? Мы же с тобой особенные!

— Ладно, малыш, я подумаю... — отвечал я вздохнув. Может быть, и правда, если мне все равно, сделать, как ей угодно? А она продолжала размышлять на тему украшений для праздничного стола, нужно ли делать приглашения с тонким золотым тиснением или на старинном печатном станке? Свадебное платье лучше с рукавами или без? Цвета шампанского или белоснежное? Короткое или длинное? Сколько же все-таки будет гостей? Когда мы выберем обручальные кольца? Кто поведет Вивьен к алтарю? От всех этих вопросов у меня шла кругом голова, но и на нее нельзя было

вешать всю организацию, это слишком тяжело. Конечно, я нанял специального помощника, но все равно Вивьен хотела все продумать настолько идеально, как если бы мы были царственными особами. Меня это забавляло, бесило и умиляло одновременно. Но все же я был готов смириться почти с каждым ее капризом.

Все-таки, я был счастлив, и было легко на душе. Когда все хорошо, так легко наслаждаться настоящим моментом. Так легко смотреть в окно и просто вспоминать что-то хорошее, радоваться своим мыслям и одновременно чувствовать в эту самую секунду необыкновенный прилив счастья, просто оттого, что солнечный день, и оттого, что так хорошо помнишь улыбку любимого человека. Счастье пульсирует внутри, и ему не важны суетливые вопросы, ему не важны мелкие и крупные проблемы на работе, ему не важны вечерние пробки или чуть неудобный левый ботинок. Счастье пульсирует внутри, вместе с биением моего сердца, и я чувствую, что впереди меня ждет что-то очень хорошее, какой-то потрясающий, новый, насыщенный новыми красками этап в моей жизни. Я наслаждаюсь этим моментом, потягиваясь на утренней постели. Я улыбаюсь, выпивая утренний апельсиновый сок. Я думаю о хорошем, пока поднимаюсь в лифте до офиса, я иногда мечтаю во время совещания. Или наоборот, очень хорошо концентрируюсь, потому что меня не отвлекают никакие неприятные мысли, которые могли бы сделаться моими переживаниями. Я счастлив, и я не могу описать это чувство, потому что оно такое естественное, как... дыхание. Его не ощущаешь, и только когда не можешь вдохнуть, тебе становится плохо. И ты дышишь, дышишь и дышишь этим счастьем, иногда вдыхаешь его глубоко-глубоко, ощущая всем сердцем, как оно согревает всю душу, всего тебя изнутри, трепеща и разливаясь по всему телу каким-то удивительным, едва уловимым чувством. Замирая от восторга настоящего момента, ты мысленно просишь только об одном: чтобы это никогда не кончалось.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я сидел на крыльце нашего загородного дома. Удивительно, но, несмотря на то, что многие вещи изменились с тех пор, как я был ребенком, здесь все оставалось таким же. Дом уже несколько раз менял свой цвет, темно-коричневая краска чуть облупилась с тех пор, как его перекрасили в последний раз. Сад стал больше и разнообразнее, и оттого, что многие места в нем покрылись чуть ли не дикими зарослями, только выиграл. Старую беседку у реки почти полностью оплел вьюн, и его бело-розовые цветы были похожи на старинные граммофоны. Река неспешно текла мимо, образуя маленькие водовороты у камней. Над водой роились мошки, иногда было слышно, как плещется рыба. Я отдыхал после бурного веселья: целый день улыбки друзей, регби, футбол, барбекю, выпивка, и снова игры, разговоры, воспоминания... Даже не верится, что время бежит так быстро, ведь кажется, совсем недавно я был еще подростком. Подумать только! Пятнадцать лет назад все мои друзья были совсем детьми, подростками, обсуждавшими, кто сколько выпил газировки, какая жвачка лучше надувается в пузыри и как здорово глазеть на купающихся девчонок! Хвастались? Да, хвастались новым велосипедом, на котором можно быстро-быстро кататься по проселочным дорожкам и даже по городу. Хвастались собственным вертолетом, только на радиоуправлении. Хвастались первым поцелуем, в конце концов. А беседы взрослых казались удивительно скучными, потому что из года в год повторялось одно и то же: они собирались за столом и начинали говорить...

— Сандра, вы уже решили, в какой колледж пойдет Алекс? — спрашивала маму Нэнси.

— Мы пока еще не решили точно, но знаем, что в самый лучший! — гордо говорила мама.

— Я подумываю над новым автомобилем, помощнее и чтобы сидения были обязательно кожаными! Только представь, черный ягуар с деревянной приборной доской и сидениями из кожи цвета коньяка. Поворачиваешь ключ, и тут такое рычание под капотом! — в красках рассказывал отец о своей будущей машине. Киндси понимающе кивал, покуривая кубинские сигары, потом рассказывал про свой кабриолет. Отец цокал языком.

— Что ты добавляешь в яблочный пирог? — спрашивала мама у тети Джесс.

— Яблоки, только обязательно кисло-сладкие, и почистить от кожуры. Потом... Что потом? Потом мед, корица, немного кардамона... — задумчиво перечисляла тетя Джесс, загибая пальцы с ярко-красным маникюром.

— Вы уже сделали ремонт в своем доме? Помню, ты планировала большую парадную лестницу из темного дерева? — спрашивала мама Ингрид.

— С этими переделками вечно все так сложно, ремонт постоянно затягивается, сроки переносятся, даже не знаю, что там будет с моей лестницей в итоге... — жаловалась Ингрид.

— Просто Ингрид никак не может определиться, чего именно хочет, — говорил ее муж вздыхая.

— Просто я хочу, чтобы все было идеально, а не побыстрее, — отвечала ему Ингрид, и было видно, что они постоянно о чем-то спорили. Наверное, шепотом на кухне, пока спали дети.

— Ты только посмотри на них, Мэри! Совсем недавно пешком под стол ходили, а теперь уже им подавай мотоцикл! — кряхтел

отец моего лучшего друга Криса. Как звали отца, я не помню, а с Крисом мы не виделись уже, наверное, лет двенадцать.

— Да ладно, мотоцикл! Наш, вон, на соседских девчонок из бинокля заглядывается! — жаловалась Нэнси, та самая, жена Киндси.

— Это хорошо, это очень хорошо! Эх, и я бы поглядел! — шутил дядя Ангус, поглаживая усы. Тетя Джесс смотрела на него строго, потом улыбалась, понимая, что он шутит, и тоже что-то говорила. Женщины, манерно сидя за столом, потягивали мартини с соком и обсуждали кулинарные рецепты, лучшие магазины и последние модные тенденции. Спорили о воспитании детей и особенно — подростков. О том, стоит ли их сильно ограничивать или предоставлять им больше свободы. Хвастались последними достижениями мужа или своими карьерными успехами, дорогими подарками, обсуждали планы на совместный семейный отпуск. А когда мужчины уходили, часто говорили про них. Как мой отец шумно ругает водителей, хотя они его не слышат, а слышим его мы, я и мама. Как Киндси любит шаркать ногами или ковырять в зубах зубочистками, как дядя Ангус любит пропустить несколько стаканчиков и отпускать пошлые шутки в присутствии детей, как муж Ингрид задерживается на деловых переговорах, а потом от него пахнет чужими духами. Мужчины сидели, вальяжно развалившись в креслах, и гордо обсуждали инвестиционные проекты, финансовые потоки и цены на акции, потом оживленно спорили о преимуществах передних и задних приводов, хвастались лошадиными силами, потом снова обсуждали, но на этот раз спиртные напитки. Потом вдруг вспоминали истории из молодости, кто сколько выпил и к чему это в итоге привело. И чем плачевнее был результат, тем громче раздавался гомерический хохот. А когда женщины удалялись на кухню, обсуждали жен. Как Нэнси помешалась на йоге и сыроедении, а муж и дети вынуждены есть морковь с капустой или полуфабрикаты, но под ее осуждающим

взглядом. Как тетя Джесс постоянно звонит и контролирует Ангуса, а еще, как она любит есть по ночам. Как Ингрид часто забывает приготовить еду или убратся дома, потому что у нее нет вдохновения и другие дела. И все эти разговоры казались нам, подросткам, до одури скучными. Мы даже смеялись над ними, передразнивая на свой лад. Но вот ведь что удивительно: прошло всего пятнадцать лет, и все мои друзья обсуждают все то же, только другими словами. Появились новые технологические новинки, новые слова. Женщины и мужчины, машины и дома — все выглядит иначе, но разговоры остаются прежними, становятся скучными. Кто-то взял ипотеку на новый дом, у кого-то дети скоро пойдут в школу, кто-то, опять же, гордится новым авто, кто-то вспоминает собственную свадьбу и дает важные, на его взгляд, советы, а кто-то только мечтает встретить свою любовь. Но все выглядят такими взрослыми и размышляют на взрослые темы, а на самом деле? Может быть, все они где-то глубоко тоже еще подростки? И все это наносное, то, что нужно обсуждать, если ты взрослый? Вот мы с Вивьен поженимся уже через неделю, подумать только, даже не верится. Я смотрел на вечернее небо. Далеко-далеко, на большой высоте, пролетали ласточки, пронзительно крича что-то. Перистые облака отражали свет закатного солнца, их края ярко горели насыщенным огненно-оранжевым светом. Я подумал о Вивьен и улыбнулся. Сразу почему-то вспомнилось, как она смеется. У нее удивительный, почти детский смех... Совершенно не понимаю, отчего у некоторых друзей возникло мнение, что она со мной исключительно из-за моих денег. Смешно! Мама, кстати, тоже так сначала считала. Только я их познакомил, сразу отвела меня в сторону и, тихо так, говорит мне:

— Алекс, это же совершенно не твой вариант!

— Мама, это не вариант, это девушка, которую я люблю.

— Ну, пусть так. Она совершенно не твоего уровня! Послушай, как она говорит, как глотает окончания! И эти интонации...

— Мама, не начинай! — строго сказал я. — Конечно, не все люди на свете обучаются в Йеле, не у всех есть такие родители и возможности!

— То-то и оно, что не все! У тебя блестящее образование, пусть и не совсем то, что мы бы с отцом хотели... — чуть понизив голос, как всегда не вовремя, вставила она, — ты вырос в такой среде и тут приводишь в дом девушку, которая нам даже родителей своих представить не может! — она особенно подчеркнула слово «такой», как будто среда, в которой я вырос, была чем-то совершенно особенным. — Твоя девушка тоже должна быть особенной, а не такой, как эта, — мама пренебрежительно скривила губы. Я был расстроен.

— Просто уважай мой выбор и поверь, она далеко не такая, какой тебе показалась!

— Мне? Показалось? Да ты видел, как она разглядывала обстановку в доме? Как оценивающе смотрела на мои украшения? На отца?

— Мама, ты сгущаешь краски... — я вздохнул и сделал вид, что разговор закончен.

И что же? Уже весной, на помолвке, мама радовалась тому, что скоро я женюсь и они наконец-то получат долгожданных внуков. Наверное, все же изменила свое мнение. У меня просто в голове не укладывается, как Вивьен можно было заподозрить в чем-то подобном! Ей всего двадцать лет, точнее двадцать один, она еще совершенный ребенок! Ее смех, такой чистый и свежий, из самой глубины души! Как этот смех может принадлежать расчетливому человеку? Я однажды в шутку спросил ее:

— Так, может быть, ты со мной как раз из-за счета в банке? — я подмигнул ей.

— Да, конечно! Именно поэтому! Ты ведь на мне женишься? — улыбаясь, отвечала она совершенно серьезным тоном.

Помню, я потом расхохотался, а она, кажется, все-таки обиделась, но ненадолго.

Снова вспомнилось, как я был с Вивьен. Как она манила к себе только взглядом, как смотрела мне прямо в глаза и потом вдруг медленно опускала ресницы и начинала улыбаться, как будто знает какой-то секрет. Как она как будто бы невзначай касалась меня, проходя мимо. Как она делала вид, что ей нет до меня дела, едва я подходил к ней поближе. Вспомнил вкус ее губ, и как она страстно целуется, как смело раздевается, и одновременно с этой смелостью как же медленно она снимает с себя оставшуюся одежду. Вспомнил ее запах, запах ее любимых духов, запах ее волос и ее кожи. Я подумал, как бы мне хотелось, чтобы она сейчас была рядом со мной. Но у Вивьен сегодня девичник, и вернется ли она сюда, мне неизвестно, еще слишком рано, чтобы звонить ей. Солнце только заходит, становится прохладнее, но это приятная летняя прохлада, которая наполняет свежестью легкие, уставшие за день от опаленного солнцем воздуха, который от жары становится сухим и безвкусным. Я сижу на крыльце и пью холодный чай, с мятой и кубиками льда. Лед почти растаял, но все еще приятно звенит о стекло запотевшего стакана. В сердце какое-то очень приятное трепетание, как будто ожидание чего-то приятного, чуда. А на самом деле я просто жду, когда вернется Вивьен. Быть может, только завтра, но я уже жду. Снова пролетели, пронзительно крича, ласточки. Я посмотрел на небо, в котором таял последний луч заходящего солнца, вдохнул глубоко-глубоко прохладный воздух и почувствовал, как меня наполняют самые лучшие чувства, я закрыл глаза и загадал желание.

— Алекс, ты идешь? — позвал меня Джонни, высунувшись из двери. Вечернюю тишину наполнили приглушенные звуки музыки, смех, чьи-то голоса, причудливо перемешавшиеся в единый гомон, полный знакомых интонаций, обрывков фраз, и снова смех, смех,

смех. И я захожу в дом. Здесь, в гостиной, мягкий свет от старых абажуров, пунш, разговоры обо всем на свете, уже не такие скучные, как раньше. Джонни рассказывает, как путешествовал авто-стопом, когда едва закончил школу. Марта вернулась из спальни, где укладывала малышку Абигейл, и теперь держала на коленях Оливера, чуть трепала его волосы, улыбалась и слушала Джонни. Я смотрел на нее и вспоминал, какой она была, когда мы только познакомились, как давно это было? Семь? Восемь? Девять лет назад? Не помню. Точно, девять лет... И так вроде недавно это было, недавно она была такой молоденькой, такой свежей, как первоцвет. Нет, она не изменилась внешне, почти не изменилась, но глаза стали другими. И вместе с ними вся она стала другой. Я помню, как она была влюблена в Джонни, а он просто был с ней, как с очередной симпатичной девчонкой. Как она любовалась им, не столько внешне, сколько его внутренним миром, который казался ей тогда таким прекрасным. Как она слушала его тогда... Да и сейчас, как она слушает его — как будто вспоминает то время, когда он впервые рассказал ей, как он остался посреди Аризоны в полдень, и у него была только маленькая бутылка воды и большой рюкзак за спиной, а по дороге, частично засыпанной песком, вообще не проезжали машины, как назло. И он стоял на одном месте и шел вперед, но все было бесполезно, и только вечером, на самом закате, его подобрал какой-то дед в старом пикапе. Я смотрел на нее и видел, как глаза ее светятся немного грустью, но больше всего просто теплым, мягким, истинным счастьем. Я улыбнулся. Я решил позвонить Вивьен. Ее было плохо слышно.

— Ой, тут так весело! Я не знаю! — кричала она в трубку. Ее голос пробивался сквозь громкую клубную музыку и голоса подруг.

— Веселись там хорошенько! — я улыбался, предвкушая собственный мальчишник.

— Это я умею! — кричала она. — Может быть, я приеду! Только я пьяная!

— Лучше вызови такси, слышишь? Вызови такси, если решишь приехать!

— Так и сдела... — отвечала она, и связь прервалась.

Я решил ей не перезванивать, все равно ничего не услышит. Я снова непроизвольно улыбнулся, представив, как она там танцует, поет и смеется.

— Ты за нее спокоен? — спросила Энджи, моя давняя подруга, подмигнув.

— Конечно! — отвечал я. Да, я был за нее спокоен. Я старался отогнать мысли о мужском стриптизе и о том, как какой-нибудь жеребец подойдет к ней и начнет с ней обжиматься, а подруги будут подначивать ее. Нет, Вивьен, может, и подыграет ему, но не более того. Я спокоен.

Смех постепенно стих, немногочисленные гости, оставшиеся на вечер, разъехались по домам, и в доме остались только я, Джонни, Марта и их дети, мирно спящие в одной из комнат. Не дожидаясь полуночи, я решил оставить Джонни и Марту наедине и пошел к себе. Некоторое время я лежал на кровати, перебирая в голове все яркие впечатления дня. Как Энджи растянулась на траве, пытаюсь поймать мяч, как Рассел запустил тарелку прямо в реку, как Джейк показывал класс на моем старом велосипеде, проезжая по кругу без рук и на одном колесе, как Нэти готовила домашний лимонад, совсем как ее мама когда-то. За окном окончательно стемнело, лунный свет хорошо освещал комнату. Я смотрел на стены. Здесь висели плакаты моих любимых рок-групп, черт! Как давно я их не слушал! Чуть выше, почти к самому потолку были подвешены самолетики, которые мастерил еще мой отец в юности. Я разглядывал тени, которые они оставляли на стенах, когда чуть покачивались на подвесах оттого, что я открыл окно, и в

комнату ворвался свежий ночной летний воздух. Погруженный в приятные воспоминания, я заснул. Как мне показалось, я проспал совсем недолго, и вдруг сон как рукой сняло. Показалось, что подъехала какая-то машина. Или мне приснилось? Я выглянул в окно, никакой машины не было. Я хмыкнул, посмотрел на часы: было полчетвертого утра. Я вышел из комнаты, в доме было очень тихо. Я медленно спустился с лестницы, стараясь не наступать на шестнадцатую и седьмую ступеньку слева, потому что они противно скрипят. Но их совершенно не хочется чинить, потому что они всегда так скрипели. Это уже как характер родного дома. Я вышел на улицу и пошел к реке. Там должно было быть очень красиво сейчас. И правда... Вода отражала лунный свет, любые неровности темно-синей, почти стеклянной глади серебрились ярким светом. А огромная луна так и висела на небе, окруженная звездами. Здесь, дальше от Большого Яблока, звезды ближе и чище. Ива опустила свои ветви к самой воде, ветерок чуть колышет тонкие, вытянутые листья, которые тоже отражают лунный свет. Иногда то там, то здесь слышны всплески, наверное, это рыба. Приятно стоять здесь и смотреть на очертания противоположного берега, слушать тихий шум воды, дышать этим до боли знакомым воздухом и думать о Вивьен. В зарослях надрывались сверчки. Я решил прогуляться по саду, между старых деревьев, мимо реки. Вдруг захотелось пить, но я решил все-таки не спеша прогуляться до беседки, а потом вернуться в дом. Я шел, иногда было довольно темно, и я с трудом различал, где начинается клумба и кончается узкая тропинка. Река неспешно бежала рядом, как когда-то, давным-давно, бегал мой пес. И снова я проходил мимо зарослей, в которых сидел еще один оркестр первоклассных сверчков. Я был совсем недалеко от беседки и вдруг услышал, что там кто-то есть, шепот, какую-то возню, пригляделся и увидел Джонни, профиль которого в эту секунду осветила луна. Я смутился и скорее пошел

к дому. Вот дают! Уложили детей спать, а сами уединились в беседке... Я улыбнулся про себя, обрадовавшись за них. Я ускорил шаг, не хотелось бы смутить их своим присутствием. В доме на кухне горел свет. Странно, кажется, когда я выходил, было темно. Наверное, все-таки Вивьен приехала. Я взлетел на крыльцо, открыл дверь, увидел ее сумочку, которую она кинула прямо у входа, и скорее пошел на кухню. Сердце билось часто-часто, я был так рад, что она приехала! Я зашел на кухню и застыл на пороге. Марта держала на руках Абигейл и разогревала бутылочку молока.

— О, Алекс! Не спишь? Ты не видел, где Джонни? — спросила она.

Часть IV

ИСТИНА

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я уехал тотчас же. Не помню ничего, не хочу помнить. Помню только, что гнал свой автомобиль и ни о чем не думал, точнее, думал, но это были странные мысли, сумбурные, смешанные. Фары нащупывали себе путь в темноте, но с каждой минутой становилось все светлее. Снаружи. Внутри меня потухло солнце. В одно мгновение. Руки холодели, во рту все пересохло, но пить не хотелось. Ничего не хотелось. Мне не стоило садиться за руль. Я чувствовал тупую боль в груди, и я думал только об одном: почему? Этот вопрос пульсировал внутри меня, но я не находил ответа. И все мысли обрывались на полуслове. Я думал: «Боже, Вивьен! Вивьен!!! Как? Как это возможно? Как ты мог... Джонни, друг... Друг ли, да я же совсем тебя не знаю! И ее не знаю... Как такое возможно?!» Не мысли — истерия. Они в беседке перед глазами. Это Вивьен шептала ему так сладко... Я не пытался отогнать эти видения, я думал, думал о них, черт возьми! Я не мог понять, как и почему? В голове крутились ее имя, ее голос, ее взгляды. Наши лучшие моменты вместе. Вот она, раздеваясь, бежит в воду и манит меня к себе. Беседка. Вивьен откинула рукой огненно-рыжие волосы, посмотрела мне в глаза и сказала: «Конечно, люблю! Как же иначе!» Беседка. Мы лежим в постели, она шепчет мне томно на ухо: «Ты мой единственный, мне больше никто-никто не нужен, только ты». Беседка. Мы сидим у фонтана, она ест мороженое, аппетитно облизывая ванильный шарик. Беседка. «Подумать только, скоро наша свадьба! Я буду вся такая красивая-красивая! Все подружки сдохнут от зависти! И мы будем вместе, пока

смерть не разлучит нас!» Беседка. «Ты за нее спокоен?» — слышится в голове вопрос Энджи. Беседка.

«А я-то думал, что это я тебе так приглынулся!» — раздается голос Джонни, и я вспоминаю, как они друг на друга смотрели, а я и не думал, что это может что-то значить... И снова вижу перед глазами, как луна осветила профиль Джонни, и слышу вполне характерный шум, доносящийся из старой, заросшей вьюном беседки. Я медленно выдыхаю воздух. Я пытаюсь понять, что происходит, но ощущение реальности покидает меня. Я гоню на полной скорости в сторону Нью-Йорка, мелькают огни проезжающих мимо машин, а я еду, ориентируясь только по ограничительным полосам, сложно понять, о чем я думаю в этот момент. Все смешалось. Весь упорядоченный мною мир, все, что было так понятно и ясно, так безусловно и безупречно, вдруг обрушилось, но не перестало существовать, просто утратило порядок. Мне не хотелось думать сейчас, что делать дальше и как дальше жить. Я думал совершенно о другом. В голове то и дело, как на старом, заевшем магнитофоне, проигрывались ее слова. «Я люблю тебя...», «Я всегда буду только с тобой, потому что ты — лучший», «Я так люблю, когда ты меня обнимаешь...», «Ты — мое счастье»... Ее улыбки, ее взгляд, то, как она держала меня за руку, как... Как? Как? Я не мог понять, как такое вообще могло произойти? Ведь если она любила меня так, как я думал, то подобное вообще случиться никогда не могло, а значит, я ошибался. Я ошибался. Я жестоко ошибался в ней. В моей девочке, моей волшебной девочке Вивьен, моей колдунье. Я ошибался. В ней. А Джонни? Как он мог? Мой давний друг? Мой лучший друг? Мой самый верный друг? Да у него же любящая жена и дети, теперь целых двое. Марта, она же светится счастьем и любовью! Неужели он удружил мне, решив провести свой любимый тест «Устоит ли невеста после девичника?». Хотя, может быть, он и прав. Но вряд ли он

был альтруистом. Черт! Что я думаю! И что мне думать в такой ситуации...

Я не мог успокоиться еще несколько часов, даже когда, доехав до дома, беспокойно заснул, не расстелив постели. Это был не сон, сплошной бред. Образы, образы, образы... Ее тело, тело моей любимой, и руки моего друга, касающиеся ее. И ей это нравится, нравится... Она жаждет моего друга, она с Джонни, а до нашей свадьбы всего неделя! И все же хорошо, что я узнал об этом. Хорошо, что у меня открылись глаза. Иначе я никогда бы не понял, почему они так часто смотрели друг другу в глаза и улыбались, мне все это казалось шуткой, не симпатией, не флиртом. Вивьен — чудовище, а вовсе не наивное дитя. Как сложно в это поверить! Ведь человек верит сердцем, а не разумом, а если сердце еще любит, то как оно может поверить в такое? Как может допустить любящее сердце, что другой человек, такой близкий и родной тебе на самом деле совсем не такой, как ты думаешь? Расчетливая. Коварная. Стерва. Вивьен? Вивьен? Как она могла такое сделать? Да и что мне с того, если бы я знал четкий и разумный ответ, как она могла такое сделать? Я люблю ее сердцем, не головой, и доводы рассудка мне ни к чему. И, конечно, очевидно, что нужно сейчас делать, но я люблю ее. Пока люблю. Но это должно пройти. А сейчас я должен еще поспать. И я закрывал глаза, но на губах вертелись строчки из наших любимых песен, меня преследовали реалистичные ощущения, воспоминания о том, как она прикасается ко мне, как целует меня, как шепчет мне нежности на ухо. И все это сейчас же должно перестать существовать, потому что было фальшивым, ненастоящим... Надуманным. Все это фильм, в котором она выступала режиссером и актрисой, а для меня это не фильм, для меня это моя жизнь, моя любовь, воздух, которым дышу, вкус к жизни, если не ее смысл. Что я сделал не так? Чем я хуже его? Неужели я так похож на обыкновенного простака?

Неужели она не видела во мне всего того, о чем говорила на самом деле? Неужели она настолько глупа, что не увидела во мне ничего, что стоило бы ее настоящей любви? Я отгонял от себя мысли, но у меня не получалось. Я старался думать о себе с точки зрения женщины. Я не мог понять Вивьен. Я не мог понять, что же ей еще нужно было от меня? Хотя ответ, конечно, очевиден. Но неужели только деньги? Только деньги? Немыслимо обидно. Немыслимо. И непонятно. Нужно забыться сном. Нужно спать. Я снова закрываю глаза в отчаянной попытке заснуть и проваливаюсь в беспокойный сон: я сижу на стуле, прямо у собственной кровати. Мои руки связаны. Вивьен и Джонни отвратительно медленно занимаются сексом друг с другом. Я говорю им: «Можно, я не буду на это смотреть?» — и сам удивляюсь, как жалобно звучит мой голос. Джонни смотрит мне прямо в глаза и говорит: «Конечно, нельзя». Вивьен вторит: «Ты ведь уже все видел!» И я смотрю дальше, я осознаю, что это — кошмар, я хочу проснуться, но не могу. Я вижу, как он касается ее бедер, ее нежной кожи, вижу, как она прикрывает глаза от удовольствия, вижу, как закусывает нижнюю губу, постанывая от наслаждения. Как он сжимает ее в своих руках, как наклоняется к ней и целует ее прямо в губы. Долго. Страстно. Невыносимо.

Начинается вечер. Я просыпаюсь в ярости, желая только одного — схватить нож и... О, какое же счастье, что их обоих нет сейчас здесь!!! В голове пронеслись образы кровавого, жестокого убийства. Я буквально чувствовал, как орудую ножом. Но, конечно, я понимал, что эта жестокость — всего лишь отражение моей внутренней боли, и ей место только в моих мыслях, потому что ее проявления в реальном мире ни к чему не приведут, кроме смерти, разочарования и многих испорченных жизней. Даже в момент отчаяния и гнева я сам себя как будто держу за руку. Но да. Если бы на планете Земля вдруг оказались только мы втроем и больше

никого, я бы убил их, а потом себя. Беспощадно и жестоко. Как они это сделали со мной. Да, я живой, но я себя не чувствую живым.

Я отключил телефон, который надрывался от ее звонков. Я закрылся в квартире. Я не хотел никого видеть и никому ничего объяснять.

На террасе никого нет, догорает вечер. Как он не похож на закат прошлого дня! Как быстро все переменялось! Облака все так же золотятся от закатного солнца, но разве это — счастливое небо? Дует ветер. Пусть так, мне даже лучше. Чем холоднее воздух, тем приятнее дышать, потому что внутри я горю. По-настоящему горю. Вы когда-нибудь горели внутри? Нет, не от страсти и даже не от любви. Весь мой мир, весь огромный мир внутри меня сжимался и становился все меньше и меньше, превращаясь в лист бумаги. Скомканный и подожженный кем-то. Как же это больно! Дышать тяжело. Горько и противно во рту, как если бы выкурил чужую сигарету. Я сижу на террасе, я смотрю на постепенно меркнущее небо, на огни города, но я не здесь, не в Нью-Йорке.

Перед глазами как будто фотографии. Все самые светлые моменты за последние несколько лет. Они теряют краски, выцветают на глазах. Мне противно смотреть на лицо Вивьен, запечатленное в моей памяти. Мне отвратительна улыбка Джонни. Мне отвратителен я сам, что не смог понять, кто они, раньше. Я не знаю, были это первый раз вчера или один из многих, это не меняет дела. Они на это способны. Ничто не может их оправдать. Фотографии тлеют, начиная с краев. Мысленные образы горят, как фотобумага. Но больно отчего-то мне. Как будто горю я сам. Догорает один образ, и перед глазами появляется новый. И так до бесконечности, потому что это не забыть, не уничтожить! Она в моем сердце, и даже когда я ее разлюблю, она все равно будет там, потому что я ее

туда допустил. Человек не может избавиться от воспоминаний, как от ненужного хлама или цифрового мусора. Человек не компьютер. Нельзя нажать delete, нельзя отформатировать «Корзину», даже если ты твердо решил удалить кого-то из своей жизни. Это все равно будет преследовать тебя. И, вопреки всем мелодрамам, нельзя начать жизнь заново, потому что жизнь только одна. Моя жизнь. И больше всего сейчас признать, что я ошибался. А самое болезненное заключается в том, что я ошибался не потому, что сам был неправ или плох, не сам был порочен, циничен и расчетлив, а ошибался потому, что не хотел видеть подобных качеств в окружающих. И не просто окружающих. В любимых людях. В самых близких для меня людях. Любимая женщина, с которой я хотел связать свою судьбу. Верный друг, которого я, как оказалось, не знал более десяти лет. Я ошибался потому, что был слишком добр. Какая ужасная западня! Меньше всего в жизни я хотел бы столкнуться с подобным, меньше всего в жизни я хотел бы подозревать симпатичных мне людей в неискренности. Меньше всего я, целостный и интересный человек, ожидал, что кого-то заинтересую не я сам как личность, а я как источник дохода и благ. Как я ошибался! Наверное, я слишком сильно ценил себя, настолько сильно, что не сомневался ни на секунду, что Вивьен влюблена именно в меня. Меня — мыслящего и чувствующего. Меня, с моими домыслами, мечтами, заблуждениями, целями и идеями, с моим прошлым и будущим. Но ее это не интересовало. Или интересовало как рычаг, приводящий машину моего сердца в движение. Только сердце ей было не важно. Кассовый аппарат. Статусная игрушка. V. I. P.-пропуск в мир мечты! Боже, даже не верится, что ей все это действительно настолько важно! Как я ошибался! Насколько пустым должен быть человек, чтобы материальные блага с лихвой удовлетворили его внутреннюю жажду? Неужели красивая жизнь, жизнь без забот — единственное, к чему стоит стремиться? Любой

ценой? Что за жестокий мир! Что за ценности! Значит, ценнее спать на шелковых простынях, чем спать, искренне обняв любимого человека... Сколько раз я видел, как богатые люди обедают в лучших ресторанах мира. Я и сам любил там бывать. Но здесь существует огромная разница. Одно дело действительно понимать красоту момента и наслаждаться каждой гранью вкуса, ощущая особенность настоящего вечера. И совершенно другое — сидеть, и просто поглощать что-то, а вкус уже привычен, даже приелся, и нет никакой разницы между ощущением, которое испытывает обычный работяга, пришедший домой и съевший обычный ужин, приготовленный уставшей женой. И разговоры те же. Рутинные. Поверхностные. Как бы сквозь зубы. Надоевшие обоим. Значит, ей было ценно это... Странно. Ей было ценно выглядеть на миллион долларов. Ей было ценно, чтобы в ее ушах сверкали бриллианты. Она тем самым погубила себя. Ведь куда ценнее, чтобы глаза сверкали, как сверкают у человека с истинно чистой душой. Я думал, она такая. А я ошибался! Я принимал все это за игру, мне казалось, она просто хочет быть прекрасной, сказочной нимфой, что ее желание почти девичье, детское, наивное, истинно женственное желание себя украшать. Но все было иначе. Она хотела быть красивее внешне, потому что внутри нее была пустота. Как жаль, что я это заметил так поздно... Но все же хорошо, что заметил. Я снова вспомнил тот разговор, когда я в шутку спросил, не из-за денег ли она со мной. И вспомнил, как серьезно она ответила. Я еще тогда подумал, как она удивительно сыграла, ни на секунду не раскололась, признавшись, что это действительно так. У меня тогда даже сердце екнуло в груди, но я, не в силах даже на секунду представить, что это может быть правдой, расхохотался. Господи, как она играла! Она даже сделала вид, что немного обиделась на это мое предположение, чтобы я чувствовал себя виноватым. Чтобы отогнал от себя остатки подобных мыслей. О, ей удалось

это сделать!!! У нее действительно блестящий актерский талант, как жаль, что в Голливуде о ней не знают. Быть может, до поры до времени... Теперь понятно, почему она не спешила признаваться в любви, почему так играла моими чувствами в самом начале — это чтобы потуже затянуть аркан. И я попался! Теперь понятно, почему она часто обижалась на какие-то пустяки! Это чтобы мне пришлось перед ней извиняться и чтобы я еще сильнее ценил ее и ставил на пьедестал. Как же я не замечал, что все, абсолютно все в ней фальшиво! Наверное, это потому что иногда она сама начинала верить в выдуманную себя. А выдуманная Вивьен — прекрасна. Как жалко, что она теперь медленно умирает у меня в голове. Как больно! Ведь, хоть я и знаю, что все это подделка и фальшь, я все еще люблю ее и люблю вспоминать, как она улыбается утром, как потягивается, как нежно целует меня. Подумать только! С одной стороны, все воспоминания настоящие и неподдельные, так как волновали меня по-настоящему. Но с другой стороны, это как... суррогат. Суррогат любви, рецепт которого Вивьен знала наверняка. Красители из ярких, поддельных эмоций, ароматизаторы из ее духов, запаха ее тела и волос, консерванты в виде сладких обещаний и очень много улыбок и блеска в глазах, чтобы под всей этой глазурью нельзя было ничего, абсолютно ничего заподозрить. Колдунья! И ведь меня невозможно было расколдовать... Я не верил никому, хотя многие мои друзья, и даже мама, предупреждали меня, заметив какие-то мелочи. Но я не хотел складывать части головоломки в единое целое, я не хотел думать о плохом.

А Джонни? Как он мог такое совершить? Он ведь прекрасно знал, как я отношусь к Вивьен, как люблю ее, как превозношу, как дорожу ей! Нет, Джонни это было неважно. Не знаю, кто кому предложил, но в итоге беседа сотрясалась от их движений. А остальное им было неважно. Они удовлетворяли жажду, которая мне неведома. Нет, я прекрасно понимаю, что такое страсть

и желание, я не понимаю, как они могут быть настолько сильными, чтобы можно было предать любимого, предать друга, жену, в конце концов. Не мне ли он говорил, как любит Марту? Видимо, я многого не знал о нем, и более всего — даже не предполагал, что он способен на двойное предательство. Неужели их минутное наслаждение с Вивьен того стоило? Хотел бы я посмотреть ему в глаза! Хотел бы я прямо спросить его обо всем! И в то же время, к чему мне выслушивать его оправдания? Они уже ничего не изменят. Меня предал мой самый близкий друг. Предал, подавшись сиюминутному искушению. Хотя почему сиюминутному? Быть может, они это делали не в первый раз? Быть может, просто я ничего не замечал?

Во что же теперь верить? Что истинно? К чему вообще идет этот мир, если люди так поступают друг с другом? Ненасытные, поглощают друг друга, не задумываясь о том, к чему это приведет. Но ведь если ставить под сомнение и отрицать идеалы, они сами собой потеряют смысл. Если человек не верит в любовь и преданность, как он может любить и быть преданным? Как может оценить любовь и преданность? Если человек не верит в честность и открытость, как сможет сам открыть сердце? Теперь я и сам не знаю, во что верить. Почва ушла из-под ног, все разрушено. Нужно встать и идти дальше. Но обо что опереться и куда идти?

У всего в этом мире есть своя цена, так вот стоило ли оно того? Что ж, болезненно, но мое прозрение того стоило. Нужно сказать им спасибо. Однако от этого осознания мне не легче. Я потерян и подавлен. Я не знаю, куда деться от этого щемящего чувства, от которого холодеет внутри. От которого хочется просто взять и умереть, сдаться, закричать на весь мир: «Хватит!!!»...

Вдруг я услышал, как кто-то открывает дверь. В квартиру зашла Вивьен. Я продолжал сидеть в своем кресле. У меня не было никакого желания видеть ее.

— Алекс, милый, позволь я все тебе объясню! Это было не совсем то, что ты подумал... — начала она. Я молчал. У меня не было слов. — Я очень сильно напилась с девчонками... — говорила она извиняющимся тоном.

— Настолько сильно, что не могла отличить Джонни от меня? — спросил я.

— Да я вообще себя не помнила! Не помню, как я там оказалась, вообще ничего не помню! Мне Джонни все на утро рассказал, когда я спросила его, где Марта, — она продолжала унижаться.

— Ты все еще думаешь, что если ты ничего не помнишь, этого не было? Думаешь, это тебя извиняет? — спросил я. Она не нашла, что ответить.

— Слушай, ну пойми, он красивый мужчина. Я просто не могла устоять... — говорила Вивьен. — Я была пьяна, черт возьми!

— Чем я хуже его? — прямо спросил я.

— Ты... в том-то и дело, что ты ничем не хуже! Просто, просто...

— Ты не любишь меня, вот и все, — отвечал я.

— Да нет же, родной, любимый... Я люблю тебя! Я так раскаиваюсь! Я ошиблась! Прости меня, а? — спрашивала она таким тоном, будто разбила мою любимую чашку, а не жизнь.

— Я не верю тебе, — сказал я. Она как будто переменилась в лице. — Ты врала мне все это время, я тебе совершенно не важен. Все, что тебе было нужно — мои деньги, — я следил за ее реакцией. Она вдруг вспыхнула. Наверное, поняла, что ее чары на меня больше не действуют.

— Алекс, ну прости, прости меня! — она заплакала. — Я ошиблась! — она говорила вроде бы верные слова, но так, что я больше ей не верил. Нет, я больше не поддамся на ее уловки.

— Фальшивка! Ты даже плачешь фальшиво! — не выдержал я.

— Ах, вот как ты заговорил! Как быстро ты меня разлюбил, не оставив мне даже малейшего права на маленький проступок... — она начала говорить другим тоном. — У нас с тобой не могло быть будущего! Ты не понимаешь и не слушаешь меня!

— И это говоришь мне ты, Вивьен? — недоумевая, спросил я. — Ты после всего, что было вчера, осмеливаешься мне говорить про наше будущее?

— Раз так, я ухожу. И заberi свое дурацкое кольцо, не знаю, откуда ты его взял такое! Мне оно никогда не нравилось! — она швырнула на пол то самое серебряное кольцо, которое я нашел на дне в день нашего знакомства.

— Счастливого пути! — сказал я, наливая себе виски со льдом.

— Ты не понимаешь, что только что потерял! — сказала она уходя.

— Кто бы говорил... — пробормотал я и закрыл глаза.

Вот и все. Вот она и ушла. Стерва. Двуличная змея. Ненавижу.

Я злился, страшно злился на нее. Как она могла такое наговорить? Будто ничего страшного в ее действиях не было! Снова пыталась сделать меня виноватым! Невероятно! Я злился на нее и чувствовал, как с наслаждением колочу боксерскую грушу. О, как я злился!!! Ненавижу!!! Злость струилась по всему телу, придавая невероятную силу и мощь моим ударам. Я колотил без усталости. Горько, обидно — не те слова. Ненавижу — самое верное слово. Четче и не скажешь. А от любви я как-нибудь избавлюсь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Черно-белый мир. Здесь нет насыщенных, сочных красок. Черно-белый мир, наполненный серыми тонами, даже когда солнце заглядывает в окно. Свет белый, стол черный. Белая бумага, черные буквы. Белое дерево карандаша и черный грифель, белая манжета выглядывает из-под рукава пиджака. Черно-белые люди, не яркие, не броские, полуживые от июльской жары. Черный маркер, белая доска. Скрипит. Пфайфер рисует график, чтобы проиллюстрировать динамику развития компании. Наверное, это чтобы хоть как-то израсходовать время совещания, ведь если бы это было в презентации, пришлось бы сразу переходить к делу. Черные папки, белые бумаги внутри. Темные ощущения от всего этого. И белый шум вокруг. Белый шум из чужих, далеких голосов занятых по горло людей. По горло надоело. Мои темные мысли становятся все тяжелее и невыносимее. Недалеко от меня на полной мощности работает белый кондиционер, от этого несколько легче все это переносить. Цифры, данные, выкладки... Все это настолько не мое, что даже страшно, что я все еще здесь делаю, и... неужели так будет всегда? Невыносимо. Скучно. Даже сознание того, что все свои задачи я выполнил успешно, не делает меня более счастливым, ведь, по сути, это не мои задачи. Не знаю, быть может, из-за личных неприятностей, а может быть, просто потому что мне смертельно все это надоело, я не чувствую вкуса побед, маленьких или больших — без разницы. Я не вижу смысла в происходящем. Я вообще ничего не чувствую, и мне остается смотреть только на мой черно-белый мир, который потерял все

краски. Я играю со степлером, рисую в блокноте неразборчивые каракули, не могу понять своих мыслей, не могу понять чужих слов. Не вижу смысла понимать. Черное и белое, сливаясь, образуют серое. И оно окружает меня, наполняет, лишая последних контрастов, я будто попадаю в облако тумана, не грозы, в которой много гнева, не дождя, в котором есть хоть какое-то действие, а именно тумана. Безвкусного и обволакивающего. Меня не пугают мысли в нем раствориться. Меня вообще ничего не пугает, потому что ничего существенного и важного произойти не может, и едва ли я сейчас удивлюсь, даже если в окно увижу, как мимо пролетает какой-нибудь вертолет, а там, на нем, кто-то знакомый в костюме супер-героя прилетел меня спасать. Это невозможно. Я даже думать об этом не хочу, а раньше, в детстве, любил представлять невероятные вещи, чтобы себя развлечь и отогнать скуку. Не работает, что-то, наверное, не так. Еще бы не так! Я вдруг остался совершенно один.

Неожиданно. Остались только родители и совсем старые друзья, с которыми не видишься по полгода-год, и у них совершенно другие жизни, и нет никаких точек соприкосновения, и все разговоры «по старой памяти». Как, оказывается, ... хрупко. Мне нужно было всего двое: любимая и друг. Ни той, ни другого. Оба фальшивки. Сейчас мы с Джонни просто коллеги, но я надеюсь, он скоро уволится сам. Помню, как нелепо он объяснялся: «Она сама мне предложила, я не мог отказаться, ты же понимаешь, она просто шикарная, Марта сначала ходила, как бегемот, а теперь меня к себе не подпускает, вечно в каких-то заботах, а тут... молодая, веселая, красивая, пьяная, сама уже на все готовая. Что мне, терять такую возможность? Да ты бы никогда не узнал! То есть, если ты узнал и тебя это ее поведение не устраивает, то ты мне вообще должен быть благодарен, что такое случилось до свадьбы и ты все узнал заранее...» Что мне от этого знания, от этого понимания,

когда душа все равно болит? Черт возьми, нужно было его отблагодарить! Такая неоценимая услуга! Я снова начинал злиться. Мир наполнялся резкими линиями и огненными тонами. Я злился и чувствовал, что, хоть и сижу смиренно, весь клопочу изнутри, а на кончиках пальцев странное напряжение, как будто мой гнев сейчас выльется наружу и зальет весь конференц-зал. Я злился! Я чувствовал, как пламя начинает разгораться рядом с моим мизинцем. И вот, начинал пламенеть исписанный мною блокнот. Постепенно загорались папки и бумаги, раскиданные по столу. Оплавлялась техника, языки пламени лизали круглый стол, все сотрудники начинали гореть в этом пламени. Занимались огнем дорогие пиджаки. Горели ручки с золотыми перьями. Горели чашки с кофе. Все кругом оставались невозмутимы, как будто ничего не произошло, а я смотрел на пламя и никак не мог успокоиться, хотя кто-то говорил, что пламя успокаивает. Нет, пламя не успокаивает! Гори все огнем! Ненавижу! Я не хотел пить воду, чтобы успокоиться. Я не хотел успокаиваться, я хотел выйти из помещения, громко хлопнув дверью, но продолжал сидеть до самого конца совещания, благо ждал я недолго. А потом я все-таки вышел быстрым шагом и направился к лифту. Мне нужно было на крышу, подышать воздухом и прийти в себя. Я расстегнул тесный ворот рубашки, ослабил галстук и так и стоял, набирая полные легкие свежего летнего воздуха. Он был раскален городом, но все же. Все же... он был настоящим, не таким ужасным, как в офисе.

Я старался дышать ровнее, как учил меня Макото когда-то, это начинало помогать. Эмоций было слишком много, нужно было взять себя в руки, потому что с таким настроением работать просто невозможно. Перестать думать о Вивьен! Перестанешь тут, как же... Как же сложно! У меня уже нет поводов ее любить и уважать, а я ее люблю. И бешусь, что она такая, что она не со мной и что никогда не будет со мной, и одновременно не хочу видеть

ее, ненавижу ее. Надо подумать о чем-то другом. О совещании. Нет, гори оно огнем. Только не о нем! Я посмотрел вниз. Город как всегда спешил по своим делам. Наверное, я забавно смотрюсь на краю небоскреба с расстегнутой рубашкой и всклокоченными волосами. Не хотелось бы мне, чтобы меня кто-то увидел. Замучаюсь объяснять, что не хотел прыгать. Нет, почему-то дыхательные упражнения не помогают. Знаю я одно средство...

Я с наслаждением сел в свой Dodge Viper.

— Так, старина, пора нам с тобой проехаться, как мы любим! — сказал я, с пол-оборота заводя мотор. Он утробно зарычал, едва я повернул ключ. Я скорее выехал на 278, по направлению к выезду из Нью-Йорка. Я все еще злился, но знал: сейчас станет легче. Я утопил педаль газа в пол. Dodge агрессивно зарычал и резко вырвался вперед, меня чуть прижало к спинке кожаного кресла, я почувствовал, как сливаюсь с машиной в единое целое. Я чувствовал, как колеса цепляются за дорогу, слышал приятный звук мотора, работающего на высоких оборотах, чувствовал всем телом, как мощно и необыкновенно быстро он вырвался вперед, оставив всех позади. Он тоже злится, он тоже колючий и цепкий, о, я чувствую нашу мощь! Как я мог забыть, что у меня есть такой друг! Он точно не предаст. Я переключил передачу. Мотор, как будто обрадовавшись, быстро среагировал, и через секунду я разогнался до двухсот. Как вспышка на солнце, как глоток обжигающе холодного виски, как энергия чистого действия. Я включил музыку еще громче. С каждой минутой мне становилось легче. Нет, Макото, ты не прав, не всегда помогает молчаливое созерцание. Я чувствовал, как Viper несется вперед, чувствовал его движения, как он входит в поворот, наслаждался ревом покрышек, терял рассудок, разгоняясь все сильнее и сильнее. Становилось опасно, но какое мне до этого дело? Дорога раскручивается, как серпантин, поворот за поворотом, долгие прямые участки, машины, оставленные

позади. Размытый пейзаж, но я вижу только то, что впереди. Я несусь на запредельной скорости, прочь, прочь, прочь. Неважно откуда, неважно куда, главное — прочь.

Я вернулся домой за полночь, зашел, кинул ключи на столик с зеркалом, у входной двери. Я заметил, что на лице моем снова улыбка. Мне и вправду стало намного легче. Но еще недостаточно хорошо. Я скорее налил себе виски, выпил его залпом, потом наполнил стакан льдом и налил еще виски. Так на террасе должно стать еще уютнее.

Я медленно потягивал виски из запотевшего бокала, дышал остывшим воздухом летней ночи и старался не думать о том, что меня огорчает. Мир оплавлялся на моих глазах, я чувствовал себя, как планктон в волнах бесконечного океана. Меня как будто покачивал ночной ветер в глубине синего воздуха. Я как будто потерял ощущение реальности, руки онемели, ноги ослабли, язык не слушался меня, да и не нужно, с кем мне еще говорить? Я старательно отгонял от себя все те мысли, которых боялся. Они остались далеко позади, на трассе, и еще не скоро дойдут домой. Мимо на большой высоте пролетел полицейский вертолет, чуть мигая огоньком. Почему-то вспомнилось что-то хорошее, но что именно — в голову так и не пришло. Просто какое-то давнее ощущение, не осознанное и едва ли осознаваемое вообще, что-то неуловимое. Я поставил музыку, на этот раз latinoамериканский джаз. Не знаю, с чего вдруг, но это было как раз то, что нужно, чтобы забыться. Солнечные ритмы, пронизанные позитивным звучанием нескольких десятков инструментов. Трепещущий виброфон, тягучий саксофон и праздничные медные трубы, джазовая гитара, множество ударных: бонги, маракасы, тамтамы, конги... Совершенно не то, что у меня творится на душе, но, может, именно поэтому легче. Иногда стоит ни о чем не думать и поддаться гармонии, чтобы музыка сама все сделала, насыщая мозг ассоциациями и чувствами.

Я отвлекся, я оказался в волнах джаза. Наверное, виски и состояние успокоения после израсходованного адреналина сделали свое дело. На несколько мгновений я ощутил себя и вовсе свободным от всех переживаний, от любой, даже самой глубокой внутренней боли. Жалко, что это состояние не может продлиться дольше. Жалко, потому что мысли начинают медленно, одна за другой возвращаться ко мне. Что ж, все равно, виски не помешает. Я налил себе еще. Давно я так не пил. В одиночестве. Может быть, так даже легче. Хотя, кого я пытаюсь обмануть... Ничего, я переживу, я справлюсь. Еще никто не умирал от того, что его невеста — дрянь, а кто умирал, тот слабее меня. Я еще справлюсь. В конце концов, все только к лучшему, так, кажется, все говорят. Да, все только к лучшему. Что-то пока слабо верится. Но так всегда в начале пути. Я ведь в начале пути? В начале. А значит, тяжело еще будет долго, а сильно тяжело раза три — сейчас, в середине пути и прямо перед его концом, как бы на прощание перед осознанием нового этапа.

Рано утром меня разбудил звонок в дверь. Я хмыкнул, подумав, кто бы это мог быть, чертыхнулся и встал с постели. Голова болела, во рту пересохло. Я медленно плелся открывать дверь. Еще один настойчивый звонок. Смотрю в глазок: мама! Черт побери, принесло же ее так рано! Я мельком глянул на себя в зеркало. Фух, могло быть и лучше. Пригладил волосы, открыл дверь.

— Что, спишь? — с порога начала она. — Так полжизни проспий!

— Доброе утро, мама! — я постарался улыбнуться.

— Ох, да ты выпивал вчера, я смотрю... — она чуть скривилась. — Зря ты так, алкоголь не поможет. Надо было головой думать! — Я едва слышно простонал, услышав знакомые интонации, которые значили, что утро уже не станет добрым и мне светит долгая беседа, точнее — монолог.

— Алекс, поставь чайник! — скомандовала она. — Дай-ка я посмотрю, что у тебя делается на кухне... Бог ты мой!

Я наспех натянул на себя любимые субботные джинсы и старую футболку, умылся и привел себя в порядок. Зашел на кухню, мама старательно протирала стол влажной тряпкой.

— Да что же это такое! Тут у тебя страшный бардак! Почему ты не помыл стакан из-под виски? Почему не выкинул бутылку? Неужели сложно — выпил и выкинул, — раздраженно говорила она, распоряжаясь на моей кухне.

— Я выпил, поставил все на стол и пошел спать. Я был пьян, и я не ждал гостей с утра, — проворчал в ответ я. — Да и вообще, ты разве за этим сюда пришла? Наверное, ты просто хотела поговорить, да?

— Да, сейчас за тобой помою, заварю чай и поговорим.

— Мама, я тебя умоляю, пожалуйста, просто оставь, я все сделаю сам, — сказал я автоматически. Но на нее это не действует, и как я мог забыть. Она полоскала стакан с явно недовольным видом. Я подошел и приобнял ее.

— Не подлизывайся, от тебя пахнет! — проворчала она, но я заметил, что ее голос чуть потеплел. Она заварила чай, села напротив меня и, посмотрев в глаза, вкрадчиво начала задавать свои вопросы:

— Вот ты все отмалчиваешься, а я так и не поняла толком, что у вас произошло.

— Я просто ошибся, мама, — сказал я. — Мне бы не хотелось говорить об этом...

— Но почему? Мы же не чужие люди с тобой! Или ты мне не доверяешь? — спросила она, моментально обидевшись. Мне стало не по себе.

— Мама, согласишься, это ведь личное дело. Это произошло между мной и Вивьен, и я бы не хотел вдаваться в подробности.

— Наверное, ты просто боишься признаться мне, что понял, насколько я была права, когда говорила, что Вивьен — провинциальная девчонка, простушка и дешевка. И что ты в ней нашел, Алекс?

— Мама, я просто влюбился в нее, вот и все. Когда влюбляешься, разве думаешь об этом?

— А нужно сначала думать, а потом влюбляться. Я всегда делала только так. И до отца такое было, и с отцом. — Я улыбнулся, я не мог понять, как такое возможно. — Ты не улыбайся так. Знаешь, как это делается? Сначала смотришь на девушку, оцениваешь, как одета, что говорит, пытаешься понять или расспрашиваешь, из какой она семьи, какой доход у ее отца, и потом спокойно смотришь на нее и влюбляешься, — она говорила об этом так, как будто это было очевидно.

— Я все равно не понимаю! Зачем? Неужели нашей семье так нужны деньги, чтобы мне было нужно искать себе в первую очередь богатую невесту? Я мужчина, я сам могу понять, кто мне нужен.

— И ошибаешься, — сказала мама категорично.

— Спасибо, что напомнила, — ответил я.

— Не язви. Ты же не будешь спорить с очевидными вещами? Нет, тебе не нужна богатая невеста, тебе нужна жена, которая будет из хорошей семьи, а это значит, не беднее нашей. Тогда я буду уверена, что она вышла за тебя по любви, если тебе так важна эта любовь. На самом деле, куда важнее просто найти человека, который тебя понимает и которому ты интересен. Любовь, она такая... — мама пожала плечами. — Легко уходит...

— Стоп, а как же вы с отцом? — спросил я.

— Это другая любовь, когда проживешь в браке десять-пятнадцать лет, тогда поймешь...

— А, да, я же еще маленький, никак не пойму, — улыбнулся я. И тут же понял, что зря так пошутил.

— Да ты еще ничего в жизни не смыслишь, ты еще, считай, и не жил! — сказала она самоуверенно. — Вроде уже взрослый мужчина, но до сих пор считаешь, что я знаю меньше тебя! Я старше и знаю больше!

— Я не отрицаю, что у тебя больше опыта, но это не всегда значит, что ты знаешь больше меня.

— Ну да, в компьютерах ты лучше разбираешься, наверное, все выходные там сидишь, — сказала она, поджав губы. — Лучше бы в гости заехал. У меня, кстати, чай вкуснее.

— Мам, ну ты же не за чаем пришла. Ты скажи, что ты хотела, я послушаю, — сказал я, мне хотелось понять ее.

— Я едва к тебе пришла, а ты уже меня выгоняешь! — обиженно заметила она.

— Я этого не говорил! — сказал я, раздражаясь. — Я просто попросил сказать то, что ты хотела мне сказать.

— А я и говорю! Во-первых, прекрати пить, это тебе не поможет.

— Да я... — начал я говорить, что, в общем-то, не так часто пью.

— Во-вторых, забудь о ней, она тебя не стоила. Я с самого начала тебе говорила, но ты меня не слушал, ты же самоуверенный, ты же считаешь, что ты единственный можешь знать, что правильно, а что нет! Ну, и что теперь ты будешь петь про своего ангела? — спросила она с издевкой. Мне был неприятен этот разговор. — Вот, вот! Ты даже сейчас, когда мы оба знаем, что я права, не можешь признать этого! Она тобой воспользовалась, а ты, как дурачок, верил ей. Ты должен разумнее подходить к любви.

— Как ты себе это представляешь? Разумнее? К любви? — спросил я.

— Нет, я бы поняла, если бы ты так рассуждал, будучи семнадцатилетней девицей, но тебе уже тридцать, и ты... — она набрала

побольше воздуха и надрывно на выдохе произнесла: мужчина! А мужчина должен сохранять хладнокровие. Любовь придет потом, ты девушку приличную найди. Она должна быть настоящей леди, тебе под стать, — говорила она, отхлебывая чай.

— Я не могу понять... — я покачал головой. — Что ты мне твердишь про новых девушек? Мы с Вивьен расстались две недели назад, а ты мне уже начинаешь проводить инструктаж.

— Алекс, а ты хочешь еще подумать, подождать? Тебе нужно действовать! Жизнь одна, и она короткая! Пока ты соберешься жениться, я до внуков не доживу, — сказала она.

— Так вот в чем дело! Ты так меня торопишь, потому что тебе нужен вовсе не я, а внуки! — сказал я.

— Ну, ты... Ты... — она вздохнула. — Ты уже вырос, и отнюдь не таким, каким бы я хотела тебя видеть, — это прозвучало неожиданно и очень обидно.

— Теперь поподробнее, что тебя не устраивает во мне? — спросил я.

— Твой наглый тон для начала, — сказала мать, поджимая губы. — Да и вообще ты обманул мои ожидания, — сказала она крайне обиженным тоном.

— В чем? Ты скажи, в чем я не оправдал твоих ожиданий? — спросил я напряженно.

— Ты вырос не таким, как я планировала. Ты слишком эмоциональный и влюбчивый, ты непостоянный. Ты недоучил французский, ты бросил заниматься флейтой, а я так мечтала, чтобы ты вырос хорошим музыкантом...

— Мама, разве не вы с отцом мне всегда говорили, что мое будущее в Laurence & Sons? Ты же сама меня упрекала даже в том, что у меня образование не экономическое!

— Ну, это уже после, а когда ты еще учился в школе, ты вдруг стал слушать свою ужасную музыку, перестал играть на флейте,

начал водить домой девчонок. Куда это годится? И вот, в результате что! Так ты и не найдешь себе нормальной! — Я вздохнул и закатил глаза. Она заметила это. — Тебе на мнение матери совсем наплевать. Что ж, если тебе не интересно, я ухожу, — сказала она, нервно встав из-за стола и направляясь к выходу. Она поспешно схватила свою сумочку и уже взялась за ручку двери, но тут резко повернулась ко мне с глазами полными слез:

— Я вообще никому не нужна! Ты меня не слушаешь, ты живешь своей жизнью, мы видимся с тобой от силы раза два в месяц, звонишь мне редко и молчишь, а я все говорю, а ты только «да» и «да, мама»... тебе не важно мое мнение! А ведь я тебя вырастила! Я заботилась о тебе! Я волновалась о тебе! А ты живешь и даже не думаешь, скольких мне это стоило стараний и жертв! Все воспринимаешь как данность! А ведь если бы ты меня во всем слушался, ты был бы самым счастливым на свете! Но зачем тебе, ты ведь умнее меня! И отцу я твоему не нужна! Вечно пропадает где-то на работе, на работе. На работе! А я жду его, как последняя дура. Прячет от меня свой телефон, не хранит никаких сообщений, когда ему кто-то звонит — выходит. Я ему не нужна! Я вообще никому не нужна! Понимаешь? Ходит какой-то напряженный, он же мне ничего не рассказывает, как у него на работе, что происходит, коротко говорит «проблемы», и все. Значит, мое мнение его не интересует, он даже не делится тем, что его что-то беспокоит, а ведь беспокоит! Вы оба так себя ведете! А кто я во всей этой истории? Да какой истории! Кто я в нашей семье? Домашняя наседка? Так ведь и этого вам от меня не надо! Есть ли у меня смысл жить вообще? Вот ты говоришь, что я хочу от тебя только внуков, а я, может быть, смертельно хочу чувствовать себя нужной, нужной кому-то так, как когда-то была нужна тебе! Может быть, в этом и есть моя жизнь: мазать тосты арахисовым маслом и заваривать чай по-английски, печь имбирные пряники и играть с детишками.

Может быть, это моя единственная радость, единственная возможность почувствовать себя счастливой, жить, жить в конце концов, а ты говоришь, что мне от тебя нужны только «внуки», «всего лишь внуки». Ладно, о'кей, «проехали», как там у вас говорят, ищи свою идеальную возлюбленную, у меня есть пара тысяч лет в запасе. Я подожду. Я вышью еще пару подушек.

— Мама... — только и сказал я в ответ на эту ее эмоциональную тираду. Я, конечно, понял, что она чувствует себя одиноко и подавленно, но я совершенно не понимал, отчего вдруг, ведь я не мог ей уделять все свое время, у меня своя жизнь, свои интересы, я не могу после работы спешить к мамочке, просто чтобы ей было не так уж скучно, тем более, что совершенно не ясно, как бы я мог ее развлечь? Поеданием арахисовых тостов? Кажется, я вышел из этого возраста. Теперь ей куда интереснее развлекаться, пытаюсь наставить меня на путь истинный. Только мне это не доставляет большого удовольствия.

— Да что «мама», «мама», ты ведь так ничего и не понял! — сказала она, вздохнув. — Не самая лучшая идея была приехать к тебе, — и вышла.

Я стоял у двери, слышал ее удаляющиеся шаги и не мог понять, что же все-таки она хотела мне сказать, что я должен был делать? Через две недели после расставания с невестой с головой нырять в поиски новой девушки? Пересмотреть свое отношение к любви как таковой? Больше уделять времени маме? Поговорить с отцом? Узнать, не изменяет ли он ей? Вытирать стол и мыть за собой посуду? Купить другой чай? Перестать пить алкогольные напитки вообще? Столько всего. Не понимаю, решительно не понимаю. Она так эмоционально обо всем говорит, что совершенно невозможно уловить, что для нее является ключевым, что она считает самым главным из того, что собирается сказать. По ней непонятно, что ее больше раздражает — невымытая посуда или неустроенная личная

жизнь. Конечно, можно догадаться, что важнее, по масштабам самих тем для разговора, но если тон везде раздраженный — ориентиры сбиваются. Самое же неприятное в том, что мне, по сути, неважно ее мнение ни по одному из вышеперечисленных вопросов. Я считаю, что и сам могу со всем в своей жизни разобраться. Тем более что никто кроме меня не может понять так же хорошо, что со мной происходит. А если я сам в тупике, то... что уж говорить о других. Да, она права: я не хочу знать, что она думает по поводу грязных стаканов и количества выпитого вчера виски. Она никогда не сможет понять, какая женщина нужна мне, не сможет по-настоящему повлиять на мою личную жизнь и не сможет резким тоном вызвать доверие, чтобы я или отец могли поделиться с ней своими проблемами. Иногда делиться с ней чем-то себе дороже: проблема уже решена, а она все еще продолжает крайне эмоционально помогать решить ее, подключает родственников и своих подруг или друзей для решения того, что уже давно закончилось. Она никогда не сможет по-настоящему понять, потому что меряет меня по себе, а я совсем другой. Возможно, когда она растила меня, она надеялась, что я вырасту ее идеальным мужчиной, но я живой человек, а не кукла, я рос таким, каким рос. И я не знаю, от чего это зависит. Я такой, сколько я себя помню, а то, что меняется — это шелуха, скорлупа, оболочка. Навыки общения с людьми, убеждения их в своей правоте, умение продвигать свои идеи, упорство — что угодно. Это то, что она хотела видеть во мне, но то, чего во мне изначально не было, и то, что я сам в себе воспитал. Меня мало это волновало, мне казалось, люди сами должны все понимать в жизни и в других людях, и никому ничего не надо доказывать, нужно просто быть самим собой. Я был таким всегда, а она всегда хотела видеть меня каким-то другим. А если быть точнее — совершенно другим. И я не могу ее понять, каким именно она хотела меня видеть. Потому что, если пытаться описать себя, я

в целом соответствую ее требованиям, но почему-то совершенно не тот, что она ожидала. Как будто она заказала платье у портного, тот сшил его по ее меркам из ее материала, но получилось что-то «не то». Обидно, черт возьми. Но больше всего, конечно, бесит не это. Хотелось бы выйти из этого замкнутого круга взаимных обид, идти дальше, общаться по-настоящему, узнавать ее как человека, а не как воспитателя. Хотелось бы просто понять ее, понять, к чему она все это говорила, что именно чувствовала и почему. Хотелось бы. Просто для того, чтобы ответить ей правильно, чтобы не обидеть, чтобы она поняла и приняла меня, а я принял ее. Но сколько я ни пытаюсь, она ранит меня, я раню ее в ответ, и содержательной беседы не выходит.

Впрочем, «непонимание» — это ключевое слово во всем том кроссворде, который со мной происходит. Я не понимаю. Не понимаю любимую, то есть... Как же ее теперь называть? Даже не знаю. Не понимаю Джонни, не понимаю маму, даже не пытаюсь понять отца, потому что он постоянно закрыт и никогда ничего не обсуждает, зря мама думает, что он со мной откровенен. Не понимаю, что происходит со мной (ну, с этим вообще долго разбираться), и не понимаю даже самое простое из всего этого: что происходит в Laurence&Sons. А в фирме происходят странные вещи, все стало сильно хуже последнее время. Акции дешевеют, доверие клиентов ухудшается, все больше судебных разбирательств. Что-то происходит с нашей репутацией, вопреки всем стараниям, мнение о компании с полувековой историей начало меняться, да что там говорить... стало значительно хуже за последние несколько лет. Мне непонятно, «откуда растут ноги», непонятно, делает ли это кто-то намеренно, вроде наших конкурентов, или это происходит само собой. И если происходит само собой, то с чего вдруг? А если это наши конкуренты, то кто именно? Может быть, их несколько? Они вредят нам независимо друг от друга? Сколько раз

мы уже пытались все перепроверить, но так и не удалось никого найти. Ответные действия в виде белого пиара, конечно, приносят пользу, но не такую, как если бы не было такого сильного негативного влияния. Развернута настоящая информационная война, а наши старания, которые могли бы вознести нас до небес, сейчас помогают оставаться на плаву. Непонятно. И ладно, если бы было просто непонятно: «Кто?»». Намного непонятнее, что с этим делать. И я все чаще выхожу из равновесия, и для рабочего процесса это нехорошо. Нет, я не кричу на подчиненных, но иногда могу принять необдуманные решения, сгоряча, а это неправильно, и я это понимаю. С чего вдруг я начал думать про работу? Наверное, потому что вспомнил о переговорах, назначенных на утро понедельника. Очень важные переговоры, нужно подготовиться. Я настроился на рабочий лад и перестал вспоминать об обидном утреннем разговоре.

Утро понедельника. Утро понедельника. Кого-то, может быть, и пугает утро понедельника для назначения важной встречи. Но меня — нет. Главное — встать раньше, чем обычно. Я так и сделал. Я собрался и, как обычно, отправился в Центральный парк. Я бежал и чувствовал, как напряженно работают мышцы моих ног, как ритмично двигаются руки, как работают мышцы спины. Я чувствовал каждый вдох, чувствовал, как утренняя прохлада ласкает мое лицо, освежает разгоряченное тело, как воздух, пролетая мимо, шумит в ушах. Я бежал и ни о чем не думал, точнее, все мои мысли были только о беге и о том, что я вижу. И от этого бегать было одно удовольствие. Я видел, как свежий ветерок разгоняет последние облачка с потрясающе голубого неба. Я видел, как кто-то спугнул стаю птиц и они взметнулись вверх. Я видел, как удивительно красиво играет утреннее солнце на листве деревьев. Я бежал, и мне становилось легче. Я улыбался, как и обычно, но это был скорее оскал. Я чувствовал, как во мне клокочет

энергия, как раскаленная лава в вулкане, как она хочет вырваться наружу! И я бежал, я чувствовал, как перевозжу всю свою мощь и всю свою злость в движение. Однажды отец сказал мне: «Если тебе не нравится какая-то ситуация, убегай из нее. Не так, как это делают трусы, нет. Просто старайся как можно быстрее от нее избавиться». Забавно, но я воспринял его слова буквально, и каждый раз, выходя из опасного поворота, сильнее жал на газ, быстрее бегал, если был раздражен, или улетал куда-нибудь в другую часть света. Так легче. Так легче. Так легче. Я бежал, я чувствовал, как хорошо, как быстро я бегу. Я чувствую, с какой силой отталкиваюсь от земли. Я чувствую, как шумно выдыхаю воздух. Так легче. Так легче. Так легче. Я возвращаюсь домой, я четко знаю, какую я надену рубашку и запонки, какой выберу галстук, какой пиджак, какие ботинки. Я собираю ноутбук и кейс, пью свой кофе и выхожу из дома. Все правильно: сорок минут на пробежку, пятнадцать минут на душ, десять минут на то, чтобы одеться, пять минут до парковки, три минуты на выезд, сорок минут на дорогу, десять минут про запас, пять минут, чтобы прийти раньше и сделать невозмутимый вид. Три минуты на выезд. Всего три минуты, но машина отчего-то не заводится. Три, четыре, пять. Есть еще время в запасе. И в чем может быть проблема? Шесть, семь, восемь, девять. Черт! Пора. А эта зараза не заводится. Я в сердцах хлопнул дверью и отправился ловить такси. Утро понедельника. Может быть, зря я думал, что оно безобидное? Сорок минут на дорогу, из которых уже шесть я пытаюсь поймать такси, но мне не удастся. Так всегда бывает, когда очень нужно. Город спешит по своим делам, утро понедельника у всех, никому нет дела до твоих проблем. Занято. Занято. Занято. Черт! Наконец-то! Я поспешно назвал адрес и сел на заднее сидение.

— Не переживайте! За полчаса доберемся! — сказал таксист с сильным акцентом. Судя по его виду, с турецким.

— Вот и хорошо! — сказал я, открывая кейс. Раз уж я не за рулем, есть лишнее время, чтобы лучше подготовиться к обстоятельной беседе.

Но на этом мои неприятности не закончились. Та улица, которая несколько минут назад была относительно свободна, сейчас уже застряла в пробке. И почему не завелась моя машина? Я бы как раз проехал по «зеленому коридору». Несколькими минутами позже, и все... Я нервно защелкал ручкой. Машины в потоке двигались умопомрачительно медленно. В салоне становилось душно. Я ослабил галстук. То и дело со всех сторон раздавались требовательные и нервные гудки клаксонов. Мой таксист периодически опускал стекло и с кем-то здоровался, но чаще, конечно, ругался. Его хриплый голос прорезал машинную симфонию работающих моторов и дарил мне надежду, что благодаря его ораторскому искусству я доберусь к месту назначения вовремя, несмотря ни на что. Но его следующее предложение заставило меня задуматься об обратном:

— Придется проехать в объезд, тут все... — далее прозвучало какое-то страшно длинное проклятье, произнесенное от избытка чувств на родном языке.

— Приедем вовремя к месту назначения, я заплачу вдвое! — сказал я. Он улыбнулся и самодовольно кивнул в знак понимания.

— Все сделаем в наилучшем виде! — он поковырял в зубах и резко повернул руль в сторону малоизвестной мне улочки.

До места назначения оставалось минут десять езды, я с облегчением вздохнул, взглянув на часы. Все было в порядке. Наверное, зря я так подумал, потому что в ту же секунду раздался визг тормозов и другое такси врезалось нам в левый бок. Я непроизвольно закрыл глаза, сердце забилося в груди. В следующую секунду я понял, что все обошлось. Я и таксист были в порядке. Хорошо, что на переднем сидении никого не было. Обошлось! Но

до места назначения еще десять минут! А мы едва ли куда-то денемся отсюда. Водитель вызывает полицию. Я чертыхнулся, расплатился и, нервно хлопнув дверью, вышел. Я быстрым шагом шел по тротуару. Достаточно быстрым, чтобы успеть, но недостаточно быстрым, чтобы вспотеть и испачкать свежую рубашку. Да, я научился думать о таких мелочах, потому что это тоже важно. Утро понедельника. Я ехидно улыбнулся. Зря я пренебрегал народной мудростью. Тем не менее я был у переговорной на пять минут раньше назначенного времени. Я сел в кресло и сделал вид, что меня ничего не волнует, ожидая, пока меня пригласят войти. За дверями шло какое-то совещание. Иногда туда заходили новые люди. Пять минут ожидания прошли достаточно быстро, я как раз успел внутренне успокоиться и упорядочить свои мысли. Десять минут. Пятнадцать минут. Странно. Я начинал нервничать. Молодая секретарша перебирала бумаги на своем столе, даже не спросила моего имени, когда я зашел. Я повел бровями и продолжал сидеть, каждую минуту поглядывая на часы. Двадцать минут ожидания. Это уже ни в какие ворота! Я начал раздраженно щелкать ручкой. Секретарша пару раз мельком посмотрела в мою сторону и продолжала разбирать бумаги. Я кашлянул. Она вдруг оторвалась от бумаг и спросила, глядя на меня как сквозь стену:

— Может быть, кофе? — Я кивнул. — Со сливками, без? — безучастно спросила она. Я ответил «без». Она принесла мне кофе. Не сразу. Сначала она почти донесла до меня чашку, но ее рука дрогнула, и кубики сахара промокли, она смутилась и отправилась все переделывать. Тридцать минут ожидания. Я зол. Я страшно зол. Вдруг из переговорной выходит чертова уйма народа, обсуждение продолжается в дверях и в холле, где я нахожусь, часть людей сразу же уходят к выходу.

— Простите, вы кого-то ожидаете? — спрашивает меня женщина средних лет в деловом костюме.

— Да, у меня назначена встреча с господином Шелби.

— На какое время у вас назначена встреча? — спросила она. Я догадался, что это очевидно, его личный помощник.

— На полдесятого, — сказал я. На ее лице было написано «не может быть!», но она ответила лишь, что сейчас все перепроверит. Она села за компьютер, быстро открыла органайзер, глянула в него и неуверенно спросила:

— Вы, должно быть, мистер Лоуренс?

— Да, совершенно верно, — сказал я.

— Разве вас не предупредили, что встреча отменяется? Вам должны были позвонить еще в пятницу утром! — сказала она изумленно.

— Нет, меня не предупредили, — разочарованно сказал я. — Но раз уж так получилось, я бы хотел попросить вас назначить мне новую встречу. Когда это будет возможно?

— Мы вам перезвоним, — сказала она, улыбнувшись дежурной улыбкой. Я почувствовал себя коммивояжером с коробкой ненужных приспособлений у чьей-то двери. Я улыбнулся в ответ и поспешно вышел. Я снова злился. Не передать, насколько меня взбесила эта ситуация! Мне никто не сообщил об этом! Или, может быть, эта молоденькая практикантка не сочла нужным набрать номер моего офиса и сообщить об изменениях в расписании Шелби. В итоге я потратил свое время, свое драгоценное время на пустое ожидание. Что самое неприятное — нужная мне встреча не состоялась. И мне неизвестно, состоится ли она. Уж очень странная улыбка была у личной помощницы Шелби. Такая вежливая и пустая одновременно. Как будто моя фамилия ей ни о чем не говорит. Унижение. Начиная от промокших сахарных кубиков и тридцати минут пустого ожидания и заканчивая этой пресной улыбкой. Утро понедельника...

Едва я переступил порог родного офиса и вызвал Мини Пэм, чтобы та сделала мне нормального кофе, меня вызвал в свой

кабинет отца. Нет, не судьба мне прийти в себя и подумать пару минут о приятном. Я зашел к нему. Он сидел за столом, как обычно, чуть откинувшись в любимом кресле. Отец сидел и нарезал швейцарским ножом свежее зеленое яблоко. Я глянул на часы. Одиннадцать. Отец посмотрел на меня строго и, вырезав сердцевину из яблочной дольки, спросил:

— Ну что, как прошла встреча с Шелби? — он захрустел яблоком.

— Да никак! Ее отменили, а мне сообщить об этом забыли. Говорят, должны были позвонить в пятницу утром... — начал я рассказывать о своих утренних злоключениях.

— Это плохо. Очень плохо, что ты с ним не поговорил. Ты назначил новую встречу? — спросил он, строго глядя на меня. Мне вдруг стало неловко.

— Нет, — ответил я.

— Почему? — спросил он, снова вырезая сердцевину из новой дольки.

— Я пытался, мне обещали перезвонить, когда скорректируют расписание, — сказал я, глядя отцу в глаза.

— Ты же понимаешь, что они могут и не перезвонить? — спросил отец.

— Понимаю. Это-то и обидно.

— Дело не в «обидно» или нет, дело в том, что нам нужна эта встреча, а ее не было.

— Я буду работать над тем, чтобы она состоялась.

— Лучше подумай над причиной, почему ее отменили, — сказал отец, складывая яблочные семена и шелуху на исписанный листок бумаги. — Ну и конечно, лучше было бы, если бы ее перенесли в худшем случае на среду или четверг. Нам нужно решить пару важных вопросов чем скорее, тем лучше. Ты знаешь, сейчас нужно действовать быстро и решительно. Положение у

нас критическое. Если не сказать больше. Впрочем, ты и сам все понимаешь — если ничего не изменится, скоро от нашей компании останется только ее имя, которое стоит с каждым днем все дешевле, — отец разочарованно вздохнул. — Не думал я, что когда-нибудь до этого дойдет. Я не понимаю, как это могло произойти. Я вообще ничего не понимаю. Мы тратим огромные средства, но от этого клиентов больше не становится. Акции дешевеют. Судебных разбирательств стало еще больше. Такого в истории нашей компании не было еще никогда. Я не вижу связи между событиями, которые происходят. Неприятности подстерегают абсолютно везде. Я не понимаю причины. У тебя есть идеи? — спросил он, но в его голосе не было надежды. Я помотал головой. Вдруг зазвонил телефон, отец снял трубку. Я уже направился к выходу, но что-то меня остановило. Отец напряженно слушал, что ему говорят.

— Нет, вы ошиблись, этого не может быть. Вы ошиблись номером, — он повесил трубку.

— Кто это? — спросил я.

— Какие-то идиоты, — ответил отец раздраженно. — Нелепые у них шутки.

Я хмыкнул и пошел к себе. В кабинете уже были слышны надрывные внутренние звонки. Я подскочил к телефону и скорее взял трубку.

— Папа? — удивленно спросил я. Он отвечал мне каким-то странным, сдавленным голосом.

— Это не шутка, они не шутили.

— Кто не шутил? Что не шутили? Говори понятнее! — спросил я разволновавшись. Мне не нравился его тон.

— Мамы больше нет. Сандра разбилась полчаса назад, на семьдесят восьмом шоссе, — отец повесил трубку, я слышал, как громыхнул пластик о пластик на другом конце провода.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Почему-то кажется, что это не может случиться с тобой. Это невозможно. Это может случиться с кем угодно, но только не с тобой и не сейчас. И не хочется верить, что это правда. Потому что это не может быть правдой. Не должно было так случиться! Это должно было случиться гораздо позже, лет через сорок. Ладно, через тридцать, если так угодно. Но не сейчас. Внезапно, бескомпромиссно. Мама не умерла. Умирают в постели. Мама не умерла. Кого я пытаюсь обмануть? Мама погибла. Случайно. Глупо. Разве можно ожидать этого? Разве к такому можно быть готовым? Секунда между «есть» и «нет». Случайно, и глупо, и неожиданно. Невозможно. Немыслимо. Не хочу. Несправедливо. Нет, я не верю, что это произошло. Я не верю, что это произошло с ней. Но это произошло с ней. И со мной. И с отцом. Это должно было произойти? Наверное. Наверное, рано или поздно я бы с этим столкнулся. Но почему сейчас? Почему мама? Нет, я никому больше не желаю смерти, но почему именно она? Почему у кого-то есть время подготовиться, сказать все самое важное, принять это как неизбежность, а у меня этого не было? Почему нельзя было как-то иначе? По-другому? Потом? Почему с моей мамой? Если бы это был не я, я бы сам себе сказал, что это просто случайность и здесь нет никаких ответов на вопрос «почему», «почему именно так» и «почему она». Это случайность. Это просто такая случайность, и никто не в силах ничего изменить. Нет же машины времени? Нет. Вот и не в силах никто ничего изменить. Это просто случайность, просто так случилось. Никто же не жалеет белку,

выбежавшую на шоссе в неподходящий момент. Точнее, никто не мучается вопросом «почему именно она»! У всех сразу готовый ответ на вопрос — «ах, как жалко!», «просто выбежала», «случайно». Так и с людьми. Нам же нет дела до чужих смертей? Случайность. Все на этом. Нет никакого «почему». Просто так случилось. Только что-то от этого знания не легче. И все равно я буду задавать себе все эти вопросы в тысячный раз, потому что я не понимаю, почему так. Почему сейчас? Почему мама? Почему тогда, когда я не успел ей сказать всего того, что я так хотел ей сказать? Почему тогда, когда ей так нужно было все это услышать? Почему она гнала машину на такой большой скорости, неужели она... специально? Неужели это из-за того, что она переживала насчет нашей беседы? Неужели это я виноват в том, что она была так расстроена, так невнимательна? Но прошло больше суток после нашей беседы.

Я слышал ее голос в своей голове: «Есть ли у меня смысл жить вообще?» И этот вопрос повторялся, как привязчивая музыкальная композиция в голове. Ни в чем нет смысла, есть просто какая-то случайность. Вот и все. Случайность. А мне непонятно, почему те, кто хуже ее, в тысячу раз хуже ее, будут жить. Почему пьяные подростки за рулем шевроле будут жить, а она не будет? Почему будут жить какие-нибудь бомжи, которые мечтают скорее умереть, а она не будет? Почему какой-нибудь debil выживет после прыжка с моста, а она — нет? Почему какая-нибудь старушка будет отмечать свой сто шестой день рождения в окружении внуков и правнуков, а она — нет? Почему? Какой, в сущности, дурацкий вопрос. И сколько еще он будет меня мучить? Ведь нет никакого смысла. Даже если бы кто-то ответил мне, почему. И кто это, интересно знать? Неужели все-таки есть кто-то, кто решает, почему? Неужели есть хотя бы кто-то, кто мне сможет объяснить, почему? Я приказал себе не думать, почему.

Как во сне. Как в очень плохом сне прошли дни подготовки к похоронам. Я делал все на автомате, так, как должно было быть. Я следил за тем, чтобы все было так, как она бы хотела. Я думал над тем, чтобы цвет свечей гармонировал с ее любимыми ирисами. Я думал над тем, что поставлю ее самые любимые музыкальные композиции. Я думал над тем, какие ее фотографии лучше показать на церемонии прощания. Я думал, что нужно сказать. Я готовил речь, потому что я не хотел, чтобы ком в горле помешал мне сказать хоть что-то достойное. Странное состояние. Я готовился вместе с отцом к ее похоронам, но это казалось мне сном, чем-то нереальным. В голове не укладывалось, что мама... умерла. Я не хотел видеть ее изувеченное тело. Я не хотел, чтобы этот образ застыл в моей голове и всплывал каждый раз, как я вспоминал ее. Я помню, как отказался смотреть, как вышел. Я помню, как отец смотрел на меня внезапно ставшими беспомощными глазами. Я помню, как остался в родительском доме, чтобы поддержать отца, а у нас все звонил телефон. Помню, как утешал Розу, плачущую на кухне, а сам не смог проронить ни слезы. Странное состояние. Я не мог плакать, но проклятый ком стоял в горле и мешал дышать. Так больно! И только во сне я плачу, плачу, как ребенок, навзрыд, чувствую вкус собственных слез, бегущих по щекам. Но почему-то я не могу выпустить эту боль наружу.

Был солнечный летний день... Помню, как вышел из зала, где проходило прощание, и глаза резанул яркий свет. Ослепительное солнце и необыкновенно ясное небо. Яркая зеленая трава, насыщенные летние краски... Фигуры в черном смотрятся так странно, как будто на съемки комедии вдруг пригласили не тех актеров. Резкий контраст. Напряжение повисает в воздухе. Все, кто хотел, уже высказались. Все, кто хочет, могут плакать навзрыд. То есть я хотел сказать, все, кто может. А я не могу. Что-то не так, что-то не так теперь со мной. И я не могу понять, что это. Ее нет. Какая

странная мысль. И как так может быть? Нет, я все понимаю, мама умерла. Но все равно в моей голове не укладывается, как такое может быть, что человек был, и вдруг его нет. Особенно остро чувствуется противоречие между моим эмоциональным миром и миром разума. Головой я прекрасно все понимаю. Сердцем — нет. Оно отказывается принимать этот факт. Я слышу, как гроб тихо опускается на дно могилы. Его осторожно опустили. Вижу, как отец смотрит вниз невидящими глазами и как белеют костяшки его пальцев. Вижу, как Ингрид стоит поодаль и теревит в руках платок. Вижу, как дядя Ангус держит руку тети Джесс, и они стоят скованно, молча. Вижу, как Магда, мамина тетка по линии ее отца и старейший член нашей семьи, тихо плачет, утирая глаза платком, а другая ее рука, высохшая и бледная, сжимает трость. Рядом с ней, чуть поддерживая ее за локоть, стоит какой-то дальний родственник, по-моему, его зовут Роб. Я слышу, как отец кинул первую горсть земли. Теперь моя очередь. Я сжимаю землю в ладони, земля чуть сыроватая, я хорошо чувствую песчинки кончиками пальцев. Она холодная, но, кажется, нагревается в руке. Я заносу руку и отпускаю ее, и вот снова этот звук. Земля о крышку гроба. Мама. Слезы застывают в глазах. И вот уже чья-то другая рука бросает новый ком земли. Наверное, я никогда этого не забуду. Как и того, что происходило после.

Родственники и самые близкие мамыны друзья толпились в гостиной и холле родительского дома, все выражали соболезнования, смотрели грустно на меня и на отца, но, общаясь между собой, изредка все же улыбались и шутили на отвлеченные темы. Тетя Джесс, вытирая нос платком, тянулась за канapé и как будто между прочим сказала:

— И все-таки, согласитесь, хорошая смерть, быстрая! Она, наверное, и понять ничего не успела! — меня внутренне передернуло, ком снова подступил к горлу. Мне было непонятно, как смерть

может быть хорошей? Какая разница, как это произошло, если исход один — мамы больше нет. Я скорее выпил немного виски, чтобы убрать чертов ком из горла. И самое противное, что все вокруг понимающе закивали и задакали, как будто это нормально, это правильно — так говорить и так считать. Ингрид вдруг захотела тоже высказаться и постучала о бокал прибором.

— А я хочу сказать, что Сандра... Сандра просто жила вот так, ярко, эмоционально. Всегда на пределе! Вы же сами прекрасно помните, часто делала из мухи слона... — голос у Ингрид предательски задрожал, — но ведь теперь это не важно? Просто она была такой, для нее было все важно. Каждая мелочь! И, хотя она часто говорила о рационализации всего сущего, на самом деле она была ужасно далека от этого, хоть сама едва ли осознавала этот факт. Она не была железной леди, никогда не была. Ее насыщали и переполняли эмоции, она дарила себя близким, дарила друзьям, она была верной подругой, той, которая никогда не бросит в беде, придет среди ночи и выслушает все, что хочешь ей сказать. Она жила на пределе, и так же умерла. Она часто говорила мне, что как будто «горит изнутри, раздаривая себя близким». Вот и не верь после этого в случайность... — Ингрид едва слышно всхлипнула, закончив говорить.

— Кстати, о случайности, это действительно было не случайно! — сказала тетя Джесс. Все недоуменно посмотрели на нее. — Нумерология!

Большинство гостей тут же потеряло интерес к ее заявлению но, из вежливости, тут же сделали вид, что им интересно.

— Она должна была умереть в тот злополучный день. Я все просчитала — дату ее рождения, дату свадьбы, рождения сына, дату ее смерти... Этот понедельник был переломным моментом в ее жизни. Если бы она что-то резко изменила в ней, возможно, она бы избежала гибели. Как жалко, что я не знала этого раньше, я бы

ее предупредила. А так, ей и шестидесяти не было... — вздохнула тетя Джесс.

— Она избежала бы смерти, если бы те подростки не были пьяны! — сказал отец, шумно поставив бокал на стол.

— И если бы сама не превысила скорости, это должно всем нам послужить уроком, нужно быть осторожными на дороге! — добавил дядя Ангус.

Старушка Магда тоже решила поучаствовать в беседе:

— Она всегда спешила, помню все бегала и бегала кругом, я так боялась, что она разобьет себе коленку. А однажды я оставалась с ней недели две, пока ее родители отдыхали во Флориде, так она постоянно забывала то бутерброды, которые я ей приготовила на ланч в школу, то яблоко. Иногда даже забывала зашнуровать ботинки, так спешила! — лицо Магды вдруг засияло, она, наверное, вспомнила что-то хорошее. — Я тогда едва за ней успевала, тоже была молодая, и совершенно не знала, как ладить с детьми! За мной тогда ухаживал Питер, — лицо ее вдруг снова стало грустным. — И вот как получилось...

— Она прожила хорошую жизнь, многим бы хватило на несколько. Столько счастья! — сказала Нэнси, жена Киндси. И это мне тоже показалось глупостью, потому что мамина жизнь оборвалась, в ней еще столько всего не было, чего бы она хотела.

— Да если бы права не выдавали кому попало! И, скажем, строго после двадцати пяти лет, может быть, тогда было бы меньше аварий. А то ездить можно хоть с шестнадцати в сопровождении взрослых, а кто проверяет, чтобы в машине эти взрослые были, если там полно разношерстного народа? Только на заднем сидении трое было!!! — говорил отец раздраженно.

— Ага, и еще бы хорошо, чтобы после шестидесяти пяти их снова отбирали, а то ведь знаете, какая статистика по престарелым водителям! Хуже, чем по подросткам... — важничал Ангус. Гости

снова понимающе закивали в знак согласия, кто-то принялся заку-сывать свое горе изо всех сил, кто-то потянулся за канапе, кто-то снова наполнил бокал.

— Эх, не отведают нам больше фирменной говядины... — печально цокал языком дядя Ангус. Тетя Джесс не делала ему замечаний сегодня, только скорбно кивала, ковыряясь вилок в тарелке. Они еще обсуждают говядину. Какая к черту говядина? Нет, не могу понять... Кусок в горло не лезет. Я смотрел на свою тарелку и не хотел ничего есть, подступала тошнота.

— Мальчик мой, Алекс! — нарочито заботливо начала причитать тетя Джесс. — Что же ты ничего не ешь? Ты обязательно должен поесть, ты такой бледный! Это же неуважение к твоей маме, если ты ни к чему не притронешься! — Я смотрел то тете Джесс в глаза, то на свою тарелку, и ее заплаканные глаза казались мне такими же студенистыми и мутными, как мясной пудинг в фигурной тарелке напротив. Что же она говорит! Как мое уважение вообще может быть с этим связано! Я, внутренне негодуя, разделявал кусок говядины ножом. Нож скрипел и звенел о фарфоровую тарелку, с таким ожесточением я это делал. Я энергично запихнул кусок в рот, но когда начал жевать его, вдруг вспомнил маму, и мне стало тревожно и не по себе, я не смог проглотить его, резко встал из-за стола и, извинившись сквозь зубы, быстрым шагом ушел на второй этаж. Я стоял, прислонившись к стене, и меня душили рыдания. Я был в своей комнате, там, где я вырос, и сердце мое вдруг защемило, и я не мог остановиться. Я плакал, но слезы так и не покатались по моим щекам. Дыхание сбилось, лицо исказилось в гримасе, кулаки сжались, а слез так и не было. И снова проклятый ком в горле, который теперь мне кажется огромным, размером с мяч для гольфа. Как будто тот застрял у меня в гортани и так там и остался. «Да что же ты не плачешь? — ругал я сам себя. — Ведь станет легче! Станет! Ну, плачь!» Но я не мог.

Через пять минут я снова спустился на первый этаж, где никто, казалось, не заметил моего отсутствия. Папа наполнил свой бокал виски.

— Папа! Тебе нельзя! Тебе будет хуже! — сказал я, одергивая его руку. — Ты уже выпил бокал вина!

— Предоставь мне сегодня самому решать, что мне можно, а чего нельзя, — отвечал он, одним махом осушив бокал. Он сказал это так, что я сразу понял — вмешиваться, даже если бы это был вопрос жизни и смерти, не стоит. Отец снова наполнил бокал.

— Я хочу выпить за свою жену, — сказал отец, медленно вставая со стула, опираясь рукой о массивный стол. — Сандра была отличной женой и матерью, прекрасной хозяйкой и моим самым близким другом. Да все знают, какой она была! — отец вздохнул. — Я очень любил ее... — отец вдруг замолчал, не в силах совладать с нахлынувшими чувствами, — я люблю ее... но я так редко говорил ей об этом! Я и не знаю, как я дальше без нее, ведь мы так долго были вместе... Конечно, у нее были недостатки, как и у всех нас. Но это и делало ее особенной. Я понял одну очень важную вещь: совершенных людей не бывает, и любим мы как раз эти несовершенства. Цените друг друга такими, какие вы есть. И не тратьте время попусту, жизнь может оборваться в самый неожиданный момент, — отец снова вздохнул и поднес бокал к губам. — За Сандру... — И снова я наблюдал, как по-разному отреагировали гости на его слова. Я сам был до глубины души потрясен тем, что сказал отец. Он очень редко признавался в том, что он испытывает, редко был настолько откровенен даже перед мамой или мной, не говоря о других людях. Как это ни странно прозвучит, я не ожидал, что его любовь к моей матери настолько сильна. Мне казалось, их чувство давно горело, как пламя небольшой свечи. Ровно, мягко, едва нагревая воздух вокруг, порой почти затихая. Я почувствовал, как он ее любит, наблюдая за ним, как

изменяется его лицо, как дрожит его голос. Я не ожидал от него таких слов, потому что отец редко говорил тосты, предпочитая слушать других. Тем ценнее были эти его слова. Я видел, как старые мамы коллеги, несколько ее подруг, дальние родственники, такие как Роб, чье имя я едва вспомнил, и даже дядюшка Ангус восприняли тост отца только как лишний повод выпить под отличную закуску, приготовленную Розой. От этого меня передернуло. Голоса слышались с разных концов комнаты:

— За Сандру... — И снова стук опустошенных бокалов, и снова люди в черном подходят к столу, унося с собой то, что им пришлось по вкусу. Кто-то остается за столом, решив уделить еде большее внимание. Я хорошо слышу, как постукивают приборы, как несколько ртов с аппетитом жуют пищу, похрустывая свежими овощами, как кто-то вполголоса нахваливает какое-то блюдо, рекомендуя его своему собеседнику. Я слышу, как у камина переговариваются Нэнси и Джесс, обсуждая проделки своих внуков. Я слышу, как Магда рассказывает о похоронах Питера, умершего пятнадцать лет назад. Киндси подходит к отцу, и они заводят какой-то долгий и монотонный разговор обо всем, который начинается с соболезнований и затрагивает абсолютно все, включая приглашение на игру в гольф. Я чувствую себя странно, не на своем месте, мне кажется, что я должен быть где-то еще, но я не представляю где. Мне кажется, что все это происходит не со мной. Мне кажется, что все это просто какой-то очень дурной сон, но это дурная реальность. Я хочу убежать отсюда, но я не представляю, где мне стало бы легче. Мне кажется странным, что люди приносят цветы на могилу, хотя живой человек радовался бы им больше. Странно, что говорят хорошие слова, тогда, когда их уже никто не услышит. Несвоевременность. И вот же что обидно: я тоже хотел бы сказать ей очень многое, и я понимал это до ее смерти, но я думал, что я успею это сказать, успею еще о многом поговорить,

успею наладить отношения и установить понимание, успею многое узнать из того, что она хотела бы мне сообщить. Отчего-то я самоуверенно полагал, что у нас с мамой впереди еще очень много времени. Я не задумывался о смерти. Я не задумывался, что это может произойти так быстро. Я не задумывался, что это действительно, реально может произойти быстро и неотвратно с любимым из нас, с любимым, кто сейчас находится в этой комнате. Отчего-то кажется, и это заблуждение, что все родные, близкие и любимые умрут в глубокой старости на своей излюбленной кровати, написав завещание и попрощавшись со всеми, как это обычно происходит в случае, если человек очень стар и давно ждет наступления смерти. И это будет быстро, совершенно не больно и как божие благословение. Очень наивно. Судя по всему, все так считают. Но смерть может прийти куда угодно. К ребенку, который неосторожно перебежал дорогу, к пассажирам поезда, сошедшего с рельс, к молодоженам, спешащим провести медовый месяц где-нибудь на островах, к наркоману, не рассчитавшему дозу, к больному, прикованному к кровати последние два года, в конце концов, к самоубийце из дома напротив. Но не к твоим любимым. Не к тебе самому. И если ты все-таки принимаешь неизбежность смерти и понимаешь, что рано или поздно это произойдет со всеми, ты все равно говоришь себе «не сейчас», когда бы это ни произошло. Вот почему медлят родственники, которым нужно отключать близкого человека от аппарата искусственного жизнеобеспечения, даже если доподлинно известно, что все уже кончено. «Не сейчас». Но рано или поздно этот момент настает. А для мамы он настал несвоевременно. «Жалко» — не то слово. Жалко, когда кто-то просит помощи. Жалко, когда не можешь помочь. Жалко, когда видишь жестокость и ее последствия. Жалко, когда видишь чью-то боль. А когда умирает мама — слов нет. Наверное, надо просто пережить этот момент.

Наверное, людям становится легче, когда они могут обсудить произошедшее с кем-то еще, чтобы все расставить по полкам, осознать. Видимо, формальности необходимы, чтобы принять какой-то факт, будь то смерть или рождение. И, наверное, еще любовь. Не уверен насчет последнего. Странно, мне так хочется их избежать, и в то же время, если бы в мире был сейчас только я один и эта потеря, мог бы я отличить реальность от кошмарного сна? И если бы все же осознал реальность происходящего, как бы я справился со всем, будь я совершенно один? Кто знает, о чем бы я думал сейчас, если бы не был занят невольным подслушиванием чужих разговоров о шаловливых внуках и лучших ключках для мокрой травы. Кто знает, куда бы привели эти мысли, если бы я не был занят разглядыванием гостей? Если бы не злился на их нелепицу сейчас? О чем бы думал сейчас мой отец, если бы Киндси не занял его отвлеченной беседой?

Странно, но именно тогда, когда хочется, чтобы все тебя оставили в покое и наедине со своими мыслями и горем, нужно чтобы кто-то был рядом и отвлекал тебя надуманными разговорами, нелепыми и неуместными историями, просто своим присутствием. Странно, но самое правильное решение, когда до одури хочется побыть одному — ни за что не оставаться одному. Потому что, сколько бы людей тебя ни окружало, ты все равно будешь один на один со своим горем, и иначе не будет, иначе просто не может быть. И ты рано или поздно его переживешь, проглотишь, как ком в горле. А те, что нелепо улыбаются или изображают горе, глядя тебе в глаза, потому что иначе неловко, на самом деле оказывают тебе огромную услугу. Потому что в такие моменты нельзя оставаться одному, слишком велика вероятность отчаяться.

Родственники, может быть, тем и отличаются от друзей и любимых, что мы их не выбираем. Они остаются с тобой, часто даже вопреки собственному желанию. Редко кто хочет идти на

похороны. Редко кто готов взять на себя этот эмоциональный удар. Родственники это сделать должны. И часто ты видишь всю свою большую семью и всех самых отдаленных по степени родства именно тогда, когда в семье происходит значительное изменение. Родственники не выбирают, идти или не идти на похороны. Конечно, собираясь выйти из дома, они жалуются друг другу, что, дескать, неохота идти, но, завязывая черный галстук, поправляя черную вуаль на шляпке, все-таки идут. Удивительно, но именно их присутствие, присутствие тех людей, кого ты знаешь с самого раннего детства, кто на твоих глазах взрослеет или стареет, присутствие знакомых лиц и знакомые голоса, предсказуемость того, что произойдет и что будет сказано, — все это вселяет уверенность, что жизнь продолжается. И они бесят порой своими дурацкими привычками, но они рядом, и становится легче. Забавно, да?

Помню, после похорон дни стали идти все быстрее. Не было времени, чтобы что-либо осознать. Накопилось много дел, и я был рад этому, можно было отвлечься от тягостных мыслей, насколько это возможно. В какие-то минуты я ловил себя на том, что полностью забывал об утрате и думал о маме, как о живой. Как будто она куда-то уехала и просто давно не возвращалась. Как будто вот-вот ее снова встречу. Иногда я шел по улице и видел женщину в пальто, почти как у нее, и на секунду было такое странное ощущение, будто бы это она. Но в следующую же секунду я говорил себе, что ошибся. Я знал, знал, что она умерла, но почему-то ничего не мог с собой поделать. Я шел на работу, возвращался домой, и все это превращалось в неизменный цикл, и то, что это происходило, как раньше, вводило меня в заблуждение. Я винил себя за то, что все чаще не чувствовал никакой боли. Я как будто находился под какой-то анестезией. Наверное, я просто все еще был в шоке и отказывался принимать происходящее. Но это я понял только сейчас. А тогда я жил, и дышал, и ничего не чувствовал. И ничего

не замечал вокруг. Не замечал, как плохо отцу и что с ним вообще происходит. Не замечал, что он в растерянности и не знает, что делать, не замечал, как тот сильно винил себя в смерти матери. Не замечал, что семейный бизнес терпит бедствие. Не замечал ничего вокруг. Сидел на террасе, пил чай или что покрепче, смотрел на дома, на зажигающиеся окна, проезжающие вдалеке машины и пролетающие вертолеты, на людей, на небо в причудливых красках, на весь город, и здания, и весь этот индустриальный пейзаж с высоты моего пентхауса, на чайники или на лед на дне бокала. Рассматривал причудливое кольцо, которое я теперь носил на безымянном пальце правой руки, то самое, которое нашел в море в день знакомства с Вивьен, на процарапанные или выбитые на нем символы и пытался понять, что же они значат.

Но больше не замечал ничего и ничего не пытался понять.

И вот, однажды вечером я сидел, слушал звуки города. Слушал едва различимый гул моторов, чуть более громкие гудки клаксонов, слушал тишину и шум одновременно, слушал, как шуршит охлажденная кока-кола в бокале, слушал, как глотаю ее, как будто это делает совершенно другой человек, слушал тихие голоса, которые доносились снизу, и вдруг как будто кто-то сорвал занавес, скрывавший от меня все происходящее. Я по-прежнему сидел, и в руках у меня по-прежнему был стакан с обжигающе холодной кока-колой, я слышал все те же звуки, конечно, уже другие машины проезжали мимо, но это не имело значения. Машины на дороге, как вода в реке — почти всегда разные, но река продолжает течь дальше. Вот опять кто-то ударил по тормозам, и вот снова куда-то едет скорая помощь, и куда-то спешит полиция. И снова слышны голоса снизу. Все вроде то же самое. Но на самом деле эти звуки значат что-то другое. Я слышу их не просто так. Все это — чьи-то жизни, которые продолжаются вместе с моей. Каждое горящее окно, каждая едущая мимо машина, каждый доносящийся

слог — это жизнь, которая продолжается для меня и для тысяч других людей. Но не продолжается для мамы. Мамы больше нет. Нет, она никуда не уехала, не обманывай себя. Ты сам ее хоронил. Ты сам уводил от могилы мигом постаревшего на несколько лет отца. Ты сам все видел. Это было с тобой. Это реальность. Мамы больше нет. Мама больше не позвонит и не спросит: «Алекс, сынок, когда ты к нам заедешь?», и даже не упрекнет: «Опять ты спал полдня!», и не спросит: «Опять пил виски прошлым вечером?», не спросит: «Скучал по мне? Признавайся!». Не обнимет, так чтобы на секунду, как в детстве, ощутить ее тепло рядом. Не поцелует в щеку, не похлопает по плечу, проходя мимо. Не попросит помочь подрезать гортензии. Не пожалуется на отца, не похвастается новым пирогом. Потому что ее больше нет. Сознание с издевкой спрашивает: «Ты только сейчас это понял?», — а я не знаю, что ответить самому себе. Ведь нет же, не только сейчас? Или только сейчас? Я понял другое, понял, как мне ее не хватает сейчас. Неожиданно остро, находясь на свежем воздухе, я вспомнил ее запах, такой теплый и сдобный, мягкий и округлый, как булочки с сахаром и корицей, которые она так любила печь. Вспомнил, как забегал на кухню, уносил с тарелки одну из них, а она смотрела на меня строго и говорила, что испорчу аппетит. Вспомнил, как обнимал ее, а она прижимала меня к груди, и я чувствовал щекой грубую ткань ее любимого передника, рассматривал перламутровую пуговицу на домашнем платье в какой-то непонятный цветочек, видел на розовой коже цепочку с любимым крестиком, которую она, наверное, никогда не снимала. Вспомнил, как смешно было на нее смотреть, когда она просыпалась утром, а на голове были бигуди, из которых начинали выбиваться волосы, растрепанные за ночь. Я все гадал, как можно так спать, ведь больно же! Вспомнил, как она старательно пересаживала какие-то цветы осенью, хотя у нас был для этого садовник. Вспомнил, как

она любила сидеть у окна и вышивать крестиком. Она всегда говорила мне, как важно все доводить до конца, но ее незавершенные вышивки порой хранились годами, потому что ей надоедало вышивать одну и ту же картинку. Вспомнил, как она ругала меня за неудачи в школе, как ставила в угол, как лишала сладкого, как однажды больно схватила за руку, так, что она потом долго ныла. Это показалось таким смешным сейчас! Вспомнил, как упрекала меня в том, что не отвечаю ее ожиданиям. Вспомнил, как плакала, и я видел ее слезы впервые в жизни, когда я упрямо настоял на своем и, забросив флейту, ушел с друзьями репетировать в подвал, прихватив бас-гитару. Кстати говоря, это я не довел до конца, потому что, в самом деле, мне были важнее девчонки, а не музыка. Вспомнил наш последний разговор. И понял, что она во многом была права. Вообще, в том разговоре не должно было быть правых и не правых, я должен был во всем согласиться с ней, принять ее точку зрения и поблагодарить ее, а не настаивать на своей правоте, не пытаться доказать, что я взрослый. Я был настоящим ребенком в тот момент. Не надо было ей отвечать так резко, нужно было просто проявить понимание. Что она говорила про отца? Мама подозревала его в чем-то, мама была уверена, что он больше не любит ее и она ему больше не нужна, и мне не нужна. Как она могла такое подумать? Я должен был ее переубедить, доказать ей, что отец любит только ее... Я должен был сказать ей, что она нужна мне. Не просто так, для отговорки, а чтобы она поверила, что это действительно так. Я должен был крепко обнять ее, чтобы она поверила мне. Я не знаю, что я должен был сделать, но я должен был ее успокоить, она не должна была так уйти! Быть может, если бы я с ней поговорил нормально, по-человечески в тот день, она бы не была расстроена в понедельник и, может быть, все было бы иначе.

Я вдруг понял, каким самодовольным идиотом, каким эгоистом я был! Я разозлился на себя за эту близорукость. Разозлился за

то, что не мог понять этого раньше. Разозлился, что ничего не предпринял. Разозлился, что уже поздно что-либо менять. И снова сердце сжалось внутри от сознания того, что я больше никогда ее не увижу. Никогда. Какое емкое слово. Никогда. Страшное слово, бесконечное. Никогда. Как это сложно осознать, если при- вык, что этот человек всегда рядом, даже если вы за много тысяч километров друг от друга. Этому человеку не все равно, что с тобой происходит, что бы с тобой ни происходило. А ты бережешь ее от чего бы то ни было, и не звонишь, и не спрашиваешь, как дела, и не приезжаешь в гости, потому что все как обычно, все хорошо, жизнь идет, мама всегда рядом. Что-то происходит в твоей жизни, многое происходит, счастливое и не очень, и даже порой слишком серьезное, но ты не беспокоишь ее этим, зачем ей знать о твоих проблемах? И ты не звонишь. Днями, неделями, месяцами. А она рядом, живая, любимая, родная. А вот теперь и рад бы позвонить, но как? Если бы дали хотя бы минуту, я бы нашел, что сказать. Я бы сказал, что люблю ее больше всех женщин на свете, и сказал бы это не стыдясь. Я бы сказал, что очень скучаю по ней и очень хочу снова услышать ее голос. Я бы сказал, что готов слушать ее часами. Любые нотации, любые упреки. Потому что на самом деле она так заботится обо мне. Я бы сказал, что люблю ее любой. В гнев, в расстроенных чувствах, в самом ужасном настроении, когда она похожа на взбешенную гарпию, готовую оторвать тебе голову и съесть тебя с потрохами, даже в те моменты, когда ее слова ранили меня в самую глубину души, унижая меня и наполняя меня отчаянием. Я бы попросил прощения. За все свои неосторожные слова, за невнимательность, за холодность, за важный вид, за кажущуюся взрослость, за ложь во спасение, за все обиды, которые нанес ей, чтобы доказать, что я сильнее и умнее ее, и за те, что сделал случайно. Я вздохнул, шмыгнул носом и вдруг понял, что все это время плакал. По-настоящему плакал.

Часть V

ЛЮБОВЬ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я сидел в баре с Энджи, Расселом и Джейком. Они отвели меня в какой-то новый бар, в самом центре Бруклина, об открытии которого я не слышал, просто потому что последние недели мне было не до того. Среди авангардных фотографий и самых разных предметов, развешанных на стенах, от шляпы-котелка до дракона из осколков музыкальных дисков, были расположены несколько столиков и низких диванов, обтянутых дорогой, хорошо выделанной кожей.

Нужно было налаживать старые связи. Я сидел со старыми друзьями в баре, такими старыми друзьями, что толком и не представлял, что творится в их жизнях. В последний раз я видел их перед предполагаемой свадьбой, а вот до этого... Даже не помню, когда я с ними общался в последний раз. А ведь в детстве и юности казалось, что мы будем дружить постоянно, и совершенно непонятны были пророчества взрослых, которые только и твердили, что люди меняются и такая долгая дружба попросту невозможна. Тем не менее, я заметил, что в какие-то моменты с ними становится почти так же легко, как пятнадцать-двадцать лет назад, будто мы вовсе не выросли. В такие моменты, когда мы все весело смеялись над чьей-то глупой, но хорошей шуткой или общим воспоминанием, нет-нет да и мелькала мысль: что же мы так редко встречаемся? А потом сразу вспоминалось, как это обычно бывает. Все говорят: «Да-да, надо бы скорее встретиться, только не на этой неделе», «Только не в это воскресенье, давайте перенесем на недельку», «А через неделю не получится, я уезжаю в отпуск!».

Но вот, мы, наконец, встретились, пьем газировку и алкоголь, хрустим какими-то закусками, рассказываем истории, оживленно жестикулируем и, конечно, вспоминаем.

— А помнишь, ты однажды прыгал с тарзанки, и в самый последний момент, когда ты хорошенько раскочался, под тобой оборвалась веревка?! — спросила Энджи, смешно вытаращив глаза.

— С кем только такого не было! — ухмыльнулся я. — Конечно! — Я улыбнулся, вспомнив, как это было здорово: в жаркий летний день прыгать с тарзанки в прохладную воду.

— Тебе очень повезло, что это произошло, когда ты пролетал над водой! — подметил Рассел. — Вот когда подо мной оборвалась веревка, я потом недели две в синяках ходил!

— Хуже было только тогда, когда ее отец застал нас целующимися в саду! — рассмеялся Джейк.

— Тебе тогда по-крупному досталось, да? — спросил я, потому что начисто забыл эту историю.

— Ну, ей, вроде как, было всего одиннадцать! — пожал плечами Джейк.

— Ты так говоришь, будто тебе было сильно больше! — хмыкнула Энджи. — Да и потом, мы всего лишь целовались!

— Что для твоего отца было серьезной провинностью! Я тогда получил пару тумачков! — сказал Джейк, скорчив жалостливую гримасу.

— Только не говори, что это того не стоило! — Энджи рассмеялась.

— Еще бы!!! Эх, конечно, это того стоило! — сказал Джейк, неоднозначно улыбувшись.

— Полегче, голубки! — шутливо сказал Рассел. — Слышал, у Энджи, то есть у миссис Сандерман, теперь не менее строгий муж!

— Ну да, строгость не помешает, — сказал я, поглядывая на дно бокала с мохито.

— От тебя слишком печально это слышать, — сказала Энджи.

— Не бери в голову! — сказал я, улыбнувшись.

— Ладно, не буду! — сказала она и рассмеялась, звонко, как в детстве.

— Скажи, Энджи, раз уж зашел такой разговор... А ты счастлива? Вот ты так смеешься, что я чувствую, что да. Это действительно так?

— Конечно, я счастлива! — сказала она, сверкнув глазами. — Я здесь, в таком замечательном месте с людьми, которых знаю чертову тучу лет, мы пьем и болтаем, конечно, я счастлива! — потом она задумалась на секунду. — Или ты имеешь в виду вообще? — Я отпил мохито и кивнул в знак согласия. — Ну и вопросы у тебя! Ты же сам знаешь, как это сложно! Иногда счастлива, иногда нет. Сложно понять, — сказала Энджи, покачав головой.

— А я счастлив! — сказал Рассел. — В отличие от миссис Сандерман у меня нет шикарного дома, большого счета в банке, пары детей и второй половины, нет коллекции картин лучших художников прошлого века и прочих аксессуаров, — Рассел пренебрежительно выделил слово «аксессуаров».

— Ну а с чего тебе быть не счастливым? — спросил Джейк. — У тебя полно других, как ты выразился, «аксессуаров»: навороченный мотоцикл с огромным количеством лошадиных сил, несколько музыкальных альбомов, некоторые из которых порой можно послушать по радио, опять же, шикарные цыпочки.

— Ну да!!! — самодовольно улыбнулся Рассел. — И что мешает быть вам такими же счастливыми? Кто вас заставляет делать то, чего вы не хотите? И даже хотеть того, чего вы на самом деле не хотите?

— А ты сам уверен, что тебя устраивает такая твоя жизнь? Неужели никогда не бывает одиноко? — спросила Энджи.

— Я не задумывался об этом. Но если мы говорим об одиночестве, то ни за что не поверю, что ты его никогда не испытываешь! — сказал он и залпом выпил В-52.

— Испытываю, все испытывают, — сказала Энджи улыбаясь. — Но все же у моей жизни есть смысл.

— Это все потому, что ты женщина! — сказал Джейк. — Моя жена тоже, как только родила первенца, поняла, в чем смысл ее жизни. А я как-то не очень.

— Ты шовинист! — сказала Энджи строго, но одновременно улыбаясь. — Я даже не упомянула, что смысл моей жизни в детях, а ты уже сделал все выводы. Моя жизнь просто наполнена!!! И я получаю от этого удовольствие!

— Сложно все это. Вот ты говоришь «наполнена», а чем? — заинтересовался Джейк. Я внимательно слушал их беседу и пока не встретал, было интересно, что они думают о счастье.

— Событиями, впечатлениями, как минимум! Прочными эмоциональными связями — как максимум, — коротко выразилась Энджи.

— Да, мне это не светит... — цокнул языком Рассел. — Последние эмоциональные связи продержались месяца два. Эта стерва свалила от меня!

— А вот интересно, чем она наполнена у тебя, Джейк? — спросил я. — И чувствуешь ли ты себя счастливым?

— Дом — работа, дом — работа. И так постоянно. Но ты знаешь, что-то в этом есть, когда приходишь домой уставший, а дети бегут встречать, кричат «Папа, папа!», показывают свои рисунки, жена зовет ужинать... Все так привычно, с одной стороны, даже обыденно, а с другой стороны — так очень даже хорошо. И очень спокойно.

— Меня сейчас стошнит! — гаркнул Рассел. — Тебе не спокойно, Джейки, ты застрял! Застрял!!!

— Завидууй молча! — улыбаясь, Энджи ткнула Рассела локтем.

— А ты, Энджи, можно подумать, не хотела бы на пару днейков поменяться с Расселом жизнями? — улыбаясь, спросил я.

— А я буду женщиной или мужчиной? А, хотя без разницы! Конечно, мне было бы интересно!

— Ага, раздолбала бы мой байк! — рассмеялся Рассел.

— Одно дело, когда на пару днейков! На пару днейков никто бы не отказался, а вот жизнь у каждого своя, — сказал Джейк.

— Да, пару раз не мешало бы нормально поесть, выспаться хорошенько и чтобы одежду кто-нибудь еще постирал, — сказал Рассел. — Но только пару раз!

Я слушал их рассуждения, а сам думал, что же они сравнивают, если они попросту разные люди с разными желаниями, и каждый делает то, что хочет. За некоторым исключением, конечно, но ведь нельзя абсолютно всегда делать только то, что хочешь. Иными словами, можно заключить, что мои друзья счастливы. Счастливы ли я сам, пока сказать не могу. Потому что я не чувствую своей жизни и вкуса к ней не чувствую, все это как будто происходит не со мной, точнее, с каким-то другим мной. Понятно мне пока только одно: жизнь продолжается. Все продолжается, как и раньше, несмотря на мамину смерть. Моя собственная жизнь продолжается. И если раньше мне казалось, что что-то оборвалось, мир обрушился и ничто больше не имеет смысла, теперь я отчетливо понимаю, что этот кошмар был обусловлен моими эмоциями. На эмоциональном уровне действительно оборвалось многое, и старый, привычный мир обрушился, но смысл в моем существовании определенно есть и не может исчезнуть даже из-за такого большого горя. В отчаянные жизненные моменты теряешь самого себя, но нужно снова найти равновесие и учиться жить дальше. Нужно найти свой путь! Следовать своему пути не значит быть счастливым, это значит быть по дороге к счастью, и временами,

возможно, им наслаждаться. Мои друзья, в целом, счастливые люди, потому что каждый делает то, что ему нравится. А нравится ли мне то, что я делаю? Если честно, то нет. Наверное, мне стоит найти то, чем я хотел бы заниматься, в чем видел бы настоящий смысл. Но как?

— Эй, о чем задумался? — спросил меня Джейк, размешивая сахар в ирландском кофе.

— Да я вот думаю, чем бы таким заняться, чтобы мне это приносило радость.

— Делай то, что у тебя хорошо получается! — сказала Энджи, достав вишенку из взбитых сливок.

— А ты разве не у отца работаешь? — спросил Рассел.

— У отца. Только это не мое... — сказал я, отпив из запотевшего бокала немного Куба Либре, его только что принесли. — Семейная компания, ничего не поделаешь, — сказал я.

— Так уж и ничего? — прищурился Рассел. — Если бы тебя по-настоящему там припекло и все достало, ты бы оттуда уже давно ушел! Тебе, видимо, нравится! — Я выслушал друга и пожал плечами, я не знал, что еще сказать по поводу своей работы.

— Нужно подумать об этом, — сказал я. — У тебя все так просто!

— А зачем усложнять? — спросил Рассел, закурив и откинувшись в кресле.

— Затем, что обстоятельства бывают разные и ответственность у всех разного уровня, — сказала Энджи, подняв бровь.

— А какая у него ответственность, ты мне скажи? — возмутился Рассел. — Ни жены, ни детей у него нет, он такой же одинокий перец, как и я, а ты говоришь про какую-то ответственность! Перед кем? Скажи мне, перед кем, и я пойму, почему он продолжает ходить в офис к девяти утра, если у него достаточно денег, чтобы этого не делать!

— Ты прав, — я улыбнулся. — У меня нет ответственности ни перед женой, ни перед детьми, у меня их попросту нет. Но у меня есть ответственность перед моей семьей, перед отцом, перед тем делом, которым занимались мой дед и мой отец на протяжении долгих лет.

— А тебе не кажется, что в таком случае твой отец не прав, так как сам он, в отличие от некоторых, занимается любимым делом? — спросил Рассел.

— Единицы могут заниматься любимым делом, большинство занимается тем, чем занимается, просто потому, что так получилось, так надо, — сказал Джейк. — Что же ты хочешь, Рассел? Чтобы все занимались любимым делом?

— Да, я считаю, что тогда человеческая цивилизация достигла бы больших высот! — сказал Рассел, улыбувшись.

— А как насчет тех дел, которые едва ли кто-то полюбит? — спросил Джейк. — Есть же огромное количество просто отвратительных занятий!

— А еще есть не менее огромное количество людей, у которых попросту нет любимого дела, — добавила Энджи. — Не все способны хоть что-то делать, и уж тем более любить это!

— Но согласитесь, как было бы круто, если бы все делали только то, что у них действительно хорошо получается! То, к чему лежит душа! — сказал Рассел мечтательно.

— Мда... — задумчиво протянул Джейк. — А что будем делать с теми, чьи занятия опасны для общества? Может, у кого-то лежит душа людей убивать?

— А что ты с этими людьми сейчас делаешь?

— Я ничего не делаю, — пожал плечами Джейк.

— Значит, найдутся те, кто захочет их поймать и посадить в тюрьму или казнить. А казнить их будут, опять же, те, у кого это лучше всего получается. По-моему, отличная модель

развития нашего государства, — сказал Рассел, цокнув языком.

— С одной стороны, разумно звучит, — сказал я. — Но с другой стороны, люди часто сами не знают, чего они могут добиться, чего хотят, что умеют лучше всего. Как ты предлагаешь это разделить?

— Ввести какое-нибудь хитрое психологическое тестирование и сообщать человеку о его склонностях, которые он уже сможет развивать или не развивать, это уж кому как, — ответил Рассел.

— Ага, как же, — покачала головой Энджи. — У этого тестирования будет огромное количество ошибок и погрешностей, в итоге пострадают люди.

— А если его придерживаться не строго? — спросил я. — Возможно, кому-то это поможет сориентироваться, лучше понять себя.

— Тогда да, наверное, было бы полезно, — согласилась Энджи.

— Только сдаётся мне, Рассел, что люди и так вольны делать, что хотят и что любят делать. Это вопрос желания. Если сильно чего-то хочешь, то обязательно будешь это делать. Таким образом, и прямо сейчас, а не в твоей утопии будущего, абсолютно у всех людей в мире есть возможность заниматься тем, чем они действительно хотят заниматься.

— Сдаётся мне, Алекс, — передразнил меня Рассел, — ты тоже застрял, только в башне из Слоновой Кости. Ты просто не можешь представить, что есть люди, которые из-за стремления попросту выжить не могут себе позволить роскоши делать того, что они бы хотели. Есть люди, у которых другая действительность и которые ничего не знают об обычных западных желаниях. Есть люди, для которых глоток воды — предел мечтаний, и все, что они делают, направлено на воплощение этой цели, — я внимательно выслушал его.

— Рассел, ты чертовски прав, за исключением одного момента: я представляю, что есть такие люди, я о них иногда вспоминаю, и мне их искренно жаль. Но ты прав, я неправильно высказался, конечно, не абсолютно все люди в мире имеют полную свободу выбора. Тем не менее выбор есть у всех. Вот что я хотел сказать.

— Вот ты сказал, что тебе их жаль, а что ты делаешь для этих людей? Платишь налоги? А как насчет других людей, о которых наше государство не заботится? Что лично ты сделал ради тех, кого тебе жаль? — продолжал с пристрастием допрашивать меня Рассел.

Я глубоко задумался. И ведь действительно. Я платил налоги, наша компания часто делала разные пожертвования ради налогового вычета, но я сам, что сделал я сам? Никогда не думал, что нужно что-то делать. Думал, что всех не спасти все равно, поэтому не стоит даже пытаться.

— Лично я ничего не сделал. Пока, — сказал я. — Как ни горько это признавать. Но вот ты меня устыдил, я задумался и что-то, наверное, сделаю. Рано или поздно. А ты, видимо, можешь посоветовать, что делать?

— Да, нам интересно, что сделал ты ради голодающих африканских детей! — сказала Энджи.

— А я ничего не сделал, — ответил Рассел, закуривая следующую сигарету. — Мне их не жалко, — он медленно выпустил дым, наслаждаясь нашей реакцией на его высказывание. — Мне вообще людей в принципе не жалко. Люди — паразиты, населяющие землю. Мы ничего хорошего, как цивилизация, для нашей планеты, для всей богатейшей экосистемы не сделали. Нас так чудовищно много, что Земля скоро начнет от нас задыхаться. Мы потребляем, наши аппетиты постоянно растут, мы меняем телефоны и прочие модные примочки, как только выходит новая модель, в угоду моде, а не функциональности. Мы идем по заведомо

ложному пути. Возможно, человечеству, чтобы одуматься, нужна глобальная катастрофа, чтобы все поняли, как хрупко равновесие, и заодно, чтобы паразитов стало меньше. Засада только в том, что, вероятно, в живых останутся далеко не лучшие представители нашей цивилизации. Какие-нибудь подростки-любители вампиров и поп-музыки, тупоголовые потребители или еще кто похуже. Так что я ежегодно жертвую, сколько посчитаю нужным, на спасение панд, тигров или китов, но только не людей. И поэтому предпочитаю жить в свое удовольствие, умереть хочу молодым, и никаких детей, нет уж!

— Ты это, конечно, хорошо сказал, Рассел, но не у тебя ли крутой навороченный байк, наносящий огромный вред окружающей среде? — подколот его я.

— Да, у меня! — гордо ответил он. — Зато я сажаю деревья!

— Миленько... — только и сказала Энджи.

Я пришел домой поздно, звучно громыхнул ключами о полку у зеркала, медленно проплелся в ванную, умылся, принял душ и пошел в спальню. Я лег на кровать. Тишина. В комнате приятная прохлада. За окном начался дождь. Крупные капли стучали о стекло. Я лежал на кровати и улыбался. Впервые за последнее время мне не было больно. И даже не было грустно. Жизнь действительно продолжается. Удивительно! Я еще шире улыбнулся. Я вдруг почувствовал, что мне легче дышать. Будто что-то отпустило меня. Впечатления вечера смешались, образы спутались, в ушах еще звучали знакомые голоса и звон бокалов, и смех, и даже приглушенная музыка, которая играла в баре. Я вспоминал наши разговоры, я начал задумываться обо всем том, о чем мы так спорили. Но размышления эти не были мучительны, может быть, потому что я был немного пьян. И вдруг, поддавшись странному и сильному порыву, я встал, включил свой ноутбук, открыл свой старый блог и стал писать:

«Как часто люди сами ограничивают себя, начинают жить так, будто идти вперед можно только по проторенной тропе, ни шага в сторону. Будто ты не человек — канатоходец. Оступишься и потеряешь все, что имел. В юности боишься совершить первый шаг, не знаешь, как же ступить на канат.

Наберешься храбрости, делаешь первый шаг. Тело дрожит от волнения, пытаешься удержать равновесие. Получается. Сердце замирает в груди от восторга. Но ты еще совсем недалеко от площадки, с которой уходил. Всего один шаг. Делаешь следующий. Осторожно. Кажется, понимаешь, как себя надо вести на канате. Третий шаг делаешь уже осмелев. И тут же едва не падаешь. Сердце вырывается из груди. На этот раз от страха. Потому что вдруг понял, как близко было падение. И в то же время ты доволен собой, что не упал. Следующий шаг дается легче. Дальше — больше. Ты уверенно идешь и идешь вперед, канат поднимают все выше, толпа в зале смотрит на тебя. Кто-то переживает, вздрагивает, когда ты оступаешься. Кто-то ждет твоей неудачи. Ты твердо стоишь на середине пути и, уверенный в своих силах, показываешь, что дальше ты пойдешь без страховки. Тебе больше никто не нужен. Ты все можешь сам. Ты уже многое узнал, многое умеешь. Ты взрослый. Ты зрелый. Толпа аплодирует. Толпа ликует. Толпа жадно смотрит за каждым твоим шагом. Улавливает каждое твое колебание. И вдруг, ни с того ни с сего, нога предательски скользит в сторону, и ты, несмотря на попытки удержать равновесие, срываешься вниз. Ты падаешь, и перед тобой пролетает сотней кадров вся твоя жизнь. Ты пытаешься осознать происходящее, но ты падаешь, долго падаешь, как во сне. Так долго, что успеваешь испугаться, успеваешь почувствовать скорость полета, успеваешь ощутить, как это — падать. Успеваешь почувствовать, как все сжимается внутри тебя, как ужас подкатывает к горлу, как сердце уходит в пятки. И вдруг ты падаешь на землю. Но и это не конец.

Ты лежишь, скорчившись от боли на арене цирка. Меркнет свет. Ты не понимаешь, долго ли это еще продлится. Ты не знаешь, куда себя деть, тебе так больно, что проще, наверное, умереть. Но умирать не хочется. Хочется жить. Пронзительно хочется жить, но так больно, так невыносимо больно. Огни, горящие наверху, начинают танцевать перед глазами. Голоса смешиваются в причудливый гомон, больше непонятно ни слова. Потом, когда все позади, ты вдруг понимаешь, что ты теперь в инвалидном кресле. И едва ли что-то сможешь и едва ли сделаешь еще хотя бы один шаг. Ты вроде бы еще канатоходец, но нет каната, по которому ты должен идти, и ты больше не сможешь пройти ни по одному из них. Все, чему учился долгие годы, все, во что верил, все, что умел делать лучше всего, все, о чем мечтал, вдруг теряет смысл. Ты в отчаянии и не можешь понять, что делать. Ты стискиваешь кулаки. Ты кусаешь губы, так сильно, что они синеют. Ты мучительно ищешь выход, но его нет. Ты все еще канатоходец. Так проходят день за днем, месяц за месяцем, в отчаянии, в горе. Но однажды ты вдруг понимаешь, что мир — не цирковой шатер, и твой путь — не канат. Ты посреди огромного поля. Ты бежишь. Ты бежишь, куда хочешь. В любую сторону. Свободно. Больше нет никаких ограничений. Ты — хозяин своей жизни и волен делать абсолютно все, что захочешь. Вот что я теперь чувствую. Теперь я знаю, что должен делать. Так просто!»

Я заснул с мыслями об этом, и мне снился странный сон. Стекло, песок и тонкие пальцы. Красивые женские руки, и на среднем пальце у незнакомки надето мое кольцо со странными символами, то самое, что я нашел в море. Стекло, песок и тонкие пальцы. Она набирает полные пригоршни песка и высыпает их на стекло, рисует пальцами причудливые картины — лица, людей, животных. Я вижу, как маленькая девочка зажимает руками лицо и превращается в дерево, чьи волосы теперь стали

раскидистыми ветвями. Я вижу, как сливаются в поцелуе два профиля, я вижу, как лица превращаются в изрезанный молниями пейзаж. Я вижу, как по иссушенному телу саванной царственно медленно идет слон. И вот он уже рассыпается на тысячу песчинок. Мимо бегут десятки детей, в небе пролетают птицы. Я снова вижу, как на теплом камне разлеглась львица, и снова поднимается солнце, и снова песок, песок, песок, который, рассыпаясь по воле ее ладоней, падает на гладкое стекло и, подчиняясь отточенным движениям ее тонких пальцев, превращается в шумящие морские волны.

Утром следующего дня я уже знал, что я должен сказать отцу и что должен сделать. Я встал с постели, сварил крепкий кофе, сделал омлет и тосты. Нужно было скорее изучить в Интернете материалы, которые могли помочь мне развить свою идею. Я притащил ноутбук на кухню, поставил его рядом с тарелкой и стал завтракать, попутно пробегая глазами в поисковике все, что мог найти по поводу организации благотворительных фондов. Вчера я понял, что это как раз то, что нужно. Я хотел помогать людям. По-настоящему помогать, а не «страховать» их, не ради рекламы, не ради каких-то выгод, а именно потому, что у меня есть возможность, желание, связи и силы, чтобы это сделать. Я хотел быть по-настоящему кому-то полезным. Утро пролетело незаметно быстро, так как я был сосредоточен на своей цели. Это принесло плоды, потому что у меня появилась информация, которая так необходима, чтобы убедить отца. Он не любит говорить попусту. И это правильно. Я позвонил ему, он был дома. «Какая удача!» — подумал я. Я запрыгнул в свой автомобиль и за полчаса доехал до дома отца. Он был рад меня видеть. А мне нужно было многое ему сказать, но что касается личных слов, я даже не знал, как начать, поэтому лучше я сначала поговорю с ним о своей идее. Хорошо, если ему она тоже понравится.

— Алекс, сынок! Хорошо, что ты приехал! — он похлопал меня по плечу.

— Как ты, папа? — спросил я, глядя ему в глаза. Он чуть прищурился, неловко улыбнулся и опустил глаза.

— Потихоньку, — отвечал он.

Мы шли по опустевшему дому. Здесь все пока оставалось без изменений, отец не хотел ничего менять, да и времени еще прошло слишком мало. Занятно, но дома осенью совсем не тот запах, что в квартире на Манхэттене. Кажется, дом живой, дом дышит вместе с садом сладковатым ноябрьским воздухом. Такой приятный запах, природу которого так сложно описать! Морозное утро? Иней на засыпающих ветвях кустарников и деревьев? Сухие листья? Мокрая земля? Дерево и мокрое стекло на окнах? Не знаю, как описать. Отец привел меня в свой кабинет. Он очень любил его, это было его место. Тот уголок дома, где он мог в любое время спокойно подумать о чем-то, читать книги, говорить с друзьями. Мужская территория, не тронутая мамой. Возможно, именно поэтому он предпочел общаться со мной в кабинете, чтобы лишний раз невольно не вспоминать о ней. Конечно, неосознанно. Мы развалились в кожаных креслах у низкого кофейного столика, сделанного каким-то умельцем из причудливого соснового пня с корневищами.

— Если бы мне было можно, я бы налил нам виски со льдом или херес. Проклятый диабет! Так что, если ты не против, выпьем просто кофе или чаю, или чего пожелаешь. — Я сказал, что буду пить то же, что и он. Роза принесла нам чаю.

— Расскажи мне, как у тебя дела, сынок!

— Хорошо, папа. Вчера виделся с друзьями, мы интересно поговорили, и я многое для себя понял.

— Это очень хорошо, Алекс. А что ты думаешь о ситуации в компании? Так, скажем, не формально, не как начальнику, а как

отцу, можешь мне сказать? Я в последнее время теряю хватку, не понимаю, что кругом происходит, никак не могу собраться с мыслями. Мне нужен твой совет. — Меня удивил подобный тон отца, обычно он твердо стоял на своем и не спрашивал ничьих советов.

— Я думаю, что в напряженной ситуации нет ни твоей, ни моей вины. В общем-то, это какое-то стечение обстоятельств, временное невезение, кризис, если угодно. Никто из топ-менеджмента, с кем я говорил на эту тему, не может выдвинуть нормального объяснения происходящему. Поэтому, я думаю, имеет смысл нанять одного или двух хороших бизнес-аналитиков, чтобы они высказали свое мнение по данному вопросу. Нельзя запирается самим в себе, часто взгляд извне может многое прояснить.

— Да, — медленно отвечал отец, — думаю, это неплохая идея. Я бы нанял двух, чтобы было так называемое экспертное мнение от разных людей. Но чтобы они не знали друг о друге. Потом сравним их результаты и сами сделаем выводы, — сказал отец. — Хорошо. А что делать, если ни один из них ничего не обнаружит?

— Вот там и посмотрим, — сказал я. — Мы же не провидцы, мы не можем предсказать.

— И то верно, — сказал отец, одобрительно кивнув. — Знаю-знаю, ты так на меня смотришь, что все понятно. Я так быстро с тобой согласился потому, что я тоже многое понял в последнее время.

Я вдруг почувствовал, что отцу просто необходимо выговориться.

— С тех пор, как Сандры не стало, — начал он сдержанным ровным голосом, — я понял, как я неправильно себя с ней вел. Я был всегда уверен в своем мнении, и если и прислушивался к тому, что она говорит, то только для вида, чтобы она не обижалась. Мне не было важно ничье мнение, кроме собственного. Ни твое, ни ее, ни чье-либо еще. Я был абсолютно уверен в своей правоте по всем

вопросам. Я не обращал внимания на ее просьбы и претензии, на ее обиды и упреки, просто потому, что давно привык к ним. Но что больше всего, я понимаю, как виноват перед ней и что должен был делать, чтобы она чувствовала себя счастливой. Она ведь последнее время не чувствовала себя счастливой. Переживала за меня, за тебя, за твою свадьбу, за бизнес. Часто жаловалась на то, что чувствует себя одинокой и никому не нужной. А я пропускал это мимо ушей как очередное нытье. Понимаешь? — Я кивнул. — Я виноват перед ней, — отец опустил глаза. — Я очень перед ней виноват, но я не знаю, что мне делать! Уже поздно просить прощения, поздно. А я по ней скучаю, так безумно скучаю, хотя и знаю, что она никогда не вернется! Мне не хватает ее. Я раньше жил и думал, что так все и должно быть. Принимал ее как должное. А это же чудо, что она была со мной. Все эти годы... А я не ценил.

— Папа... — только и сказал я. Не мог найти слов. — Тебе не стоит винить себя в том, что произошло.

— Знаю, Алекс. Но почему-то продолжаю это делать, — сказал отец, покачав головой. Я вдруг остро понял, как тяжело ему сейчас, как тяжело ему было раньше! Я настолько был отвлечен собственными переживаниями, что даже не представлял, насколько тяжело может быть отцу. Тот держался, делал вид, что все в порядке, конечно, хуже с чем-то справлялся, но в целом был молодцом. Но вот сейчас, когда я слышал, как он говорил о матери, мне стало ясно, насколько сильное это горе для него. Я чувствовал себя неловко, потому что не знал, чем могу помочь ему, как его поддержать.

— Мама всегда будет жить в нашей памяти, — сказал я. — Пока мы живы, она будет с нами, — я сделал паузу и посмотрел на отца. Я начал говорить, тщательно подбирая слова. — Я подумал, что мы можем во имя ее памяти организовать благотворительный фонд. Раз уж мы не можем повернуть время вспять и спасти

ее жизнь, мы можем спасти сотни других жизней! — я был полон решимости. Отец внимательно выслушал меня, посмотрел на меня так, будто я вдруг предложил что-то очень необычное и странное. На секунду я испугался, что он не одобрит моей идеи. Он долго молчал, обдумывая мои слова. У меня вспотели ладони от волнения.

— И он не будет приносить нам никакой выгоды? — спросил он, подняв бровь.

— Нет, я не подумал об этом. А что, должен? — спросил я удивленно.

— Нет, не должен, — отец облегченно улыбнулся. — Тогда я согласен, если это будет по-честному, и каждый цент пойдет именно на благую цель, не осядет ни в чьих карманах. Ты же понимаешь, мы можем хотеть одного, а в результате система, все люди, которые в этом заняты, будут тянуть одеяло на себя под благородным предлогом. В таком случае, нам нужно придумать, как этого избежать. Ну и вообще, как ты планируешь все это развивать? Есть наметки? — спросил отец. Я видел по его реакции, что идея ему понравилась, я вдруг почувствовал большой прилив сил.

— На данном этапе есть только идея, но это ведь самое главное! — сказал я улыбувшись. — Как это должно работать, можно выяснить у знающих людей. Я же хочу просто помогать людям, которые страдают не по своей вине. В середине восьмидесятых, не помню точно, когда именно, в Эфиопии из-за сильной засухи погибло около миллиона человек. Добавим сюда практически полное бездействие государства, постоянные межэтнические конфликты, крайнюю нищету и в целом плачевное состояние экономики, получается, им просто невозможно выкарабкаться из этой западни самостоятельно. Им нужна наша помощь, помощь Запада, иначе они погибнут. И, как это ни странно, западная цивилизация будет в этом виновата. Мы постоянно тянем экономическое одеяло на

себя, мы и не можем иначе, просто такой уровень развития. Но не стоит их воспринимать как людей второго сорта, они страдают так же, как и мы, только в тысячу раз сильнее. Как можно, зная это, продолжать жить спокойно? Я жил спокойно, я думал, что это не мое дело, думал, что они как-нибудь сами справятся, в конце концов, что изменить что-то не в моих силах. Но вчера я задумался и понял, что это не так. Можно изменить что-то очень незначительно для себя, но для кого-то это будет ощутимо. У нас ведь есть возможность, папа! Мы ведь можем им помочь! — Отец внимательно выслушал меня, покачал головой и сказал:

— Все-таки ты принадлежишь к другому поколению. Мне такие мысли в голову не приходили. «Выживает сильнейший» — единственное, во что я верил.

— Да, и вместе с выжившим сильнейшим гибнут сотни тысяч невинных, слабых людей, гибнут целые государства, народы, культуры. Но какое нам дело? — сказал я. — Индейцев истребили, заняли их землю и стали сильнее всех. Правильно, да?

— Не сгущай краски, мы истребили не всех, часть предпочла влиться в нашу культуру, часть истребила немало белых. Так что все было, в общем-то, по-честному. Те, кто выжил, предпочли лучшее. Если бы их культура была богаче нашей, они бы не стали уподобляться нам, белым. — Отец долил чаю в чашку.

— Ты и сам знаешь, что ты не прав, — сказал я улыбувшись. — И там такие же люди. Просто в других обстоятельствах. И им надо помочь, — отец некоторое время смотрел молча на меня, потом цокнул языком и медленно начал говорить, отхлебнув немного чая.

— Ты, наверное, прав. Нужно заботиться о других людях, даже если они кажутся чужаками и это «тебя не касается», — отец задумался на некоторое время. — Наверное, это правильный путь развития нашей культуры, — говорил он медленно. — Можно

это считать «комплексом белого человека», но если ты действительно намереваешься предпринять решительные действия по исправлению ситуации, то это уже социальная ответственность. И я горжусь тобой. Мне кажется, я бы никогда не решился на что-то подобное.

— Я справлюсь. Я знаю, что делать, — отвечал я решительно.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Я помню, с какими сложностями мне пришлось столкнуться за последние годы, чтобы воплотить свою идею в жизнь. И все же я это сделал. Но как же этого мало! Вначале мне казалось, что можно легко собрать нужные средства, закупить все необходимое, согласовать и переправить на самолете, куда это необходимо. Сегодняшние деньги, пусть даже всего лишь чей-то пожертвованный доллар — завтра несколько десятков сытых детей. Так мне казалось. Но, конечно, в жизни все было далеко не так просто. Чтобы оказать помощь людям, необходимо преодолеть огромное сопротивление бюрократического аппарата с обеих сторон. Но если дома, в Америке, все относительно просто, то в Африке этот аппарат чрезвычайно раздут и малоэффективен. Вместо того чтобы помогать своим людям, государства заняты в какой-то непонятной возне. Наверное, это все-таки чуждо их менталитету, поэтому они не могут понять природы строгой системы взаимодействия между людьми. Западный образ мышления не помогает, он раздражает на части и без того ослабленные страны. В результате люди еще более недовольны создавшейся ситуацией, начинаются гражданские войны. Люди озлоблены на Запад, и даже зная, что это единственная возможность получить помощь, пренебрегают ею. ООН, конечно, ведет переговоры со всеми организациями, даже радикальными или террористическими, чтобы они разрешили помогать обычным людям, но далеко не всегда это приводит к положительному результату. Люди в отчаянии подобны диким зверям, они кусаются и пытаются выбраться, даже если руки, которые

тянутся к ним — руки помощи. Может быть, это и правильно с какой-то точки зрения. По крайней мере, остаешься в независимости и на свободе. Но имеет ли это значение, если тебе угрожает смерть? За три года борьбы и споров с боевиками и радикальными группировками был разрешен ограниченный доступ гуманитарных грузов на юге Сомали. Мир бросил значительные силы на борьбу с пиратами из этой страны, а несколько гуманитарных организаций, в том числе и Sandra Laurence Life Fund, пытаются спасти умирающих от голода людей. Сейчас, в две тысячи одиннадцатом году, в Восточной Африке произошла ужасающая по своим масштабам гуманитарная катастрофа. Такой сильнейшей засухи в данном регионе не было зарегистрировано более шестидесяти лет. Происходящее на данный момент является самой крупной гуманитарной катастрофой этого года. Если число погибших в Великом Восточно-Японском землетрясении исчислялось тысячами, то число погибших во время засухи в Африке исчисляется миллионами человек. Но люди уже настолько привыкли к тому, что в Африке голодают, и не просто голодают, а умирают от голода, что это не кажется им удивительным, это не потрясает их воображение, это не вызывает сочувствия, это является нормой вещей. Поэтому вызвать отклик, добиться помощи гораздо сложнее, чем в случае с Японией. Проблема видится большинству как бездонный колодезь, который, как ни наполняй, все равно будет пуст. А значит, не стоит и стараться. В своем блоге, который за последние четыре года стал очень популярен и набирает около десяти миллионов посещений в месяц, я работаю над этим. Судя по тому, что я здесь, и по тому, что привезенного гуманитарного груза хватит на то, чтобы целый месяц кормить тысячу пятьсот детей, мне удастся это сделать. Но все же, оказавшись здесь, я как никогда остро понимаю, что этого ничтожно мало. Невероятно сильное эмоциональное потрясение. Что-то переворачивается в собственной голове, когда

видишь, как живут эти люди. Слово «живут» совсем не подходит, когда видишь, «как они не умирают». Тоже не верно. Мне приходилось видеть, как они умирают. Но я также видел, как много в них жизни. Как много для них значит миска сваренного на воде риса, пятилитровая канистра воды. Как оживают их глаза, как они смеются, играют в пыли и песке и радуются, по-настоящему радуются жизни. Ведомо ли это западным детям? Да и просто западным людям? Мы все воспринимаем как данность. Кому не повезло, тому не повезло. Удобная позиция. Но не верная. Мне есть, чем помочь им. Мне есть, чему у них научиться. Впервые за свою жизнь я чувствую по-настоящему глубоко, всем сердцем чувствую, что я живу не зря. Главное — быть честным с собой, и если решился что-то изменить, делать это. Просто делать.

Здесь даже ветер не приносит облегчения. Я попробовал облизать потрескавшиеся от жары губы, но язык был как щетка, которой сдирают старую краску. Куда ни глянь, бесконечная равнина. Сухая, выжженная. Странно, что здесь есть жизнь. Потрясающе красивая природа, дикая, иссушенная красота. Но города... Города как ложное ощущение цивилизации и благополучия. Высший порядок и полный хаос, здесь все только так: остро, на контрастах. Драгоценные металлы и алмазы. Огромные деньги, уходящие на Запад. Украшения на чем-то западном пальце, которые стоят кому-то жизни здесь, в Африке. Маленький камешек, ради которого работают сотни людей на непереносимой жаре, в пыли, в грязи, в отчаянии. С необыкновенной радостью, когда удастся найти. Так хочется закрыть на это глаза, не правда ли? Я едва ли смогу еще когда-нибудь закрыть на это глаза. Слоновая кость и черное дерево. Нет ни одного дерева, ничего, где можно было бы спрятаться от палящего солнца, кроме тростниковых построек. Голодные и отчаявшиеся люди уничтожают слонов, отрубая им головы и срезая бивни. Запад снова осуждает их — какое

варварство! Слонов действительно очень жалко, я не могу с этим не согласиться. Но представьте, что вам выпал тот же выбор: ваши дети умирают от голода. Вы сами умираете от голода. Ради этого можно убить слона. «Но не ради слоновой кости!» — возмущается Запад. И угадайте, куда продают статуэтки, украшения и прочие гедонистические безделушки? Неужели голодным людям Африки нужны шахматы из слоновой кости? Я думал об этом, и меня снова начинало внутренне трясти от того, как долго я пребывал в заблуждении. И я обязательно напишу об этом. Я буду рад, если из десяти миллионов человек, прочитавших мое послание, хотя бы еще один решится что-то сделать для изменения сложившейся ситуации. Нет, я не знаю, что именно нужно делать, но я точно знаю: так, как есть, оставлять нельзя. Но ведь кто-нибудь знает? И среди сотен пустых комментариев, бессмысленных споров, оскорблений, смайликов и многоточий будет кто-то, кто осознает, прочувствует, как бессмысленно угождать своему растущему эго с помощью статусных мелочей, нужно просто начинать думать своей собственной головой. Конечно, тут же найдутся те, кто скажет, что мне легко рассуждать. Счастье не в деньгах, когда не думаешь, где их достать. И я легко с ними соглашусь. Да, мне легко рассуждать, потому что я никогда остро не нуждался в деньгах. У меня всегда было все самое лучшее. Я намеренно подчеркиваю, что все самое лучшее, а не только самое необходимое. И да, я не собираюсь просто раздать свое состояние всем в нем нуждающимся. Потому что тогда я не смогу помочь остальным. По крайней мере, я больше никогда не буду равнодушен. Потому что, как говорил Конфуций, из всех преступлений бессердечие — самое тяжкое.

Теперь я действительно понимаю, зачем нужно добиваться развития Laurence&Sons, зачем лично мне нужно повышение прибыли. Чем больше я получу прибыли, тем больше я израсходую на благотворительность. Мне ничего не нужно, у меня есть все,

что мне необходимо. Мне легко не только рассуждать, мне легко действовать.

Могадишу — Джибути — Дубай — Мадрид. Сегодня мне предстоит нелегкий маршрут. Здесь опасно. Никогда не знаешь, чем может закончиться путешествие. Как только выходишь из самолета в столице Сомали, Могадишу, и до тех пор, пока не садишься в него обратно, улетаая на другой конец света. Правда, самолет тоже могут захватить, как это было несколько месяцев назад. Хорошо, что я не попал в эту переделку. Мне хватило общения с суровыми сомалийцами, когда я добирался в эту страну из Эфиопии. Помню, пришлось просидеть несколько часов в их грузовике со связанными руками, пока представитель местной власти (которого они хотели сразу, без разговоров, пристрелить просто потому, что он представитель власти) объяснял, зачем я здесь. Бумаги и документы их убедить не могли, потому что они не умеют читать. Эмблемы, значки, названия благотворительных организаций тоже действовали мало. Ампулы с вакциной от гепатита, которые я вез, тоже не сильно их убедили. Помню, я тогда успел не на шутку испугаться, поскольку совершенно не знал сомалийского, арабского, амхарского или суахили. А они совсем не понимали по-английски. Остаться в живых получилось по чистой случайности, один из боевиков запомнил мое белое лицо, когда я приезжал с благотворительной миссией в прошлом году. Это и спасло мне жизнь. Помню, я потом ехал еще километров сорок, глотая пыль, и все еще не мог понять, что произошло. Я осознал, как близко был к смерти, только когда вышел из старого джипа, хлопнул дверью и посмотрел на ночное небо в деревне, куда я спешил доехать. В этот момент я чрезвычайно сильно ощутил, как хорошо жить. Жить.

В Африке я стал чаще видеть сны. Они были красочными, и я часто очень хорошо запоминал их. Однажды мне снилось, что над

моим лицом склонился шаман. Перья на длинных бусах щекотали мою кожу. Он пристально смотрел на меня и шевелил губами. А потом я вдруг оказался на берегу моря. Я сидел на мокром песке и слушал, как волна накатывает за волной. Слушал море. И в этом мерном звуке мне начинала слышаться музыка. Наверное, если бы я был композитором, я бы проснулся утром и мог ее записать — так отчетливо я слышал переплетение гармоний и развитие главной темы. Так четко, будто в голове тоже есть музыкальные записи, как в каком-нибудь навороченном устройстве. Мне слышался чей-то шепот, кажется, женский. Она говорила: «Если бы ты знал, как мне тебя сейчас не хватает... Как бы я хотела, чтобы ты был рядом и держал меня за руку. Я знаю, так будет хорошо и правильно. Но кто ты и где мне искать тебя?» Я запомнил ее слова, хоть я и не знал, кто их говорит мне. Я проснулся, отчетливо понимая, что это не случайный сон. Я не очень-то верю в мистику или вещие сны, но мне казалось, что я уже не в первый раз вижу в своих снах море и не в первый раз чувствую какое-то присутствие, какую-то связь, о которой я знаю очень мало. Мне снилась она, она, «моя», как я ее про себя называл, «девушка с ромашками». Я все больше тосковал по собственной юности, по тому, как был по-настоящему молод, я говорю «по-настоящему», потому что, конечно, я и сейчас еще молод, но тогда эта молодость была совсем другой: любые мысли, чувства, переживания были свежими, как нежные весенние ростки. Эта невообразимая легкость и уверенность в своем неременном счастье, в настоящей любви, в том, что весь мир у твоих ног — она ведь пьянила не хуже любого вина! Казалось, что ты один-единственный знаешь истинный, безошибочный, верный путь. Знаешь, как жить, хотя еще не жил. Знаешь, как поступать, хотя на твою долю еще не выпадало настоящего выбора, знаешь, что делать, хотя, в сущности, еще ничего не сделал, знаешь, как любить, хотя еще ни разу не любил. И бросаешься в жизнь,

очертя голову, потому что ничего не боишься и на все у тебя есть ответ. Потрясающее чувство! Мне его очень не хватает сейчас. И я многого не понимаю. Например, почему если поступаешь согласно своим же правилам хорошо и правильно, в итоге может получиться совсем не хорошо. Почему, если, наоборот, нарушаешь собственные запреты и позволяешь себе сделать что-то не очень хорошее, получается хороший результат. Почему добрым людям, как правило, плохо и тяжело живется, а злые люди умеют наслаждаться жизнью? Это же так неправильно! Зло не должно приносить радость! Зло не может приносить радость! Но ведь радуются же... А в юности почти все идеалисты, и мне искренне жаль, что я по дороге в зрелость потерял свои розовые очки. Я бы предпочел многого не знать об этой жизни, предпочел бы не видеть жестокости и насилия, глупости и поверхностного, потребительского отношения, не видеть многого из того, что нас окружает каждый день. Я старался не огорчать себя мыслями о всей той боли и жестокости, которая постоянно происходит на нашей планете. Я ведь все равно ничего не смог бы сделать, разве что начать с себя. И я уже давно начал, я помогаю людям и чувствую от этого большое счастье, но все же есть еще одна часть меня, которой этого мало. Я это понял только сейчас, потому что последние пять лет моя новая деятельность настолько меня поглотила, что у меня не было ни времени, ни желания задумываться, что же нужно мне самому. Видимо, мое подсознание подсказывает мне, но не говорит прямо. И я вижу юную девушку, смеющуюся у фонтана, видимо, этот образ крепко застрял у меня в голове как символ юности и легкости. Я вижу разные сны. Снова вижу, как она лежит в траве у реки и читает книгу. Вспоминаю, как однажды второй раз видел ее в реальной жизни, в художественной мастерской, где, по-видимому, работал ее отец или еще какой-то родственник, но она была еще слишком молодой, а я тогда был влюблен в Энни и торопился к

родителям. Вспоминаю свои сны. Наверное, о ней. Они снились мне редко, раз в год или даже реже, но каждый раз я просыпался с очень теплым чувством внутри себя, которое согревало меня еще весь день или даже несколько дней подряд. Такое чувство, которое бывает, когда ты рядом с очень близким человеком, настолько рядом, что между вами нет ни одной недосказанности, ни одной преграды. Забавно, я столько снов видел о ней, а ведь все это всего лишь игры моего воображения, то есть она сама, та реальная девушка и вовсе другой человек, и, возможно, мы никогда бы не поняли друг друга, и вообще мы абсолютно разные, скорее всего. Поэтому, даже если бы можно было себе представить, что ее можно попытаться найти, я не вижу в этом смысла. Это мое внутреннее чудо, мое волшебство, благодаря которому я еще верю во что-то прекрасное. И сдается мне, оно далеко от реальности, ведь в реальной жизни ничего волшебного не бывает.

Барахас. Я беру багаж, в котором только теплые вещи, пара рубашек и мой ноутбук. Люблю путешествовать налегке. Быстрым шагом выхожу на улицу и с непривычки удивленно вдыхаю холодный февральский воздух. Как будто попал на другую планету. Здесь даже есть немного снега! Скорее ловлю такси и говорю им адрес отеля. Еду и удивленно разглядываю в окно, казалось бы, знакомые места. Мне часто приходилось быть в Мадриде по работе и просто так, я очень любил этот город, в нем было что-то особенное, как и во многих европейских городах, но не просто особенное, что-то очень притягательное. Я рассматриваю дома. Канильехас, Сан Паскуаль, Просперидад — проезжаем мы районы Мадрида. Вот уже в самом сердце. Но я смотрю на Мадрид не так, как раньше. Последний раз я был в Африке довольно долго, я успел отвыкнуть от всех этих огней, витрин, красивых машин, совсем других людей. Это все равно, что увидеть старого друга, с которым давно не виделся. Ты рад, ты счастлив, но

что-то изменилось. Так ощутимо изменилось. Стало по-другому. Совсем. Как во сне: зашел в отель, прошелся по отполированному до блеска мраморному полу со странным чувством, которое так сложно описать, но вы меня поймете, если несколько месяцев будете ходить только по песку, пыли и сухой траве и изредка по скользкой глине у реки. Человек неожиданно быстро отвыкает от многих вещей, когда начинает ощущать близость с природой, возвращается к настоящим корням, начинает понимать то, что, возможно, никогда не мог понять раньше, потому что родился в совершенно других условиях, далеко от всего истинно естественного. Но когда я набрал ванну в своем номере и медленно в нее погрузился, я начал сомневаться в том, что я так уж все и забыл. Я долго лежал в теплой воде, то и дело погружаясь в воду с головой, прислушиваясь к шуму в ушах, к тому, как бьется мое собственное сердце. И больше ничего не слышно. Как же хорошо! Я улыбался под водой и чувствовал ее вкус. Когда вода остывала, я наполнял ванну снова. Так я провалялся часа два, кончики на пальцах давно сморщились, а я все еще радовался своим ощущениям. Потом я заказал ужин в номер и так же медленно ел салат «Цезарь», который здесь делают просто отменно, и огромный ребай из говядины. Я впивался в сочное мясо зубами и чувствовал себя невероятно хищно, мне нравился его вкус, я давно не ел мяса. Это было восхитительно! Прекрасное завершение тяжелого дня. Я допил пиво и с наслаждением уснул, раскинувшись на мягкой и свежей кровати. Я так остро все чувствовал!

Я шел по заснеженному Мадриду. Дома в стиле ар-нуво: узкие окна, кованые балконы, колонны, барельефы — все это тает в невероятно сильном снегопаде. Я иду по улице Альмагро, сворачиваю на Сагаста, иду до Галилео, дохожу до парка Сантандер, брожу по улочкам, забывая запоминать их названия. Снег идет и идет, а я подставляю лицо и радуюсь холоду и влаге. Я иду по

улице и с любопытством рассматриваю прохожих: даму в красном берете с маленьким шпигем, группу молодых людей в смешных шапках, туристов, девушек. Кто-то из них смотрит на меня и улыбается, я улыбаюсь в ответ и иду дальше. Я иду, и город смыкается за моей спиной. Улочки заплетаются в клубки, и каждый прохожий разматывает свой, как игривый котенок. Я иду, и краски Мадрида смешиваются. Шафрановый желтый, томатно-красный, кремовый, серый, прохладный зеленый — дома стоят и смотрят на людей, как будто все мы обитатели снежных шаров. Если приглядеться и задуматься, можно увидеть изысканные прически дам, белые маркизы, шоколадные гардины. Красные диваны-губы. Сюрреализм. Я снова улыбнулся своим мыслям. А снег все кружил и кружил и, кажется, усиливался. Я шел и снова смотрел прямо впереди себя, пытаюсь понять, куда же мне дальше идти. Вдруг среди прохожих мелькнул чей-то знакомый силуэт и тут же скрылся в толпе туристов. Не знаю, почему, но силуэт в черном пальто приковал мое внимание, было такое ощущение, будто я увидел кого-то очень знакомого мне, но я все никак не мог вспомнить: кого? Сердце забилось чаще. Я ускорил шаг и смешался с толпой немецких туристов, я искал силуэт глазами. Кругом были пуховики: темно-зеленые, синие, бордовые, белые, песочные, желтые, фиолетовые и, конечно, черные и серые. Были фотоаппараты, какие-то несуразные сумки, кто-то шуршал картой или путеводителем. Разные. Светловолосые, рыжие, русые, с розовой от холода кожей, с гортанной речью и огромными глазами. Я искал взглядом силуэт в черном пальто. Чуть левее, чуть правее, нето, нето. Где же? Я вырвался из скопления людей, но его, то есть силуэта, нигде не было. Я шел, заглядывал в окна магазинчиков, мимо которых я проходил. И вдруг я снова увидел ее силуэт чуть поодаль. Она выходила из книжного, складывая небольшой сверток в свою большую сумку. Она была такого же роста, как и я, на

ней было черное зимнее пальто, которое так хорошо подчеркивало ее фигуру. Длинные светло-русые волосы спускались ниже лопаток, снежинки падали на них и не таяли. Она шла вперед быстрым, стремительным шагом, но при этом походка ее не была торопливой или скомканной. Она шла легко и динамично. Я не видел ее лица, даже профиля, вблизи. Я безумно хотел посмотреть на нее, но как бы я ни ускорял шаг, она всегда была быстрее меня. Я шел за ней как замороженный. И снова петляют улицы, сталкиваюсь с уса-тым мужчиной в странной шляпе, извиняюсь, иду дальше, скорее, только бы не потерять ее из виду. Она смешивается с прохожими, как козырный туз в колоде карт. Я следую за ней, но осторожно, я так боюсь ее испугать этим своим преследованием. Я даже не знаю, как мне начать с ней беседу, и кто она? Может, все и вовсе мне показалось? Вдруг она остановилась, сняла с руки перчатку из тонкой кожи коньячного цвета и протянула ладонь, чтобы поймать снежинку. В этот момент я догнал ее и вот уже хотел заглянуть в ее глаза, а она рассмеялась таким знакомым, задорным, звонким смехом и растворилась в этом снегопаде.

Я проснулся. Неужели сон? Все это было так реально! Так невообразимо реально! Несколько секунд я приходил в себя, все четче ощущая, что я в гостинице, в своей постели, а не на улицах Мадрида, не рядом со «своей» незнакомкой. Ведь это была она... Снова была так близко, но в то же время так далеко. Я умылся холодной водой, чтобы скорее взбодриться. Я предпочел позавтракать внизу: макал круассан в кофе, как меня когда-то учила Полин, вдыхал аромат кофе, смотрел в окно. Шел небольшой снег, но не как во сне, конечно. Ощущение реальности все равно меня периодически покидало. И чем больше я смотрел в окно, тем сильнее я хотел скорее выйти на улицу.

Я петлял по улочкам Мадрида, бесцельно бродил, не запоминая маршрута, не боясь заблудиться. Я шел и, совсем как во сне,

смотрел на дома. В Мадриде потрясающая архитектура! Люди спешили по своим делам, снег усиливался. Я улыбался про себя. Мне вдруг начало казаться, что вот-вот среди них промелькнет знакомый силуэт в темном пальто. Я непроизвольно стал вглядываться в прохожих. Я шел быстрым шагом, мне не было холодно, ноги как будто сами несли меня куда-то, но куда? Мне было непонятно. Более того, мне не нужно было знать ответа на этот вопрос. Я был один, и я бродил по улицам Мадрида. У меня нет пункта назначения, точного времени, каких-либо границ. Я просто дышал городом и чувствовал его красоту, и его ритм, и его краски — все вместе, в совокупности. Мне нравился цвет дома, мимо которого я сейчас проходил, он был чем-то средним между терракотовым и томатным. Мне нравились узоры на темно-сером камне некоторых домов, нравились огромные деревянные двери с помпезными золочеными лавровыми листьями и райскими птицами, нравились скромные окна, украшенные корзинами цветов, которые сейчас занесло снегом. Мне нравились все те звуки, что окружали меня. Проезжающие машины, сигналы, топот копыт полицейских лошадей, людские голоса, музыка, едва слышно доносящаяся откуда-то из магазина игрушек. Я шел и ни о чем не думал, ничего не вспоминал, не анализировал, не планировал. Я просто наслаждался текущим моментом. А снег все шел. И я шел. Начинали замерзать руки, и я вдруг, повинувшись спонтанному желанию, решил зайти, посмотреть, что же там, в этой лавке со странной вывеской? Я спустился по лестнице, чуть вниз, и вдруг понял, что это не лавка, а выставочная галерея. Тем лучше! Я купил билет и прошел дальше. Выставка фотографии. Чудесно! Я принялся разглядывать фото. В первом зале были необычные виды Мадрида. Желтый трамвайчик, поднимающийся все выше, Пуэрта-дель-Соль в густом, чуть розовом от рассвета тумане, какие-то виды с высоты птичьего полета, панорамы, красивые, но почти ничего такого, что могло

бы меня по-настоящему зацепить, разве что, действительно, этот волшебный туман. Во втором зале было интереснее. Портреты людей. Разные. Молодые и старые. Вот подростки сидят рядом в кафе, их пятеро, у каждого на столе горячий шоколад и другие сладости, а все они сидят и что-то ищут в своих телефонах, нервно набирают смс или пытаются кому-то позвонить. Но ведь друзья здесь, рядом, разве нет? Милая старушка в темно-зеленой юбке, неужели такие длинные еще носят? Рукава закатаны по локоть, руки загоревшие, рабочие. Темные волосы выбиваются из-под косынки, смотрит прямо в камеру лучистыми, теплыми глазами. Рядом стоит корзина с лавандой. Сухенький старичок с небритыми щеками, в грязной клетчатой рубашке, едет на старом велосипеде по пыльной дороге. Дети с огромными облаками сахарной ваты на сказочной карусели в каком-то парке. Можете представить восторг ребенка, которого родители оставили на второй заезд?

В следующем зале я остановился как вкопанный. Больше не было веселых детских улыбок, в какую-то секунду я подумал, а в Мадриде ли я, настолько живо я ощутил то, что было на этих фотографиях. Насколько знакомо мне это было. Африка, пыльная Африка. Изможденные дети, с тонкой, искусанной кожей, такой тонкой, что видно каждую косточку. Боль и горечь. Отчаявшиеся взрослые, привыкшие к тяжелой и несправедливой жизни, нищета... И потрясающие фотографии. Не восхитительные, мало кого можно восхитить подобным страшным зрелищем, а именно потрясающие, щемящие, настоящие, без лжи, без украшательств, жизненные, такие, какие есть. Сердце замерло в груди и вдруг забилось невыносимо часто. Я прочитал уже знакомое имя: София Голдинг. Мысли в голове смешались. Я начал судорожно вспоминать, что же значит для меня это имя, и вдруг вспомнил. Вспомнил ее фотографии. Те, что мне так нравились, когда я был в Японии и тосковал по родному Нью-Йорку, те, что однажды видел в

одной из галерей, когда прогуливался с Джонни. И да, София Голдинг — это тот самый фотограф, который сфотографировал меня на Кампо ди Фьоре, а я даже не заметил и только через несколько лет увидел свою весну чужими глазами. Чужими ли? Кто она? Какая она? Понятия не имею. Знаю точно только одно: мы видим все так похоже! Когда я смотрю на ее фотографии, я думаю, что если бы я умел хорошо снимать, я снял бы все это именно так и не иначе. Именно так я все и вижу, именно так, как она. Я понял, что должен познакомиться с ней, найти ее во что бы то ни стало.

— Очень жаль, но мы не можем вам сказать, где она сейчас. Мы и сами не знаем, в Мадриде ли она. Она должна была улететь обратно в Нью-Йорк вчера. А может быть, сегодня. Или завтра. Это нам неизвестно. Открытие галереи было три дня назад, она на нем присутствовала, а что после — нам неизвестно. Но если хотите, она может вам перезвонить. Вы ее знакомый? Что передать? — Я не нашел, что ответить. Я знал только, что должен ее найти.

Я как одержимый вышел на улицу. Мне казалось, что я должен, я обязан встретить ее сегодня. Это моя «незнакомка», моя красавица, которая мне снится, которая зовет меня шепотом. Бред, бред, бред и волшебство. Разве такое бывает? Смогу ли я ее найти? И я снова шатался по улицам Мадрида. Она должна быть здесь, я чувствую. Мои эмоции обострились, я отчетливо знал, что она в Мадриде, что она рядом со мной. Этот порыв был похож на сумасшествие, но, хоть я и был внешне совершенно спокоен, внутри у меня бушевало осознание, окончательное и бесповоротное осознание того, кто же такая София Голдинг. Я никогда не был мистиком и никогда по-настоящему не верил в совпадения, судьбу или какую-то особую неслучайную случайность, но как иначе можно объяснить то, что она тоже была там, где я? Что чувствовала то же, что и я? И это видно по фотографиям. Как объяснить,

что она сфотографировала тогда именно меня? Как объяснить, что я ее встретил давным-давно в той галерее? Я почти уверен, что это была она. Как объяснить то, что при виде нее у меня так сильно билось сердце? И я ускорял шаг, впиваясь взглядом в прохожих, ожидая, что вот-вот появится она. Наивно, конечно! Пусть это будут игры в кошки-мышки. Я, София и Мадрид.

К вечеру я порядком замерз и проголодался, и вся эта затея уже не казалась мне такой уж прекрасной. И с чего я вдруг решил, что она в Мадриде? И с чего я решил, что спонтанно встретить ее на одной из улиц реально? Уж лучше вернусь домой, в Нью-Йорк, и разыщу ее, там уж она от меня никуда не денется! Уже стемнело, и лучше просто хорошенько поужинать в ресторане, пойти в номер, почитать газеты, посидеть в Интернете и отправиться спать. Я вполне наслаждался Мадридом, я устал на сегодня. Двумя часами позже я сидел в своем блоге, читал комментарии к предыдущему посту, переписывался со старой знакомой с загадочным ником Undine, она что-то писала про то, что тоже может помочь, потому что ей близка эта тема и она хотела бы ее обсудить. Еще совсем недавно написала небольшой сентиментальный пост только для друзей про свое детство. Она так живо описывала все свои переживания и отношения с родителями, что я даже пару раз рассмеялся. Ее блог был совсем не таким, как у меня. Если я писал для тысяч других людей, то она предпочитала писать только о каких-то внутренних переживаниях, воспоминаниях, все это только для ограниченного круга людей, но, тем не менее, довольно интересно. Я давно читал ее, наверное, года два, но так и не знал ее настоящего имени и даже как она выглядит: она не публиковала фотографий. Но чаще мы просто беседовали онлайн на затронутые мной темы, и это иногда было забавно и весело, а иногда вполне серьезно и глубоко. Как сейчас. Как раз то, что нужно, чтобы отвлечься или, наоборот, задуматься о чем-то.

«Может быть, как-нибудь выйдем из виртуальной реальности и пообщаемся вживую, за чашечкой кофе?» — писала она мне. А я отвечал: «Угу, обязательно надо как-нибудь! Все никак не соберемся! Я ведь и сейчас не в Нью-Йорке...» «Понятно, бродяга! Прямо как я! Может быть, тогда поболтаем по скайпу? Какое-то дурацкое настроение, хочется просто поговорить о чем-то с нормальным, живым человеком», — писала она мне. «Без проблем! Дай свой ник», — отвечал ей я. Потом я нашел ее и добавил в список контактов.

— Слушай, тебя совсем не видно! — сказал я, глядя на черный экран.

— Подожди, сейчас поправлю! — ответила она и исчезла на несколько минут. Причем сначала просто замолчала, так что было слышно, как она что-то поправляет, а потом вовсе вылетела из сети. «Да что же такое!» — подумалось мне. И тут она вернулась в сеть.

— Слушай, у меня вебкамера барахлит, ума не приложу, в чем дело, еще вчера все было в порядке. Если тебя не слишком тревожит, что меня не видно, можем пообщаться так. Кстати, я тебя вижу!

— Да нет, что ты! — сказал я улыбнувшись. — Очень странное ощущение тем не менее. Ты меня видишь, а я тебя нет.

— Как прошел твой день? — спросила она меня.

— Весь день гулял, ноги устали, — сказал я. — Только не подумай, что я хочу тебя разжалобить, — я улыбнулся.

— Да ладно, я помню, ты, кажется, любишь ходить пешком!

— Люблю, но больше всего я люблю гонять на своем автомобиле по хайвею! — я улыбнулся. — Вернусь домой, обязательно прокачусь. А ты как?

— Ты не поверишь, но я тоже сегодня много ходила по городу! Гуляла с раннего утра и до самого обеда, дико устала, вернулась в постель и бессовестно провалялась до вечера с книжкой. Сейчас

сизу на постели и смотрю в окно. У меня красивый вид за окном! Было бы видео, я бы показала! — Я непроизвольно глянул в свое окно.

— У меня тоже хороший вид! — отвечал я. — Жаль, что у тебя нет видео! Девушка в постели... ммм! — пошутил я. Она рассмеялась.

— Ты знаешь, я благодарна своей вебкамере за то, что меня не видно, ведь я в обычной пижаме и у меня всклокочены волосы... — она помедлила минуту и вдруг спохватилась:

— Господи, зачем я тебе об этом сказала?

— Мне уже легче пережить то, что я тебя не вижу, — рассмеялся я, в свою очередь.

— Я начинаю верить в случайность! Мне повезло, а я-то думала, что наоборот, дурочка. У тебя такое было? — сказала она шутливым тоном.

— Ты знаешь, вот именно сегодня я перестал верить в случайность, — сказал я.

— Что же так печально? — спросила она.

— Да нет, просто вдруг показалось, что все возможно на какую-то секунду, а потом я понял, что все-таки мир не настолько волшебное место.

— Ммм, да ты наивен! — сказала она кокетливо, как мне показалось.

— Я? Наивен? Поверь, нет. Просто иногда, очень редко, у меня бывает такое настроение, когда мне кажется, что возможно абсолютно все, стоит только пожелать. Но, к сожалению, это только ощущение, ничего реального.

— Возможно, ты так зря, — сказала она, вдруг став серьезнее. — Мне последнее время действительно кажется, что возможно абсолютно все, стоит только захотеть этого, хорошо захотеть, так, чтобы было понятно всему твоему существу, чего именно ты хочешь.

Сейчас в сети популярно говорить о так называемой «Вселенной», которая якобы слышит наши желания и исполняет их. Это, конечно, очередная популярная теория, не имеющая никакого научного и даже псевдонаучного обоснования, и если честно, я не верю в эту теорию в той форме, в которой она подается, но что-то в этом действительно есть. Я не раз сталкивалась с тем, что мои настоящие, подлинные желания исполнялись. Это прекрасное чувство!

— Наверное, твои желания исполнялись вовремя! — сказал я, чуть улыбнувшись. — А у меня пока не получается. Все, что исполнялось в моей жизни, исполнялось по моей воле, в результате моих действий.

— Никто и не говорит, что исполняться будет просто так! — возразила она. — Исполняется только в том случае, если ты что-то для этого делаешь! Иначе никак! Исполняется иногда совершенно неожиданно, не как ты этого ожидаешь и не тогда, когда ты этого ожидаешь. Но в этом есть своя прелесть!

— Тебя послушать, так во всем есть своя прелесть! — я рассмеялся.

— Почти так и есть! — было слышно, как она улыбнулась. — Все зависит от того, как и что ты видишь, воспринимаешь, чувствуешь. Однажды мне нужно было добраться до северной части Бруклина с тяжелым рюкзаком. Помню, все прокляла тогда. Все мне казалось бесполезным. Я ехала на метро, уставшая, голодная, вдруг поезд выехал на поверхность, и я увидела потрясающе красивый закат над городом. Ты знаешь, я могла уже сто тысяч раз забыть тот самый день, такой тяжелый, серый день, не наполненный совершенно ничем, но случился этот закат, я запомнила этот день, теперь я часто вспоминаю его. И дело даже не в закате — в моих ощущениях, в том, какой я была тогда, а мне тогда было семнадцать, это такой особенный возраст. И когда мне становится грустно или одиноко, я просто вспоминаю, как я умела

тогда находить красоту в самых обыкновенных вещах и никогда не боялась одиночества, потому что мне всегда было о чем подумать.

— По-моему, ты ни капли не изменилась! — сказал я. — Все еще видишь красоту в обычных вещах, судя по тому, что порывалась показать мне вид из окна.

— Ну да, это осталось неизменным. Собственно, я потому и говорю про случайность, что, возможно, этот закат не случаен именно потому, что помогает мне помнить то, что помогает мне оставаться собой, несмотря ни на что.

— До безобразия лирично. Тебе случайно не семнадцать с половиной?

— Нет! — отвечала она. — И никогда не спрашивай женщину о ее возрасте, пока сама не скажет!

— Ну, я слышу по голосу, что тебе не сорок!

— И даже не тридцать! — сказала она смеясь.

— Мне кажется, или ты сейчас показываешь мне язык, пользуясь тем, что вебкамера выключена?

— Тебе кажется, — сказала она игриво.

— А я больше не верю в случайность! Так что давай договоримся, что встретимся в Нью-Йорке через две недели, в ресторанчике The Capital Grille. Знаешь такой?

— Знаю и очень люблю. С удовольствием, я как раз вернусь в Нью-Йорк!

— В субботу, в семь!

— Идет!

— Кстати, всегда хотел спросить, как же тебя зовут на самом деле? Или об этом тоже нельзя спрашивать женщин?

Она рассмеялась мне в ответ, и вдруг связь прервалась. «Жалко», — подумал я. Я ждал еще минуту, соединение так и не восстановилось. Пять, десять, пятнадцать. Что ж, значит, не судьба. Зато поговорили немного, и настроение мое улучшилось.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Никогда раньше не собирался на свидание вслепую, и даже не только вслепую, но и практически анонимное. Забавно, но я не знаю, как ее зовут и как она выглядит. Знаю только, что сегодня в семь часов мы познакомимся. Я вообще не уверен, что это свидание, потому что мы просто решили наконец-то встретиться в реальной жизни и мило поболтать. Хотя, если она окажется такой же симпатичной, как это может показаться по голосу, мне повезет. Чувствую себя как-то неловко. Мне же должно быть все равно? Или нет? Странное волнение. Давно не чувствовал такого, наверное, просто организм решил вспомнить, как это — волноваться перед встречей. Только непонятно, зачем и почему. Хотя если верить Undine, то это не случайно и обязательно зачем-то или почему-то. Я улыбнулся сам себе.

Я ехал по нью-йоркским пробкам, но не боялся опоздать, я выехал заранее, отчасти потому, что давно не сидел за рулем и хотел провести больше времени в машине, послушать любимую музыку и подумать о чем-нибудь приятном. В пробках даже есть своя прелесть, если слишком долго стоишь на одном месте, только при условии, что никуда не торопишься. Смотришь на огни, в Нью-Йорке, да и в любом вечернем городе, так много огней! И это очень красиво! А если прищурить глаза, разные краски смешиваются, как на полотнах импрессионистов. И все-таки какое странное чувство, я будто ожидаю чего-то и сам не знаю чего, но я чувствую это кожей. Что-то случится сегодня, что-то очень приятное. И откуда такая уверенность? Последний раз, когда я

был так уверен в безупречной случайности и каком-то наивном волшебстве, все вышло совсем не так! Да, в общем-то, я ни в чем и не уверен, просто чувствую какое-то волнение и больше ничего. Может быть, потому что уже пять лет не ходил на свидания? Перебивался случайными связями? Не знаю. Может быть, и поэтому. Пять лет довольно большой срок, чтобы забыть, что такое приятное волнение вообще бывает. А то, что было пять лет назад, довольно большой повод перестать верить в приятное волнение вообще.

У дверей ресторана я замешкался, засмотревшись на снег, который вдруг пошел большими пушистыми хлопьями. Снег падал медленно, тихо кружась в темном ночном воздухе. Я смотрел на него и забывал о времени. Из рта вырывался пар. Я улыбнулся и направился к двери, но высокая девушка в черном пальто опередила меня и первая коснулась ручки двери перчаткой из тонкой кожи коньячного цвета. Время как будто остановилось. Сердце замерло в груди. Я перестал понимать, что происходит. Наконец, я удивленно воскликнул:

— София?? — девушка резко обернулась и, рассмеявшись уже знакомым мне смехом, ответила:

— А ты откуда знаешь мое имя? Я же всегда представлялась только как Undine?

— Ущипни меня немедленно! — рассмеялся я. Я был уверен, что весь этот вечер мне просто очень реалистично снится.

— Прямо так сразу? — сказала она, пропуская других посетителей вперед, пока снег падал и падал на нас. — Как пожелаешь! — она сняла свою перчатку и ущипнула меня за руку. — Помогло? — она смеялась. Я стоял, ошарашенный, оглушенный, совершенно потерянный.

— Не уверен! — я улыбнулся и, конечно, не забыл сделать вид, что со мной ничего не происходит. — Я тебе как-нибудь потом

расскажу, откуда я знаю твое имя. Но ты, наверное, не поверишь. Пойдем лучше ужинать... — я открыл перед ней дверь.

— Заинтриговал! — отвечала она, снимая вязаную шапку и выпуская на волю копну своих потрясающих светло-русых волос. Я любовался ею.

Чуть позже мы сидели друг напротив друга за небольшим столиком, свет был приглушенным, и от этого было очень уютно. Я не боялся встречаться с ней взглядом, и мы часто смотрели друг другу в глаза. У нее были необыкновенные глаза. Серо-голубые, такие светлые и лучистые, добрые и теплые, что щемило в груди. Я смотрел на нее и не верил, что Undine, та, которую я знаю уже года два, — это та самая София. Мне казалось это невероятным совпадением, я любовался ею, одновременно пытаюсь сопоставить все, что о ней знаю, с тем человеком, которого вижу сейчас перед собой. Я ничего не хотел в эту минуту. Я смотрел на нее и просто наслаждался ею: тем, как она улыбается, как поднимает брови, как оживленно что-то рассказывает, как горят ее глаза. В ее взгляде было столько внутренней силы! Я смотрел на нее и боялся, что выгляжу, как безнадежный мальчишка.

— Я, как всегда, мучаюсь с меню! Почему-то постоянно начинаю всерьез думать, что же лучше: филе миньон или стейк средней прожарки, и какой, наконец, выбрать гарнир! — она рассмеялась. — Сразу пытаюсь все представить на языке и как будет сочетаться все многообразие вкусов, предложенных в меню!

— Надо относиться ко всему проще! Просто наудачу выбираешь и все, потому что в любом случае будет очень вкусно, — сказал я, стараясь ее успокоить. — Хотя у меня тоже такое бывает!

— Я вообще не очень голодная, если не считать, что я изголодалась по интересным людям, — сказала она, вдруг совершенно серьезно глядя на меня.

— Боюсь, шеф откажется меня готовить! — я улыбнулся, она рассмеялась.

— Нет, я не хотела бы съесть такого собеседника! — она улыбнулась мне в ответ. — Знаешь, я все думаю о разных случайностях. Вот ты в прошлый раз говорил, что не веришь в счастливый случай. А я сегодня собиралась с утра фотографировать снегопад, который обещали вчера в прогнозе погоды, подготовила аппаратуру, выпила кофе, смотрю в окно, а там ни облачка. Подождала полтора часа, снегопада нет и нет. Я плюнула, оставила фотоаппарат дома, взяла обычную сумочку и вышла просто прогуляться. И что ты думаешь? Какой-то урод у меня ее спер! Подъехал на мотоцикле и выхватил из рук! И ты знаешь... — она рассмеялась, — я рада, что так! Там все равно ничего, кроме помады не было!

— Все равно жалко! — сказал я. — Я бы ему руки оторвал за такое!

— Жалко, тебя не было рядом! — сказала она улыбнувшись. — В общем, я все больше укрепляюсь в своей вере, что все не случайно! — сказала она, подводя итог всей этой истории.

— А мне кажется, человек в любом стечении обстоятельств при таком настрое может отыскать какие-то связи, мысленно соединить все звенья и прийти к выводу, что случайность, на самом деле, безупречно точна, — сказал я крайне разумную вещь, в которую сам именно в эти секунды переставал верить. — Другая девушка бы расстроилась из-за помады или любимой сумочки, а ты радуешься тому, что это был не твой фотоаппарат.

— У всех разные ценности, — сказала она, с улыбкой пожав плечами. Я про себя подумал, что очень рад тому, что у нее такие ценности. — То есть ты ничего не можешь припомнить в поддержку моей «случайной теории»? — спросила она, поднося запотевший бокал с вином к губам. Я подумал, что то, что я испытал сегодня у дверей ресторана, слишком невероятно, чтобы она могла

в это поверить, и решил не рассказывать.

— Нет, ну почему же, были в моей жизни разные совпадения, я думаю, это у каждого человека случается время от времени. Можно я тебе свою невероятную историю расскажу как-нибудь позже? Она слишком длинная, боюсь, ты заскучаешь!

— Хорошо! — согласилась она, чуть наклонив голову.

— Если ты так хочешь!

— Я лучше расскажу, как недавно был в Мадриде, и там, ты не поверишь, был точно такой же снегопад, как сегодня вечером, — сказал я, посмотрев ей в глаза.

— Ты был в Мадриде? Отчего же не поверю? Я и сама там была в такой снегопад! А когда ты был там? — спросила она.

— Помнишь тот вечер, что мы говорили по скайпу? — спросил я. Она посмотрела на меня как-то странно, чуть недоверчиво.

— Ты хочешь сказать, ты был тогда в Мадриде? — спросила она удивленно. Я молча поднял брови и кивнул. Несколько секунд я к своему удивлению наблюдал, как изменяется ее лицо. — И после этого ты хочешь сказать, что у тебя нет никакой любопытной истории про совпадения? — она улыбнулась и почти рассмеялась. — Я ведь тоже тогда была там!

— И я не капли не удивлен, — сказал я с каменным лицом.

— Неужели? — спросила она.

— Нет, ни капли! — ответил я. Она прищурила глаза и испытывающе посмотрела на меня. Я не выдержал и улыбнулся. С ней невозможно не улыбаться. — Ну, конечно я удивлен! — мы рассмеялись.

— Алекс! Это же странно! — сказала она почти недовольно.

— Странно, никто не спорит. Но это обычное совпадение. Смотри, у тебя там была выставка...

— Ты и это знаешь? — удивилась она. — Ты за мной что, следишь?

— Да, слежу, — абсолютно серьезно ответил я. Она рассмеялась, потому что ей было очевидно, что я шучу. — Я случайно набрел на нее, шел по улице, было холодно, решил: «Дай-ка зайду!» и зашел. Так вот, все просто. Ты там была потому, что у тебя там была выставка, а я просто возвращался из Африки и решил побыть в Мадриде несколько дней, чтобы отдохнуть, прийти в себя и уладить некоторые дела.

— Жалко, мы даже не спросили друг у друга, где находимся! Могли бы и там встретиться! — сказала София. — Я так люблю Мадрид!

— Могли бы, наверное! — улыбнулся я. — Но, видишь ли, случайность подвела!

— Такое с ней бывает! — сказала она. — Что-то мы с тобой так весело разговариваем, а ведь хотели обсуждать серьезные дела, — сказала она, вдруг перестав улыбаться.

— Обстановка влияет, — ответил я, тоже посерьезнев.

— Ты говорила, что чем-то можешь помочь?

— Думаю, могу. У меня остались свои связи, как ты уже понимаешь, я тоже была в Африке недавно, а если точнее, я там бываю регулярно последние полтора года, предоставляю ООН свои фотографии. Но можно же работать не только с ними, но и с тобой? Думаю, Sandra Laurence Life Fund не откажется от взаимовыгодного сотрудничества? Кроме того, ты мог бы использовать мои фотографии в своем блоге... — сказала она.

— Это было бы здорово, но почему ты сама их не публикуешь?

— Почему не публикую? У меня, конечно, есть свой профессиональный блог. Тебе я предлагаю использовать мои фотографии, так как в твоём блоге они могут послужить во благо, я знаю, что они не будут использованы неправильно. Понимаешь, когда я фотографирую, в этом есть эмоции, мысли, посыл, цель. И она совпадает с той целью, которая есть в твоих статьях. Ты очень живо

пишешь обо всем том, что видел, что думаешь. Я давно читаю тебя, еще с тех пор как ты только начал набирать популярность, случайно набрела на твои статьи среди дневников друзей... — говорила она.

— Значит, ты тоже за мной следишь? — перебил ее я улыбаясь.

— Можно сказать и так, — она чуть смущенно улыбнулась. — Слежка за благотворительным блогом с филантропическими целями, — она хитро прищурилась. Я рассмеялся. — Ты, кстати говоря, тоже неплохо фотографируешь для журналиста, — сказала она подмигнув.

— Спасибо, — улыбнулся я. — А ты неплохо пишешь для фотографа! — она рассмеялась.

— Хорошо, что меня читают единицы! — София облегченно вздохнула.

— Зато сколько человек видят твои фотографии! — сказал я, посмотрев на нее. Она чуть смущенно улыбнулась. «Так мило смущается», — подумал я. Как будто еще только начинает, как будто не добилась успеха. Я смотрел на нее. На ней был черный жакет с закатанными рукавами, и я мог видеть ее тонкие запястья и изящные предплечья, тонкую, чуть золотистую кожу. Я протянул руку и едва коснулся ее длинных пальцев. Она не убирала руку. Я посмотрел ей в глаза, она смотрела на меня смело и открыто.

— У тебя очень красивые руки, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. Она снова смутилась! София едва улыбнулась, чуть прищурилась, а я, глядя на ее реакцию, не мог не улыбаться. Сердце бьется, как у идиота. Кто бы мог подумать... Вдруг официант принес горячее и стал расставлять тарелки, пришлось убрать свою руку, и это я сделал не без сожаления, но быстро, чтобы она не успела догадаться об этом. Мой стейк прекрасно выглядел и аппетитно пах, я разделял его ножом и видел, как из разреза

вытекает сок. Но почему-то кусок застревал в горле. У меня вдруг пропал аппетит. Я старался не слишком часто смотреть на Софию, но ничего не мог с собой поделать.

— Что-то у меня проснулся аппетит! — сказала она, разделывая филе миньон. — Все так приятно пахнет!

— Да... — протянул я. Я был рад, что она увлеклась едой. Пока она резала мясо, я смог вдоволь насмотреться на ее руки. О чем я только думаю... В голове какой-то ворох мыслей, ничего не понимаю. Все смешалось, реальность и сны. Ощущение, как будто на голодный желудок выпил пять чашек эспрессо. Забытое и опасное ощущение, когда понимаешь, что ты теряешь голову. Может быть, кто-то в подобном положении может мыслить разумно и рационально, но только не я. Я только что осознал, что встретил ее, ту, которую так давно хотел встретить. Но я точно знаю, что мне нельзя ей этого говорить на первой же встрече. Единственно разумная мысль? Какая-то часть меня и вовсе не верит, что такое может быть. Глупое чувство, непонятное. Влюбленность и любовь ведь разные вещи, да? Тогда я точно знаю, что влюбился. Эмоции бьются внутри, как океан. Я смотрю на ее руки и хочу к ним прикасаться, смотрю на ее лицо и готов смотреть весь вечер, так красиво на нем сменяются выражения, появляется улыбка, играют глаза. Я стараюсь дышать ровно, я знаю, внешне меня почти ничего не выдает, кроме разве что глаз. Дурацкое чувство, прекрасное чувство. Я сижу и так же серьезно, как она, чуть стучу приборами о тарелку, подношу к губам бокал с холодным вином, смеюсь, отвечаю ей, рассказываю что-то, как на автомате, а сам вновь и вновь чувствую, как растворяюсь в настоящем моменте, как на полотне Дали «Постоянство Памяти», и, кажется, становлюсь снова тем безумцем, каким я был, когда полюбил в первый раз. Блики света на ее бокале, игры теней на ее лице, крупные украшения на ее шее, ее тонкие длинные ресницы... Я не чувствую времени. Ни

единой секунды. Я сдерживаю свои эмоции, но наслаждаюсь тем, что происходит внутри меня. Я знаю, возможно, она чувствует что-то совершенно другое, и улыбается, и даже невинно флиртует со мной просто так, ничего не имея в виду, как это делают некоторые женщины. Я знаю, возможно, мы никогда не будем ближе, чем в этот вечер, но разве это имеет значение? Мне хорошо, я чувствую, я дышу, и остальное не имеет значения.

Домой я шел пешком, чтобы привести мысли в порядок и вдохнуть воздуха. Прощаясь, она поцеловала меня в щеку, как старого знакомого. Я улыбнулся, как дурак, и поблагодарил ее за вечер. Нет, мир вокруг не изменился. Густой синий воздух, холодный, как декоративное кобальтовое стекло. Сердце в груди успокаивается. Снег уже не падает, и я могу видеть окна верхних этажей, горящие, как разноцветные точки. Город мелькает, как елочная гирлянда, город живет своей жизнью, а я своей. Что творится у меня в голове? Мелькают воспоминания, образы, ассоциации, так же, как огни города. Случайно, бессистемно, ритмично. Я иду, снег быстро тает под ногами, я оставляю на асфальте темные следы, а ощущение такое, что я прожигаю снег. Горят щеки, но я знаю, что они не изменили цвет, я почти никогда не краснею. Вот странно, люди часто говорят: «Чувствую себя как мальчишка», — когда влюбляются. А если задуматься, это ведь постоянно так. Я не уверен, что люди вообще взрослеют. Ты перестаешь быть ребенком, это правда. Но в какой-то момент ты просто учишься вести себя, как взрослый, говорить разумно и взвешенно, вести себя сдержанно и так, как положено, играть роли, надевать маски. Но кто ты на самом деле? Когда я говорю «роли» и «маски», я вовсе не имею в виду то, что люди часто фальшивят и играют. Во все нет, намного чаще они сживаются с предложенной ролью, идут по предложенному курсу, и в этом нет ничего плохого, с этим сталкивается каждый. Просто кто-то продолжает идти по

узкой тропе, протоптанной родителями, стереотипами, советами или удобством, которое характерно для привычного поведения, я и сам так делал раньше. А кто-то раздвигает рамки обыденности, не для других, для себя. Для других, для окружающих, путь такого человека может выглядеть вполне обычным: он может продолжать заниматься тем же, чем и раньше, или сменить деятельность, как это сделал я, может в корне поменять свою жизнь, как это делают единицы. Но что бы ни происходило, окружающим всегда по большому счету все равно, что с тобой происходит, как взрослым все равно, что представляет себе оживленно играющий ребенок. Взрослые просто рады, что он чем-то занят, и, возможно, иногда кто-то пытается угадать, что там происходит у него в голове, но редко кому удастся это узнать. Также никто не узнает, что происходит в голове другого человека. А в голове у другого человека может быть совершенно другая реальность, не только непривычная, но и такая, которую никогда не познать, как ни старайся ее описать. Очевидная вещь, но совершенно волшебная. Волшебная, потому что никто и никогда не сможет запретить мне чувствовать то, что я чувствую сейчас, просто потому что это неразумно, нерационально или невозможно. И моя свобода заключается в том, что я не запрещаю себе этого испытывать, потому что это неправильно. Как влюбленность может быть неправильной? Мне этого понять не дано. Я не знаю, к чему это приведет. Я не знаю, будет ли это взаимно, я не знаю, будет ли это надолго, и я не знаю, что значат все эти совпадения. Я знаю, что мне хорошо. Я знаю, что удовольствие от прикосновения к ее руке значит для меня больше, чем случайный секс с незнакомкой. Только это заставляет меня идти и улыбаться. Сегодня, сейчас я счастливый человек. Такой же счастливый, каким я был когда-то на Кампо ди Фьоре, впервые за многие годы я снова чувствую себя абсолютно свободным, на меня больше не давит прошлое, я теперь властен над своим настоящим

и вижу смысл в том, что делаю, чувствую в себе силу изменить очень многое. Если в юности это были надежды, простые и naive, ничем не подкрепленные, кроме слепой веры в себя, обреченные на разочарование и разрушение по природе своей, то теперь я по-настоящему верю в свои силы и знаю, что делать. Я чувствую себя целостным, завершенным, как если бы головоломка долго пылилась на чьем-то столе в ожидании, пока подберут недостающую деталь, и вдруг ее нашли. Возможно, это снова заблуждение. Возможно, я сам обманываю себя, что нашел равновесие, но я ведь уже давно понял, что я не канатоходец. Передо мной огромное поле возможностей, и я не собираюсь их упускать. И не собираюсь упускать ее.

Я пришел домой и, вдохновленный, написал новую статью в свой блог, конечно же, не про свои любовные переживания. Я опубликовал ее утром следующего дня, и снова разгорелись оживленные обсуждения. За несколько дней статья набрала больше десяти тысяч просмотров, меня в очередной раз пригласили для интервью на телевидение, чтобы я рассказал о своей последней миссии в Сомали. В общем, неделя обещала быть очень занятой. Я чувствовал необыкновенный прилив сил и старался использовать его по максимуму. Я как с цепи сорвался, вернувшись в Нью-Йорк. Я устраивал по несколько встреч в день, и каждая из них мне удавалась. Удивительно, сколько всего может успеть человек, который несколько месяцев прожил без привычных телефонных звонков, встреч, Интернета. Почему-то начинаешь лучше понимать, как организовать свое время, когда некоторое время живешь в другом режиме и ритме. Кто-то, возможно, с таким же упоением накидывается на работу, вернувшись после отпуска. Но это не про меня. Во-первых, мою поездку в Сомали нельзя назвать приятным путешествием. Во-вторых, помню, с каким унынием я обычно встречал накопившиеся дела после отпуска. Так вот это другое.

В Африке любое мое действие и его последствия были мне очевидны. Одно дело, когда на работе подписываешь некую бумагу, и затем это приводит к тому, что на каком-то счете появляется больше цифр после запятой. Совершенно другое ощущение возникает, когда своими руками чувствуешь вес обыкновенной канистры с водой, которую передаешь людям. Там же становятся очевидными те действия, которые предпринял ради благополучия людей здесь, в Нью-Йорке. И поэтому, вернувшись, особенно остро понимаешь, какой ресурс у тебя в руках, что ты можешь сделать, высказав свое мнение вслух, сформировав призыв. Особенно остро понимаешь силу слов и силу печатного слова, когда сталкиваешься лицом к лицу с людьми, чьи просьбы о помощи редко кто слышит. С людьми, которые не умеют читать и писать.

«Как белка в колесе» — это про меня. Я знаю, как правильно тратить время. Полностью отдаваться тому делу, в котором видишь смысл. Любить и видеть смысл в том, что делаешь. Только тогда будет польза, будет смысл, будут благодарные. Только тогда можно с чистой совестью жить. Но я не пытаюсь навязать этого пути никому, это мое решение. Как говорила София: «У каждого свои ценности». Это, конечно, не небесное откровение, не только она так думает, но почему-то вдруг вспомнилось, как это сказала именно она. Вопрос в том, чтобы каждый нашел свои ценности и свои цели, знал, для чего живет. Хочется, чтобы люди чаще задумывались об этом, не отмахиваясь от подобных рассуждений, как от чересчур философских, не имеющих ответа и бесполезных. Ответы есть только в конце школьных учебников, давно пора к этому привыкнуть. Все остальные нужно обдумывать самостоятельно, порой годами. И не важно, будет ли в итоге ответ. Важно, какие будут рассуждения, какие будут действия — именно это формирует личность. *Cogito ergo sum*. И мысли, каждую секунду проносящиеся в моей голове, как волны, полирующие гальку,

выявляют нового меня, каждое мгновение изменяют меня и делают меня живым. Я мыслю, следовательно, я существую.

Знаете ли вы, что такое «очнуться» от деятельности? Прошел месяц, с тех пор как я приехал в Нью-Йорк, и впервые за несколько десятков вечеров я сидел дома и понимал, что у меня настала нежданная передышка. Вечер, на который не назначено ни одной встречи, вечер, в который не надо ничего делать, потому что все, что хотел, уже сделано, а новых пунктов в списке важных дел еще не появилось (но обязательно появятся в ближайшее время), все, что хотел сказать на данный момент в блоге, сказано. Я вдруг ощутил, что успокоился. Можно отдохнуть. Можно заняться чем-то еще, чем давно хотелось заняться, но все никак не было времени. Самое время для свидания? Как бы не так! София снова далеко, за пол земного шара. Но она обещала вернуться через три недели, и я уже успел назначить ей новое свидание. «Брожу по Дублину, смотрю на мир глазами Джойса», — писала она в своем блоге, я брал том «Улисса» и поудобнее устраивался на диване.

Литература, живопись, скульптура, музыка, фотография, кинематограф — все это разные виды выражения чувств, мыслей, эмоций. Разные не только по форме, но и по воздействию на воспринимающего их человека. Те люди, которые говорят, что предпочитают чтению просмотр фильмов, отказываются, на самом деле, от самих себя, если проще — отказывают себе в возможности мыслить на новом уровне. В просмотре фильмов нет ничего плохого, но почему-то в сознании многих людей укоренилось мнение о том, что фильмы являются заменой книг. Раньше люди читали книги вечерами, теперь смотрят фильмы, а значит, это равноценно. Многие считают, что раз уж у книги и фильма одинаковый сюжет, книгу читать необязательно, потому что в фильме уже все и так сказано, имена героев и события, происходящие с ними, известны. Но книги — это как картины художников. Ты сто тысяч раз видел море,

цветы или лица других людей, но почему-то ты снова смотришь на картины, изображающие их. Наслаждаешься красками, углом видения, настроением, композицией. Думаешь над тем, какие чувства вызывают они у тебя внутри. У тебя есть время рассмотреть каждую деталь. Задуматься, зачем это было сделано. Каждый вид искусства подчеркивает что-то одно, учит определенному восприятию, так зачем же намеренно отказываться от возможности развить в себе все органы чувств, предпочитая что-то простое взамен? Почему книга лучше фильма? Потому что каждый человек может вместе с автором погружаться в совершенно новый мир, который больше не принадлежит ни писателю, ни читателю. В эту самую секунду он изменяется, становится другим. Ты открываешь книгу и вместе с ней открываешь дверь внутри собственного сознания, и никто не знает, куда она тебя приведет. Вчера, сегодня, завтра. Смысл каждого слова изменяется так же быстро, как изменяется сам человек. Ты можешь перечитывать старую книгу, которую зачитывал до дыр в детстве, но слова будут приобретать другое значение, новое звучание. Это так же, как в музыке. Даже произведение, закрепленное нотами, имеющее определенное прочтение, исполняется по-разному. Каждый раз по-разному. Как легко можно забыть об этом, когда привыкаешь к тому, что цифровую запись можно прослушать еще и еще. Но ведь и в таком случае она каждый раз вызывает разные эмоции. Пока умеешь воспринимать и чувствовать, жизнь никогда не будет унылой и скучной. Я сижу на диване в Нью-Йорке, мысленно гуляю по улочкам Дублина и становлюсь одновременно ближе к чему-то вечному и к Софии.

Три недели прошли быстро. Быстрее, чем ожидаешь, когда влюблен. Когда влюблен, обычно кажется, что время от свидания до свидания тянется невообразимо долго. Но в моем случае время шло быстро, потому что я точно знал, что увижу Софию и когда я ее увижу. Я не вел обратного отсчета, я просто жил, как обычно,

со спокойной уверенностью. Дни проходили в делах и заботах, все на скорости, такой характерной для Большого Яблока. Вечера в спокойном созерцании и размышлениях, в чтении.

Мы пили кофе, и она, сидя рядом со мной на уютном диванчике, сложив ногу на ногу, рассказывала мне о Дублине. Стройные икры были обтянуты тонкой кожей высоких сапог, на плечи она накинула твидовый жакет, я иногда случайно касался его и чувствовал, какой он теплый и мягкий. Я, наконец, был настолько близко к ней, что уловил ее аромат. Роза, жасмин, чуточка бергамота, немного кожи и можжевельника. Я без труда узнал ее аромат, *Cuir de Russie*, аромат, в который я уже влюблялся.

— Ты все поймешь, когда увидишь фотографии. Это невообразимая атмосфера! Я абсолютно очарована этим городом! Ты был там когда-нибудь? — спросила она.

— Нет, не доводилось! — отвечал я. — Но если верить Джойсу, по его роману можно восстановить Дублин в случае его разрушения, так что в некотором смысле я там был, — я улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

— Тебе нужно обязательно там побывать! Это безумный город! — сказала она, сверкая глазами. — В нем так много суеты, но это другая суета, не нью-йоркская, там иначе чувствуешь время, и вообще иначе чувствуешь, и одновременно с этой суетой погружаешься в удивительный покой, полный старинного обаяния, уютных огней, сводчатых кирпичных потолков, узких улочек-лабиринтов, старинных мостовых и готических соборов. В общем, я очарована! — сказала она. Я сидел рядом и слушал ее, и хотел только сказать, как я очарован ею, но боялся, что это будет не вовремя. — Что же я говорю, если могу все показать! У меня с собой фотографии.

И она стала показывать мне прохожих, церкви, старинные улочки и разноцветные двери обычных жилых домов георгианской застройки.

— Говорят, ирландцы покрасили двери в разные цвета после того, как королева Виктория умерла. Им сказали покрасить двери в знак траура, но никто не уточнил, в какой именно цвет... В общем, они проявили фантазию! — усмехнулась София.

— Ага, теперь ни один пьяный ирландец не перепутает свою дверь с чужой! — улыбнулся я.

— А еще там такие быстрые облака! Небо постоянно меняется, почти всегда дует сильный ветер, и погода изменяется по несколько раз за день, а я-то думала, что в Нью-Йорке переменчивый климат! Я даже умудрилась простудиться в начале своего путешествия. Но потом пару вечеров просидела в тепле, попивая грог, и все прошло, — она улыбалась.

— Теперь будешь одеваться теплее? — спросил я.

— Едва ли, — улыбнулась она, — я редко учусь на своих ошибках.

На следующей фотографии она сидела, уютно устроившись в одном из кафе. На ней были все те же высокие коричневые сапоги и твидовый жакет с заплатами на локтях, грог в прозрачном бокале отражал свет от причудливых ламп, подвешенных к низкому потолку. Книга на столе полуоткрыта, София опустила глаза.

— Вот так лечилась, да? — спросил я.

— Ты бы знал, сколько дублей сделал официант, чтобы получилось то, чего я хотела! — сказала она. — Он раза три случайно менял настройки, хотя я настоятельно просила его нажимать всего одну кнопку! — София почти сердито рассказывала о нем.

— Наверное, ты просто ему понравилась, — предположил я. Она снова смутилась. — Интересно выглядишь! — отметил я. — Ты случайно не верхом приехала в это кафе?

— Нет! — рассмеялась она. — И откуда ты знаешь?

— Что знаю? Я ничего не знаю! — сказал я шутливо. — Я просто заметил, что ты чем-то похожа на наездницу.

— Я и вправду люблю ездить верхом! — отвечала она. — Но не в таком виде, конечно, боюсь, лошади не оценят.

— Я слышал, лошади могут оценить красоту, — сказал я, хитро улыбнувшись.

— Кстати о лошадях, хочешь, покажу мою красавицу? — спросила она.

— С удовольствием, я тоже люблю лошадей! — согласился я. И она открыла фотографию с поразительно красивой гнедой кобылой. Темная грива развевалась в движении, все мышцы были напряжены в прыжке, шерсть на солнце золотилась, как жженный сахар.

— Это моя Сансет! — с гордостью говорила София. — Посмотри, какая мощь!

— Да... — выдохнул я, восхищенно. — Красивая... — только и мог ответить я. — Круче любой машины! — и я не льстил ей.

— Давно ее не видела! — чуть грустно вздохнула София. — Месяца четыре не была в конюшне.

— Интересно, она скучает? — поинтересовался я.

— Еще как! Ты бы знал, как она радуется, когда я прихожу! Конечно, иногда обижается на меня, но быстро отходит и трется о плечо мордой.

— Прямо как мой пес в детстве... — я вспомнил своего ретривера.

— А какой у тебя был? — спросила она.

— Золотистый ретривер, — усмехнулся я, — самая популярная порода в Америке, наверное! А может, и во всем мире... И заслуженно! Джип был очень заводной пес, так любил играть и бегать! Мы были лучшими друзьями, он долго жил, я, считай, вырос с ним. Любил так подойти и уткнуться мокрым носом в ладонь, щекотно-щекотно, — я не мог сдержать улыбки, вспоминая о нем. — А какой умный был! Помню, научил его уносить

папины тапки, тот так смешно злился, когда их не находил. Кричал «Джип!» сердито, и Джип приносил их обратно и выпрашивал что-нибудь.

София слушала меня, грея руки о чашку с кофе, смотрела мне в глаза, а я смотрел на нее и ждал, когда она отпустит этот дурацкий капучино, чтобы скорее взять ее за руку и почувствовать прикосновение ее тонких пальцев.

— Холодные пальцы. Замерзла? — спросил я. — Давай я согрею, — я взял ее руку в свою.

— Нет, у меня всегда так. Даже когда долго согреваю о чашку... — тихо отвечала она, прикрыв глаза. Я сидел рядом и чувствовал запах ее шелковистых волос, этот сладкий и одновременно горьковатый, терпкий аромат, притяжение ее нежной кожи... Я наклонил голову, чтобы быть ближе к ней, голова закружилась от ощущения ее близости. Я чувствовал ее тепло рядом, слышал ее дыхание. Чувствовал изгибы ее тела, обнимая ее нежно за талию. Чувствовал всю ее. Я не целовал ее. Я боялся нарушить этот момент. Ожидание. Безусловное счастье. Беспредельная нежность. Время остановилось, а я стоял на пороге поцелуя и во все глаза смотрел на нее, а она просто прижалась к моему плечу и закрыла глаза. Если бы можно было в этот момент умереть! Чтобы сердце больше никогда не испытывало больше ничего, кроме этого блаженства... Я, едва касаясь кожи, поцеловал ее в шею, а она улыбалась уголками губ и ничего не говорила. Я нежно поцеловал ее губы, и она отвечала так же нежно, чуть касаясь своим носом моего, едва уловимо касаясь моей щеки. В моих жилах течет не кровь, в них теперь что-то невообразимо сильно пьянящее, сердце бьется в новом ритме. «Так просто не бывает, так не бывает, так не бывает...» — шепчет внутренний голос в моей голове, и я не могу поверить в реальность всего происходящего, это кажется мне очередным сном, таким реальным, как это часто бывало.

Таким реальным, что когда просыпаешься, полдня ходишь под впечатлением, чуть прикрывая глаза и вспоминая все свои туманные ощущения, образы, мысли. Когда просто прикосновение, точнее, соприкосновение кончиков пальцев заставляет от наслаждения закрывать глаза. Вот она прижалась к моему плечу и молчит. Я глажу ее волосы, ее безумно вкусно пахнущие волосы, я глажу ее волосы рукой, я каждую секунду боюсь, что она исчезнет, что я проснусь и ее не будет рядом со мной. Времени больше нет. Ничего больше нет. Удивительно, но вся моя вселенная, весь мой мир сейчас внутри этого момента, в застывших объятиях, там, где она согревается на моем плече, прикрыв глаза. Во мне не вспыхивает страсть. Во мне не горит огонь, прожигающий меня до самых костей. Мне просто необыкновенно тепло, я обнимаю ее и чувствую, что это самый счастливый момент за последние несколько лет. Забавно, как хрупко и как по-настоящему, тем не менее. Настоящая близость, к которой можно идти годами, неожиданно нагрянула на втором же свидании. Хотя, может быть, именно потому, что мы шли к ней годами, просто сами не знали этого. Невероятно... Просто какая-то мистика. Удивительно. Никто не поверит. Но, может быть, никто и не должен знать, что она мне снилась, так долго снилась, и вот я встретил ее. Наверное, это просто очередной сон. И я просто слишком крепко сплю, чтобы это понять. София вдруг мягко отстранилась, смущенно улыбнулась и потянулась к чашке кофе, стоящей на столе. Она размешала сахар, чуть звеня небольшой ложечкой. Я смотрел на нее, я не мог отвести взгляд. Она смотрела в мои глаза и едва заметно улыбалась, она чувствовала то же, что и я. Я знал это наверняка. Она взяла мою руку и стала разглядывать ее. Вдруг потянула к себе безымянный палец правой руки, на котором было мое любимое кольцо.

— Откуда оно у тебя? — изумленно спросила она. — Это же, это же...

— Что? — спросил я. — Хочешь посмотреть поближе? — я снял его с пальца и положил ей на ладонь.

— Это... это мое кольцо!!! Ума не приложу, как оно могло у тебя оказаться! Я потеряла его несколько лет назад, на море... — она быстро тараторила от волнения. — Я узнаю его из тысячи! Видишь эти знаки? Я сама их придумала, когда мне было четырнадцать лет. И мой отец мне его сделал. Помню, как он его полировал и вытравливал... Господи! Просто невероятно! — она улыбалась, не веря своему счастью, и одновременно смущенно, потому что понимала, что это кольцо уже мое. — Смотри, вот первый символ, такая закорючка, похожая на лабиринт, — это «Жизнь», второй символ в виде копья означает «Борьба», третий символ, похожий на две волны, — «Спокойствие», четвертый символ в виде глаза — «Истина», а пятый символ тебе и так понятен, это «Любовь», — София улыбнулась, поправив выбившуюся прядь.

— А я все думал, что все это значит... — я поцеловал ее в щеку. Она снова чуть смутилась. — Забирай его, наверное, оно колдовское, ведь мы с тобой встретились.

— Колдовское, скажешь тоже... — она рассмеялась. — Нет уж, раз оно от меня ушло, это «колдовское» кольцо, пусть остается у тебя, — она надела мне его на палец.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ее не было слышно уже три недели. София куда-то пропала, и если первую неделю после нашей встречи я был окрылен и счастлив, то сейчас я уже почти забыл, было ли это в моей жизни. Те моменты были настолько прекрасны, что я вновь терял ощущение реальности и начинал думать, что это просто мои очень живые фантазии и я медленно схожу с ума. Но и это, конечно же, неправда. Я сам себя обманываю, конечно, это правда, это реальность. Это похоже на катарсис. Странное просветление без видимой причины, когда вдруг дышать становится легче, не просто легче, а необыкновенно легко. Забытое чувство, настолько забытое, что, испытав его вновь, думаешь: «А может ли так быть? Снова? А можно ли так чувствовать? Так ярко, так по-настоящему живо, как раньше, как давным-давно, как много лет назад?» Мысли в голове... Мысли смешиваются, нет никаких мыслей, в сущности, есть череда каких-то приятных образов и ощущений, настолько явственных, что чувствуешь их не только внутри, но и снаружи. Но неужели я могу чувствовать все так остро? Я задаюсь этим вопросом с того самого вечера, как встретил ее во второй раз. Мне казалось, я давно разучился так чувствовать, казалось, я весь огрубел и давно перестал испытывать какие-то сантименты. Мне казалось, мне нужно будет время, чтобы снова открыться перед какой угодно женщиной. И я не знаю, по какому волшебству я снова почувствовал, что живу, что по-настоящему дышу рядом с ней. Я так остро это ощутил, и одновременно с этим потрясающим чувством я понял, как долго я не испытывал ничего подобного и думал, что все в порядке, думал, что жизнь такой и

должна быть, но жизнь должна быть совершенно другой! Жизнь, оказывается, может быть такой же прекрасной, как ее имя на моих губах, как ее нежное дыхание, которое чуть щекотало мою кожу, как аромат ее запястья, как ее нежные, тонкие пальцы с чуть холодными кончиками. И те, кто считают, что это сентиментальный идиотизм, эмоциональное заблуждение и опьянение феромонами, могут быть правы в своем материалистичном мире, но они не правы в моей чудаконатой вселенной, где подобные ощущения являются лучшим, что может произойти с человеком в жизни. Эти моменты всегда когда-то заканчиваются и перерождаются в другие чувства и ощущения, рано или поздно. И зная, что они конечны, я наслаждаюсь каждой их секундой. Да, знаю, я безнадежен. Чего и вам желаю.

Это странное чувство внутри, это до одури странное чувство внутри. Бабочки в животе, точнее и не скажешь. Только, похоже, везде — абсолютно везде бабочки, и это в самом начале весны. Это безумие? Определенно. Я знаю, это наркотик, я знаю, я буду хотеть еще и еще, но как же это хорошо! Конечно, я мог быть счастлив только этим осознанием, этими хрупкими моментами, когда я вспоминал ее, ее рядом со мной. Но я не был счастлив только воспоминаниями. Я хотел, чтобы она сейчас была рядом со мной. Я знал, что я хочу делать, знал, что скажу ей, знал, как буду касаться ее. Но София куда-то пропала, и я начинал скучать, но более всего начинал мучиться ее молчанием. Возможно, я что-то сделал неверно, слишком поторопил события. Возможно, мне не стоило обнимать и целовать ее? Возможно, я испугал ее этим? Но я был так осторожен! Я и сам беспокоился тогда, боялся излишне дать волю своим чувствам. Что же я сделал не так? И я вспоминал тот вечер, каждую его секунду еще раз, и в который раз приходил к выводу, что все было верно и так, как и должно было быть, по-настоящему, истинно, трепетно. Ничего, что могло бы ее испугать. Ни единого жеста, ни единого лишнего слова или поцелуя.

Мне не хватало ее, я хотел, чтобы она снова была рядом со мной, я тревожился за нее. В голову все время приходили какие-то странные мысли. Куда она пропала? Хочет ли она быть со мной? Нравлюсь ли я ей? Что она думает обо мне? Думает ли она обо мне вообще или для нее все это совершенно иначе? Едва ли для нее все так же, как для меня. Мы же разные люди? Значит, и чувствуем по-разному. Так вот, вопрос в том, что же чувствует она. Я открыл ее блог и стал читать. Последняя запись про Джойса, ее я уже видел. Ничего нового — и здесь пропала! Но я стал пролистывать историю журнала в поисках ее длинных записей, она так любила писать что-то исключительно для себя. И я не мог видеть этих записей раньше, ведь я был в Африке, наверняка за это время что-то накопилось, что-то, что поможет ее понять.

«Каталась сегодня на своей красотке, наверное, последний раз перед отъездом. Зато, вдоволь позанимавшись на манеже, выехали к заливу. Уже прохладно, начинают опадать листья, особенно когда задеваю головой низкие ветки деревьев. А потом мы шли по глубокому песку к воде и долго гоняли по самой кромке. Сансет, довольная, носится как сумасшедшая, поднимая вверх холодные брызги».

«Не знаю, отчего вдруг становится так грустно, что с трудом ищешь смысл собственного существования. Вроде бы делаю то, что люблю, и то, что хочу. Вроде бы рядом мои друзья и родные. Вроде бы все хорошо, но почему-то никак не обрести равновесия, так и качаюсь из стороны в сторону, не могу понять, что же мне нужно, чтобы снова почувствовать себя счастливой? До безумия скучаю по отцу, так жалко, что толком с ним не успела поговорить, может, он бы мне все объяснил».

«Келли учила рисовать песком на стекле. Забавно! Оказывается, для этого нужен специальный песок, достаточно мелкий, хорошо промытый и высушенный. Я наполняю полную пригоршню

песка и медленно раздвигаю пальцы, поднимая руки все выше и выше. Просто так, как в детстве, на пляже. Я сжимаю песок в кулаке, и он медленно высыпается на стекло. Я рисую руками, чувствую песчинки кончиками пальцев. Удивительно, как быстро песок откликается на малейшее движение руки. Иногда получаются забавные рисунки, думаю, сфотографирую парочку, но позже...»

«Мне снился странный сон, будто бы я заблудилась где-то и все никак не могу найти пути обратно. Старый, холодный дом. Я брожу среди мебели, покрытой белой тканью. Медные лампы с шелковыми абажурами, запыленные картины с выцветшими красками, старинные фарфоровые статуэтки, маски из папье-маше, осколки посуды под ногами. Открываю двери, а за ними — кучи ветхого тряпья, старые игрушки. И вдруг я выхожу в отдельную комнату, пол темного дерева, окно завешено, но сквозь дыру в обветшавшей занавеси пробивается свет. Я вижу силуэт. Мой отец стоит у мольберта и пишет море, руки перепачканы темной краской. Море холодное, беспокойное, тревожное. Море волнуется все сильнее, и вот я уже чувствую его брызги, оно вдруг становится настоящим, вдруг в глаза попадает соленая вода, я зажмуриваю их, так щиплет. Открываю глаза и оказываюсь на берегу моря. Я сижу и смотрю на ночное море, почти ничего не видно, только свет от месяца поблескивает на волнах, и сердце стискивает такая странная тоска — я понимаю, что я совершенно одна. Но ведь где-то должен быть кто-то, кто меня слышит, кто меня понимает?»

Я зачитался, пораженный тем, как эти записи были похожи на те сны, что я видел. Я не верил собственным глазам и одновременно понимал, что то, что я вижу, — правда. Удивительно, такое действительно бывает. Но если это действительно так, то она не может не чувствовать, что между нами происходит что-то особенное, что-то истинное! Почему же тогда она пропала, почему она молчит столько дней? И вдруг, как будто ответ на мой вопрос,

я увидел обновление в ее блоге. Она только что добавила новую запись, я впился в нее глазами:

«Здесь, на Тахо, спокойно и тихо. За окном только ветер слышно. Намерзлась сегодня, зато несколько очень хороших кадров удалось поймать. Не знаю, зачем я это пишу, наверное, чтобы самой не забыть эти ощущения. Глубоко в лесу изредка встречается снег, его совсем немного, но он так по-особенному пахнет, никогда не задумывалась, странно ведь — вода, обыкновенная вода, а пахнет — и не объяснить чем, наверное, прошлым. Или просто прошедшей зимой. Немного грустно. Сажу сейчас, растопила камин, становится теплее. Мне так нужно побыть одной, чтобы во всем разобраться. Запуталась. Вроде бы и разбираться не с чем, но отчего-то тревожно и не по себе. Не знаю, что будет дальше. Со мной будто бы случилось что-то волшебное... Не могу найти этому объяснения. Может быть, кто-то и не пытается, а я считаю, что ничего не бывает просто так. Вспоминаю, думаю, скучаю, но в то же время не понимаю, могло ли быть это реальным? Такого не бывает, нельзя ощутить близость так быстро, нельзя так быстро понять, что человек «твой», иначе велика вероятность заблуждения. Наверное, я снова надумала себе невесть что, дорисовала в воображении тот образ, который мне нужен. Иначе я просто не понимаю, как такое могло произойти. Нет, безусловно, не верю больше своим ощущениям. Это раньше мне легко было убедить себя, что то, что чувствуешь, и есть истинное, и есть настоящее, а сейчас я не уверена. Не понимаю, что происходит. Если это настоящее, если он тот самый, кто мне нужен сейчас и вообще, тот самый, кто почувствует меня так, как мне это нужно, кто полюбит меня так, как я хочу его любить, кто будет со мной настоящим, глубоким и истинным — что же тогда будет со мной самой? Я так привыкла быть одна. Потеряю ли я себя или, возможно, наоборот, обрету?»

Сердце забилось сильнее. Я несколько раз подряд пробежал эту запись глазами, пытаюсь как можно лучше разобраться в том, что она пишет, запомнить каждое слово. Значит, она действительно чувствует то же, что и я! Но она не верит в то, что это может быть реальным, так же, как и я порой. Раньше. Теперь не сомневаюсь. Вот оно — доказательство того, что я не заблуждаюсь, у меня перед глазами. Это ее слова, ее чувства, которые так удивительно похожи на мои. У Софии нет таких доказательств, и она сомневается, она боится, и есть чего бояться. Мы оба так уязвимы сейчас! Я и сам не знаю ответа на ее вопрос. Я ведь тоже привык быть один, и я тоже не знаю, что будет дальше, что станет со мной и с ней. Никогда нельзя наперед узнать, что будет. Можно пытаться догадаться, думать, что план развития событий логичен и разумен, можно думать, что формируешь будущее, и отчасти это так. Однако действительность нельзя полностью описать строгими правилами и логическими последовательностями, прошлым опытом. В жизни всегда возникают какие-то новые обстоятельства, которые создают новое мироощущение, новую действительность, то, что принято называть «настоящим». В этом и интерес. Нет, я не боюсь того, что со мной происходит. Я не верю в мистику, но я верю в случайность. Ведь так бывает, что двум независимым изобретателям в голову приходит одна и та же идея? Отчего же не может быть такого, чтобы два человека одновременно, независимым друг от друга образом, еще не зная друг друга, хотели быть вместе? И если нам так повезло, что мы встретили друг друга, мы должны быть вместе, хотя бы попробовать. София должна знать это.

— Как ты нашел меня? — удивленно спросила София, стоя на пороге домика, кутаясь в огромную вязаную кофту. Я взял ее за руку, она чуть грустно улыбнулась. — Ты, наверное, замерз! — сказала она, приглашая меня зайти. И тут же вдруг обняла меня и прижалась лбом к плечу. Я гладил ее волосы рукой и заметил, как

чуть дрожат мои пальцы. Я чувствовал, как она дышит, чуть сбивчиво, иногда глубоко и долго вдыхая воздух. — Нет, не рассказывай, не говори больше ни слова, — сказала она тихо. Мы стояли у закрытой двери обнявшись, она молчала и только крепко обнимала меня, а я гладил ее волосы рукой и чувствовал, как счастлив. Я мог бы стоять так целую вечность. Хочется стоять так часами, неделями, столетиями. И в то же время прекрасно понимаешь, насколько хрупок этот момент и как быстро он разрушится. Вот София ослабляет объятия, снимает кофту, кидает ее на плетеное кресло у камина, ставит чайник. А я смотрю за ее плавными движениями и люблюсь на то, как она набирает воду, как закрывает кран, как зажигает плиту. Она чуть смущенно смотрит на меня и снова улыбается.

— Алекс, я не верю, что ты здесь! Это так странно! — сказала она, смеясь.

— Ты тут совсем одичала? — спросил я.

— Наверное, немножко сошла с ума по-своему. Хотя... — она чуть наклонила голову. — Тут кто-то приехал из Нью-Йорка в Калифорнию, на озеро Тахо, считай, через всю страну, так что я не одна тут такая.

— Нет, ты теперь не одна, — сказал я и обнял ее.

— Это возможно? — спросила она. — Мне последнее время казалось, что люди всегда одни, всегда-всегда-всегда.

— Ты права, — сказал я, вздохнув. — Но сейчас это неправда. Сейчас ты не одна, — я поцеловал ее в щеку.

— Я склонна с тобой согласиться, — отвечала она. — Нет, я согласна с тобой. Только от этого захватывает дух.

— Не верится? — спросил я.

— Да, — отвечала она тихо.

— А ты больше ни о чем не думай. Просто чувствуй и дыши, — сказал я ей на самое ухо. Она снова чуть смущенно улыбнулась,

повернулась ко мне и поцеловала в губы. Я выпал из реальности. Засвистел чайник.

— У меня кружится голова, когда я ни о чем не думаю, — сказала она отстранившись.

— У меня тоже кружится голова, когда ты ни о чем не думаешь, — я улыбнулся.

— Даже страшно...

— Это потому, что ты снова начинаешь думать! — я привлек ее к себе. Она улыбалась, и я чувствовал, что ей нравится то, что сейчас происходит. И от этого что-то внутри начинало трепетать все сильнее, такое странное и приятное чувство, которое бывает в мгновения свободного падения, когда катаешься на аттракционах или просто на большой скорости проезжаешь по неровности на дороге, такое бывает, когда целуешься в первый раз. С той, которую так давно хотел поцеловать. И снова я чувствовал себя безумцем, потому что я не хотел отпускать ее ни на секунду, и я чувствовал ее тепло, кончиками пальцев ощущая мягкость ее кашемирового свитера, линии ее белья, чувствовал ладонью, как бьется ее сердце, как оно невозможно близко. В это трудно поверить, никогда об этом раньше не задумывался. И, возможно, это все байки, что любовь живет в сердце, но отчего же оно так выпрыгивает из груди? Отчего так сладко пахнет ее кожа и так и хочется ее целовать? Отчего она закрывает глаза? Отчего так сильно тянет к ней, как будто я ее неотъемлемая часть, как будто я тут же умру, если окажусь от нее дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Страшно? Страшно. Но даже если так, даже если все это закончится еще быстрее, чем началось, это будет стоить того. Впервые я не хочу ускорить время, впервые я не тороплю событий. Я наслаждаюсь каждой секундой. Тем, как она сжимает мою руку. Тем, как робко касается своими губами кожи на шее. Тем, как щекочет носом мочку моего уха. Не хочу пропустить ни одного момента, хочу все

чувствовать полностью, по-настоящему, открыто и глубоко.

За окном холодно, у леса весенние краски, еще бледные, не раскрывшиеся. Темные, еще голые ветви лиственных деревьев, почти сливового цвета. У елей уставшие темно-зеленые ветки, они станут ярче, когда потеплеет. Причудливо изогнутые, шершавые стволы сосен. На берегу видно несколько больших серых валунов. Если выйти на улицу, можно будет увидеть, что и под водой есть огромные округлые глыбы. Вдали покрытые снегом горы. По глади озера только изредка пробегает мелкая рябь, оно царственно спокойно. Я обнимаю Софию, она лежит на моей груди, от окна чуть дует, у нее замерзло правое плечо, и я глажу его рукой.

— Так хорошо... — тихо говорит она, положив мне ладонь на сердце. Я молча киваю, а она закрывает глаза, и я чувствую, как она вздыхает. — Со мной никогда такого не было... — Я улыбнулся и поцеловал ее в макушку.

— Теперь будет.

— Я согласна, — говорит она, шутливо улыбаясь.

Конец

PS:

«И снова задорное солнце Испании, и день, полный сочных ощущений, мы едем по извилистой дороге над морем. Здесь даже ветер теплый, ласковый. Синее, спокойное море, ветер в волосах, тепло поднимается от земли. Встречный ветер на скорости шумит в ушах, так что почти ничего не слышно, но я вижу ее улыбку, ее лицо все светится от счастья. Чуть позже она так и сказала:

— Не могу надышаться этим воздухом! Как же хорошо!

И я задумался над тем, что же такое счастье. Я смотрел на нее, как она любит море, как рисует пальцами на песке, как собирает камешки, как с наслаждением пьет воду из запотевшей бутылки. Я смотрел на нее и думал, как же здорово, что мы здесь оказались вместе. Сейчас. Я накинул на ее плечи полотенце, становилось прохладно, солнце садилось.

— Так хорошо, что даже как-то взгрустнулось, — сказала она, иронично улыбнувшись.

— Скучаешь по детям и дому? — спросил я. Она кивнула.

— И вроде бы мы с тобой уехали совсем ненадолго, но все равно, — сказала она.

— Да, я тоже по детям скучаю, — сказал я, обняв ее. — Жалко, их нет сейчас рядом, но мы же не могли взять их в Африку.

— Да, слишком опасно. Знаю, знаю, но все равно скучаю.

— Мы уже завтра их увидим, не переживай! — я поцеловал ее в щеку, чтобы подбодрить.

— Мы тут, на море, а они дома, и, наверное, там идет дождь, — сказала она грустно.

— Мы с тобой на море всего один день! И знаешь, что по-настоящему грустно?

— Что? — спросила она, чуть улыгнувшись.

— То, что он уже закончился! — я улыбнулся.

— Хочешь остаться здесь ночевать? — спросила она.

— Хотя нет, я поспешила, даже не думай соглашаться! — она поднесла палец к моим губам. — Я так хочу в нормальную постель!

— И нормальный ужин?

— И нормальный ужин! — она рассмеялась, встала, вытряхнула из сандалий песок и направилась к машине.

Она быстро заснула, едва коснувшись щекой подушки. Весь день, с суматошным утренним перелетом из Найроби, с долгой дорогой к морю, был утомителен. Но мне не спалось. Даже когда ночной воздух стал прохладнее, даже когда вдруг пошел дождь, я не закрывал окно, и прохлада медленно заполняла комнату, я все слушал и слушал, как идет дождь. Летний дождь — это совершенно особенная музыка. Это не ноябрьский дождь в Нью-Йорке, с мелкими холодными каплями, монотонный и нескончаемый. Это не майский ливень в Париже, где дождь изливается не каплями, а струями. И сильнее бывает только в Африке в сезон дождей. Просто летний дождь, с большими круглыми каплями, который закончится через полчаса, может быть, чуть больше, и не принесет ничего, кроме пролады. Он идет легко, капли стучат о стекло, мягко разбиваясь о его поверхность. Я отчетливо слышу, как они падают на широкие пальмовые листья под окном. Я не могу заснуть, слишком много мыслей, ощущений, впечатлений в моей голове. «Дела идут хорошо», — сказал бы кто-нибудь о том,

что творится в моей жизни. Да, я нашел то, чем хочу и люблю заниматься, моя семейная фирма приносит мне высокий доход, я сам рад, что все мои задумки постепенно воплощаются. Со всем недавно мы были с Софией в Африке, и я наблюдал, как с каждым нашим приездом ситуация незначительно, но все же меняется. Требуется очень много сил и средств, чтобы что-то продолжало меняться, чтобы успех не стал вчерашним, чтобы не откатиться назад. Многие говорят мне: «Что ты так переживаешь? Ты сделал все, что мог, и, наверное, даже то, чего не мог. Ты не всесильный!». Да, я не всесильный, и я все понимаю. Головой понимаю. А сердцем, сердцем хочется, чтобы люди больше не страдали ни от голода и жажды, ни от болезней. Но что бы я ни делал, все равно невозможно все исправить. С этим сложно смириться, если ты привык к тому, что полностью контролируешь ситуацию. Но, наверное, София все же права, утешая меня. Она говорит: «Лучше посмотри, что нам уже удалось сделать. А то, что пока не удалось — еще впереди. У нас с тобой все получится, мы сможем. Помнишь, как все было год назад? Помнишь, как все было, когда мы только начинали? Когда ты приехал сюда в первый раз?». И я понимаю, что она права. В ней удивительно много покоя. Даже в самой критичной, самой сложной ситуации она удивительно спокойна. Сложно представить, что она на самом деле очень эмоциональный человек. Меня это в ней поражает и восхищает. Я смотрю на нее, и суетливые, уставшие мысли покидают меня. Я смотрю на нее, вот она лежит, сладко спит, подложив руку под подушку. Я вижу ее лицо, которое я знаю так хорошо, что, кажется, могу нарисовать или вылепить его из глины по памяти, смотрю на тонкие брови, нежные веки, высокий лоб, красивые скулы, любимый нос, красивые, чуть пухлые губы. Я смотрю на нее и понимаю, что могу смотреть на нее

бесконечно — блуждая взглядом по ее коже, по линиям ее тела, по ее удивительно женственным изгибам. Я смотрю на нее, и сердце замирает в груди, как тогда, в первый раз, когда я увидел ее обнаженной. Я смотрю на нее, и иногда мне становится страшно, но я не хочу говорить об этом страхе. Сердце замирает в груди, сбивается дыхание. А ее сердце бьется так ровно, и дышит она так удивительно спокойно, лицо, как у ребенка. Улыбнулась во сне. Я не смог удержаться и тоже улыбнулся. Что же ей снится в этот момент? Может быть то, как мы сегодня бегали по берегу и валялись в песке? Наверное, это и есть счастье. В мире есть вещи, которые удивительно сложно сформулировать. Слишком быстротечно. Такое разное... Вспоминаю нашу первую весну, и как мы не могли надышаться друг другом, как не могли расстаться ни на один день, как это было странно для нас обоих, привыкших постоянно куда-то срываться, странно оказаться в самом лучшем месте на всем белом свете, где бы ты ни был — в объятиях друг друга. Опьяняющее чувство, от которого хочется танцевать, хочется громко кричать или просто молчать, застыв, вдыхая аромат ее кожи. Опьяняющее чувство, когда вся планета крутится быстрее, и в каждой мелочи, в каждой детали окружающего мира ты видишь всеобъемлющую красоту, удивительную гармонию и высший смысл: просто потому, что твоя собственная душа наполнена красотой, гармонией и смыслом. В такие моменты кажется, что ты не жил раньше. Кажется, что с тебя содрали старую кожу, как огрубевшую древесную кору, и ты чувствуешь, чувствуешь всем телом, всем сердцем, всем своим существом. Чувствуешь все так правильно и удивительно глубоко. Влюбленность похожа на болезнь, и так не хочется выздоравливать, будто бы надо в школу на контрольную. Помню, она постоянно фотографировала, и на всех

фотографиях красовался я. И когда я спросил ее: «Зачем ты это делаешь?», — она вдруг подскочила с постели и схватилась за фотоаппарат, шепча: «Ты такой, ты такой...», — она рассмеялась, а потом совершенно серьезно, вдруг погрузившись, ответила: «Если ты меня когда-нибудь разлюбишь, у меня останется, по крайней мере, это». Я не нашелся, что ответить тогда.

Что было потом? Потом наступило одурманивающее спокойствие. В нем сначала купаешься, как в океане, качаясь на легких волнах, чувствуя солнечные лучи на лице. Потом пьешь, как дорогое вино. Потом не можешь прожить ни секунды, как без воздуха. Чуть позже понимаешь, что иначе и быть не может. И в эту же секунду понимаешь, что больше никогда не будешь прежним. Что принадлежишь безраздельно, и тебе не нужно свободы, потому что твоя лучшая свобода, настоящая свобода, в том, чтобы быть с ней. И тебе больше не страшно. Мы фасовали прошлое в картонные коробки, склеивая скотчем, чтобы не растерять. Вешали на общие стены собственные африканские маски, любимые картины и фотографии, среди которых, как ни странно, были и общие. Спорили, выбирая цвет стен, как спорят искусствоведы об организации экспозиции. Смеялись, в сотый раз передвигая мебель. Пили шампанское, занимались любовью на чердаке и перебирали чей-то чужой хлам, в котором иногда попадались такие вещи, которые страшно жалко выкинуть: старые винилы, книги с пожелтевшими страницами и стертým золотым тиснением, бокалы богемского стекла, даже памятное весло Кэмбриджского Университета. Вдруг вспомнилось, как она, устав от гонки, уже завершив все самое сложное, иногда начинает плакать. Она, сдерживая слезы, говорит: «Не обращай внимания, просто накопилось». Помню, как сначала было сложно ее понять.

Когда ей плохо, этому нет рационального объяснения. Дело не в пресловутой женской логике, дело совершенно в другом. Она решает с помощью логики все, что должно быть решено логически. Но по природе София иное существо. Она стихийна, для нее вселенная, весь мир — материя, которую нужно прочувствовать от и до. Зная это, она часто сдерживает себя, живет по правилам. Но творит она вне рамок. Иногда срывалась на меня: «тебе не понять!», и была права, потому что часто я был занят своими делами и был далек от ее мыслей и переживаний. Потом все снова было хорошо, и мы жили, день за днем, день за днем, как это бывает в детстве. Неожиданно пришла привычка. Восторг перешел в сдержанную улыбку. Дрожь — в медленный выдох. Токи и искры — в ожидание. Все стало так знакомо, так предсказуемо, так очевидно, как это бывает между родственниками. Когда до секунды знаешь, когда из душа попросит свежее полотенце, как долго будет метаться, выбирая одежду на вечер, что именно приготовит на завтрак, даже когда она сама еще не решила. Сначала приятно все предугадывать, когда понимаешь, как хорошо узнал другого человека. Потом и к этому привыкаешь. Забывается все то волшебство, что было «до». Забываются сны, забываются мечты, забывается все то, что заставляло неметь от восторга. Становится страшно. Страшно, что теряешь навсегда. Что все закончилось. Начинаются вопросы: «Ты все еще любишь меня?», «Покажи, что ты чувствуешь?», «Я не чувствую тебя! Что это?», «Что с нами происходит?». И ты сам мучаешься этим вопросом, не в силах найти ответа. Все было и есть так хорошо, и вдруг, несмотря на правильные действия и правильные слова, наступает привычка. А казалось, что этого не будет никогда. Казалось, что дрожь в коленях навечно. И в этот момент становится действительно очень

страшно, потому что точно знаешь, что она, София, твоя настоящая любовь, твое единственное счастье, и посреди этого знания ты лежишь, распростертый на кровати, ее голова на твоём плече, и ничего, ничего не чувствуешь. Но мы же части друг друга, и мы всегда должны быть вместе, иначе быть не может. Так что же такое любовь? Что же такое счастье, если все это так хрупко? Помню, как мы однажды сидели ночью в саду, и она мне сказала:

— Ты знаешь, мне кажется, мы все-таки допустили эту ошибку. Помнишь, я писала, что не знаю, какой я стану, полюбив тебя всем сердцем?

— Какой ты стала? — спросил, удивленно я. — Ты ведь все также творишь, живешь, ищешь, разве не так?

— Так. Но я стала другой. Не самостоятельной. И это не плохо и не хорошо, — отвечала она.

— Так почему же это ошибка? — спросил я.

— Потому что я не чувствую, что происходит. А я привыкла все чувствовать, — сказала она дрожащим голосом.

— Ты не любишь меня больше? — сказал я сдавленным голосом. Мне ужасно не хотелось слышать ответ.

— Люблю, конечно. — София грустно улыбнулась.

— Тогда почему ты переживаешь? — спросил я.

— Слишком сильно люблю! — отвечала она. — Страшно! — Я судорожно пытался понять ее.

— Ты же знаешь, что не нужно этого бояться. Я никогда не предаю тебя, — отвечал я, крепко держа ее руку.

— Нет, ты не понимаешь. Я так сильно тебя люблю, я смотрю на мир твоими глазами, я делаю то, что тебе нравится, даже не задумываясь об этом, я говорю то, что ты хочешь слышать, и свято уверена, что думаю то же самое, и я думаю то же самое, потому что я так сильно люблю

тебя. Я честна с тобой всю свою жизнь и никогда не сделала ничего, что могло бы тебя унижить и расстроить. Я хочу чувствовать тебя каждую секунду, как раньше, и я так жадно ловлю твои прикосновения, твои слова, твои ласки, как будто я без них уже не я. И если ты мне их не даешь, я могу быть в таком отчаянии, в таком страшном отчаянии из-за каких-то пустяков! Это ведь не правильно? Нет, это не правильно! Я уже и не помню, какой я была до тебя. И ведь удивительно, нам и до встречи нравились одни и те же фильмы, музыка, картины, города и вино. Но в этом-то и главная проблема, я совершенно потерялась, я перестала понимать, что я любила до тебя, и что я люблю благодаря тебе. Я не представляю себя без тебя, я не чувствую себя, как самостоятельную личность. Я чувствую себя твоей частью. И мне это долгое время очень нравилось, но сейчас, сейчас я перестала чувствовать восторг от этой близости к тебе. Я хочу быть собой и иметь собственное Я.

— Ты хочешь сказать, мы растворились друг в друге и все-таки потеряли себя? — спросил я, голос дрожал от волнения. Она была так удивительно права во всем!

— Да, я хочу сказать именно это, — отвечала она грустно.

— И что же нам теперь делать? — в отчаянии спросил я. — Это начало конца?

— Нет, это конец начала, — она улыбнулась. — Я долго думала, и я знаю, что нужно делать. Не бойся отпустить мою руку, я всегда буду твоей.

Это был самый страшный разговор в моей жизни. Я безумно боялся ее потерять, я боялся, что это разговор о конце. Я боялся, что нам пора расстаться. Я боялся, что ее свобода окажется для нее важнее нашей любви. Но на самом деле этот разговор был необходимым осознанием на пути

к новому счастью. Это я понял позже, конечно. Мы учились жить вместе, мы учились быть снова отдельными друг от друга, независимыми личностями. Мы все так же просыпались рядом, вместе завтракали и обсуждали сны, или ужинали и делились переживаниями прожитого дня. Пили чай, смотрели фильмы, вместе ходили гулять, но больше не пытались безвольно соответствовать ожиданиям друг друга, больше не пытались произвольно произвести хорошее впечатление. Забавно, но меня поймут только те, кто знает, что может быть одновременно и «она не принадлежит мне», и «она моя».

С каждым новым днем я начинал чувствовать все острее. Осознание того, что она всегда будет моей, снова щекотало кожу, когда она склонялась надо мной, распустив волосы. И уже не имело ничего общего с привычкой.

А однажды я уехал в командировку, в Мадрид, но в выходные мне стало тоскливо, и я отправился к старому приятелю, в Сеговию, гонять на велосипеде. Мы не виделись с ним целую тысячу лет, решили помериться силами, долго катались по пересеченной местности и вернулись к нему домой только поздним вечером. Помню, я лежал в постели и чувствовал, что все еще еду на велосипеде, ноги онемели. Я так устал, что, казалось, не мог пошевелить и пальцем. И вдруг телефонный звонок. София.

— А знаешь, я тут подумала, что чертовски соскучилась и хочу к тебе.

— Я тоже, малыш... — отвечал я.

— *Restaurante El Bofin*, через час?

— Ты в Мадриде? — я чуть не выронил трубку из рук от удивления.

— Да, — отвечала она. И усталость вдруг куда-то делась, я переоделся и взял у Пабло машину.

— А от тебя ведь не скроешься ни в одной точке мира! — улыбаясь, говорил я.

— Можно подумать, ты не рад меня видеть! — она смеялась, нюхая красную розу.

— И как давно мы не виделись? — я иронично посмотрел на нее.

— Два с половиной дня, — сказала она, приподняв левую бровь. — Целую вечность! Многое могло произойти! — радостно сказала она, загадочно улыбаясь.

Я никогда не забуду этот вечер, потому что после ужина при свечах, после запахов изысканной кухни, после темного дерева столов и белоснежных открахмаленных салфеток мы гуляли по Мадриду почти всю ночь и смеялись, встречая случайных прохожих, таких же счастливых, как и мы. Мы ходили по улочкам, шутили и смеялись, она держала мою руку, шла чуть медленнее обычного, на ней были потрясающие туфли. И от ее хрупкости и некоторой уязвимости у меня замирало сердце. Я был безумно рад ее неожиданному приезду.

— Ты не устала? — спросил я, посмотрев на часы.

— Нет, я хочу встретить рассвет, — отвечала она. — Скоро я не смогу гулять по ночам.

— Почему? — удивленно спросил я.

Я никогда не забуду рассвет над Мадридом, потому что это особенный рассвет для меня и для нее. Тогда я узнал, что стану отцом. Я улыбнулся, вспомнив, как удивился и обрадовался тогда. Как она могла так долго терпеть и молчать! Интриганка! Я снова улыбнулся, глядя теперь, как она спит. Потом настал новый период, мы больше времени проводили дома, в Нью-Йорке, София вдруг стала рисовать, еще больше, чем раньше. Она порой так увлекалась, что забывала о времени. И тогда я, встревоженный, приходил в мастерскую,

скорее забирал ее оттуда и мы заезжали куда-нибудь поужинать. Когда сыну исполнился год, София открыла небольшую выставку, на этот раз своих картин. Это была ее мечта. Я старался помогать ей во всем. Многие мои друзья удивлялись ее неугасимой энергии, тому, откуда у нее хватает сил и времени на все это. Я не удивлялся, я знал, что она способна на многое. Я просто восхищался ею. И, кажется, от этого у нее становилось еще больше сил. Мы продолжали путешествовать, так же, как и раньше. И, возможно, даже с большим удовольствием. Мы оба раскрывали новых себя, новых друг друга, новый мир, окружающий нас. Учились, глядя на нашего первенца, жить. Учились заново радоваться забытым пустякам: солнечным зайчикам, мыльным пузырям, смешным зверушкам. Учились наслаждаться простыми вещами: минутами покоя, прогулками на свежем воздухе, обыкновенной жизнью, теперь — втроем. Жизнь становилась совершенно непохожей на прежнюю, но от этого, пожалуй, еще более прекрасной и наполненной.

«Когда человек счастлив, ему тяжело выразить это. Всегда не хватает слов. Счастье — не событие, это состояние. Это одновременно и свет, и краски. Ведь в темноте цвета не различимы. Когда люди просто счастливы, они часто не замечают этого, не ценят. Когда люди необыкновенно счастливы, у них пропадает желание говорить об этом, пропадают слова, потому что у слов слишком мало смысла. Слишком много смысла именно в существовании, в жизни как таковой — от начала и до конца. Все это когда ты счастлив. Счастье всепоглощающее, охватывающее все твое существо, и в то же время, необыкновенно хрупкое, эфемерное состояние. Но понимая это, зная ему цену, чувствуя в нем острую необходимость, я ценил и ценю каждую минуту своего счастья. Счастье все же не может быть общим, даже если с тобой невероятно родной

человек. *Счастье у каждого свое. Но я благодарен Софии за то, что с ней я познал все возможные и невозможные оттенки этого чувства, и познаю, и буду познавать, пока жив. Истинная любовь от влюбленности отличается тем, что люди находят баланс между сохранением собственной личностной целостности и способностью пойти на компромисс. Интересоваться, но не навязываться. Заинтересовывать, но не навязывать. Оставаться собой, чувствовать себя целостно, но при этом быть достаточно гибким и открытым, чтобы понять другого. Семья и семейные отношения — одна из наивысших ценностей и источников счастья, но это не может быть самоцелью, по достижении которой теряется смысл жизни. В сказках все часто заканчивается на свадьбе, но на самом деле, самые отчаянные битвы ждут героев сказок впереди. Семья — не точка, не венец жизненного пути, это в принципе нечто иное, это состояние. И только двое могут решить и сделать это состояние счастливым. И никто не должен пренебрегать ни желаниями партнера, ни своими собственными. В равной степени. Иначе кто-то более сильный будет подавлять слабого, и рано или поздно это грозит огромной бурей лопнувшего терпения. Даже в самой идеальной ситуации счастье по природе своей не может постоянно чувствоваться остро. Нужно уметь пережидать эти моменты и постоянно работать над собой, искать все новые поводы для безусловной радости. Как мне когда-то объяснял Маконо, буддисты считают высшей степенью духовного совершенства свободу от страстей. В общем-то, когда испытываешь «ровное» счастье — это то самое блаженство: душу ничто не беспокоит, не отрывает от познания всего сущего, созерцания. И вот здесь всех поджидает новая сложность: притупляются эмоции, перестаешь ощущать все так полно, как раньше. Но это верно, только*

если начинаешь жить по привычке, когда рутинные дни следуют один за другим», — писал я. София, стоя за моей спиной, положила мне подбородок на плечо и хитро сказала:

— Но это ведь не про нас? Мы с тобой всегда найдем, чему удивляться! — она поцеловала меня в ухо.

— Меня не удивляет только один факт, — сказал я совершенно серьезно.

— Какой же? — она рассмеялась.

— Меня не удивляет тот неоспоримый факт, что ты — мое счастье. Это очевидно, неоспоримо и вечно. — Я улыбнулся, София рассмеялась.

— По-моему, это должно, наоборот, удивлять, — сказала она.

— Тебя это удивляет? — спросил я.

— Нет! — улыбаясь, ответила она.

— Что же тебя удивляет? — спросил я.

— Ты! — ответила она. — А еще необъяснимые совпадения. До нашей встречи мы с тобой много раз пересекались в жизни. Помнишь, когда-то ты рассказывал мне про свои сны? И я бы подумала, что ты жульничаешь и все придумал, прочитав мои записи в блоге, если бы ты не продолжил описывать мне то, о чем я никогда не говорила.

— Что же тут непонятного? — спросил я, в шутку над ней издеваясь. — Любовь — это всегда необъяснимое совпадение.

— Да, все никак не пойму, что же я в тебе нашла? — София не осталась в долгу. Никогда не лезет за словом в карман, а если молчит, то всегда убийственно.

— Видимо, то, что искала, — сказал я, отхлебнув горячий кофе.

— Я тогда ничего не искала, — сказала она гордо.

— Ты сама об этом не знала. Но ты тоже ждала, что что-то должно произойти.

— И в этом ты прав, — отвечала София, присаживаясь ко мне на колени. — Устала стоять! Главное не то, что я нашла тогда. Главное то, что у меня есть сейчас. Интересно, поймет ли меня кто-нибудь, кроме тебя?

— Зачем тебе это? — спросил я, с любопытством глядя на нее.

— Чтобы кто-то тоже был счастлив. По-настоящему, так счастлив, чтобы не жалко было умирать.

— Ты уверена, что я должен знать о твоём счастье такие подробности? Я же возгоржусь и зазнаюсь?

— Я уверена в тебе, — отвечала она тихо и слишком серьезно, так серьезно, что у меня защемило в груди.

Я все смотрел на то, как она спит, и тут, вспомнив наш разговор, я понял, что нужно жить, всегда точно понимая, что жизнь одна и она твоя. Только тогда не будешь тратить время на пустяки. К моменту этого осознания человек должен быть готов, должен иметь четкую картину мира, систему ценностей. Нужно жить в согласии с собой, но для этого нужно познать себя. И пусть это априори невыполнимо, потому что личность постоянно меняется, нужно хотя бы попытаться. Осмелиться по-настоящему открыть глаза. У каждого свой путь, он всегда бесконечен, на нем не должно быть точек или остановок, человек должен постоянно развиваться, только это делает его счастливым и целостным. Не нужно делать себе поблажек, но нужно уметь расслабляться. Не нужно думать, что если тебе хорошо и ты что-то понял в жизни, ты вырос и познал ее. Это только начало. И будут новые демоны, новые испытания, новые искушения, новая боль. Надо иметь достаточно воли, чтобы идти дальше и сражаться, но это не трехглавый

дракон, это гидра, чьи головы будут отрастать, пока ты жив. В детстве об этом не предупреждают, и не стоит предупреждать. У каждого свой путь взросления. Кто-то всегда остается ребенком, постоянно удивляясь новому, кидаясь на баррикады с воинственными криками, независимо от пережитых поражений, кто-то старится слишком рано, то ли от того, что успел испытать слишком многое, то ли просто потеряв интерес к чему бы то ни было без видимой причины. И снова нет рецепта, нет ответов, что правильно, а что нет. И снова каждый вроде бы решает сам за себя, или просто плывет по течению жизни и она решает за него. Вся жизнь, все эти миллиарды людей на самом деле миллиарды миров и вселенных, и у каждого свой выбор, подчас случайный, стихийный, по воле момента. И в то же время часто именно такой выбор оказывается вернее любого выверенного решения, взвешенного и обдуманного со всех сторон. И можно долго думать над тем, какие результаты приносят те или иные действия, свои или чужие, искать связь там, где она действительно есть, и там, где ее нет и в помине, можно обрести понимание текущего момента, можно ухватить за хвост мудрость, которая в следующую секунду вывернется и убежит, как маленькая песчаная ящерица, можно сойти с ума, как сходят с ума те, что пытаются всерьез представить бесконечность самой Вселенной. Кто-то называет счастьем свою самую большую мечту, кто-то теряет вкус к жизни, едва исполнив ее. Кто-то называет счастьем «просто жить» и «чтобы все было в порядке», но и «просто жить» все понимают по-разному) Для тех людей, кто знает, как на самом деле хрупка жизнь, для тех, кто не понаслышке знает, что такое смерть, для тех, кому этой жизни остались считанные дни или часы, «просто жить» — необыкновенное сокровище. А мы, обычные люди, имея его, все равно забываем о том, как просто жить на самом деле.

Забываем, в чем радость и в чем смысл, и ищем новые и новые поводы, разочаровываясь и пресыщаясь. В конце концов, понимаем, что пьянящее ощущение счастья мало от чего зависит, и начинаем просто его ждать, но чем больше ждем, тем дольше оно не приходит. Как часто бездарно разбазариваем часы, дни, недели, месяцы, годы. Но даже на какую-то секунду осознав, как нужно жить, часто скатываемся в привычку, оправдываясь обстоятельствами, временем, да, в общем-то, чем угодно. На самом деле я, кажется, понял. Нужно постоянно пытаться, никогда не опускать рук. Пробовать новое, переосмысливать старое, ценить то, что имеешь, желать развития, ничего не бояться и одновременно бояться потерять, не стесняться чувствовать, не бояться собственного равнодушия. Все в противоположностях. Нельзя прислушаться к мнению каждого, но и нельзя на всех наплевать. Нельзя позволять раздавить себя, но и по головам ходить нельзя. Четко понимать, что тебя держит на этой земле. Ради чего действительно стоит жить. И если смысл потерян, искать новый. И никогда не сдаваться. Мои дети научили меня многому. Хотя они сами это скоро забудут, к сожалению, и когда я буду пытаться это им объяснить, они будут называть это стариковским бурчанием. На самом деле, между взрослыми и детьми нет разницы, их разделяет только опыт, умение пользоваться правилами для достижения целей. А чтобы быть счастливым нужно всегда оставаться ребенком: верить в хорошее, не бояться нового, вставать с колен и быстро прекращать плакать и ныть, потому что «стыдно такому большому», но если уж всерьез расстроился — давать волю чувствам, не копить в себе. Взрослый может решить, как это лучше сделать. Но это обязательно нужно сделать, иначе раздражение, гнев, недовольство выльются в самый неподходящий момент на человека, который не должен был это получить.

Важно уметь удивляться новому, размышлять над давно известными вещами и явлениями, с другой стороны — пробовать новое, не бояться ошибок. Радоваться малому. Радоваться самым большим на свете пустякам, и непонятно, почему их называют пустяками: засидеться с семьей допоздна на кухне, обсуждая что-то, нарисовать что-то вместе с детьми, вслепую пытаться угадать сорт мороженого, перемазаться всем вместе, так, чтобы были липкие руки, а потом бегать друг за другом, играя в жмурки с криками, визгами и жалобами, прыгать на батуте, смеяться и шутить, так, чтобы всем было все понятно. Читать сказки, перевирая слова от усталости, радоваться даже тому, что укачиваешь упрямого непоседу, который всего через несколько минут будет спать, как ангел. Надо учиться радоваться практически всему, потому что жизнь прекрасна именно такими моментами. Переходом из одного состояния в другое. Никогда не будет таблички «радоваться здесь». Нужно самому решить, решить для себя. И тем самым сделать счастливым не только себя, но и тех, кто тебя любит.

Я снова посмотрел на Софию, прислушался к ее ровному дыханию и вдруг сам ощутил удивительный покой, сон навалился и поглотил меня, как большая, теплая морская волна.

Нам предстоял долгий перелет. Обычно я стараюсь философски относиться к перелетам через океан: неизбежно долго, неизбежно скучно, неизбежно в принципе. Мы с Софией старались скрасить ожидание, смотрели видео и фотографии, но чем больше я смотрел на лица своих детей, тем сильнее понимал, как же я скучаю по ним. Вот я не видел этих фотографий и просто скучал, скучал неопределенно. В голове только размытые образы, дети, дом, обычные дела. Хочется скорее домой, сильно, но не до ужаса, все-таки всего на неделю уезжали. И тут фотографии! Думали, станет легче, а стало еще тяжелее.

Смотришь на их улыбки, на ручки, перемазанные в красках, на то, как Мими задувает свечи на торте, на то, как Ленни в первый раз надел ролики, и в голове оживают образы: вот я уже вижу, как они улыбаются, вспоминаю, что было дальше, и картинку, прикрепленную на дверь многострадального холодильника, и вкус апельсинового торта для Мими, и то, как Ленни ловко катился вперед, а потом вдруг оступился при виде трещины на асфальте, но тут же собрался и покатился дальше. И чем больше мне хотелось скорее оказаться рядом с детьми, тем медленнее, как мне тогда казалось, летел самолет. А я, по старой привычке, скрестил пальцы и стал мысленно представлять, как он уже садится в аэропорту. Но мы все еще летели. Стюардессы курсировали по салону, пассажиры разминались в проходе, София приняла самое верное решение по ускорению времени и задремала у меня на плече. Часы перелета тянулись невыносимо долго, и никакие мысли мне не помогли. Я скользил взглядом по спинкам сидений впереди, в третий раз перелистывал журнал, шуриша мелованными страницами и разглядывая какую-то статью о тосканских винах. Снова изучил инструкцию к спасательному жилету. Старался ни о чем не думать, глядя на кнопку вызова стюардессы и кондиционер. Разминал затекшие ноги, смотрел в окно, где все равно на такой большой высоте ничего интересного. Я проделал все возможные, все известные мне комбинации борьбы со скукой, но прошло всего два часа. Еще чертовски долго лететь. Жалко, при входе желающим не делают инъекции снотворного, как космонавтам в фантастических фильмах. И снова люди разминаются в проходе, стоят в очереди в туалет, просят воды, читают инструкции к спасательным жилетам, смотрят фильмы или спят. Но все же это намного быстрее, чем когда-то. Ужасно представить, Колумбу на подобное путешествие потребовалось несколько месяцев, и

было далеко не так комфортно. Я прикрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Образы хаотично закружили в голове, и я наконец-то провалился в сон.

Когда я проснулся, время не просто потекло быстрее, побежало. Вот объявляют о посадке, пассажиры хлопают, через некоторое время встают со своих мест, достают сверху сумки, одеваются, обсуждают погоду. Мы с Софией торопимся к выходу. Стучат колеса чемоданчиков, кто-то идет слишком медленно, кто-то, наоборот, старается скорее всех обогнать. Блеск стеклянных автоматических дверей, суэта, очередь за багажом, кофе наспех, ловим такси и едем, едем, едем. София улыбается и треплет меня за рукав:

— Скоро, уже скоро! Смотри, тут уже почти лето!

Приближаемся к дому, сердце сжимается в приятном ожидании. Заходим в старый родительский дом. Дети оставались с отцом на время нашего путешествия. Едва звонит колокольчик, и начинаются смех, объятия, радость. Малышка Мими обвила мою шею руками:

— Папочка, я так скучала!

Дети, вдоволь наобнимавшись, полезли досматривать чемодан, как заправские таможенники.

— Подарки? Игрушки? Куда все спрятали? — спрашивали строго Кристи и Мими.

— Их не может не быть, у нас был надежный наводчик! — смеялась Кристи.

— Даю вам честное слово, у нас нет таких запрещенных товаров, — говорила София, подыгрывая детям.

— Как это нет? — Ленни на секунду вышел из игры, поверив, что в чемодане действительно ничего нет.

— Как это нет? — переспросила Кристи, надувая губки.

— Хитрюшки! — улыбалась София, раскрывая боковой отдел.

А я смотрел на них и думал, как же я люблю возвращаться домой! Подошел отец, похлопал меня по плечу:

— Алекс, сынок, я уже собрал детские вещи, они готовы возвращаться домой, но я был бы рад, если бы вы еще побыли.

— Конечно, папа, — говорю я, улыбаясь ему.

— В саду просто чудесно! Я попрошу Розу накрыть на стол там, вы же проголодались с дороги?

— О, да! — отозвалась София.

Я сижу за столом, напротив Софии, подставляю лицо теплomu вечернему солнцу, сладкому, как свежий апельсин, который задорно брызжет соком, когда снимаешь с него шкурку. Вечернее солнце преображает сад, каждую его линию. Появляются первые тени. Кремовые лепестки ранних роз просвечивают на свету, как тонкокостный фарфор. В остывающем, сладковатом воздухе смешиваются запахи влажной земли, свежей молодой листвы, еще липкой и блестящей, первых весенних цветов. Дети бегают по лужайке, смеясь и громко крича. Отец подрезает розовый куст у окна своего кабинета. София помешивает чай и чуть звенит ложечкой. Она накинула на плечи кашемировую кофту, потому что в белом летнем сарафане стало прохладно. Вдруг к ней подбегает Мими и что-то шепчет на ухо. София откинула голову и заразительно и звонко засмеялась, закатное солнце заиграло в ее волосах, как в тот самый день, когда я впервые увидел ее у фонтана. Мимо пролетел майский жук. Я прикрыл глаза, чтобы получше запомнить этот момент. Счастья и любви не надо ждать, не надо искать, не надо пытаться осознать. Часто, когда пытаешься сформулировать «как это работает», магия исчезает. Не нужно пытаться объяснить или найти средство, нужно уметь просто жить и любить, жить и наслаждаться.»

ПРЯТКИ

© Эдуард Захрабеков, г. Санкт-Петербург, 2012 г.

Иллюстратор: Мария Козлова

www.zezlibra.ru